

Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана

МОСКВА
«НАУКА»
2000

УДК 391/395
ББК 63.5(2)
К 75

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-01-16099д*

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Г.П. Васильева*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Д.Е. Еремеев*,
доктор исторических наук *В.П. Кобычев*

Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 2000. – 206 с., ил.
ISBN 5-02-008702-5

Каждый народ имеет свои, только ему присущие национальные особенности. Это отражается в искусстве, архитектуре, планировке домов и усадеб, одежде, украшениях и т.д. О своеобразии различных видов переносного и сезонного жилища народов Средней Азии и Казахстана, устройстве и конструктивных особенностях, способах установки и связанных с ними верованиях и обрядах рассказывается в настоящей книге. Исследование является продолжением темы о жилище этого региона (первый сборник посвящен стационарным постройкам, вышел в 1982 г.).

Для этнографов, археологов, архитекторов и всех, кто интересуется древними культурными традициями.

ТП-2000-I-№ 28
ISBN 5-02-008702-5

© Издательство “Наука”, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга обобщает многолетние исследования ученых-этнографов, посвященные жилищу народов среднеазиатско-казахстанского региона.

В ней рассматривается переносное жилище кочевников, полукочевников и полуседлого населения (Б. Алымбаева, Г.П. Васильева, Б.Х. Кармышева, М.С. Муканов), дана характеристика переходных форм жилища казахов на пути к оседлости (О.Б. Наумова), показаны сезонные жилища сельского оседлого населения, сооружаемые в городах и садах за пределами селений (У. Джахонов), описаны также верования и обряды, связанные с переносным жилищем (Х. Есбергенов, А. Оразов и Д. Чарыев, А. Толеубаев).

Авторский коллектив сборника представлен сотрудниками Института этнологии и антропологии и научных учреждений среднеазиатских государств и Казахстана. В основу подавляющего большинства статей, посвященных характеристике форм переносного жилища у разных народов региона, положен полевой материал из районов Средней Азии и Казахстана.

В то время как народное жилище оседлого населения изучено довольно обстоятельно, выделены локальные архитектурные школы узбекского городского жилища и частично типология его у населения других государств¹, работа над типологией переносного жилища только начинается.

Известно, что жилище тесно связано с образом жизни его обитателей и является одним из важных элементов при определении хозяйственно-культурных типов. На территории изучаемого региона исследователями выделяются три главных хозяйственно-культурных типа, взаимосвязанные между собой². Вместе с тем территория Средней Азии и Казахстана составляет одну крупную среднеазиатско-казахстанскую историко-этнографическую область. Одним из показателей этой общности и является широкое бытование переносного разборного жилища – юрты, характерного в прошлом как для кочевников и полукочевников, так и для полуседлого населения почти всей территории Средней Азии и Казахстана. Юрта сохранилась у значительной части населения и в настоящее время в качестве летнего и сезонного жилища.

Устойчивое сохранение такого вида жилища на протяжении многих веков на обширных степных, предгорных и горных территориях Средней Азии и Казахстана и незначительные конструктивные различия его у разных народов региона ставят перед исследователями целый ряд вопросов, ответов на которые пока не может быть получено из-за отсутствия данных. По жилищу оседлого населения важный материал представляет археология, данные которой позволяют установить архитек-

турную преемственность и сменяемость типов на определенной территории, что при дальнейшем накоплении новых сведений открывает большие возможности в разрешении многих общих вопросов³. В решении же вопроса о генезисе юрты и путях развития ее форм в силу специфики ее бытования и характера конструктивного материала археологические данные не играют такой большой роли. Здесь необходимо прежде всего систематическое накопление полевых сведений и дальнейшее изучение письменных, фольклорных и иллюстративных источников.

Специальных исследований о юрте немного. В дореволюционной литературе общее, обычно весьма краткое, описание ее встречается довольно часто, но по нему можно составить лишь очень приблизительное представление о деталях конструкции этого вида жилища. Так, например, А.В. Каульбарс характеризует юрты каракалпакских и казахов низовий Амударьи следующим образом: "Отличить каракалпакскую кибитку от казахской можно издали: у первых – осто́в крыши, кроме верхнего кружка... состоит из прямых палок, согнутых только на одном конце для удобства прикрепления, и потому крыша каракалпакской кибитки имеет вид конуса, между тем как те же палки у казахов согнуты дугообразно, по всей длине, отчего крыша получает сферический вид". Далее следует ссылка, что "в Семиреченской области то же отличие существует между кибитками казахов и кыргызов (горцев), с одной стороны, и калмыков – с другой"⁴. Надо заметить, что А.В. Каульбарс подчеркивает отличие каракалпакских и казахских юрт также и во внешнем оформлении.

Исключением из таких общих описаний является работа П. Маковецкого, где впервые дается детальная характеристика казахской юрты: конструкция, размеры и порядок установки, способы изготовления деревянного каркаса, камышовых и войлочных покрытий. Он рассматривает также виды казахских юрт в зависимости от назначения и величины⁵. В работах этнографов характеристике переносного жилища посвящены обычно разделы в монографиях или статьях, причем далеко не во всех этих публикациях можно найти материал, необходимый для полной характеристики юрты.

Особое место среди статей авторов, писавших не только до революции, но и в послереволюционные годы, занимает работа Н.Н. Харузина, где наряду с другими вопросами имеется первое и, пожалуй, единственное дошедшее до наших дней сравнительное исследование юрты разных народов, сделанное по материалам собственных наблюдений автора и известным в то время литературным данным. Н.Н. Харузин прослеживает постепенный путь развития юрты у разных тюркоязычных и монголоязычных народов и предлагает свою гипотезу происхождения юрты – от конического шалаша (чума), который он считал простейшим видом жилища такого рода в лесной зоне, до решетчатой юрты степняков и передвижных юрт на колесах. Он рассматривает также типы постоянных жилищ, "воспроизводящих форму решетчатой юрты", характерные для перехода "к полuosедлости в лесной и степной областях". Ему же принадлежит деление всех юрт кочевых и полукочевых народов на два типа: монгольский и тюркский, – различающиеся по форме купола. Это различие основывается на том, что жерди монгольских юрт прямые, а тюркских – выгнутые. Отсюда Н.Н. Харузин делает вывод: монгольский тип – более древний⁶.

Другая работа теоретического характера, рассматривающая генезис и историю развития юрты, принадлежит видному российскому этнографу С.И. Вайнштейну, который справедливо полагает, что "вопрос о генезисе юрты представляет не толь-

ко самостоятельный интерес, но и тесно связан с общей проблемой истории культуры кочевников". В отличие от Н.Н. Харузина прототипом юрты С.И. Вайнштейн считает куполообразный шалаш, сплетенный из гибких ивовых прутьев с высокой шейкой-дымоходом в центре, — так называемый "шалаш хуннского типа", а изобретение юрты и ее распространение, по его мнению, относится к середине I тыс. н.э. и принадлежит древним тюркам. Уже в это время, считает он, юрта бытовала у кочевников степей от Восточной Азии до Восточной Европы и на юге — до границы "Великого пояса степей". С тюрками новый тип жилища проник и в Китай⁷.

Е.Е. Кузьмина и В.А. Лившиц высказывают мнение, что прототипом юрты должен считаться скифский шатер, ибо он, как и юрта, — двухчастное жилище, имеющее стены, состоящие из вертикальных жердей и усеченно-конического (или пирамидального) перекрытия, опирающегося на верхнюю обвязку стен. "Конструкция (скифского шатра. — *Авт.*), эволюционизировавшая в южнорусских степях с эпохи энеолита, в раннежелезном веке вместе со скифской триадой, вероятно, достигла Центральной Азии и была усвоена местными тюркоязычными племенами". И далее: "... возможно, не только тюркоязычные, но и ираноязычные народы участвовали в создании типа юрты"⁸.

Подобного рода мнение о времени появления юрты и языковой принадлежности ее создателей высказал В.Н. Башилов в своем докладе "К истории юрты", прочитанном на Международной конференции "Культура кочевников на рубеже веков" (XIX–XX, XX–XXI вв.) в Алма-Ате летом 1995 г. Автор предположил, основываясь на мнении специалистов, что наиболее раннее изображение юрты могло быть среди петроглифов Боярской писаницы (Тагарская культура, VIII–II вв. до н.э.)⁹. Эта точка зрения, если она получит дальнейшее подкрепление, значительно удревит время происхождения юртообразного жилища и позволит отнести к числу изобретателей его также ираноязычные народы.

Но вернемся к изложению положений С.И. Вайнштейна. Он считает, что монголы пользовались юртой древнетюркского типа до XVI в., когда закончилась эволюция формы монгольской юрты. Однако материал, появившийся в последнее время, а также работа в соавторстве с М.В. Крюковым и, вероятно, под его влиянием, несколько изменили представление С.И. Вайнштейна о генезисе юрты, и это позволило ему констатировать, что «юрта VI в. по форме конструкции купола была близка к современной "монгольской" (подчеркнуто нами. — *Авт.*) с характерными для нее прямыми уками (купольными жердями) и коническим, а не сферическим куполом. Она характеризовалась отсутствием в дымовом круге перекрещивающихся планок, которые возникли лишь в VII в.»¹⁰

Вопрос выяснения истории развития форм юрты затрагивался отчасти в работах Б.Х. Кармышевой о переносном жилище узбеков-карлуков, Э.Г. Гафферберг — о юрте хазарейцев и датского ученого К. Фердинанда¹¹. Как видим, эта важная проблема еще далека от своего разрешения и требует дальнейших исследований. Продолжением такого рода изысканий является открывающая сборник статья М.В. Крюкова и В.П. Курылева по ранней истории юрты (вторая половина I тыс. н.э.), представляющая несомненный интерес для читателя. Она основана на китайских письменных источниках того времени и археологических находках — терракотовых фигурках, изображающих верблюдов с навьюченными на них деревянными деталями юрты, — из японского Музея Тэнри. Имея точную датировку терракотовых фигурок (они относятся к V–VI вв. н.э.) и анализируя данные китайских письменных источников, авторы статьи поддерживают вывод С.И. Вайнштейна: решет-

чатая юрта возникла в I тыс. н.э. в древнетюркской среде, однако они не согласны с ним относительно эволюции формы купола юрты*.

Как известно, работа над историко-этнографическими атласами невозможна без выработки типологии. Создание типологии переносного жилища в известной мере облегчается теоретическими разработками советских ученых элементов традиционной культуры¹². Однако, как указывалось выше, изучение типов переносного жилища народов Средней Азии и Казахстана еще только начинается.

Одна из первых попыток – выделения типов юрт по их конструктивным особенностям – сделана в статье Г.П. Васильевой, публикуемой в данном сборнике¹³.

Используя в качестве источника труды дореволюционных и главным образом советских авторов, а также свои собственные полевые материалы по изучению туркменского жилища, автор рассматривает юрту тюркского типа, повсеместно распространенную в исследуемом регионе. Г.П. Васильева прослеживает общее и различия в отдельных конструктивных частях (решетчатые стены, жерди купола и купольный круг, а также войлочные покровы) этого вида жилища на интересующей нас территории и приходит к выводу о наличии в тюркской юрте двух подтипов: один из них – с полусферическим верхом, второй – с конусообразным. Картографирование этих подтипов по двум периодам (вторая половина XIX – начало XX в.) выявляет динамику их развития¹⁴, а особенность в их территориальном распространении ставит целый ряд вопросов этногенетического и историко-культурного характера. Частичная замена прежнего подтипа новым у киргизов и туркмен в последнее столетие приводит к мысли о возможной сменяемости подтипов и на других территориях, у иных этнических групп, особенно в последний период их истории, после присоединения к России, упорядочения и развития торговых связей. Это подтверждает и материал статьи Б.Х. Кармышевой, характеризующий переносное жилище узбеков (еще слабо освещенного в литературе), главным образом юго-западных и южных районов Узбекистана и Таджикистана. Автор подробно рассматривает не только особенности юрты разных локальных и этнических групп на указанной территории, но и технику изготовления деревянных частей этого жилища. Б.Х. Кармышева обращает внимание читателя на два вопроса, недостаточно описанных в литературе: товарный характер производства остова юрт в Узбекистане в конце XIX в. и взаимодействие кочевой и оседлой культур, в результате чего, например, юрта использовалась частью оседлого земледельческого населения в качестве летнего сезонного жилища.

Вторая статья Г.П. Васильевой характеризует типы переносного жилища туркмен. Основное внимание в ней уделено характеристике решетчатой юрты, особенностям ее деревянного остова, войлочным покрытиям и тканым лентам, которые служат как для крепления, так и для украшения внешнего вида и интерьера. Автор отмечает бытование двух подтипов юрт у туркмен, соответствующих подтипам юрт других тюркских народов, приводит материал, свидетельствующий о факте смены одного подтипа юрты другим. В статье дается детальное описание еще двух переносных, более упрощенных по сравнению с решетчатой юртой типов жилища – *орахи* и *чатма*, бытующих у ряда полuosедлых групп населения.

В статьях М.С. Муканова и Б. Алымбаевой дано описание особенностей казах-

* Позднее С.И. Вайнштейн также пришел к выводу о том, что по форме конструкции купола юрта VI в. была близка к монгольской. – *Примеч. ред.*

ской и киргизской юрт. М.С. Муканов рассматривает казахскую юрту с полусферическим куполом, распространенную среди большинства казахов, детально характеризует ее остои, войлочные покрытия и тканые ленты, используемые для крепления частей и украшений. Он подробно останавливается на функциональном распределении площади внутри юрты и ее убранстве. В статье наряду с описанием других видов переносного жилища, представляющих упрощенную модель юрты – *джалым уй, аблайча, кос* и т.д., дается характеристика еще одного типа юрты – *торгоут уй*. По мнению М.С. Муканова, этот тип юрты, встречавшийся в прошлом преимущественно у бедняков-казахов, не что иное, как калмыцкая юрта с прямыми купольными жердями, т.е. совершенно другой, монгольский тип юрты. Возможно, у бедняков и были, как отмечается в статье, юрты калмыцкие, однако М.С. Муканов не говорит о втором подтипе тюркской юрты – со срезанным коническим куполом, тем самым, по существу, отрицая ее бытование¹⁵.

С этим нельзя согласиться. Второй подтип тюркской юрты у казахов в Семиречье отмечен авторитетными исследователями: Ч.Ч. Валихановым, С.И. Руденко, В.В. Востровым и И.В. Захаровой. Он подтвержден и иллюстративным материалом (С.И. Руденко, Л.П. Потапов). Такую юрту подробно описывает Ч.Ч. Валиханов: “Есть еще род юрты, которая называется *калмак-юй* (калмыцкий дом). По значению названия уже видно, что этот дом перешел от калмыков-*торгоутов*. Этот *калмак-юй* или, иначе, *торгоут-юй* от кайсацкой (казахской. – Ред.) юрты отличается только тем, что *ууки* (купольные жерди) его длиннее и менее выгнуты, *чангарак* (купольный круг) в диаметре не более пяти четвертей и вообще эта юрта имеет более коническую форму”¹⁶.

В отличие от М. Муканова Б. Алымбаева исследует оба подтипа киргизских юрт, указывая районы распространения каждого подтипа. Она отмечает различие в конструктивных особенностях, приводит интересный материал о своеобразии внешнего и внутреннего декора войлочных покровов в разных районах: очень обстоятельно характеризуется ею производство деревянных частей юрты. Б. Алымбаева описывает юрты социальных групп в прошлом, отмечает их различия в размерах, покрытии, внутреннем убранстве, характеризует функциональное назначение юрт: гостевые, свадебные, хозяйственные и т.д. Интересен последний раздел статьи – о переносном жилище киргизов: о роли “красных юрт” в годы первых социалистических преобразований, о значении юрты в наши дни для скотоводов в отгонно-пастбищном животноводстве республики и об использовании ее в качестве удобного летнего жилища.

В статье О.Б. Наумовой освещается процесс развития стационарных форм жилища казахов северо-восточных районов республики в период их перехода к оседлости в конце XIX – начале XX в. Несмотря на то что вопрос о типах жилища казахов в этот период уже освещался в литературе¹⁷, работа О.Б. Наумовой дает новые интересные сведения о наименее изученных районах. Автор рассматривает различные типы оседлого жилища – от примитивных землянок и полуземлянок с покрытием из дерна или дерева (одна из наиболее древних видов постоянного жилища казахов – *тошала*, или *шошала* – круглая или квадратная в плане постройка с конусовидной крышей, сооружаемая из камня, камыша или дерева) до деревянных или саманных домов, аналогичных домам соседнего русского населения. Статистические таблицы, составленные на конец XIX – начало XX в. по материалам Переселенческого управления, удачно дополняют описание и свидетельствуют о распространенности того или иного типа жилища в различных уездах Акмолин-

ской и Семипалатинской областей. Карты наглядно иллюстрируют степень развития оседлых форм жилища на исследуемой территории.

У. Джахонов дает обстоятельную характеристику различных видов сезонного жилища у таджикского населения долины небольшой р. Сох, с юга примыкающей к Ферганскому оазису. Здесь таджикское население живет в окружении узбеков и киргизов, часто даже смешано с ними, поэтому выделенные У. Джахоновым виды сезонного жилища во многих случаях встречаются и у этих народов. Тем не менее статей с характеристикой такого рода построек или мест, специально отведенных для летнего пребывания оседлого сельского населения в садах или на горных склонах, пока еще не было¹⁸. В статье У. Джахонова рассматриваются как постоянные постройки типа пещерных жилищ, в которых можно жить и зимой, так и временные, переносные и непереносные, сооружаемые в каждом случае заново. Автор делает попытку выделения их типов.

Три последних статьи – А. Оразова в соавторстве с Д. Чарыевым, Х. Есбергенова и А. Толеубаева – представляют особый раздел сборника, посвященный верованиям и обрядам, связанным с юртой у кочевого и полукочевого населения.

В статье А. Оразова и Д. Чарыева описаны обряды, которые совершались при установке новой юрты и были связаны с перекочевкой на другое место, дана характеристика религиозным представлениям разных групп туркмен о святости очага и порога юрты, раскрыто ее значение в погребальном ритуале.

Статья Х. Есбергенова также посвящена характеристике верований и представлений населения о значимости, а иногда и святости отдельных элементов этого вида жилища. Автор пишет о ритуальных действиях перед началом работы по изготовлению деревянных частей юрты и о покровителе (*нир*) мастеров – *уйчи*, приводит интересные данные о культовом значении *бакана* (длинный шест для открывания и закрывания дымового отверстия) в жизни обитателей юрты и т.д.

Статью А. Толеубаева характеризуют широта обобщений и привлечение семиотических данных для осмысления представлений и верований, связанных с юртой. Юрта у казахов – это микрокосмос. Автор в подтверждение этого положения детально рассматривает отдельные части юрты как элементы микрокосмоса. Несмотря на то что некоторые положения его спорны, статья дает представление об элементах системы мировоззрения казахов кочевников в прошлом, о роли юрты в их духовной жизни.

Статьи настоящего издания позволяют провести анализ этнографического материала на широкой территории – от южных границ среднеазиатских республик до Южного Урала и Западной Сибири.

Сборник является определенным итогом работы этнографов над предполагавшемся очередным выпуском Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана – “Поселения и жилища народов Средней Азии и Казахстана”. Известно, что работа над Атласом – это в первую очередь систематизация собранного полевого и литературного этнографического материала и выработка типологии, в данном случае традиционного жилища народов исследуемого региона. Поскольку Атлас – труд историко-этнографический, то и жилище должно рассматриваться в своем развитии и изменении в различные периоды истории, во всяком случае с конца XIX в., а если позволяют материалы, то и с более раннего отрезка времени.

И еще одно: все полевые материалы для статей авторы сборника собирали в доперестроечный период, до распада СССР и образования отдельных среднеазиатских государств, поэтому в статьях и ссылках к ним даны обозначения селений,

колхозов и совхозов, а также административного деления республик соответственно тому времени. Лишь в некоторых случаях (чаще всего в подписях к рисункам) приведены современные административные деления на русском языке – “район” вместо “этрап” (туркм.), “туман” (узб.), “дубан” (кирг.) “область” и т.д. Например: “Лебапская обл.”, вместо “Лебапский велаят” (туркм.).

Иллюстрации к книге выполнены художниками: Г.В. Вороновой, М.Р. Габее, А.М. Жмулюкиным, М.Р. Семашкевич, М.М. Санниковым, в том числе цветные – В.И. Юрловым, фотографии Г.А. Аргиропуло, А.М. Жмулюкиным, С.Н. Ивановым, Н.С. Кармазиным, М.Б. Смирновым.

- ¹ Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 3.
- ² Народы мира. Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. 1. С. 32–34.
- ³ Жилище народов... С. 5.
- ⁴ Каульбарс А.В. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. // ЗИРГО. СПб., 1881. Т. IX. С. 555.
- ⁵ Маковецкий П. Юрта – летнее жилище киргизов // ЗЗСО. Омск, 1893. Вып. XV.
- ⁶ Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // ЭО. М., 1896. № 1/2. С. 24–25.
- ⁷ Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4. С. 43, 47, 57. Несомненно, типологическая схема развития юрты, предложенная Н.Н. Харузиным, имела один существенный недостаток, который отметил и С.И. Вайнштейн: она строилась в основном на современных формах жилища, хотя и учитывала развитие их из сохранившихся еще кое-где архаичных форм, но не давала полной истории их развития.
- ⁸ Кузьмина Е.Е., Лившиц В.А. Еще раз о происхождении юрты // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 250.
- ⁹ Басилов В.Н. К истории юрты // Тез. докл. Междуна. конф. “Культура кочевников на рубежах веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): Проблемы генезиса и трансформации. Алма-Ата, 1995. С. 52–53.
- ¹⁰ Вайнштейн С.И., Крюков М.В. К истории жилища тюрко-монгольских кочевников Центральной Азии // Всесоюз. сес. по итогам полевых этногр. и антропол. исследований 1984–1985 гг. Йошкар-Ола, 1986. С. 262.
- ¹¹ Гафферберг Э.Г. Хазарейская юрта “ханаи хырга”. (К вопросу об истории кочевых жилищ) // Сб. МАЭ. М.; Л., 1953. Т. XIV; Кармышева Б.Х. Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана // Изв. Отд. обществ. наук. 1956. № 10/11; Ferdinand K. Review Articles: Ethnographical Notes of Chahar aimag, Nazaga and Moghol // Acta Orientalia. 1964. Т. XXVIII.
- ¹² Чеснов Я.В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. В этой же книге см. и о других работах по рассматриваемой проблеме.
- ¹³ О выделении типов юрт у киргизов с учетом их конструктивных особенностей см.: Махова Е.И. Материальная культура киргизов как источник для изучения их этногенеза // ТКАЭЭ. Фрунзе, 1959. Т. III.
- ¹⁴ Чеснов Я.В. О принципах типологии... С. 196.
- ¹⁵ Эту же точку зрения он проводит в своей книге, изданной в 1981 г., богато иллюстрированной и посвященной описанию казахской юрты в колхозе им. XXII партсъезда Талды-Курганской обл. Казахстана, где дается аналогичное описание ее устройства. В конце работы делается вывод о том, что “юрта – изобретение тюрко-монгольских народов”, а “ираноязычные народы... не знали юрту вплоть до начала XVI в.” (с. 204). См.: Муканов М.С. Казахская юрта. Алма-Ата, 1981.
- ¹⁶ Валиханов Ч.Ч. Соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1964. Т. 3. С. 29.
- ¹⁷ Аргынбаев Х. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX века // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1959. Т. 6; Востров В.В. К истории развития оседлого жилища у казахов // Материалы к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.; Л., 1961; Востров В.В., Кауанова Х.А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. Алма-Ата, 1972. С. 98–128.
- ¹⁸ См. об этом: Воронина В.Л. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов... С. 53. Автор отмечает дифференциацию помещений городского дома на зимние и летние, справедливо указывая на их необходимость в условиях сухого жаркого климата с большим перепадом годовых температур. – Примеч. ред.

К ранней истории юрты

(по китайским источникам III в. до н.э. – XIII в. н.э.)

Стремясь систематизировать и осмыслить многочисленные сведения о соседних народах, китайские историки уже в древности пытались разработать систему понятий, которая могла бы быть использована для определения сходства и различия этих народов. В I в. н.э. Бань Гу, сопоставляя отдельные черты культуры иноземцев, устанавливал их “тождество” и “совпадение”¹. Более детально эти критерии были разработаны в труде историка V в. Фань Е: помимо “тождества” и “совпадения” у него фигурируют “различие” и “сходство”. Среди отдельных черт, позволяющих установить сходство или различие в условиях жизни и культуре тех или иных народов, Фань Е наряду с “землей и климатом”, “продуктами местного производства”, “утварью”, “одеждой”, “напитками и пищей” специально рассматривает и жилище². Эта традиция была воспринята и более поздними китайскими историкографами.

Используя данные китайских источников для реконструкции отдельных сторон культуры евразийских кочевников, необходимо иметь в виду одно обстоятельство. Зачастую интересующие нас упоминания содержатся в источниках, описывающих события, происшедшие при жизни автора, и поэтому соответствующее явление может быть точно и надежно датировано. Но нередко повествование о том или ином историческом факте составлялось много позже, иногда даже через несколько столетий. Это было связано с тем, что официальные династийные истории, как правило, составлялись уже после падения соответствующей династии. В этом случае у нас не может быть полной уверенности в том, отражает ли данное упоминание реальность описываемой эпохи, либо же перед нами перенесение историком в прошлое своих собственных наблюдений или представлений³. Эта особенность касается не только письменных памятников, но и произведений изобразительного искусства. Например, на картине XII в., посвященной пребыванию Цай Вэньцзи среди сюнну, художник намеревался представить сцены кочевого быта этого народа, однако фактически данная картина совершенно не отражает особенностей материальной культуры кочевников II в.: запечатленные на ней бытовые детали характерны для киданей и могут быть, таким образом, источником для реконструкции кочевого жилища начала II тыс. н.э.⁴

Описывая специфические формы жилища, в разное время существовавшие у кочевников Евразии, китайские историки использовали несколько различных терминов.

Первый из них – *цюнлу*. Он может быть переведен как “куполообразная хижина”; при этом не исключено, что соответствующие китайские иероглифы были по-

добраны таким образом, чтобы передать особенность внешнего вида этого типа жилища, хотя сам термин представлял собой транслитерацию какого-то некитайского слова. Основанием для такого предположения служит тот факт, что этот термин иногда записывался и иными знаками, имеющими то же или близкое произношение – *цюнлу* или *цюнлюй*.

Наиболее ранние упоминания этого термина встречаются в источнике II в. до н.э. – “Хуайнаньцзы”. Вопреки конфуцианской теории культурной неполноценности “варваров”, автор этого трактата утверждает, что различия в хозяйственном укладе и особенностях быта у разных народов определяют применение ими различных по своему внешнему виду и способу употребления предметов обихода. Поэтому и *цюнлу* вполне соответствует своему назначению⁵.

Цюнлу как типично кочевническое жилище упоминается Сыма Цянем в связи с описанием культуры и быта сюнну⁶. Тот же текст был включен Бань Гу в главу о сюнну в “Ханьшу”⁷. В связи с сюнну термин *цюнлу* употреблен автором в другом разделе его книги – в биографии Су У, который отправился в сюнну в качестве посла, остался у них и впоследствии получил от их правителя в подарок *цюнлу*⁸.

Согласно сведениям, сообщаемым Бань Гу, *цюнлу* было распространено в то время и у кочевников усуней. В самом конце II в. до н.э. ханьский император послал некую Сицзюнь в жены правителю усуней. Престарелый властитель не знал китайского языка, и это очень удручало новобрачную. В стихотворении, сочиненном вдали от отчего дома, Сицзюнь горько жалуется на свою судьбу и сетует на то, что ей приходится есть мясо и пить кумыс. Неуютным казалось ей и *цюнлу*, в котором она жила⁹.

В “Хоуханьшу” Фань Е утверждает, что *цюнлу* служило жилищем ухуаней¹⁰, а в “Ляншу” то же самое сказано о жужанях¹¹.

Широко применялся термин *цюнлу* для характеристики кочевого жилища различных народов Западного края в тюркское время. Среди китайских рукописей, обнаруженных П. Пелье в Дуньхуане, есть списки стихотворных произведений неизвестного поэта VIII в. Когда в 781 г. Дуньхуан был захвачен тибетцами, он попал в плен, а затем ему пришлось проделать вынужденное путешествие в Цинхай. Свои впечатления от виденного и слышанного он изложил в стихах. В них автор неоднократно упоминает о *цюнлу*, в которых ему приходилось жить. Однажды ему пришлось “много дней подряд пролежать в *цюнлу* больному”¹².

В “Синь таншу” утверждается, что *цюнлу* было жилищем, характерным для древних тюрков. Показательно, что тюркский каган Цзели, потерпев поражение и, оказавшись в столице империи Тан, жил не в отведенном ему доме, а в *цюнлу*, поставленном во дворе. Каган постоянно ночевал там¹³.

Первый период правления династии Тан был временем, когда в китайском обществе распространилась мода на все тюркское. Одним из ярких сторонников тюркского образа жизни был сын императора Тайцзуна – Ли Чэнцян. Он выбрал из своего окружения несколько человек, лицом походивших на тюрков, и велел им заплести косы и одеться в бараньи тулупы. Жил Ли Чэнцян в *цюнлу*, возведенном во дворе своего дома¹⁴.

Термин *цюнлу* используется в китайских источниках и для обозначения традиционного монгольского жилища. Китайские послы Пэн Дая и Сюй Тин, побывавшие в ставке монгольского хана в 30-е годы VIII в. и познакомившиеся с бытом монголов, обнаружили, что “жилищем им служит *цюнлу*”¹⁵.

Однако Пэн Дая и Сюй Тин пользуются для обозначения того же типа жилища и другим термином – *чжаньчжан*. В буквальном переводе это означает “войлочный шатер”. При этом указанные авторы прямо отождествляют *чжаньчжан* и *цюнлу*¹⁶. Термином *чжаньчжан* пользуется при описании традиционного монгольского жилища и другой автор VIII в. – Чанчунь¹⁷.

Утверждение, что термины *цюнлу* и *чжаньчжан* являются синонимами, впервые встречается в комментарии Мэн Кана к “Ханьшу”. Мэн Кан, ученый III в. н.э., пишет: “*Цюнлу* – это *чжаньчжан*”¹⁸. И хотя в оригинальных источниках ханьского времени упоминаний о *чжаньчжан* нет, в более поздних сочинениях этот термин встречается неоднократно. Если “Ляншу”, как отмечалось выше, сообщает об использовании жужанями *цюнлу*, то автор “Наньцзишу” пишет о том же народе так: “Живут в *цюнлу-чжаньчжан*”¹⁹. Упоминания о *чжаньчжан* встречаются в стихотворениях знаменитого поэта VIII в. Бо Цзюйи. Он с восхищением писал о *чжаньчжан*²⁰, а одно из его произведений специально посвящено описанию достоинств этого прекрасного жилища, перекочевавшего, по его словам, в Китай с севера²¹. Из сочинения старшего современника Бо Цзюйи – ученого Фэн Яня мы узнаем, что в начале эпохи Тан среди китайцев получил распространение обычай ставить во время свадебных торжеств около дома *чжаньчжан*, хотя впоследствии это было запрещено императорским рескриптом²².

Наконец, встречается в китайских источниках и третий термин для обозначения кочевнического жилища – *байцзычжан*. Согласно сообщению “Вэйшу”, предводитель жужаней Анахуань получил однажды 18 *байцзычжан* в подарок от вэйского Мин-ди²³. В “Наньши” при описании обычаев в государстве Танчан упоминается о том, что там “наряду с домами встречаются и *байцзычжан*”, т.е. *цюнлу*²⁴, а в “Сунши” – термин *байцзы чжаньчжан*²⁵.

Таким образом, создается впечатление, что все три приведенных термина служат в китайских источниках для наименования одного и того же типа жилища. На это, казалось бы, прямо указывает и автор сунского времени Цай Тяо: “[такое жилище] в древности называлось *байцзынчжан*, или северное *цюнлу*. Ныне же в просторечии называется *жаньчжан*”²⁶.

Некоторые исследователи, так или иначе касающиеся истории кочевнического жилища, высказывали мнение, что под *цюнлу* в китайских источниках следует понимать юрту и что, следовательно, это высокоразвитая форма кочевого жилища была известна обитателям евразийских степей уже в последних веках до нашей эры. Так, Утида Гинфу, комментируя сообщение Сым Цяна об использовании *цюнлу* племенами сюнну, пишет: “*Цюнлу* – то же самое, что монгольская юрта”²⁷. Аналогичного мнения придерживается и советский исследователь В.С. Таскин, полагающий, что “сюннская юрта, по-видимому, мало отличалась от более известной монгольской юрты XIII в. Во всяком случае, основные детали конструкции... остались без изменения”²⁸.

Что же известно о конструкции жилища кочевников, обозначаемого в китайских источниках терминами *цюнлу*, *чжаньчжан*, *байцзычжан*?

Сведения о конструкции *цюнлу* III в. до н.э. – III в. н.э. крайне немногочисленны и весьма неопределенны. Они фактически сводятся к следующему.

Во-первых, иероглифическая этимология этого слова указывает на то, что жилище этого типа имело округлую сводчатую крышу. Комментатор Янь Шигу писал по этому поводу: “*Цюнлу* – это *чжаньчжан*. Форма ее подобна небесному своду (*цюнлун*), отсюда и название *цюнлу*”²⁹.

Во-вторых, это жилище крылось войлоком. В стихотворении Сицзюнь утверждается, что *цунлу* служит домом, а войлок – стенами³⁰.

В-третьих, каркас сооружался из ивовых ветвей. Поэтому в трактате “Яньте-лунь” говорится о сюнну, что им “сплетенная ива служит домом, а войлочная циновка является крышей”³¹.

Именно эти детали конструкции и имеет в виду В.С. Таскин, когда проводит аналогию между *цунлу* у сюнну и монгольской юртой XIII в., о которой Плано Карпини писал: “Ставки (т.е. юрты. – *Авт.*) у них (монголов. – *Авт.*) круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок... Стены же и крыши покрыты войлоком, двери тоже из войлока”³².

Однако описание монгольской юрты, оставленное Плано Карпини, неполно. В нем отсутствуют некоторые моменты, чрезвычайно важные для характеристики такого специфического типа жилья, каким является юрта. Гораздо больше информации в этом отношении содержится в работе Сюй Тина о монгольской юрте. Он излагает особенности двух видов жилищ, распространенных в то время у монголов. Приведем сначала описание второго вида жилищ: “Круглые стены сплетаются из ивовых прутьев и закрепляются волосяными веревками. Они не сворачиваются и не разворачиваются. Перевозятся на повозках”³³.

В отличие от хижин, которые устанавливались на повозках (о них пишет и Чанчунь³⁴), в районе Яньцизна, по свидетельству Сюй Тина, монголы жили в *цунлу* (*чжаньчжан*), “каркас которых из ивовых прутьев совершенно похож на дно бамбукового сита на юге [Китая]; он сворачивается и разворачивается. Дверь выходит вперед. Верх похож на каркас зонта. На самой верхушке каркаса продельвается отверстие, которое называется верхним окном. Весь [каркас] покрывается войлоком. [Его] можно перевозить на лошадях вьюком”³⁵.

Таким образом, в описании монгольского жилища, распространенного в XIII в. в районе Яньцизна, присутствуют все существенные характеристики юрты – круглого куполообразного жилища, крытого войлоком и имеющего разборный деревянный каркас, позволяющий легко транспортировать его вьюком. Как справедливо указывает С.И. Вайнштейн, именно разборное кочевое жилище следует считать юртой в собственном смысле слова. Поэтому предположение, что юрта была известна евразийским кочевникам уже в конце I тыс. до н.э., будет основательным только в том случае, если удастся доказать использование ими разборных жилищ. Отсутствие в источниках таких свидетельств послужило и для С.И. Вайнштейна основанием для выделения особого примитивного вида кочевого жилища, который он назвал “шалашом сюннуского типа”. Появление же настоящей юрты этот исследователь отнес к середине I тыс. н.э. и связал его с тюркской средой.

Когда С.И. Вайнштейн впервые сформулировал эту точку зрения, она была не более чем гипотезой, не подкрепленной фактическими данными. В самом деле, автор ссылаясь на изображение сводчатого жилища, сохранившегося на лаковой чашечке середины VIII в. из Сёсоин, а также на немецкий перевод стихотворения Бо Цзюйи, в котором при описании *чжаньчжан* упоминается, как полагал автор, “поэтический образ решетки”³⁶. Однако ни в том, ни в другом случае нет непосредственных указаний на то, что это куполообразное жилище было разборным, т.е. представляло собой юрту.

Между тем в нашем распоряжении есть свидетельство, проливающее свет на особенности конструкции жилища этого типа. Речь идет об отрывке из сочинения автора середины XII в. Чэн Дачана. Приведем его целиком:

«В эпоху Тан на свадьбах обычно устанавливали *байцзычжан* (буквально: “шатер ста сыновей”. – *Авт.*). Людей привлекало его название, соответствующее смыслу брачного союза, хотя оно не имело ничего общего с многочисленным потомством. В своем первоначальном виде *байцзычжан* был связан с северными варварами, он имел внешний вид *цюнлу* или *фолу* (шатер, использовавшийся древними тибетцами. – *Авт.*), но был меньших размеров. Сгибая ветви ивы, делали изогнутые решетки, соединявшиеся вместе. Их можно было раздвигать и сдвигать. Таких решеток было много, и поэтому называли такое жилище “шатром из ста частей”, хотя в действительности решеток было, конечно, менее сотни. Когда они раздвинуты, шатер отчасти похож на современные беседки с выступающим верхом. Он со всех сторон и сверху донизу покрывался голубым войлоком. Его легко можно было перевозить и устанавливать»³⁷.

Этот текст может служить своеобразным комментарием к уже упоминавшемуся стихотворению Бо Цзюйи о голубой юрте.

Отечественный историк Л.Н. Гумилев предложил вариант перевода данного стихотворения, основанный на подстрочном тексте Лю Маоцзая:

Шерсть собрали с тысячи овец,
Сотни две сковали мне колец,
Круглый остов из прибрежных ив
Прочен, свеж, удобен и красив,
В северной прозрачной синеве
Воин юрту ставил на траве,
А теперь, как голубая мгла,
Вместе с ним она на юг пришла.
Юрту вихрь не может покачнуть,
От дождя ее твердеет грудь.
Нет в ней ни застенок, ни углов,
Но внутри уютно и тепло...³⁸

С.И. Вайнштейн, отдавая должное художественным достоинствам этого перевода, указал на содержащиеся в нем существенные фактические неточности. Так, неверна строка: “Сотни две сковали мне колец”, так как в действительности, полагает С.И. Вайнштейн, у Бо Цзюйи сказано: “Сотни колец соединены”. Кроме того, в оригинале упоминается о том, что юрта “имеет крышу с острием в середине”, однако у Гумилева эта строка опущена³⁹.

Если мы обратимся к тексту стихотворения Бо Цзюйи⁴⁰, то обнаружим, что предложенный Л.Н. Гумилевым перевод действительно далек от оригинала. Но и поправки С.И. Вайнштейна также требуют оговорок. Во-первых, у Бо Цзюйи речь идет о том, что его юрта “имеет свод, выступающий посередине”, а о крыше с острием в тексте стихотворения ничего не сказано. Во-вторых, в оригинале нет слов “сотен колец соединены”; там говорится: “...раздвинули изогнутые решетки, состоящие из ста частей” (словосочетание “изогнутая решетка” здесь записано иероглифами, несколько отличающимся от употребленного в тексте Чэн Дачана, однако контекст показывает, что в обоих случаях речь идет об одной и той же детали конструкции; и у Бо Цзюйи и Чэн Дачана используется также один и тот же глагол “раздвигать”). Нет сомнений в том, что голубая юрта, очаровавшая своими прелестями Бо Цзюйи, так же как и “шатер из ста частей” Чэн Дачана, представляла собой разборную юрту.

Когда же появилась такая юрта?

Для решения этого важного вопроса следует обратить внимание на слова Фэн Яня: “Конструкция войлочного шатра (*чжаньчжан*) восходит к *цюнлу* эпохи Се-

верных династий"⁴¹. В этом свидетельстве мы можем усмотреть косвенное указание на то, что в рассматриваемую эпоху (IV–VI вв.) *цонлу* по конструкции отличались от своих прототипов более раннего времени. Вспомним, что именно в IV–VI вв. относится появление термина *байцзычжан* ("шатер из ста частей"), ранее в источниках не встречавшийся. Не является ли это само по себе свидетельством того, что в этот период на смену неразборным "шалашам суннуского типа" впервые приходит юрта, каркас которой состоял из большого числа соединявшихся между собой решеток?

Это предположение, возможно, будет выглядеть несколько более убедительным, если мы обратимся к некоторым археологическим материалам той же эпохи.

Во время пребывания в Японии летом 1979 г. авторы этих строк посетили Музей Тэнри, где имели возможность ознакомиться с коллекцией археологических предметов с территории Китая. Непосредственно перед этим авторы были заняты установкой в Японском национальном этнографическом музее в Осаке казахской юрты, полученной в порядке обмена от Института этнографии АН СССР. Вероятно, это обстоятельство сыграло решающую роль в том, что В.П. Курылев обратил внимание на экспонирующиеся в Музее Тэнри терракотовые фигурки верблюдов с выюком. После краткого обмена мнениями исследователи пришли к единодушному выводу: перед нами изображения верблюдов с нагруженными на них частями разборной юрты⁴².

Несмотря на стилистическое разнообразие, предметы, изображенные на фигурках верблюдов, имеют немало общего. Это, во-первых, тонкие и длинные, несколько изогнутые планки, плотно прилегающие друг к другу и прикрепленные с обеих сторон к горбам верблюдов; можно предположить, что это отделенные друг от друга и сложенные решетки каркаса. Во-вторых, на многих экземплярах терракотовых фигурок отчетливо заметны как бы большие куски толстого и плотного материала, скатанного в виде валика и перекинутого через спину выючного животного, – войлочные покрывки юрты.

Предположение, что терракотовые статуэтки из экспозиции Музея Тэнри действительно изображают верблюдов, груженных частями разборного кочевого жилища, кажется вполне допустимым – особенно вследствие того, что на одном экземпляре поверх предполагаемого выюка закреплено подобие обруча с отверстиями по окружности – вероятно, прототип верхнего круга юрты.

Если данная интерпретация верна, то здесь показаны все основные части юрты: разборные решетки, верхний круг и войлочные покрывки. Нет только жердей, крепящихся в современных юртах снизу к решеткам, а сверху вставляемых в отверстия круга. Но не исключено, что эти жерди вырубались прямо на месте новой стоянки и не было необходимости транспортировать их вместе с остальными частями юрты. Это предположение можно считать вполне оправданным, если иметь в виду, что у кочевых тюрко-монгольских народов, как известно, наблюдается два основных типа юрт: так называемый монгольский (он наиболее широко распространен среди монгольских народов) с прямыми жердями, образующими коническую крышу, и тюркский – со слегка изогнутыми жердями, придающими крыше полусферическую форму (причем, по мнению Б.А. Куфтина, юрта с коническим верхом была первичной⁴³).

Разумеется, терракотовые изображения выючных верблюдов, происходящие с территории Китая, есть не только в Музее Тэнри. Данные о довольно значительном числе их публиковались, несколько экземпляров было обнаружено совсем не-

давно в результате археологических раскопок. Директор Института археологии АОН КНР профессор Ся Най счел изложенную выше интерпретацию “стимулирующей”⁴⁴ и представил в наше распоряжение фотографию одной из этих находок.

Типологически все известные нам терракотовые фигурки такого рода можно разделить на несколько категорий:

А – изображение верблюда несколько условно; по бокам его расположены ящики, поверх которых закреплены сложенные решетки.

Б – почти аналогична предыдущей, но сверху приторочен круг.

В – круга нет, его место занимает всадник.

Г – всадник, как и в В; под ним показан скатанный войлок.

Д – без всадника, в остальном почти полная копия Г (решетки и скатанный войлок, поверх него мешок).

Е – в целом близка к Д, но размеры предметов вьюка и их пропорции иные; изображение верблюда реалистично и обнаруживает особенности, свойственные стилистике эпохи Тан.

Сопоставление шести категорий терракотовых фигурок выявляет одну любопытную закономерность: А – представляет собой наиболее условное изображение верблюда, который даже вполне может быть принят за какое-то другое животное; постепенно (Г, Д) фигурка верблюда приобретает все более достоверные черты, а в группе Е изображено даже чрезвычайно реалистично, с точной передачей пропорций тела. Напротив, детали вьюка показаны на предметах групп А–Д достаточно четко и тщательно, тогда как в группе Е решетки превращаются в пучок маленьких и очень тонких планок, назначение которых без сопоставления с фигурками предыдущих категорий установить уже весьма затруднительно.

Последняя группа терракот может быть датирована VII–VIII вв. Позднее у народов, живущих на территории Китая, исчезает обычай класть в погребения изображения верблюдов с навьюченными на них частями юрты.

Большой интерес представляет вопрос о датировке наиболее ранних предметов этой серии. Экспонаты из Музея Тэнри (категории Г, Д) могут быть датированы лишь приблизительно – периодом Шести династий (IV–VI вв.)⁴⁵. Решающее значение в этом смысле приобретают предметы категории Д, потому что к ней относятся экземпляры, обнаруженные недавно в точно датированных погребениях на севере Китая.

Первый из них найден в уезде Цзиньсянь провинции Хэбэй в могиле некоего Гао Я. Об этом деятеле эпохи Северная Вэй известно из “Вэйшу” и “Бэйши”, где помещена его биография. Гао Я умер в 518 г., но раскрытое погребение датируется 537 г., когда останки усопшего были перезахоронены. Ввиду этого и обнаруженная в могиле Гао Я фигурка верблюда с вьюком должна быть датирована 537 г.⁴⁶

Второй образец погребальной пластинки этого типа обнаружен в окрестностях г. Лояна (провинция Хэнань), в могиле Юань Шао. В династических историях нет биографии этого лица. Из надгробной эпитафии известно, что он погиб во время известных событий 528 г., когда Эр Чжужун совершил переворот и учинил резню в столице. В том же году, однако, Юань Шао был похоронен с почестями, подобающими его общественному положению. Найденное в его могиле изображение верблюда с навьюченным на него скарбом может быть поэтому точно датировано 528 г.⁴⁷

Эти предметы (один экземпляр из экспозиции Музея Тэнри⁴⁸ почти совсем неотличим от них) могут служить надежным основанием для решения вопроса о вре-

мени появления разборной юрты. Учитывая степень типологических различий между описанными выше категориями изображений, можно с большой степенью вероятности отнести группу А к наиболее раннему периоду. Ее следует, по всей видимости, датировать последними десятилетиями V в. Эти данные подтверждают высказанное в 1976 г. предположение С.И. Вайнштейна о том, что изобретение разборной юрты относится к середине I тыс. н.э.⁴⁹

В археологических памятниках эпохи Тан находим свидетельство, подтверждающее данные письменных источников об использовании юрт в быту представителями китайской знати VII–VIII вв. На фресках из погребения Ли Сяня, младшего сына танского Гао-цзуна и У Цзэтянь, умершего в 684 г. (останки перезахоронены в 711 г., этим же годом датируются и фрески⁵⁰), изображены сцены выезда на охоту. Слуги и приближенные скачут верхом на конях. Рядом с ними – два верблюда. На одном из них навьючены решетки от юрты точно такого типа, который уже хорошо известен нам по терракоте V–VI вв., на другом – большой полусферический предмет.

В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН хранится альбом, изданный в 1874 г. в Петербурге, с фотографиями картин известного русского художника В.В. Верещагина, на которых есть изображения верблюда во время перекочевки с навьюченными по бокам сложенными решетками юрты и с положенным поверх ободом⁵¹. Кроме того, в нашем распоряжении имеются фотографии, запечатлевшие перекочевку казахов в конце XIX в. Лучшие из имеющихся в настоящее время снимков такого рода были сделаны в 1899 г. в окрестностях Семипалатинска известным фотографом С.М. Дудиным. Несколько его работ хранятся в Российском этнографическом музее в Петербурге, другие были в свое время приобретены Этнологическим музеем в Гамбурге и частично опубликованы в 1974 г. На этих фотографиях отчетливо видно, что при перекочевках казахи навьючивали на одного верблюда разборные решетки стен юрты (*кереге*), на другого – полусферический круг (*шанграк*). Точно так же поступала и челядь Ли Сяня, готовя к транспортировке наиболее удобный вид временного жилища, хорошо приспособленного для устройства ночлега после охоты.

Фреска из погребения Ли Сяня не только обнаруживает сходство с фигурками эпохи Северных династий, но и позволяет поставить вопрос об эволюции юрты в V–VIII вв., затронувшей прежде всего конструкцию верхнего круга.

Воссоздавая основные этапы совершенствования юрты, С.И. Вайнштейн полагает, что ее древнетюркский тип характеризовался наличием купола, в центре которого над дымовым отверстием имелся конус из согнутых палок. Позднее, в XIV – начале XV в., по мнению этого исследователя, в конструкции купола происходят изменения – он становится круглым⁵².

Проанализированные выше источники не дают оснований для такого вывода. Округлый полусферический купол, судя по фрескам из погребения Ли Сяня, был характерен для юрты уже в VIII в. Такая конструкция верхнего купола пришла на смену более примитивной, той, что существовала в предшествующее время и нашла отражение в изображениях груженных верблюдов в терракоте конца V в. Надо полагать, что уже в неразборных “шалашах сюннуского типа” применялся верхний круг с отверстиями. Им продолжали пользоваться и после изобретения разборной решетчатой юрты. Лишь в VII – начале VIII в. эта важная деталь юрты была усовершенствована и приобрела форму полусферы, образованную изогнутыми перекрещивающимися планками. На более поздних копиях с картины XII в., посвящен-

ной приключениям китайской поэтессы Цай Вэньци, изображены киданьские юрты с куполами этого типа. Такая конструкция верхнего круга в той или иной форме свойственна всем видам современных юрт, бытовавшим в недавнем прошлом у тюркских и монгольских народов.

Таким образом, анализ имеющихся в нашем распоряжении китайских источников III в. до н.э. – XIII в. н.э. позволяет более конкретно, чем это делалось ранее, судить как о времени появления разборной юрты, так и об эволюции ее конструктивных особенностей.

- ¹ Бань Гу. Ханьшу. Шанхай, 1964. Т. 12. С. 3879.
- ² См. об этом: Ван Сяньцзянь. Хоуханьшу цзице. Пекин, 1959. Т. 4. С. 3106.
- ³ Так, "Ляншу" Яо Сыляня, описывающая события 502–557 гг., была составлена в начале VII в.; "Цзиньшу" Фан Сюаньлина (265–420) – в середине VII в.; "Хоуханьшу" Фань Е (25–220) – в начале V в. и т.д.
- ⁴ Шэнь Цунань. Тань тань "Вэньци гуй хань цзи" // Вэньбу. 1959. № 6. С. 32–35.
- ⁵ Хуайнаньцзы. Сер. "Сыбу бэйяо". Т. 11. С. 3.
- ⁶ Сыма Цянь. Шицзи. Пекин, 1955. Т. 9. С. 4531.
- ⁷ Бань Гу. Ханьшу. Т. 11. С. 3760.
- ⁸ Там же. Т. 8. С. 2463.
- ⁹ Там же. Т. 12. С. 3903.
- ¹⁰ Ван Сяньцзянь. Хоуханьшу цзице. Т. 4. С. 3321.
- ¹¹ Эр ши у ши. Тайбэй. 1974. Т. 2. С. 1843.
- ¹² Шу Сюэ. Дуньхуан танжэнь шицзи цаньцзюань // Вэньбу цзыляо цункань. 1977. Вып. 1. С. 49.
- ¹³ Эр ши у ши. Т. 5. С. 4131.
- ¹⁴ Там же. С. 3876.
- ¹⁵ Хэйда шилуэ цянъчжэн // Хайнин Ван Цзиньань сяньшэн ишу. Чанша, 1940. Т. 37. С. 47.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Чанчунь чжэньжэнь сю цзи. Сер. "Сыбу бэйяо". Т. 1. С. 6.
- ¹⁸ Цит. по: Бань Гу. Ханьшу. Т. 8. С. 2463.
- ¹⁹ Эр ши у ши. Т. 2. С. 1759.
- ²⁰ См. об этом: Бай ши чанцин цзи. Пекин, 1955. Т. 6. С. 11.
- ²¹ Там же. Т. 5. С. 55.
- ²² Фэн ши вэньцзянь цзи цзяочжу. Пекин, 1958. С. 39.
- ²³ Эр ши у ши. Т. 3. С. 2131.
- ²⁴ Там же. Т. 3. С. 2733.
- ²⁵ Там же. Т. 2. С. 1653.
- ²⁶ Цит. по: Цыхай. Шанхай, 1948. С. 997.
- ²⁷ Цит. по: Коба миндзоку си. Токио, 1971. Т. 1. С. 22.
- ²⁸ Материалы по истории сюнну: По кит. источникам / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. М., 1968. С. 143.
- ²⁹ Цит. по: Бань Гу. Ханьшу. Т. 11. С. 3761.
- ³⁰ Там же. Т. 12. С. 3903.
- ³¹ Яньтелунь дубэнь. Шанхай, 1957. С. 92.
- ³² Карпини П. История монголов. М., 1957. С. 27.
- ³³ Цит. по: Хэйда шилуэ цянъчжэн. Т. 37. С. 4.
- ³⁴ Чанчунь чжэньжэнь сю цзи. Т. 1. С. 5.
- ³⁵ Цит. по: Хэйда шилуэ цянъчжэн. Т. 37. С. 4.
- ³⁶ Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4. С. 46, 47.
- ³⁷ Цит. по: Цыхай. С. 997.
- ³⁸ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 72–73.
- ³⁹ См. об этом: Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища... С. 47.
- ⁴⁰ См.: Бай ши чанцин цзи. Т. 5. С. 55.
- ⁴¹ Фэн ши вэньцзянь цзи цзяочжу. С. 39.
- ⁴² Краткое сообщение об этом см.: Тайсёно тэнтё сэйкацу хёгэн // Асахи симбун. 1981. 19 янв.
- ⁴³ Куфтин Б.А. Киргиз-казаки. Культура и быт. М., 1926. С. 32.
- ⁴⁴ Личное письмо проф. Ся Ная от 31.12.1979 г.

- 45 Сирукуро-но кодай монбуцу-о има-на миру тэнри санкокан гоцзю нэн токубацу тэн. Тэнри, 1980. № 86.
- 46 Хэбэй Цзинсянь бэйвэй Гао ши му фацзюэ цзяньбао // Вэньу. 1979. № 3. С. 27, 30.
- 47 Лоян бэйвэй Юань Шао му // Каогу. 1973. № 4. С. 221.
- 48 Сирукуро-но кодай монбуцу-о... № 87.
- 49 Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища... С. 46.
- 50 Хань Тан бихуа. Пекин, 1974. № 72.
- 51 Арх. МАЭ. Кол. 674—193.
- 52 Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища... С. 55.

Юрта – переносное жилище народов Средней Азии и Казахстана

(опыт сравнительной характеристики
конструктивных особенностей)

Решетчатая юрта¹ – наиболее совершенный вид переносного жилища – еще в недалеком прошлом была широко распространена почти у всех тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана (полукочевых узбеков, каракалпаков, туркмен, киргизов, казахов), исключая уйгуров и оседлых узбеков – сартов². За пределами региона она встречалась у узбеков и туркмен Афганистана, туркмен Ирана, тюркского населения центральной Анатолии, ногайцев, кумыков и тухмен Северного Кавказа, башкир, алтайцев и тувинцев. Юрта была также повсеместно распространена у монгольских народов: собственно монголов, калмыков, бурят. Встречалась она у таджикского населения горных долин, жившего по соседству с дештикипчаками³, у смешанных по происхождению чор-аймаков, и среди них главным образом у хазарейцев, фирузкухов и тайменей, живущих в северном Афганистане.

Юрта (уй, ой – каз., туркм.) очень хорошо приспособлена к кочевому и полукочевому образу жизни, который был характерен в прошлом для большинства народов региона. Деревянный остов юрты состоит из четырех частей: решеток, образующих стены юрты, жердей, прикрепленных к ним сверху и составляющих верх юрты, круга, скрепляющего жерди крыши и служащего для освещения и выхода дыма, а также дверной рамы. Сверху деревянный остов юрты покрывается войлоком. Ее можно быстро поставить и разобрать. Она сравнительно компактна и при транспортировке не требует большого количества тягловых животных. Для перевозки юрты средней величины достаточно двух-трех верблюдов или трех-четырех лошадей⁴.

Выделяют тюркский и монгольский типы юрт, различающиеся формой купола. Юрты народов Средней Азии и Казахстана принадлежат к тюркскому типу, но разнятся между собой по ряду признаков, что позволяет при дальнейшем изучении выделить среди них несколько подтипов, образовавшихся, видимо, в результате этнических и культурных контактов (рис. 1, 2). Вследствие развития торговых связей после присоединения к России и постепенного оседания населения, прекращения у ряда этнических групп местного производства деревянных частей юрт на протяжении последнего столетия происходила унификация этого вида жилища, заимствование остова и даже всей юрты у другой группы или народа. Примером может служить изменения формы купола юрты северных прииссыккульских киргизов⁵ или туркмен-човдуров.

Основная задача статьи заключается в сравнительном изложении конкретного материала о конструктивных особенностях юрт, накопленного дореволюционными

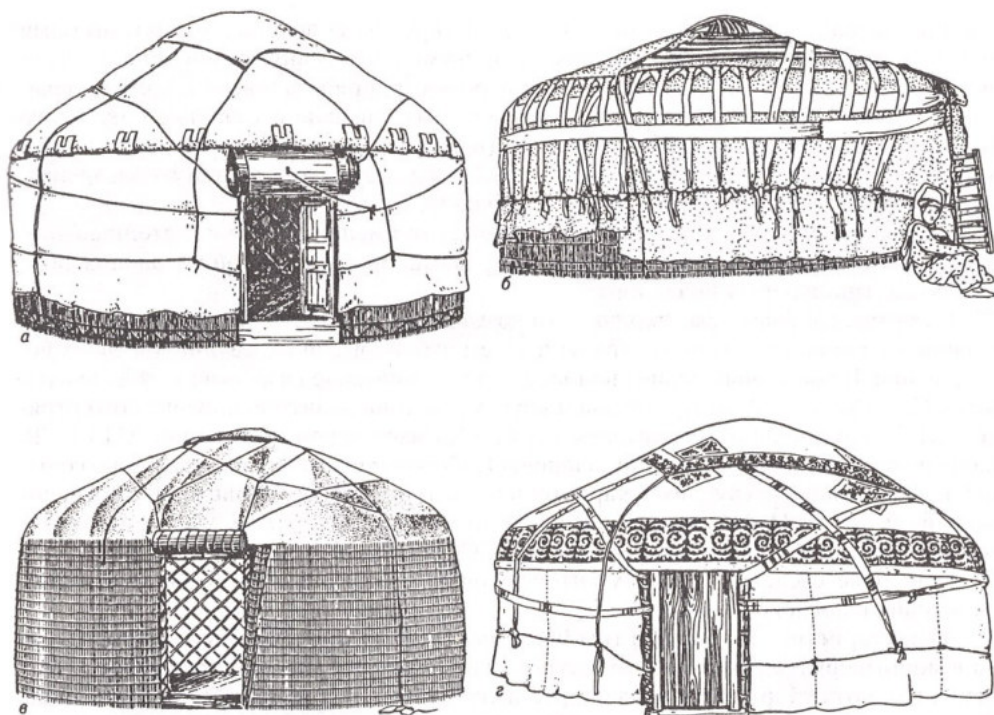

Рис. 1. Юрты народов Средней Азии и Казахстана:

а – казахов-алимов. Темирский р-н Актюбинской обл.; *б* – узбеков-кунградов. Чаршангинский р-н Лебапской обл.; *в* – туркменов-иомутов. Кызыл-атрекский р-н Балканской обл.; *г* – казахов Акмолинской губ. Фото МАЭ, 1910 г.

авторами и советскими этнографами, попытке выделения подтипов юрт у интересующих нас народов и в выявлении “белых пятен” в сравнительном изучении переносного жилища отдельных народов и этнографических групп (в плане разработки темы “Поселения и жилище” для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана).

В Предисловии к сборнику указаны наиболее значительные работы, посвященные этой теме. Н.Н. Харузин, выделяя среди всех решетчатых юрт два типа, называет их калмыцким и киргизским (т.е. казахским. – *Авт.*) или по-другому – монгольским и тюркским, наряду с отличиями в форме купола отмечает и другие характерные черты, известные ему по имевшейся в то время литературе.

Так, например, он присоединяется к мнению Г.Н. Потанина о том, что если кошемное покрытие накладывается непосредственно на деревянный остов, а не на плетеные из травы или из камыша циновки, то это характерный признак монгольской юрты, отличающий ее от тюркской⁶.

Другой отличительной чертой монгольских (калмыцких) юрт Н.Н. Харузин считает отсутствие *бакана* – длинной палки, подпирающей купольный круг для ус-

тойчивости конструкции. Калмыцкие юрты укреплены веревками, протянутыми от *харачи* (купольного круга) к одному или двум кольям внутри жилища. Во время бури юрта укрепляется и наружными веревками, привязанными к кольям, врытым в землю. Н.Н. Харузин приводит и ряд других признаков, отличающих, по его мнению, монгольскую юрту от тюркской (например, двустворчатые двери в монгольской юрте и одностворчатые в тюркской и т.д.). Однако, с нашей точки зрения, эти положения недостаточно аргументированны.

В заключение Н.Н. Харузин делает вывод, что именно обширные степные пространства, не ограниченные никакими преградами, были причиной появления двух, а не более типов решетчатых юрт⁷.

В первые же годы советской власти создавались комитеты и экспедиции, выезжавшие в отдаленные районы страны и затем публиковавшие результаты своих исследований. В довоенный период наиболее полное описание казахских юрт дано в работах С.И. Руденко, А.Н. Букейхана и других участников антропологической отряда (С.И. Руденко был руководителем отряда) Казахстанской экспедиции АН СССР, работавшей в конце 20-х годов по заданию Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик⁸. Характеристике туркменской (салынской) юрты посвящена и статья П. Иванова, написанная по материалам отряда Туркменкульта в этнолого-лингвистической экспедиции АН СССР также в конце 20-х годов⁹.

Основные сведения о юртах интересующих нас народов получены из работ, выпшедших в послевоенные годы.

Характеристике жилища, в том числе переносного, посвящены обычно разделы в монографиях, или статьи, охватывающие более или менее широкий круг вопросов. Полнота сбора материала о юрте и его характеристика зависели от возможностей и интересов того или иного автора и от целенаправленности работы. Достаточно удовлетворительная характеристика этого переносного жилища дается в работах К.И. Антипиной о южных киргизах, К. Шаниязова – об узбеках-кипчаках и о карлуках, в монографиях У.Х. Шалекенова – о каракалпаках Чимбайского района Каракалпакстана и хорезмских казахх, И.В. Захаровой – о казахх юго-восточного Казахстана, Я.Р. Винникова – о марийских текинцах и др. Значительное место характеристике юрты узбеков-дурменов отведено в работе Н.Г. Борозны, снабженной сравнительным иллюстративным материалом, однако нечеткая паспортизация его и небрежное использование сравнительных данных снижают ценность работы. Наиболее подробное описание устройства юрты каракалпаков и порядка ее установки сделано Х. Есбергеновым и А.В. Оськиным. Среди специальных статей, посвященных жилищу, довольно полное описание решетчатой юрты имеется у А. Джикиева, А. Оразова, Ю.А. Шибяевой. Особо следует отметить статьи Б.Х. Кармышевой и Э.Г. Гафферберг, которые дают интересный материал для понимания генезиса решетчатой юрты и ее места среди других типов переносного жилища¹⁰.

Следует охарактеризовать подробнее статью С.И. Вайнштейна. Привлекая широкий круг источников – античных, древних китайских, восточных средневековых и западноевропейских, он выдвигает свою гипотезу происхождения решетчатой юрты и в отличие от Н.Н. Харузина считает более древним тюркский тип. "Изобретение юрты и ее распространение относится к середине I тысячелетия н.э. и связано с древнетюркской средой"¹¹, – пишет С.И. Вайнштейн. Эта дата появления юрты отлична от предлагаемой Н.Н. Харузиным (XVII в.)¹² или другими исследователями, считающими, что юрта была распространена у кочевников еще в древности.

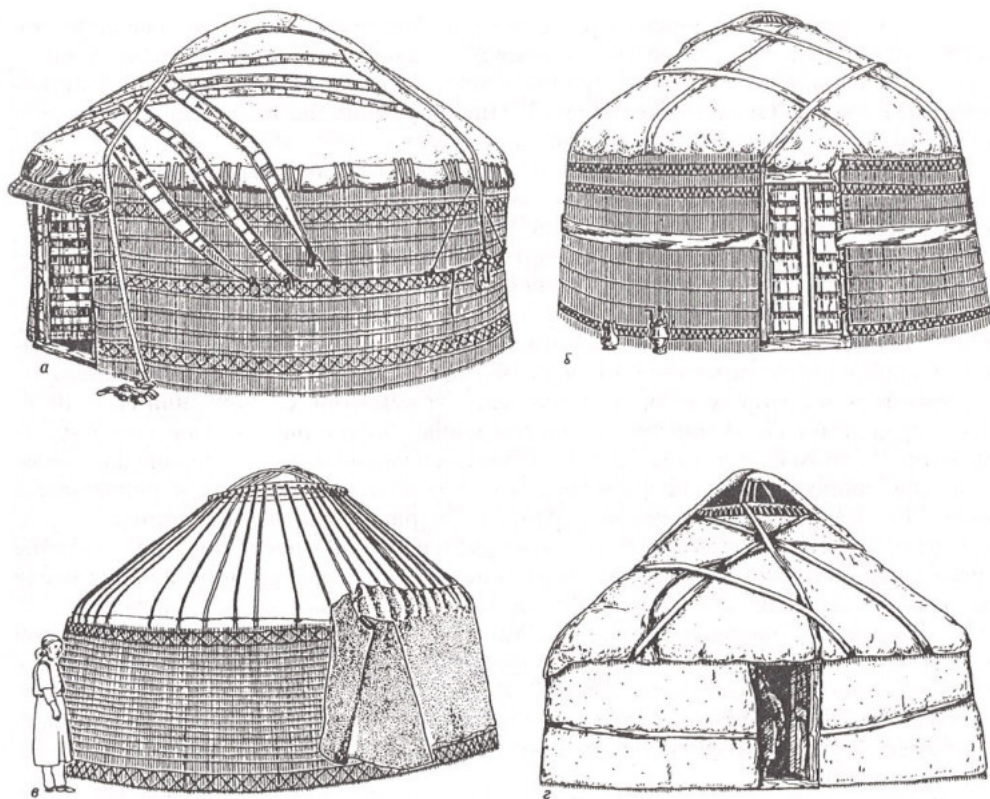

Рис. 2. Юрты народов Средней Азии и Казахстана:

а – каракалпак. Чимбайский р-н Каракалпакстана; *б* – туркмен-эрсари. Ходжамбасский р-н Лебапской обл.; *в* – северных киргизов. Чуйская долина; *г* – казахов-найманов. Восточный Казахстан

С.И. Вайнштейн предшественником решетчатой юрты считает куполообразный “шалаш хуннского типа”. “Этот древний тип юрты, – говорит он, – дожил до наших дней у афганских хазарейцев”. Не соглашаясь с Н.Н. Харузиным в том, что более древней надо считать юрту монгольского типа, образованную из конического шалаша, у которого для удобства подрублены жерди на уровне крыши, С.И. Вайнштейн приводит точку зрения Б.Х. Кармышевой, предполагающей, что исходной формой решетчатой юрты была так называемая карлукская, остов которой состоит из жердей, согнутых в дугу¹³, и считает более близким к истине мнение Б.Х. Кармышевой, нежели Н.Н. Харузина.

С XIV в. в юртах тюркских народов куполообразный верх становится более приземистым и приобретает современную форму. Эволюция монгольской юрты, считает С.И. Вайнштейн, связана с природными условиями Центральной Монголии. “Этот процесс был обусловлен большей устойчивостью монгольского типа юрты по сравнению с тюркским в условиях сильных степных ветров”¹⁴.

С.И. Вайнштейн очерчивает районы распространения юрты, справедливо полагая, что это жилище является достоянием тюрко-монгольских народов, у которых его восприняли некоторые ираноязычные, тюркизованные впоследствии кочевники Евразии. Однако скотоводы Ирана, Афганистана и Передней Азии продолжают пользоваться преимущественно шатром и палаткой¹⁵.

Статья С.И. Вайнштейна содержит интересную таблицу изменения типов юрты в различные исторические этапы, начиная с жилища кочевников-скифов (шалаш хуннского типа), и большое число рисунков-репродукций.

В связи с проблемой эволюции юрты, необходимо остановиться на довольно большой статье датского ученого К. Фердинанда, известного своими исследованиями по вопросам этнографии народов Афганистана, и главным образом чор-аймаков¹⁶. Эта работа представляет собой критическое обозрение книги Х.Ф. Шурмана¹⁷ с обширными комментариями, являющееся, по существу, самостоятельным исследованием, в котором автор, отталкиваясь от некоторых положений Х.Ф. Шурмана, предлагает свою гипотезу происхождения и культурных связей упомянутых народов. В одном из разделов работы "Палатки и хижины" К. Фердинанд дает свою классификацию различных форм переносного жилища, включая и решетчатые юрты. Рассматривая район распространения "черных палаток" и их типы, он указывает на то, что имеется совершенно определенное – идущее на юг – направление культурного влияния. Юрты и жилища типа юрт – *чапары* распространены среди тюркского населения северного Афганистана; юрты преобладают также у северных хазарейцев, северных аймаков, а также у таджиков, живущих внутри этой большой области. "Появление юрты у (фирузкухов), – пишет он, – должно быть рассматриваемо как влияние с севера". К. Фердинанд указывает, что фирузкухи, сменили *чапары* на юрты под влиянием таджиков и что таджики Явана, Гарчистана и верхнего Мургаба до сих пор не только живут в решетчатых юртах, но и сами изготавливают их.

Очертив область распространения палаток различного типа (юг Афганистана, большая часть Ирана и арабские страны), К. Фердинанд сообщает, что "настоящая юрта типа *херга* (*хергах* – персидское название юрты. – Авт.) заходит в совершенно южные области"¹⁸. Доказательством этого он считает наличие юртообразных хижин в северном Башакерде на юге Афганистана, в которых жили никудари и другие выходцы из Средней Азии.

Одно из наиболее важных положений раздела касается типологии юрт. К. Фердинанд критикует Х.Ф. Шурмана за формалистический подход к харузинской классификации, выразившийся в том, что аймакская юрта с высоким конусообразным верхом отнесена Х.Ф. Шурманом к монгольскому типу. К. Фердинанд правильно указывает на чисто внешнее сходство, так как в аймакских юртах жерди в нижней части имеют изгиб, характерный именно для тюркских юрт. Убеденный, что этнически аймаки связаны с тюрками более, чем с монголами, он выступает также и против положения Э.Г. Гафферберг о связи хазарейских юрт со средневековыми монгольскими. (Последняя видела эту связь во внешнем сходстве современных юрт хазарейцев с войлочными юртами в усыпальнице Чингисхана в Эджен-хоро.) Используя полевой материал, собранный среди монголов Афганистана, и письмо О. Латимора, К. Фердинанд, с нашей точки зрения, достаточно обоснованно опровергает это положение Э.Г. Гафферберг, доказав, что войлочные юрты в усыпальнице в Эджен-хоро не были решетчатыми и они, следовательно, не связаны с современными хазарейскими¹⁹.

Автором данной статьи рассмотрены работы теоретического характера, дающие сравнительный исторический материал по нашей теме. Другие исследования взяты в качестве конкретного источника для характеристики юрт различных этнических групп. В работе использованы также полевые иллюстративные материалы Б.Х. Кармышевой о полукочевых узбеках и полевые материалы автора по жилищу туркмен.

Итак, стенки юрты состоят из деревянных решеток (*канат*), образованных из тонких, в большинстве своем несколько выгнутых жердей²⁰, скрепленных подвижно крест-накрест маленькими сыромятными ремешками – *кок*. Крепление делается не в каждом ряду, а обычно через одну-три жерди. Благодаря такому подвижному креплению решетки могут складываться при перекочевках и раздвигаться при установке юрты. Каждая решетка состоит обычно из 15–20 пар жердей²¹, укороченных по краям и длинных (2–2,9 м) в центре²². Узбеки-дурмены и южные киргизы составляли решетки из значительно большего числа жердей (40 пар у южных киргизов), а затем распиливали их по вертикали для удобства перевозки на более короткие²³. Размер отверстий решетки в юртах туркмен-иомутов, например, равен 15 × 16 см, у текинцев – 10 × 10 см. Исследователи казахской юрты отмечают, что решетки бывают двух типов: сделанные из массивных планок мелкой сеткой – *тор-коз* и из тонкого материала крупной сеткой – *жел-коз*²⁴. В юртах адаев решетка имеет настолько крупную сетку, “что в нее свободно проходит дворовая собака”. У туркмен решетка в мелкую сетку называется *дар гозенек*, в крупную – *ел гозенек*. У южных киргизов решетки также различаются по частоте сетки²⁵. Казахи, каракалпаки, и часть киргизов решетки обязательно окрашивали, причем у казахов цвет варьировал от желтого и красного до темно-бордового и коричневого, а у каракалпаков и киргизов обычно был красным²⁶. Кроме того, казахи, а нередко и киргизы украшали деревянные части юрты (особенно верхние) орнаментом. В туркменских и узбекских юртах решетки, так же как и верхние части деревянного остова, не окрашивались и не орнаментировались (рис. 3). В юртах богатых дурменов, по данным Н.Г. Борозны, верхний круг украшался резьбой. Различными были форма планок и их толщина (так же, как и других деревянных частей юрты), а от этого зависел и общий вес остова юрты.

Наиболее массивными деревянными частями были в юртах хорезмских узбеков и каракалпаков, причины этого исследователи связывают с переходом к оседлости и небольшой территорией кочевания этих народов²⁷. У богатых казахов, которые имели достаточно тягловой силы для перевозки, юрты также были большими, но у основной массы других этнических групп толщина жердей юрт не превышала 3–5 см. Казахи, как правило, придавали жердям решетки по всей длине уплощенную форму (рис. 3, б). То же отмечала Ю.А. Шибеева у киргизов Памира, у остальных групп киргизов уплощенными делались верхние части жердей или места сгибов²⁸. В юртах туркмен и хорезмских узбеков жерди были круглыми в сечении, в каракалпакских юртах, – овальными и различались по толщине и форме верхнего края. Верхние концы решетки у хорезмских узбеков срезались под прямым углом²⁹, у каракалпаков обтесывались с одной стороны (рис. 3, в), а у туркмен были слегка заострены с двух сторон.

Обычная решетка, уже готовая для установки юрты, имела высоту от 1,2 до 1,6–1,7 м³⁰ и длину от 1,75 до 4 м. Самыми высокими и длинными решетки были у туркмен (салыров, текинцев) и у казахов³¹, самыми низкими – у киргизов Памира, восточных казахов и полукочевых узбеков. Следует, однако, иметь в виду, что у по-

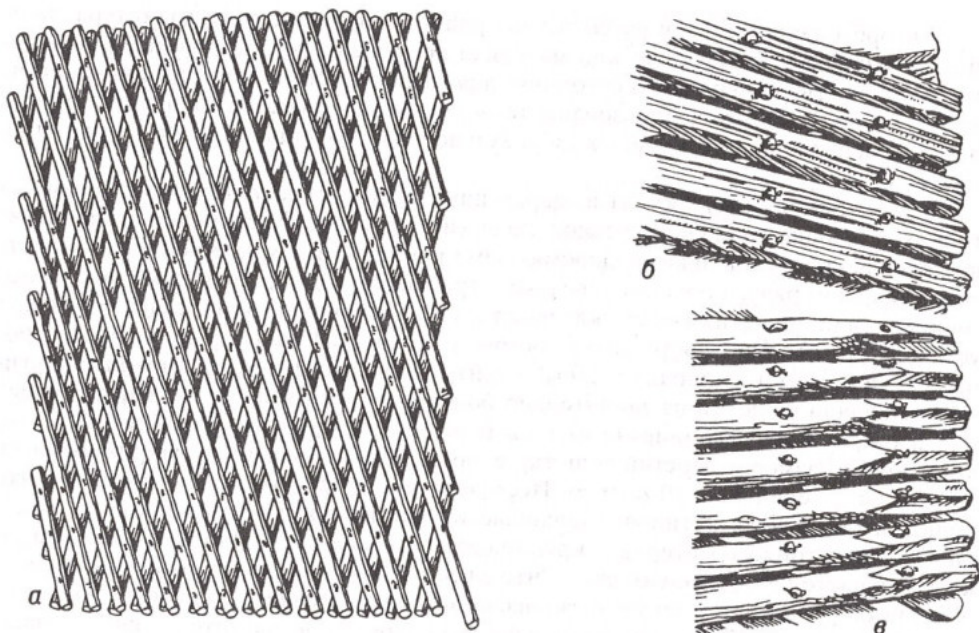

Рис. 3. Детали деревянных частей юрты:

а – решетка юрт туркмен-текинцев в сложенном состоянии; *б* – отделка верхней части решетки казахской юрты; *в* – отделка верхней части решетки каракалпакской юрты

следних решетки в юрте редко ставились в один ряд; как правило, у локайцев, дурменов, кунградов и других полукочевых узбекских племен решетки были двойными, т.е. укреплялись одна над другой в два ряда, отчего высота стен достигала более 2 м. К. Шаниязов отмечает, что стенки бывали двойными и в юртах узбеков-карлуков, но они вероятно, заимствовали решетчатую юрту у полукочевых узбеков³².

Наиболее распространенными были юрты, состоящие из 4–6, реже 8 решеток, у состоятельных людей были просторные юрты, т.е. с большим количеством решеток. Так, А. Маргулан отмечает, что у казахских ханов и султанов встречались юрты, составленные в среднем из 18 решеток³³. По материалам И.В. Захаровой³⁴, собранным ею в юго-восточных районах Казахстана, богатые скотоводы перед революцией нередко имели 10-канатные юрты. То же зафиксировала К.И. Антипина у южных киргизов. Интересно отметить, что для казахской юрты, видимо, было более характерно нечетное число решеток. Так, П. Маковецкий отмечал, что у них наиболее распространена юрта из 3–5–7 решеток и значительно реже из 9. По С.И. Руденко, у адаевцев часто встречалась юрта из 3 решеток. Нечетное число решеток (5) могло быть в юрте хорезмских узбеков, хотя чаще всего юрты состояли из 6 решеток³⁵. Такое же число решеток (6) было характерно для юрт каракалпак-ков и киргизов. У дештикилпачских узбеков юрта обычно имела 8 решеток, по 4 в каждом ряду. У многих туркменских племен традиционное число решеток также

было 4. Так, у западных иомутов ни А. Оразов, ни автор статьи не встречали юрты более, чем в 4 решетки. То же отмечал и исследователь юрты у иранских туркмен П. Эндрюс³⁶. Информаторы уверяли этих исследователей, что большого числа решеток в юрте не полагается. В тех случаях, когда нужно было уменьшить размеры юрты, ее решетки просто сдвигали так, что отверстия между планками приобретали ромбовидную форму, или соединяли вместе по три крайних ряда³⁷. Только у текинцев, сарыков, човдуrow и эрсари юрты чаще бывали из 6, а не из 4 решеток. У богатых текинцев юрты были даже с 8 решетками. П.П. Иванов слышал о юртах в 12 решеток, хотя видеть самому не приходилось более 8³⁸.

Диаметр юрты, образованной 4–6 решетками, был 4,3–5,8 м, а в 4-канатной иомутской достигал 5,5 м.

Уже указывалось, что решетка у всех тюркских народов называлась *канат*, *ганат*, решетчатая стенка у большинства этих народов – *кереге* только у туркмен последний термин не употреблялся, хотя и был известен. Вместо него решетки, образующие стену юрты, обозначались словом *тэрим*. Так же назывались стенки юрты у калмыков и западных монголов, а у ногайцев Северного Кавказа – *терме*, *терим*³⁹, у башкир же этим термином называлась вся юрта.

Верхняя, куполообразная часть юрты строится из тонких жердей (*уык*), ближе к основанию согнутых под определенным углом, а дальше в большинстве случаев прямых. У памирских и южных киргизов, большинства туркмен и казахов жерди слегка изогнуты по всей длине. В 4–6-канатных юртах размеры жердей – от 2 до 3 м (у киргизов могли быть 2 – 2,5 м). У каракалпаков они немногим более 2 м (2,05) при толщине 3–5 см. У казахов-адаевцев, по материалам А.Н. Букейхана, купольные жерди имели длину немногим более 1 м⁴⁰.

Форма жерди в значительной мере определяла форму купольного перекрытия юрты. В юртах большинства народов нижняя часть жерди до места сгиба стесана, выше она круглая в сечении, а верхний ее конец заострен. А.Х. Маргулан отмечает, что в казахских юртах верхний конец жерди заострен в виде четырехгранного клина. В юртах у туркмен, по данным К. Овезбердыева и полевым материалам автора, верхний конец жерди уплощен⁴¹.

Форма кровли, судя по довольно скудному сравнительному материалу, имеющемуся в нашем распоряжении, зависела не столько от угла сгиба жерди, сколько от расстояния до этого сгиба от нижнего ее конца и формы остальной части. Так, например, в юртах ряда туркменских групп, узбеков-кунградов, а также южных киргизов и киргизов Памира, принадлежащих к первой группе, изгиб купольных жердей кончается на расстоянии 75–80 см от основания⁴², угол изгиба купольных жердей в юртах этих народов примерно одинаков – он колеблется от 35 до 45°.

В юртах хорезмских узбеков и у северных киргизов, входящих в другую группу, изгиб купольной жерди начинался на расстоянии 45–50 см от основания⁴³ и имел примерно тот же угол. Уки каракалпакских юрт при общей длине 2,05 м изгибались через 35 см от нижнего края под углом 30–35° и далее были совершенно прямыми (рис. 4, а). Казахский исследователь У.Х. Шалекенов, изучавший юрты каракалпаков и казахов Хорезмского оазиса и подчеркивавший их различие в форме купола, тем не менее отмечал одинаковый угол изгиба купольных жердей у этих народов – 45° (рис. 4, б)⁴⁴.

Количество купольных жердей в юрте зависело от числа решеток и колебалось от 40–50 в небольшой юрте до 360 в юртах казахских султанов. В обычных

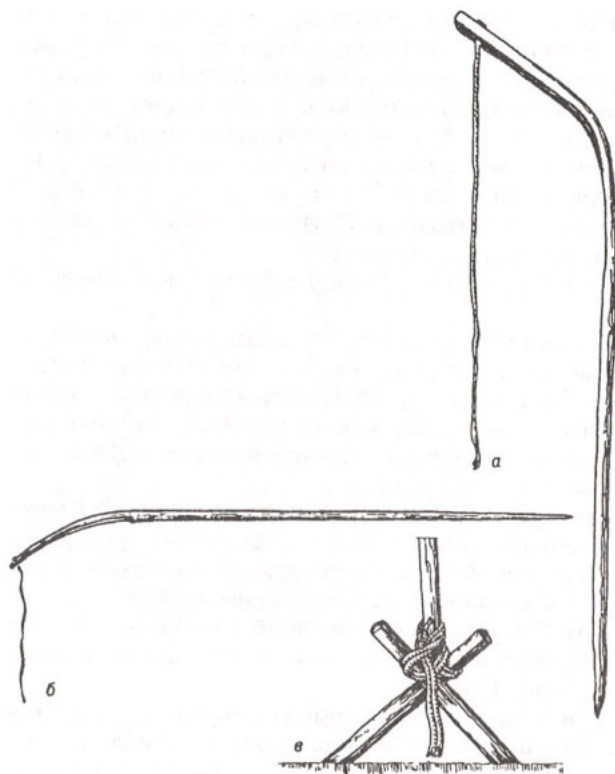

Рис. 4. Детали деревянных частей юрты:

- а* – купольная жердь каракалпакской юрты;
- б* – купольная жердь найманской юрты;
- в* – способ крепления купольной жерди к решетке

4–6-канатных юртах чаще всего бывало от 60 до 100 уков при редкой решетке и от 80 до 150 – при частой. Их количество в каждой юрте зависело от числа развилок решетки, образуемых верхними концами двух скрещенных планок, так как крепление жердей к решетчатой стенке производилось именно в месте развилки (рис. 4, *в*). Таким образом, чем чаще были развилки, тем больше купольных жердей необходимо для создания правильного купольного круга. Так, в 3–4-канатной юрте казахов-адаевцев с решеткой в крупную клетку

достаточно было от 20 до 30 жердей, в 4–6-канатной – от 70 до 100, в то же время в 4–5-канатных юртах, имеющих решетку в мелкую клетку, требовалось от 80 до 120 и более жердей (рис. 5). Всего в 6-канатных юртах туркмен бывало 152 купольных жерди, тогда как в юртах такого же размера у киргизов Памира Ю.А. Шибеева отмечала всего 50 уков⁴⁵.

Так же немного купольных жердей, по данным К. Шаниязова, зафиксировано в 4–6-канатных юртах узбеков-кипчаков – 41–71, но чаще всего их было 55. В карлукских юртах могло быть от 48 до 56 жердей⁴⁶.

У других полукочевых узбеков – дурменов и локайцев – количество жердей колебалось от 63–70 до 80, а в 6-канатных юртах хорезмских узбеков – до 92⁴⁷. У южных киргизов, вероятно, при частой решетке требовалось большее количество жердей, чем при редкой, однако К.И. Антипина, сообщавшая о двух видах решеток, не отметила у них этой зависимости. Меньшее количество купольных жердей (не по числу развилок) было в юртах бедняков или на сезонных пастбищах. Обычно каждая купольная жердь в нижнем конце имеет отверстие, идущее конусом в сторону, через которое продета веревка. С помощью этой веревки купольные жерди прочно прикреплялись к решетчатой стене. Кроме длинных купольных жердей, имелось еще от 3 до 9 более коротких, которые привязывались к притолоке двери, а у туркмен и части полукочевых узбеков вставлялись в специально сделанные в ней отверстия. Короткие жерди назывались по-разному:

Рис. 5. Деревянные остовы юрт:

а – казахов-найманов; *б* – казахов-адаев; *в* – узбеков-кунградов

алын-ук, *манглай-ук* – у туркмен, *етим-уг* – у карлуков, *эшик-уук* – у южных киргизов и т.д.

Большее количество укороченных *уков* над дверью отмечено в 6-канатных текинских и сарыкских юртах, где при 128–152 купольных жердях, было 8–9 *алын уков*. В иомутских 4-канатных юртах наиболее часто встречалось 64–65 купольных жердей (могло быть от 48 до 80), из них 5 укороченных. В каракалпакской 6-канатной юрте из 68(70)–100 *уков* 7 были короткими. Наименьшее количество коротких купольных жердей над дверью – 3 *эшик-уук* (из известных в настоящее время) – отмечено в юртах южных киргизов⁴⁸.

Таким образом, исходя из количества купольных жердей в наиболее распространенных 4- и 6-канатных юртах, можно сделать вывод о том, что встречались решетки как с частой, так и с редкой клеткой. В юртах туркмен-текинцев и сарыков решетки более частые, чем у иомутов и эрсари, а у узбеков-кипчаков и карлуков – более редкие в сравнении с решетками дурменских и кунградских юрт.

Венчал куполообразную часть юрты круг (*шанырак*) (рис. 6). От его устройства, так же как и от устройства *уков*, зависела форма купольного перекрытия и в конечном счете вид юрты.

Круг состоял из 1–3 обручей диаметром от 1,2 до 3 м. Если обруч был один, то делали его довольно массивным – у киргизов, например, до 8–10 см в сечении. У туркмен, каракалпачков и узбеков-карлуков этот круг был образован обычно двумя или тремя обручами, вставленными друг в друга и соединенными между собой в четырех местах группами выструганных стержней, имеющих форму стрел, наконечниками обращенных внутрь круга (*чемче* – туркм.) (рис. 6, *а, б*). В каждой группе бывало от 2–3 до 5 стрел. В этом случае обручи были более тон-

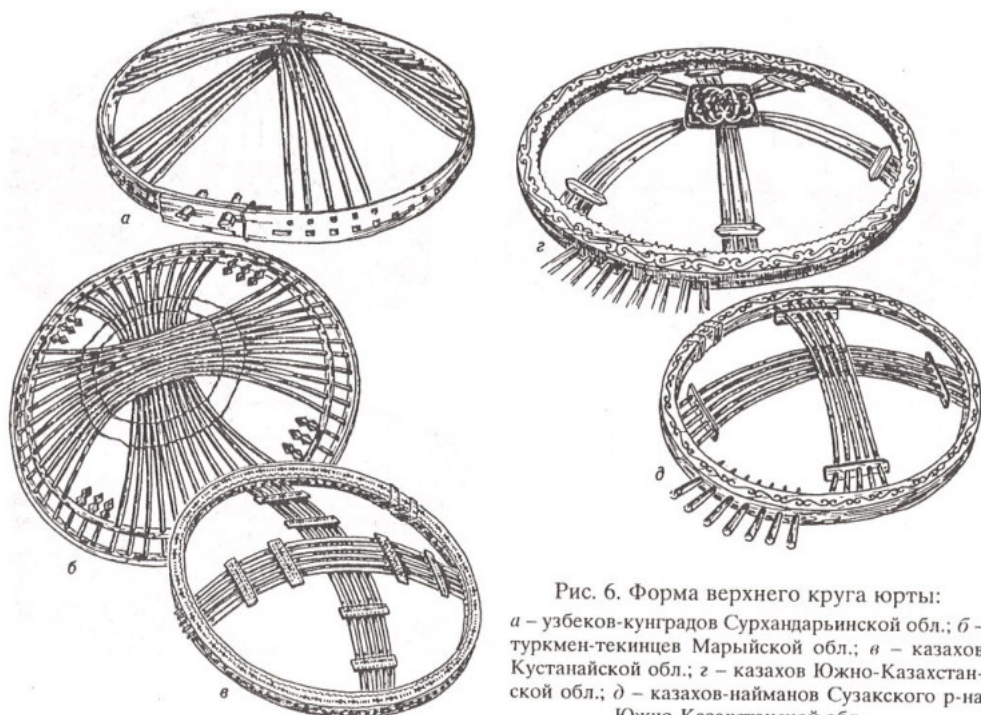

Рис. 6. Форма верхнего круга юрты:
 а – узбеков-кунградов Сурхандарьинской обл.; б – туркмен-текинцев Марыйской обл.; в – казахов Кустанайской обл.; г – казахов Южно-Казахстанской обл.; д – казахов-найманов Сузакского р-на Южно-Казахстанской обл.

кими. Так, у туркмен внешний обруч, более широкий, достигал 5 см в сечении, внутренний – 3–3,5 см. Однако у каракалпаков обручи, особенно внешний, были очень массивными⁴⁹.

Верхний купольный круг сгибали из одной, чаще двух дуг и скрепляли сыромятными ремнями, железными обручами или деревянными клиньями⁵⁰. С внутренней стороны круг был укреплен двумя или тремя пучками расположенных крест-накрест дугообразных перекладин, обращенных своей выпуклой стороной вверх. Перекладины эти у казахов называются *кулдиреуиш*, у туркмен – *чагарак*, *чармык* у узбеков-карлуков и киргизов – *чамбарок*, *чамгарак*. По способу крепления дугообразных перекладин выделяются два типа купольных кругов. В первом из них пучки перекладин в центре, в месте крепления, связываются обычно тонким ремешком, который перевивает каждую перекладину отдельно, стягивая их в единое целое, а концы их, расходясь веером, вставляются в пазы круга. Как правило, таких перекладин в пучке бывает от 3–5 до 23 (у туркмен). Этот тип крепления распространен широко и встречается в юртах всех народов, кроме некоторых групп казахов. У этих последних перекладины купольного круга крепятся иным способом. Они связываются не в центре, а на концах поперечными планками. Обычно планок бывает 4, по одной на каждом конце пучка. В северном и северо-восточном Казахстане И.В. Захарова⁵¹ зафиксировала еще одну разновидность крепления *шанырака*. Здесь каждые 6 параллельных дуг бывали скреплены четырьмя поперечными планками, расходящимися к центру. Точно такой же формы круг бытовал у каза-

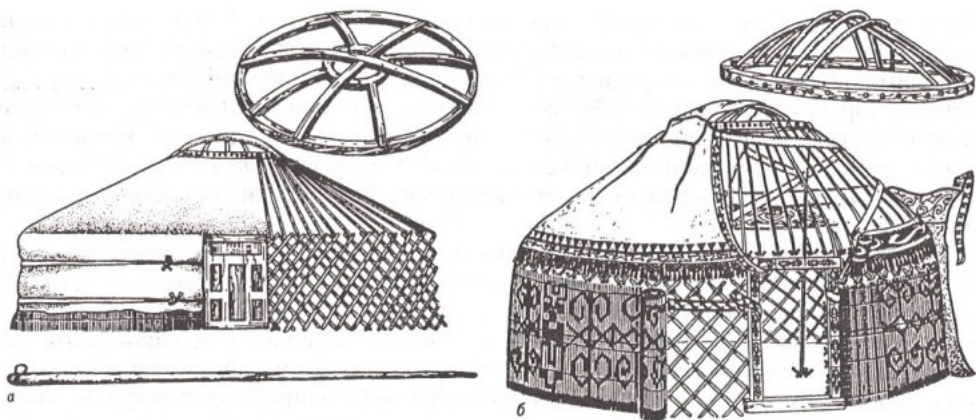

Рис. 7. Конструктивные особенности деревянного остова юрты:

а – монголов; *б* – северных киргизов

хов Каракалпакстана⁵². У казахов купольный круг обычно украшался резьбой и росписью (рис. 6 в, г, д).

Облик юрты зависел не столько от способа крепления перекладин, сколько от степени их изгиба, высоты и величины самого круга. В юртах со сферическим верхом купольный круг был, как правило, большим, но невысоким – от 15 до 30 см (туркмены-иомуты) и купол представлял почти правильную полусферу. В таких случаях, когда большой круг (диаметром 2 м и более) имел высоту до 30–40 см, даже при значительном изгибе купольных жердей, как, например, у южных киргизов, туркмен-текинцев или узбеков-кунградов, юрта выглядела гораздо стройнее и выше, так как над сферическим перекрытием возвышался купольный круг.

В юртах с конусообразным верхом диаметр купольного круга был небольшим – 1,2–1,7 м при высоте до 50 см, что достигалось крутым изгибом перекладин внутри круга.

Как уже упоминалось, в литературе утвердилась точка зрения на то, что именно угол изгиба купольных жердей придает перекрытию юрты более или менее сферическую форму. Чем меньше согнуты жерди у своего нижнего конца⁵³, тем купол юрты выше и больше напоминает купол монгольских (калмыкских) юрт. Сравнительное изучение литературы и иллюстративного материала о юртах разных народов привело нас к мысли о том, что внутри тюркского типа подтипы определяются не столько по различию угла сгиба купольных жердей, сколько по расстоянию сгиба от конца жерди, а также по форме купольного круга. При сгибе жерди ближе к ее нижнему концу и большей высоте купольного круга (что, как мы пытались показать, достигается значительным изгибом планок, перекрещивающихся в обод) даже при одинаковом угле сгиба жерди купол юрты приближается к конусообразному и похож по внешнему виду на калмыцкий⁵⁴. У казахов Семиречья такие юрты и назывались торгоутскими (т.е. калмыкскими)⁵⁵.

Эти юрты схожи с калмыкскими только по внешнему виду, так как ни у тюркских народов Средней Азии, ни у казахов монгольский тип юрты не был распро-

странен, во всяком случае в последние два столетия (рис. 7, а). Здесь господствовал тюркский тип, в котором по указанным выше признакам можно выделить два подтипа, имеющие, в свою очередь, несколько вариантов. К первому подтипу следует отнести юрты полукочевых узбеков, почти всех туркмен, большей части казахов (исключая семиреченских), южных и памирских киргизов. У них была распространена юрта так называемого кипчакского типа⁵⁶ с полусферическим округлым верхом, образованным сильно изогнутыми жердями и большим, но невысоким купольным кругом.

Второй подтип юрт (у семиреченских и приалтайских казахов, хорезмских узбеков и каракалпаков, туркмен-човдуров и эрсари) распространен менее широко. У северных киргизов (кроме населения Таласской долины), юрты этого подтипа появились лишь в конце XIX – начале XX в.⁵⁷ Они пришли на смену кипчакской юрте. Эти юрты отличаются высоким конусообразным верхом, образованным жердями с небольшим изгибом в самой нижней части, небольшим по диаметру, но высоким купольным кругом, которые по внешнему виду приближаются к монгольским. Н.Н. Харузин называл их калмыцкими⁵⁸, однако с этим нельзя согласиться, поскольку жерди купола этих юрт все же имеют изгиб, в то время как в калмыцких они совершенно прямые⁵⁹.

Чтобы отличить этот подтип юрт от первого, сохраняя при этом тот же этнический принцип выделения, мы предлагаем назвать его условно “найманским”, так как в Семиречье он распространен главным образом среди казахов-найманов (рис. 7, б). Чрезвычайно интересны в этой связи записанные Б.Х. Кармышевой сведения о том, что у узбеков предгорной полосы Пастдаргомского района Самаркандской области в прошлом были юрты двух разновидностей: у большей части населения – с круглым куполом, а у найманов – “с более высоким куполом и более выпуклым навершием” (выделено нами. – Авт.)⁶⁰.

Возможно, что и у предков хорезмских узбеков юрта с конической формой купола появилась после прихода в Хорезмский оазис в XVI в. полукочевых узбеков-найманов, которые вместе с уйгурами играли главенствующую роль в период их утверждения в оазисе.

Вопрос о времени возникновения этого подтипа юрты у каракалпаков остается до сих пор неясным. Если предположить, что у каракалпаков найманский подтип – явление вторичное и прежде была юрта так называемого кипчакского типа, то можно предложить следующие варианты появления юрты:

под влиянием найманов, частью переселившихся после их разгрома Чингисханом в районы Алатау и на Сырдарью, где в это время жили предки каракалпаков;

под влиянием ногайцев или калмыков в XVI–XVII вв. У ногайцев Северного Кавказа юрта принадлежит к так называемому найманскому подтипу.

Таким образом, на основании имеющегося в нашем распоряжении материала среди юрт тюркского типа, т.е. таких, купольные жерди которых имеют более или менее значительный изгиб, мы можем выделить два подтипа, условно названные нами кипчакским (с полусферическим куполом) и найманским (с коническим усеченным куполом).

Чтобы закончить характеристику деревянных частей юрты, необходимо сказать о двери. Дверная рама состоит из четырех частей: нижней перекладины, или порога (*жер босага, табалдырык* и др.), притолоки (*манлайша, баиш босага, екары ишик* и т.д.) и двух боковых стоек (*таянныш, босага таяк, манглай чуп, сое* и др.). Высота дверной рамы 1,3–1,7 м, и дверь слегка возвышается над решетчатой стен-

кой. У одних народов строить юрту начинают с установки двери (туркмены, каракалпаки, киргизы, некоторые казахи), а у других (узбеки, часть казахов) дверь ставят после того, как собраны решетчатые стены – так же как это делают калмыки⁶¹. Деревянные, чаще всего двустворчатые, обычно резные⁶² двери (*есик*, *ишик*, *ергенек*, *каалга*, *дарваза* и т.д.) привязываются к боковым стойкам при помощи плетеной тесьмы или держатся за счет выступов, входящих в специальные пазы, имеющиеся в притолоке и пороге. К сожалению, не все авторы пишут о способе крепления дверных створок. У узбеков-кипчаков, например, дверные створки прикрепляются к боковым косякам веревочными петлями – способ, не отмеченный другими исследователями. У казахов, по данным Б.А. Куфтина, двери привязываются к стенкам сквозь отверстия, выдолбленные в косяке⁶³. По сведениям подавляющего большинства авторов, створки дверей у всех народов открываются внутрь юрты, лишь П.П. Иванов отметил, что в салырской юрте двери открываются наружу⁶⁴, что довольно необычно и нуждается в проверке.

Многие авторы (П.П. Иванов, П. Маковецкий и др.) указывают, что деревянные двери появились в юртах сравнительно недавно, примерно с середины или конца XIX в. До этого, как пишет, например, П.П. Иванов, у туркмен-салыров и текинцев “место для дверей оставалось свободным. По бокам его вбивались столбы, и на эти столбы вешалась складная решетка, как часть стены. Решетка (*ергенек*) вешалась с внутренней стороны кибитки, если хозяева ее были дома, или с внешней, если последние уходили”⁶⁵. О том, что вход в юрту закрывала решетка, писал также П. Маковецкий. У казахов она называлась *иткерме*. Во многих случаях только нижняя часть дверного проема загоразивалась решеткой, очевидно для защиты от домашних животных. По сведениям П.В. Погорельского, у фрунзенских киргизов такая решетка называлась *табалдырек*. У туркмен нижнюю часть дверного проема вместо решетки прикрывал кусок паласа или кошмы, который держался на палке (*гермеч*, *артмак*) на высоте 20–25 см, чтобы его можно было перешагнуть⁶⁶.

Решетчатые двери, по словам К. Шаниязова, были в юртах узбеков-карлуков и кипчаков. К сожалению, существующее описание двери в карлукской юрте⁶⁷ не может дать представления о ее конструкции. О “лестничного вида” загородках (*эргилчек*), закрывающих более половины (или 3/4) дверной рамы, пишут исследователи киргизов К.И. Антипина и Б. Алымбаева⁶⁸. Такие же двери встречались в юртах узбеков-кунградов на летовках. Но обычно, особенно в холодное время года, дверные проемы закрывались кошмами или паласными, а иногда и тканевыми занавесами, нашитыми на камышовую циновку (*есык*, *эшык*, *тыш*, *чыпта*, *тап*, *япар* и т.п.) (рис. 8). Как правило, они были прямоугольными, соответствующими форме дверного проема, лишь несколько шире и длиннее его. У некоторых народов такая дверь-занавес бывает более сложной конфигурации: у южных киргизов одна часть ее – прямоугольной формы (ею закрывается дверной проем), а другая имеет форму “вытянутой трапеции” и идет по куполу юрты от дверной притолоки до дымового отверстия⁶⁹. У киргизов встречались и просто камышовые двери-занавесы (*кочок*), орнаментированные цветными нитками, летом заменявшие кошменные⁷⁰.

У зажиточных туркмен дверной проем поверх решетки завешивался ковровой занавесью (*энси*). К. Шаниязов отмечает, что у узбеков-карлуков зимняя дверь-занавес состояла “из войлока, сверху покрытого паласом, а снизу подбитого бумажной материей”⁷¹.

Дверные занавеси днем в теплую погоду свертывались рулоном и укреплялись над дверным проемом, а на ночь и в холодную погоду опускались.

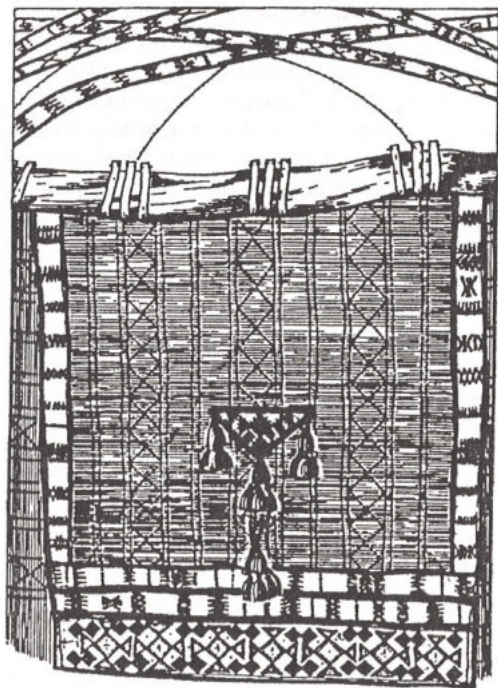

Рис. 8. Навесная камышовая дверь в каракалпакской юрте

Большинство исследователей отмечают определенную закономерность в ориентации дверей юрты. Так, у памирских киргизов двери юрты всегда выходили на восток, такую же ориентацию дверей наблюдал К. Шаниязов у ферганских узбеков-кипчаков; у южных киргизов, а в некоторых местах и у северных, также встречалась восточная ориентация, хотя она и не соблюдалась строго, особенно когда на летних пастбищах двери всех юрт, расположенных по кругу, были обращены к центру⁷².

У каракалпаков, узбеков-карлуков, некоторых групп казахов и большинства туркмен вход в юрту находился с южной стороны⁷³. У туркмен, однако, встречалась довольно часто юго-западная ориентация входа (*иллерик*).

Такое направление входа автору статьи объясняли тем, что в этой стороне находится Мекка⁷⁴. То же южное или юго-западное направление входа наблюдал Р. Карутц у казахов Мангышлака⁷⁵.

Средневековые авторы отмечали, что ориентация входа в жилище на юг была характерна для монголов, в то время как тюрки придерживались восточной ориентации. Направленность входа в юрту совпадала у древних «тюрков и монголов с различием ориентации по странам света: у древних тюрков «восток» означал «перед», «запад» – заднюю, «север» – левую, а «юг» – правую стороны. Монголы понятие «перед» ассоциировали с «югом», соответственно «север» означал заднюю сторону, «восток» – левую, а «запад» – правую⁷⁶. В.В. Бартольд, характеризую влияние монгольской культуры на культуру тюркских народов в период монгольской военной экспансии на запад Средней Азии в XIV–XV вв., писал: «Древнетюркский культ востока уступил место монгольскому культу юга, и двери юрт едва ли не во всей Средней Азии теперь обращены на юг, а не на восток, как было прежде⁷⁷. Однако уже в начале XX в., а в некоторых местах и раньше принцип строгой ориентации входа был нарушен. У узбеков Пастдаргомского района Самаркандской области в предгорьях в прошлом вход в юрту «был обращен вниз по склону, независимо от стран света⁷⁸. Некоторые группы туркмен, например в песках, зимой ставили юрты в круг, чтобы создать защищенное от ветра пространство, и тогда двери были обращены внутрь круга⁷⁹. То же происходило и у киргизов на летних пастбищах. Могла быть нарушена традиционная ориентация, когда юрта стояла возле дома в селении. В этих случаях, особенно в зимнее время, вход в нее находился как раз против входа в дом.

Ту же необязательность строгой ориентации входа отмечают исследователи у казахов. А.Х. Маргулан пишет о юго-восточной ориентации входа, П. Маковецкий и Г.Е. Грум-Гржимайло – о северо-восточной, объясняя ее главным образом, “господствующими в степи южными и юго-западными ветрами”. Тот же принцип расположения входа заметил А.Н. Самойлович у кошагачских казахов⁸⁰. А.Н. Букейхан, исследовавший быт казахов Адаевского уезда, отмечал, что юрты “стоят вольно, иногда дверью на север и на запад, чего казахи других мест никогда себе не позволяют”⁸¹. Однако С.И. Руденко пишет о том, что, несмотря на его многочисленные наблюдения по ориентации юрт, ему не удалось подметить какой-нибудь определенной закономерности: все зависело от топографических условий, направления дующих в определенный сезон ветров и т.д. Он заметил также, что у адаев и казахов прииртышских районов двери юрт обращены к центру круга (если юрты расположены по кругу). Обследуя казахов северо-восточных, прииртышских районов, С.И. Руденко обратил внимание на то, что “в горах юрты ставятся в ряд или полукругом, дверями на подветренную сторону”. В степных зарослях долины Алкабека и Черного Иртыша юрты разбросаны “по две, три, пять и более, без определенного порядка”⁸².

Деревянные части юрт обычно выделывали из различных пород ивы (*тал*, *совут*, *женевут*) или тополя (*терек*). Казахи и киргизы, для купольного круга использовали также березу (*кайын*)⁸³. В юго-западной Туркмении более всего ценились юрты, сделанные из особых пород дуба (*аззар*, *мирс*) и из фисташкового дерева (*хурманди*), которые росли в горах по течению Атрека и Гюргена. Такие юрты были очень прочными и служили без ремонта более полусотни лет, в то время как юрты из *тала* – всего 10–15, а по другим сведениям, – 20–25 лет.

Выделкой деревянных частей занимались специальные мастера (*уйчи*), которые как правило, были в каждом большом ауле или родственной группе и работали для своих, но иногда принимали заказы и из других мест (рис. 9).

С конца XIX в., с развитием товарно-денежных отношений, наметилась более узкая специализация ремесла и в сельских районах. Целые родовые группы или селения, расположенные в местах, где имелся подходящий материал, специализировались на выделке деревянных частей юрт. Так, по сведениям И.В. Захаровой, в юго-восточном Казахстане такие центры были на территории Коктерекского и Кегеньского районов, а казахи пограничных с Киргизией районов приобретали юрты у киргизов⁸⁴. Мастерами по производству деревянных остовов юрт во Внутренней (Букеевской) Орде были главным образом татары⁸⁵. С.И. Руденко отмечает, что для казахов, живших в бассейнах р. Сагиза и Уила (главным образом алимь и адаи), специальные мастера из казанских татар выделывали в г. Темире деревянные остовы юрт без *шангараков*, последние привозили из Каракалпакии и продавали на ярмарке в Темире⁸⁶.

Деревянные остовы юрт, сделанные мастерами-киргизами. Ошской области, приобретали также памирские киргизы, узбеки, турки, таджики. Из-за отсутствия леса памирские киргизы покупали деревянные части юрт или дерево для изготовления не только в южной Киргизии, но и в Кашгаре⁸⁷. В Хорезмском оазисе, особенно в его северных районах, где бок о бок жили туркмены, каракалпаки, казахи и узбеки, производством юрт занимался узбекский род *уйчи* (из *хыдыр-эли*). Как мастера из этого рода, так и известные мастера-туркмены или каракалпаки делали на заказ юрты любого из живущих здесь народов, потому, что знали все особенности пропорций и форму юрт каждого из этих народов⁸⁸. Жители юго-западной

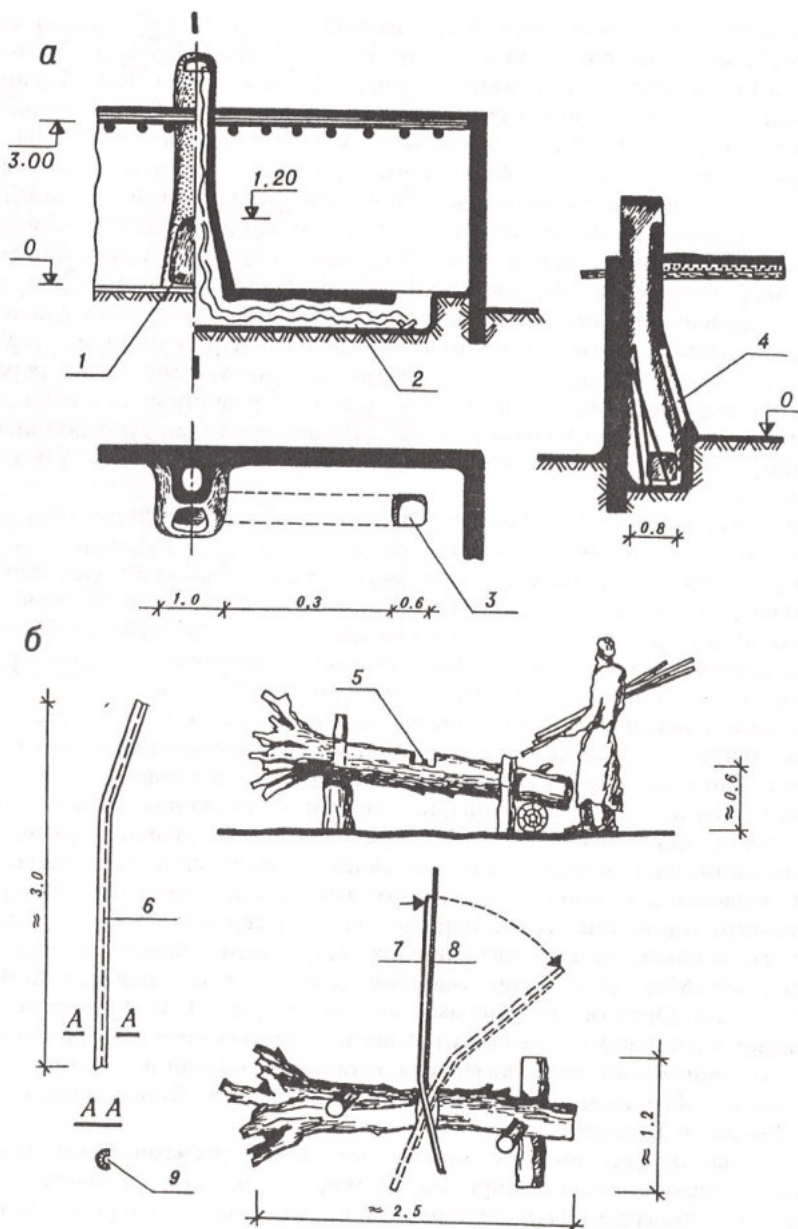

Рис. 9. Фрагменты оборудования мастерской по производству юрт. Пос. Калининск Ташаузской обл. Туркмении. 1979 г.

a – печь для разогрева деревянных заготовок: 1 – отверстие для загрузки жердей, 2 – канал с горячим воздухом, 3 – отверстие в полу для закладки дров;
б – станок для сгибания жердей: 4 – желоб для фиксации правила с заготовкой для уука, 5 – правило, 6 – паз для установки жерди, 7 – уук

Туркмении покупали деревянные остовы юрт у иранских туркмен-иомутов из родов панг и татар, сосредоточивших производство их в своих руках. В южной Туркмении деревянные части юрт делали мастера из Нохура, их привозили также из Хорезма и Мерва, а в юго-восточной Туркмении их изготавливали мервские мастера. В юго-западном Узбекистане один из центров продажи деревянных остовов юрт было сел. Джума⁸⁹.

Техника производства деревянных остовов и инструменты отличались у разных народов лишь в деталях. Это производство у киргизов подробно описано А.Ф. Бурковским и К.И. Антипиной; у северных казахов – П. Маковецким; несколько менее подробно – У.Х. Шалекеновым у каракалпаков и хорезмских казахов; у туркмен-огурджали – А. Джикиевым и у припамирских киргизов – Ю.А. Шибайевой⁹⁰. Поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе и перейдем к характеристике покровов юрты.

Деревянные части юрты, особенно решетка и нижняя часть купольных жердей, скреплялись толстыми шерстяными веревками и ткаными полосами различной ширины, имевшими как утилитарное, так и декоративное назначение.

Если деревянные остовы юрт делали специальные мастера, то веревки и тканые ленты, а также войлочное покрытие и камышовые циновки обычно изготавливали в каждом хозяйстве.

Деревянная решетка – *кереге*, укрепленная веревкой или тесьмой, снаружи окружалась камышовыми циновками (*чий, ший, камыш*). У казахов их было две или три, в зависимости от величины юрты⁹¹. Циновки эти, изготовленные обычно из чия – растения, похожего на камыш, или из расщепленных стеблей тростника, камыша и бамбука, нередко оплетали шерстяными разноцветными нитками так, что создавался затейливый узор, просматривавшийся изнутри сквозь *кереге*. Каракалпаки ставили циновки в два слоя и внешняя часто имела особенно красивый узор⁹². Туркмены, за исключением некоторых групп (човдуры, игдыры и др.), вокруг решетки камышовых циновок не ставили, а размещали их поверх войлочных покрытий.

В рассматриваемом регионе существовало два вида войлочных покрытий юрты. *Первый* и наиболее распространенный состоял из трех частей: 1) нескольких войлоков прямоугольной формы (*туурлык, дурлук, тувалик, тутум* и т.д.), окружавших поверх циновок стенки юрты; 2) двух больших, трапециевидных, с округлым верхом и низом войлоков (*узук, делбир*), которыми покрывали купол юрты; 3) небольшого круглого или чаще ромбовидного куска войлока (*тундук, тундик, туйнук, серпик* и т.д.), накидывавшегося на верхний круг.

Каждое войлочное полотнище для прочности было обшито по краям тканой шерстяной тесьмой. К углам прикреплялись веревки или плетеные тесемки, с помощью которых оно привязывалось к деревянному остову. Если войлоков, покрывавших купол юрты всегда было два (один из них набрасывался спереди, а второй закрывал заднюю часть купола), то количество кошм на стенках юрты у разных народов или их групп не всегда одинаково (рис. 10). Обычно их было столько же, сколько и решеток, длина соответствовала длине *каната* (у туркмен, например, от 3 до 5 м), а высота достигала 1,5–2 м⁹³, т.е. покрывала еще и часть куполообразного верха до конца изгиба жерди. Следует заметить, однако, что у некоторых групп туркмен, кроме четырех боковых войлоков, часто встречался еще пятый, маленький (*етим дурлук, гонши дурлук*), закрывавший щель между дурлуками, несколько надвинутыми друг на друга⁹⁴. У текинцев и салыров *етим дурлук* оказывался обычно против двери.

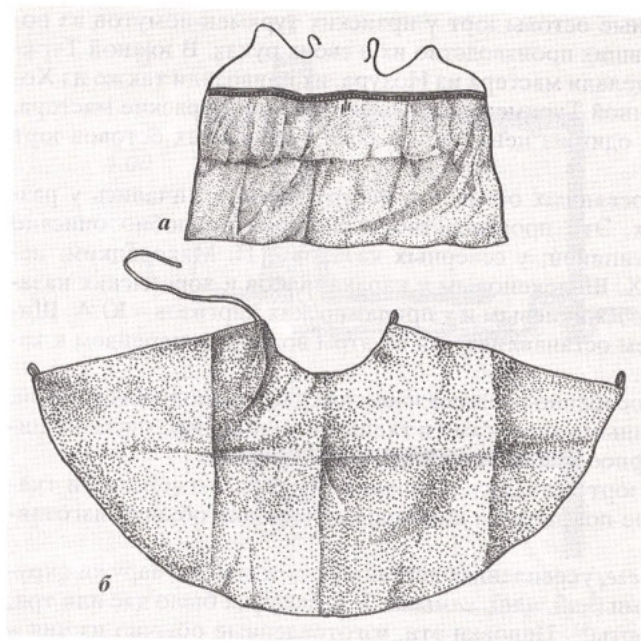

Рис. 10. Войлоки для юрты:
а – дурлук; б – узук. Туркмены-
иомуты

У казахов и киргизов число стенных кошм также не всегда соответствовало числу решеток в юрте. Так, К.И. Антипина отмечает, что “на юрту средних размеров делают три таких войлока, на большую – четыре. Ширина (т.е. высота. – *Авт.*) каждого войлока 1,8–2 м, длина – 4,5 и 5,5”⁹⁵. То же самое можно сказать и о кошмах, употреблявшихся в казахских юртах⁹⁶.

В каракалпакской юрте в наши дни войлочное покрытие состоит из трех кусков: двух больших войлоков для покрытия купола (*узук*) и одного маленького – для дымового отверстия⁹⁷. Боковые войлочные полотнища заменяет второй слой камышовых циновок. Казахи, жившие вместе с каракалпаками в дельте Амударьи, также в большинстве случаев стали заменять *туырлыки* камышовыми циновками. Такие же юрты – без боковых кошмных покрытий – встречались и у сырдарьинских казахов⁹⁸. Как отмечает У.Х. Шалекенов, у казахов это было вызвано переходом к полуседлому образу жизни и уменьшением поголовья мелкого рогатого скота⁹⁹. (Теми же причинами, вероятно, объясняется отсутствие боковых войлочных покрытий в каракалпакских юртах и юртах хорезмских узбеков.) Произошло это довольно давно (в XIX в. юрты каракалпаков кажется не имели боковых войлоков), поскольку никто из авторов, писавших о каракалпаках, о них не упоминает¹⁰⁰. К.Л. Задыхина не указывает, какие войлочные покрытия были в юртах северных хорезмских узбеков, но, судя по фотографии юрты в ее статье, эта группа также не покрывала войлоками стен и ограничивалась лишь войлочным покрытием купола. По словам К.Л. Задыхиной, узбеки сами не выделяли ни кошм, ни шерстяных тканых полос для юрт, а покупали их у каракалпаков, туркмен, а иногда у казахов¹⁰¹. Для лета стенки из камышовых циновок были очень удобны, так как пропускали воздух и в юрте становилось прохладно. В это время года полукочевые узбеки и некоторые группы казахов специально снимали боковые войлочные покровы,

оставляя лишь камышовые циновки, чтобы в юрте не было жарко. Туркмены также снимали пятаю, маленькую кошму, создавая таким образом вентиляцию воздуха. Однако зимой без боковых войлочных покровов в юрте было холодно, и поэтому каракалпакам, так же как и приамударьинским казахам, постоянно живущим в ней, приходилось дополнительно утеплять юрту саксаульными заборами, камышом или шкурами животных¹⁰². Туркмены с внешней стороны юрты поверх войлочных покрытий укрепляли две большие камышовые циновки (*гамыши*), охватывавшие юрту почти кольцом; сзади помещалась третья, маленькая циновка (*гозенек гамыши, гот камыш*), соединяющая между собой большие и обычно снимавшаяся летом, чтобы в юрту проникало больше воздуха. Камышовые циновки удерживались толстой шерстяной веревкой или широкой тканой черной, а иногда узорной тесьмой. (Эти различия в характере покрытия юрт соседних народов бросались в глаза, и их отмечали даже те путешественники, которые на занимались специально изучением жилища. Так, английский военный путешественник Г. Лансделл, проехавший в начале 80-х годов прошлого века по многим среднеазиатским областям, отметив сходство туркменских и казахских юрт писал: "Я заметил, однако, что камышовые циновки киргизы (казахи. – *Авт.*) помещают по кругу юрты **изнутри**, а туркмены – **снаружи** (подчеркнуто нами. – *Авт.*). Эти циновки прикреплены снаружи (к юрте) широкими поясами, похожими на вельвет, около 9 дюймов шириной"¹⁰³.)

Продолжим характеристику войлочных покровов. Два войлока, находящиеся на куполе, – самые большие по своим размерам. В средней юрте южных киргизов их высота равна 3–3,2 м, ширина верхней части 2,5–2,7 м, нижней – 8–9 м; в юрте туркмен-иомутов – соответственно – 2–2,5 м, 3 и около 10 м¹⁰⁴. У некоторых групп казахов, по данным И.В. Захаровой, встречалось не два, а три купольных войлока¹⁰⁵, что объяснялось большими размерами юрт. У узбеков-кипчаков купольных кошм было две, так же как и у карлуков¹⁰⁶. Б.Х. Кармышева, которая лишь со слов информаторов характеризует юрты локайцев и полукочевых узбеков Пастдаргомского района Самаркандской области, к сожалению, не упоминает о количестве купольных кошм, однако ее полевые материалы о юрте узбеков-кунградов показывают, что купол покрывают две большие кошмы¹⁰⁷. Верхние края купольных войлоков касаются купольного круга, нижние – опускаются на боковые войлоки. Прикрепляются они с помощью веревок или лент к жердям купола: веревки переднего войлока, накладываемого в первую очередь, укрепляются внутри юрты за задние жерди; ленты или веревки, идущие от второго войлока, протягиваются через купол впереди крест-накрест и закрепляются в верхних углах дверной рамы. В юртах полукочевых узбеков и некоторых групп южных киргизов по нижнему краю *узук*ов пришиваются белые ленты, которые, прикрепляясь к веревке, опоясывающей войлочные стенки юрты, прочно удерживают войлок на месте и одновременно составляют характерное украшение.

Наконец, имелось еще одно войлочное четырехугольное или круглое покрытие верхнего круга, которое откидывалось в дневные часы и хорошую погоду для освещения и выхода дыма. На углах оно имело по одной веревке (у круглых – несколько веревок по окружности) и трем из них у узбеков и киргизов крепилось к поясной ленте, проходящей по середине боковых кошм. Туркмены прикрепляли эти веревки к самой нижней части решеток¹⁰⁸.

Круглая форма купольного войлока отмечена у большинства туркмен и узбеков-кунградов¹⁰⁹, причем, по данным А. Оразова и нашим полевым материалам, к

круглому войлочному покрытию пришивалось от 6 до 8 веревок. Пятью или шестью из них купольный войлок крепился к нижней части решеток, а двумя веревками, оставшимися свободными, регулировали величину дымового и светового отверстия. В четырехугольном войлоке лишь последняя веревка оставалась свободной. Для того чтобы открыть или закрыть дымовое отверстие, прибегали к помощи длинного шеста (*дирек, серпик, агач, сыйрык, бакан*). Он употреблялся у туркмен, казахов и каркалпаков. В хорошую погоду эта четвертая веревка верхнего войлочного покрытия обычно свисала до земли¹¹⁰. У туркмен-иомутов свободный конец веревки закреплялся у двери на одном из двух выступающих концов деревянной решетки (*шатерим*)¹¹¹. В случае ветреной погоды концы веревок верхнего войлочного покрытия привязывали к кольям, врытым по обоим сторонам юрты, которые порой укрепляли различными тяжелыми предметами, или же накладывали камни на войлочное покрытие купола, чтобы сделать юрту устойчивее¹¹². А. Оразов отмечал, что при сильных, ураганных ветрах для устойчивости юрты войлочные покрытия купола вообще снимали¹¹³.

Таким образом, войлочный покров первого вида в средней 4–6-канатной юрте состоял из семи-девяти кусков войлока, предназначенных отдельно для решеток, купольных жердей и купольного круга. Этот вид покрытия, как указывалось, был широко распространен и известен всем среднеазиатским народам и казахам, использовавшим юрту в качестве жилища.

Второй вид войлочного покрытия встречался только у казахов и киргизов. Он состоял из трех-четырёх больших кошм, покрывающих юрту от верхнего купольного круга почти до земли, и одной-двух кошм, набрасывавшихся на купольный круг¹¹⁴. Поверх войлочного покрытия юрта опоясывалась двумя веревками: одна проходила по середине решетчатых стен, вторая – у самого их верха¹¹⁵. По наблюдениям Е.И. Маховой, такие войлоки не доходят до земли на 20–25 см. Называется этот тип покрытия у киргизов *которе-туурдук*, у казахов – *котерме туырлык*, или *туурлык*¹¹⁶.

По данным художника С.М. Дудина и полевым материалам Е.И. Маховой, в конце XIX – начале XX в. *которе туурдук* были распространены в юртах на летних пастбищах у киргизов Таласа и Алайской долины¹¹⁷. Однако в наше время их, видимо, уже перестали использовать. К.И. Антипина во второй половине 50-х годов, собирая материал среди южных киргизов, зафиксировала в юртах населения Алайской долины только первый вид войлочного покрытия; второй же, по ее сообщениям, встречался у киргизов ичкиликской группы нойгут, населявших в основном Баткенский район на юго-западе республики¹¹⁸. По наблюдениям Е.И. Маховой, этот второй вид покрытия непременно сочетается с полусферической по форме купола юртой и, по ее мнению, может служить одним из определяющих этногенетических признаков при выделении этнокультурных комплексов.

С.И. Руденко, напротив, считал этот вид покрытия характерным для кочевников. Он отмечал его, в частности, у юго-западных адаев, живущих в бассейне р. Уила и Сагиза и менее других казахских групп связанных с оседлостью, а также у части приалтайских найманов, которые называли юрту, покрытую такими войлоками, *узыксызый* (*узыксызуй*)¹¹⁹. С.И. Руденко считал узук *уй*, т.е. юрту, имеющую узук (*первый вид покрытия*), “самым развитым типом войлочной кибитки”. Он полагал, что разновидность юрты с таким покрытием у северных казахов “выработалась... сравнительно недавно” и что ей предшествовала юрта, распространенная у адаев, т.е. с войлочным покрытием второго вида. С ним солидарны Х. Аргынба-

ев и И.В. Захарова, которые зафиксировали юрты с *котерме туырлык* у казахов найманов и кунградов Сузакского района Южно-Казахстанской области, т.е. совсем в другом районе Казахстана. Они записали у информаторов данные о том, что в прошлом юрты с таким покрытием широко были распространены у найманских родов балталы и баганалы, но использовались только во время перекочевки; в местах, где они останавливались на более или менее длительное время, употреблялись войлочные покрытия первого вида¹²⁰. Такую же "походную" юрту описал П. Маковецкий, называя ее *джолум-уй* (*джол, жол* – дорога). По его словам, она состояла из трех решеток, небольшого числа купольных жердей, маленького купольного круга и покрывалась лишь двумя разновидностями кошм – *туурлык* и *тундук*. Эти юрты использовались казахами при перекочевках и вошли "в употребление для проходящих в степи войск (русских. – Авт.)"¹²¹.

Как видно, вопрос о том, являлось ли войлочное покрытие второго вида характерным для определенных этнических групп, или оно независимо от этнической принадлежности было связано лишь с кочевым образом жизни, требует дальнейшего исследования. Мы склонны скорее считать более правильной вторую точку зрения. При этом существенным представляется сообщение информаторов Е.И. Маховой, Х. Аргынбаева и И.В. Захаровой о том, что этот вид покрытия применялся при перекочевках и на летних пастбищах и, таким образом, видимо, у большинства групп сосуществовал с первым.

Мы попытались дать сравнительную характеристику строения деревянного остова и кровов юрт разных племенных групп среднеазиатских народов и казахов, отмечая то особенное в конструкции этих жилищ, что различало их, или то общее, что их объединяло, и сделать возможные выводы.

Автор сознательно не характеризовал внешний и внутренний декор юрты, чрезвычайно интересный, очень своеобразный, но представляющий тему самостоятельного исследования.

Остановимся вкратце на других видах переносного жилища, отличного от решетчатой юрты и распространенного у народов региона наряду с ней.

Одним из наиболее часто встречающихся его видов была постройка без решеток, состоявшая из одних купольных жердей и купольного круга, иногда меньшего по величине, чем в юрте. Этот вид жилья назывался по-разному: *алачык* (*лочик*) у узбеков и киргизов, *аблайча*, *жолым уй* у казахов, *орача* у туркмен¹²². При его установке купольные жерди втыкали прямо в землю или привязывали к невысоким кольям, вбитым по кругу в землю. Поверх жердей его покрывали старым войлоком, а иногда и камышовыми циновками. Этот вид переносного жилища использовался при частых перекочевках пастухов, в качестве постоянного жилья у беднейших слоев полукочевого населения, наконец, в качестве сезонного на пастбищах у полуоседлого и оседлого населения. В последнем случае он имел более усовершенствованный вид (см. статью Г.П. Васильевой в наст. сборнике, с. 114–117).

Существовала еще одна форма переносного жилища, встречавшаяся у некоторых групп казахов. Несомненно, из всех народов, имевших юрту, у казахов этот вид жилища достиг наибольшего развития. У них имелись разнообразные формы юрт, начиная от парадных и кончая походными¹²³; среди них необходимо отметить юрту, называемую *кос* (*кош*) и использовавшуюся в прошлом, по словам П. Маковецкого, "для пастухов, табунщиков, в ауле для гостей и при частых перекочевках"¹²⁴. Об этой же форме юрты писала И.В. Захарова, а С.И. Руденко указывал, что *кос* используют "малоимущие казахи в качестве летнего жилища"¹²⁵.

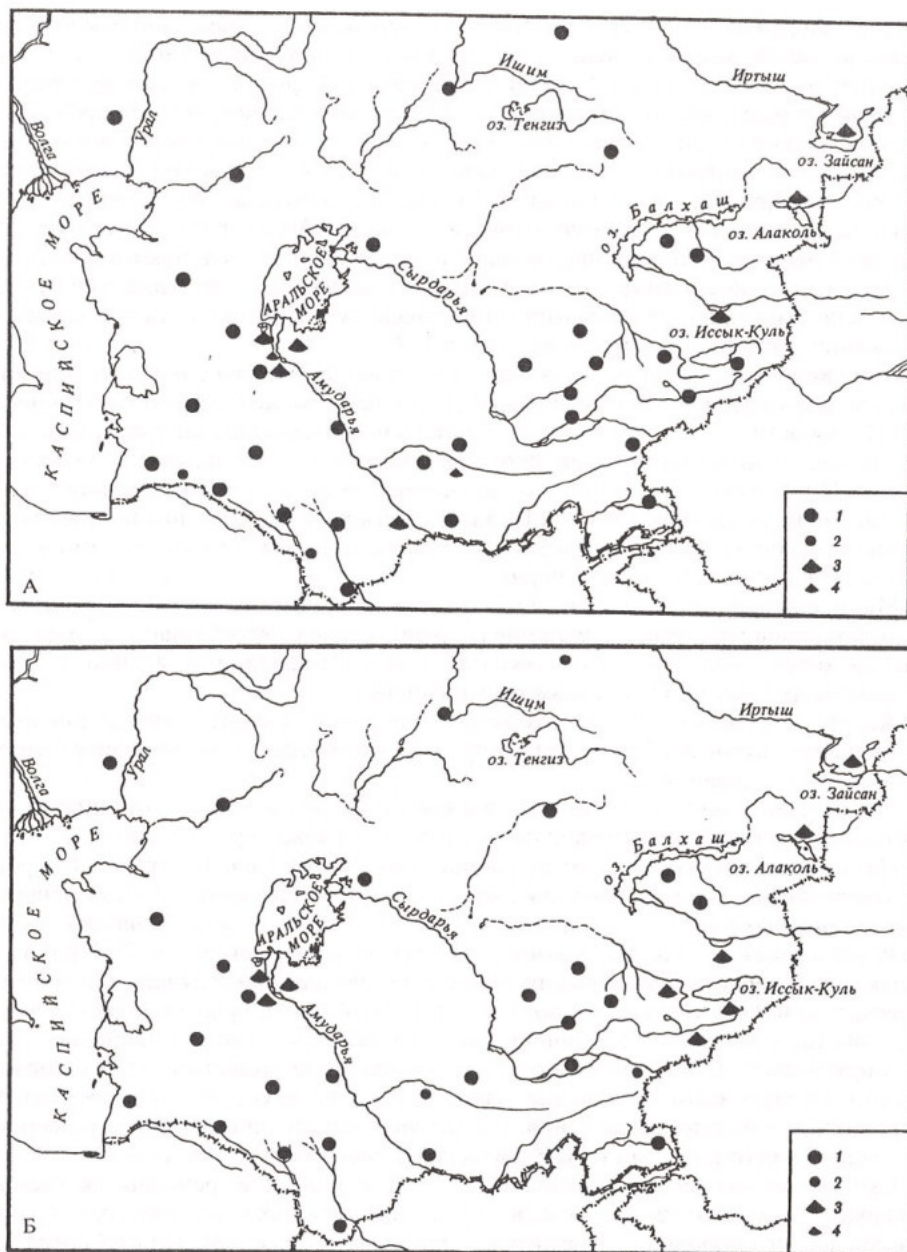

Рис. 11. Карта распространения подтипов тюркской юрты
 А – середина XIX в.; Б – начало XX в. Юрты со сферическим верхом (кипчакский подтип):
 1 – преобладают, 2 – единичные Юрты с коническим верхом (найманский подтип): 3 – пре-
 обладают, 4 – единичные

Кос представляет собой маленькую юрту, стены которой состоят всего из двух или трех решеток, а купольный круг отсутствует; *прямые* (подчеркнуто нами. – Авт.) купольные жерди, число которых, естественно, значительно меньше, чем в обычной юрте, сверху укрепляются внутри небольшой деревянной крестовиной с помощью веревок, продетых в отверстие каждой жерди. Из-за того, что жерди купола прямые, юрта имеет конусообразную, а не сферическую форму. Поверх решетчатого остова юрта окружается циновками и покрывается сверху двумя кошмами. С.И. Руденко называет этот вид юрты также *жолма уй*¹²⁶, хотя, по описанию П. Маковецкого, последняя имеет несколько иную конструкцию (см. наст. сборник, с. 89). Кос отмечена авторами в северном и юго-восточном Казахстане. Если согласиться с прежней точкой зрения С.И. Вайнштейна, что тюркский тип юрты более древний, чем монгольский, и прежде был близок к последнему, а хазарейская юрта является реликтом древнетюркской юрты, то казахская кос, как нам кажется, может оказаться наиболее древней формой решетчатой юрты, тем переходным от хуннского типом жилища, о котором пишет С.И. Вайнштейн, а юрта со сферическим куполом – более поздним ее вариантом. Не исключено, что оба типа юрт – со сферическим и конусообразным верхом – сосуществовали вместе более длительное время, чем предполагает С.И. Вайнштейн, считая, что монгольская, с конусообразным верхом, юрта появилась лишь в XIV в.¹²⁷

Сравнительное изучение и анализ подтипов решетчатой юрты тюркского типа у различных народов показывает взаимосвязь этнических и культурных влияний и направлений их, что весьма важно для решения проблем этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Так, если посмотреть на карту распространения подтипов тюркской юрты на территории изучаемого региона, можно заметить, что наиболее широко юрта с полусферическим верхом распространена в центральных и южных районах региона, другой ее подтип, со срезанным коническим верхом (условно названный нами найманским), распространен на северо-востоке Казахстана (Семиречье), в Северной Киргизии (кроме Таласской долины) и от Аральского моря по Амударье, захватывая территорию Каракалпакии, районы расселения северных хорезмских узбеков, туркмен-човдуров и эрсари (рис. 11). За пределами региона этот подтип юрты распространен у башкир, алтайцев и ногайцев Северного Кавказа. Его появление в Северной Киргизии и у туркмен-човдуров и вытеснение юрты с полусферическим верхом, прежде используемой ими, отмечено письменными источниками и происходило, вероятно, в течение XIX в.

Причины процесса замены одного подтипа другим пока неясны и требуют дополнительных исследований. Возможно, это объясняется известным этнокультурным влиянием или какими-то социально-экономическими факторами, например переселениями, отсутствием собственных мастеров и покупкой деревянных остовов в определенных центрах их изготовления у мастеров из других этнических групп и т.д.

Многие важные детали конструкции юрт сейчас, к сожалению, уже утрачены и могут быть восстановлены далеко не полностью. Выяснение таких вопросов – настоятельная, неотложная задача этнографов. Нет необходимости доказывать, какой важный материал для этногенеза и этнокультурных связей может дать сравнительное изучение юрт разных этнических групп.

- ¹ Термин "решетчатая юрта" впервые предложен Н.Н. Харузиным, чтобы отличить этот вид переносного жилища от других. В литературе, особенно дореволюционной, юртой нередко называли самые различные типы жилища – не только переносные, но и бревенчатые постоянные постройки сибирских народов. С.И. Вайнштейн предложил именовать юртами лишь жилища с цилиндрическим складным решетчатым каркасом стен, чтобы избежать неоправданного разнобоя в названиях. См.: *Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии* // СЭ. 1976. № 4. С. 43.
- ² Сарты Хамийского оазиса (Синьцзян), по некоторым данным, в конце XIX в. сохраняли кое-где полукочевой быт и юрты в качестве летнего жилища. См.: *Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии*. СПб., 1881. Т. II. С. 12.
- ³ *Ferdinand K. Review Articles: Ethnographical Notes of Chahar aimak, Hazara and Moghol* // *Acta Orientalia*. 1964. Т. 1/2. Vol. XXVIII. P. 191; *Кармышева Б.Х. Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана* // Изв. Отд-ния обществ. наук. 1956. № 10/11. С. 14; *Кисляков Н.А. Сайробские таджики* // СЭ. 1965. № 2. С. 20.
- ⁴ *Шаниязов К.Ш. Узбеки-карлуки: Ист.-этногр. очерк*. Ташкент, 1964. С. 97; *Букейхан А.Н. Казаки Адаевского уезда* // Казаки: Антропол. очерки С.Ф. Баранова, А.Н. Букейхана, С.И. Руденко: (Материалы особого комитета по исслед. союз и автоном. республик). Сер. Казакстан: Л., 1927. Вып. 3. С. 71; *Centlivres-Demont Micheline: Deux exemples d'habitation mobile. La yourte d'Asie centrale. Le tipi d'Amerique du Nord*. Commission d'Information du Département d'architecture de l'Ecole polytechnique federale de Lausanne. 1977. P. 5; *Оразов А. Поселения и жилище прибалханских туркмен в конце XIX – начале XX в.* // ТИИАЭ АН ТССР. Сер. этногр. Ашхабад, 1963. Т. 7. С. 51.
- ⁵ *Абрамзон С.М. Этнографический альбом художника П.М. Кошарова (1857 г.)* // Сб. МАЭ. М.; Л., 1953. Т. 14. С. 153.
- ⁶ *Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России* // Э О. М., 1896. № 1/2. С. 30.
- ⁷ Там же. С. 29, 122.
- ⁸ Казаки: Антропол. очерки...; Казаки: Сб. ст. антропол. отряда Казакстан. экспедиции АН СССР: Материалы комиссии и экспедиц. исслед. Сер. Казакстан. Л., 1930. Вып. 15.
- ⁹ *Иванов П.П. Ой-туркменская кибитка: По материалам отряда Туркменкульта в этнолого-лингвист. экспедиции АН СССР* // *Туркменоведение*. 1930. № 8/9.
- ¹⁰ Этнография каракалпаков XIX – начала XX в.: Материалы и исследования. Ташкент, 1980; *Кармышева Б.Х. Жилище узбеков племени карлук...; Гафферберг Э.Г. Хазарейская юрта "ханаи хырга": К вопросу об истории кочевого жилища* // Сб. МАЭ. М.; Л., 1953. Т. 14.
- ¹¹ *Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища...* С. 46.
- ¹² Н.Н. Харузин не говорит об этом прямо, однако на основании высказываний о том, что Олеарий застал у ногайцев юрты, сделанные из камыша, которые лишь в сильные морозы покрываются кошмой, а Корнелий де Бруин в начале XVIII в. описал у астраханских татар уже настоящие решетчатые юрты, можно прийти к такому заключению. См.: *Харузин Н.Н. История развития жилища...* С. 46.
- ¹³ *Кармышева Б.Х. Жилище узбеков племени карлук...* С. 23.
- ¹⁴ *Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища...* С. 57. Позднее, в другой работе, С.И. Вайнштейн несколько изменил свое мнение относительно эволюции купола тюркской юрты (см. Предисловие в наст. сборнике).
- ¹⁵ Там же. С. 47.
- ¹⁶ *Ferdinand K. Review Articles*. P. 191.
- ¹⁷ *Шурман Х.Ф. Моголы Афганистана: Этнография моголов и родственных народов Афганистана*. Гаага, 1962.
- ¹⁸ *Ferdinand K. Review Articles*. P. 191, 196, 197.
- ¹⁹ *Ferdinand K. Some Considerations on the Jurt with Reference to Afganistan and Mongolia* // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974. С. 285–286.
- ²⁰ Термины в статье даны в основном на казахском языке (иногда использован и язык другого народа), в приложении к сборнику имеется словарь местных терминов. В большинстве случаев жерди выгнуты кнаружи в средней или верхней части, однако у южных киргизов этот изгиб делается в нижней части, отчего диаметр юрты у земли несколько шире, чем у верхнего края решетки. См.: *Антипина Е.И. Особенности материальной культуры южных киргизов*. Фрунзе, 1963. С. 159–160. А.Ф. Бурковский пишет, что жердям решетки придавалась S-образная форма. См.: *Бурковский А.Ф. Из истории техники обработки дерева у киргизов* // УЗИФ КГУ, 1954. Вып. 3. С. 98. Туркмены обычно делают решетку из почти прямых жердей.
- ²¹ У казахов, по Маковецкому, от 22 до 17 пар (см.: *Маковецкий П. Юрта – летнее жилище киргизов* // ЗЗСО. Омск, 1893. Вып. XV. С. 4); по Маргулану – от 17 до 20 (см.: *Маргулан А.Х. Казахская юрта и ее убранство*. М., 1964. С. 10). У туркмен-текинцев нередки были решетки от 24–26 пар жердей. См.: Полевые материалы автора 1979 г. – АИЭИА.

- 22 Бурковский А.Ф. Из истории техники обработки... С. 91; Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 159; Полевые материалы автора 1974, 1977, 1979 и др. годов. – АИЭИА.
- 23 Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 160; Борозна Н.Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 95.
- 24 Маргулан А.Х. Казахская юрта... С. 9–10; Руденко С.И. Очерки быта казаков бассейна рек Уила и Сагиза // Казаки: Антропол. очерки... С. 14.
- 25 Букейхан А.Н. Казаки Адаевского уезда. С. 71; К.И. Антипина указывает, что большие отверстия называются *тор коз*, мелкие – *жел коз*. См.: Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 159. Вероятно, в текст ее работы вкралась ошибка, так как и по смыслу, и по данным, приведенным М. Айтбаевым о юртах киргизов Прииссыккуля, решетки назывались так же, как у казахов; в крупную сетку – *жел коз*, в мелкую – *тор коз*. См.: Айтбаев М. Историко-культурные связи киргизского и русского народов. Фрунзе, 1957. С. 100. См. также статью Б. Алымбаевой в данном сборнике.
- 26 Маковецкий П. Юрта – летнее жилище киргизов. С. 5; Востров В.В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области // ТИИАЭ АН КазССР. Сер. этногр. Алма-Ата, 1956. Т. 3. С. 25. Маргулан А.Х. Казахская юрта... С. 9; Бурковский А.Ф. Из истории техники обработки... С. 94; Задыхина К.Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи // ТХАЭ. М., 1952. Т. 1. С. 355.
- 27 Задыхина К.Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. С. 356; Шалекинов У.Х. Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района // ТХАЭ. М., 1958. Т. 3. С. 324.
- 28 Шибаева Ю.А. Материалы по жилищу мургабских киргизов // Сообщ. Тадж. РИКМ. Сер. История и этнография. Сталинабад, 1955. Вып. 2. С. 95. Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 15; Бурковский А.Ф. Из истории техники обработки... С. 93.
- 29 Задыхина К.Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. С. 356.
- 30 Рона-Таш А. По следам кочевников: Монголия глазами этнографа / Пер. с венг. М., 1964. С. 145; Шаниязов К. К этнической истории узбекского народа: Ист.-этногр. исслед. на материалах кыпчак. компонента. Ташкент, 1974. С. 227; Иванов П.П. Ой-туркменская кибитка. С. 47; Полевые материалы автора 1971, 1979 гг. – АИЭИА.
- 31 У некоторых групп казахов высота решетки достигала 1,75 м. Возможно, такая высота была характерна для юрт богатых казахов. См.: Куфтин Б.А. Киргиз-казаки. М., 1926. С. 21.
- 32 Шаниязов К.Ш. Узбеки-карлуки. С. 96, примеч., Кармышева Б.Х. Жилище узбеков... С. 14, 22.
- 33 Маргулан А.Х. Казахская юрта... С. 6.
- 34 Захарова И.В. Материальная культура казахов-колхозников юго-восточного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т. 3. С. 115; Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 170.
- 35 Маковецкий П. Юрта – летнее жилище киргизов. С. 9; Руденко С.И. Очерк быта казаков... С. 13; Задыхина К.Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. С. 356.
- 36 Andrews P. The white House of Khurasan: the felt Tents of the Iranian Jomut and Göklen // Journal of Persian Studies. 1973. Iran, XI. P. 96.
- 37 Полевые материалы автора 1958 г. – АИЭИА.
- 38 Иванов П. Ой-туркменская кибитка. С. 47; Овезбердыев К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса // ТИИАЭ АН ТССР. Т. 7. С. 114; Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Ташаузской и Чарджоуской областей // ПИИЭ 1980–1981 гг. М., 1984. С. 65; Винников Я.Р. Социалистическое переустройство быта дайхан Марыйской области // Среднеазиатской этнографический сборник. Тр. ИЭ. Н.С. М., 1954. Т. 21. С. 45.
- 39 Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976. С. 45; Кочекаев Б.Б. Ногайская юрта и ее убранство // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1975. Вып. 1. С. 132.
- 40 Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 159; Бурковский А.Ф. Из истории техники обработки... С. 91; Жданко Т.А. Каракалпаки // Народы Средней Азии и Казахстана: Этногр. очерки. Сер. Народы мира; Т. 1. Букейхан А.Н. Казаки Адаевского уезда. С. 71; По измерениям, проведенным Г.П. Васильевой в 1980 г., длина их по прямой 2,15 и 2,10 м, а вся длина – 2,26 и 2,20 м.
- 41 Маргулан А.Х. Казахская юрта... С. 10; Овезбердыев К. Материалы по этнографии... С. 115.
- 42 Иванов П.П. Ой-туркменская кибитка. С. 47; Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Мургабского оазиса // ПИИЭ 1979 г. М., 1983. С. 144; Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 157; Шибаева Ю.А. Материалы по жилищу... С. 97.
- 43 Задыхина К.Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. С. 355; Васильева Г.П., Махова Е.И. Программа сбора материала по жилищу сельского населения Средней Азии и Казахстана для Историко-этнографического атласа // ТИЭ. М.; Л., 1961. Т. 48. С. 121.

- 44 Шалекенов У.Х. Быт каракалпакского крестьянства... С. 323; Он же. Казахи низовьев Аму-Дарьи: К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII – XIX вв. Ташкент, 1966. С. 209.
- 45 Шиббаева Ю.А. Материалы по жилищу... С. 97; Букейхан А.Н. Казахи Адаевского уезда. С. 71; Маргулан А.Х. Казахская юрта... С. 10; Захарова И.В. Материальная культура... С. 114; Маковецкий А. Юрта – летнее жилище киргизов. С. 4; Руденко С.И. Очерк быта казаков... С. 30; Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Мургабского оазиса. С. 143.
- 46 Шаниязов К. К этнической истории... С. 227; Он же. Узбеки-карлуки... С. 95–96, примеч. 9.
- 47 Борозна Н.Г. Материальная культура узбеков... С. 95; Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана // ТИИАЭ АН ТаджССР. Сталинабад, 1954. Вып. 28. С. 139; Задыхина К.Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. С. 356.
- 48 Васильева Г.П. Материалы по жилищу... С. 143. Овезбердыев К. Материалы по этнографии... С. 115; Оразов А. Поселения и жилище... С. 47; Васильева Г.П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969. С. 162; Есбергенов Х., Оськин А.В. Этнография каракалпак-ков, XIX – начало XX в.: Материалы и исследования. Ташкент, 1980. С. 44; Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 159.
- 49 Бурковский А.Ф. Из истории техники обработки... С. 94; Полевые материалы автора 1959 г. – АИЭиА; Есбергенов Х., Оськин А.В. Этнография каракалпак-ков. С. 44.
- 50 Бурковский А.Ф. Из истории техники обработки... С. 94; Маковецкий П. Юрта – летнее жилище киргизов. С. 4; См. статью Б.Х. Кармышевой в наст. сборнике.
- 51 Захарова И.В. Об итогах этнографических экспедиций 1955 и 1956 гг. // ТИИАЭ АН КазССР. Этнография. Алма-Ата, 1959. Т. 6. С. 6.
- 52 Шалекенов У.Х. Быт каракалпакского крестьянства... С. 325, рис. 21, а.
- 53 В характеристику комплексов культурных признаков, выделенных Е.М. Маховой для киргизов, вк-ралась досадная ошибка. При описании формы купольной части остова конусообразной юрты написано: "... высокая с резким (курсив мой. – Авт.) изгибом в нижней части жердей", в то время как в юрте этого типа жерди изогнуты как раз менее резко, чем в юрте второго типа. См.: Махова Е.И. Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза // ТКАЭЭ. Фрунзе, 1959. Т. 3. С. 47.
- 54 У калмыкской, как и у монгольской юрты, верх имеет форму усеченного конуса, но монгольская юрта более приземиста по сравнению с калмыкской и тюркской.
- 55 Куфтин Б.А. Киргиз-казаки. С. 32; Маргулан А.Х. Казахская юрта... С. 4; и др.
- 56 Термин, насколько нам известно, впервые введен А.Х. Маргуланом. См.: Маргулан А.Х. Казахская юрта... С. 4. Он кажется удачным, так как объединяет большую группу народов, этнокультурные связи которых со средневековыми кипчаками не вызывают сомнения. Юрта со сферическим куполом характерна и для современных узбеков-кипчаков. Однако это не самостоятельный тип, а скорее подтип внутри тюркского типа.
- 57 Абрамзон С.М. Киргизы и их этнографические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 117; Он же. Этнографический альбом... С. 152–153, табл. VI, рис. 27–41.
- 58 Харузин Н.Н. История развития жилища... С. 24.
- 59 Бентковский И. Жилища и пища калмыков Большедербентского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии, Ставрополь, 1868. Вып. 1. С. 83; Эрдниева У.Э. Калмыки (конец XIX – начало XX в.): Ист.- этногр. очерки. Элиста, 1970. С. 126.
- 60 Кармышева Б.Х. Традиционные формы бытового уклада в конце XIX – начале XX в. // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С. 115.
- 61 Маргулан А.Х. Казахская юрта... С. 10; Маковецкий П. Юрта – летнее жилище киргизов. С. 9; Эрдниева У.Э. Калмыки. С. 127.
- 62 А.Х. Маргулан пишет, что в богатых юртах двери были их "лучшим убранством". Великолепные резные двери (сыкырлаук) – двусторонне-филенчатые, часто с балясинами. Их детали могли быть заполнены костяной инкрустацией и выполнены техникой художественной росписи. См.: Маргулан А.Х. Казахская юрта. С. 11.
- 63 Куфтин Б.А. Киргиз-казаки. С. 24; Шаниязов К. К этнической истории... С. 227.
- 64 Иванов П.П. Ой-туркменская кибитка. С. 50.
- 65 Там же. С. 49–50.
- 66 Маковецкий П. Юрта – летнее жилище киргизов. С. 5; Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1930. Т. 3, вып. 2. С. 430. У узбеков-карлуков аналогичная решетка называлась так же. См.: Шаниязов К.Ш. Узбеки-карлуки. С. 93; Погорельский П.В. Быстрореченская волость (Фрунзенского района Киргизской АССР) // Современный кышлак (аул) Средней Азии: Социал.-экон. очерк. Ташкент, 1927. С. 10; Оразов А. Поселение и жилище... С. 48; Иванов П.П. Ой-туркменская кибитка. С. 50.

- 67 Шаниязов К.Ш. Узбеки-карлуки. С. 95; *Он же*. К этнической истории... С. 22.
- 68 Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 160; Алымбаева Б. Поселения и жилища кетмень-тюбинских киргизов // Культура и быт кетмень-тюбинских киргизов: По материалам этногр. экспедиции 1973 г. Фрунзе, 1979. С. 73; Кармышева Б.Х. Полевые материалы 1971 г. – АИЭиА.
- 69 Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 161. У северных киргизов, по материалам Е.И. Маховой, дверь-занавес имеет форму двух неравных по величине прямоугольников, меньший из которых располагается на куполе юрты. См.: Васильева Г.П., Махова Е.И. Программа сбора материала по жилищу... С. 121, рис. 9 г.
- 70 Алымбаева Б. Поселения и жилища... С. 70.
- 71 Шаниязов К.Ш. Узбеки-карлуки. С. 95.
- 72 Шибаева Ю.А. Материалы по жилищу... С. 103; Шаниязов К. К этнической истории... С. 229; Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 174; Абрамзон С.М. Киргизы и их этнографические связи. С. 116–117.
- 73 Есбергенов Х., Оськин А.В. Этнография каракалпаков. С. 40; Шаниязов К.Ш. Узбеки-карлуки. С. 97; Рона-Таш А. По следам кочевников. С. 145; Огородников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб., 1878. С. 202; Оразов А. Поселения и жилище... С. 45, и др.
- 74 Иванов П. Ой-туркменская кибитка. С. 59; Васильева Г.П. Полевые материалы 1969, 1971, 1984 гг. – АИЭиА. К. Овезбердыев отмечал у туркмен-сарыков юго-восточную ориентацию дверей юрт. См.: Оверзбердыев К. Материалы по этнографии. С. 120.
- 75 Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910. С. 63.
- 76 Кононов А.Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник, 1974. М., 1978. С. 89.
- 77 Бартольд В.В. Состояние и задачи изучения истории турецких народностей // Собр. соч. М., 1968. Т. 5. С. 463.
- 78 Кармышева Б.Х. Традиционные формы... С. 117.
- 79 Оразов А. Поселения и жилище... С. 41.
- 80 Маргулан А.Х. Казахская юрта... С. 10; Маковецкий П. Юрта – летнее жилище киргизов. С. 9. Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 431; Самойлович А.Н. Казаки Кошагачского аймака Ойратской автономной области // Казаки: Сб. ст. антропол. отряда Казакстан. экспедиции АН СССР. С. 313.
- 81 Букейхан А.Н. Казаки Адаевского уезда. С. 71.
- 82 Руденко С.И. Очерки быта казаков... С. 16; *Он же*. Очерк быта северо-восточных казаков // Казаки: Сб. ст. антропол. отряда Казакстан. экспедиции АН СССР. С. 32.
- 83 Маргулан А.Х. Казахская юрта... С. 10; Маковецкий П. Юрта – летнее жилище киргизов. С. 4; Бурковский А.Ф. Из истории техники обработки... С. 92; Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 156, 171.
- 84 Захарова И.В. Материальная культура... С. 112.
- 85 Востров В.В. Казаки Джаныбекского района... С. 25.
- 86 Руденко С.И. Очерк быта казаков... С. 16; Шнейдер Е.Р. Казахская орнаментика // Казаки: Антропол. очерки... С. 144.
- 87 Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 156; Шибаева Ю.А. Материалы по жилищу... С. 98–99.
- 88 Шалекенов У.Х. Казаки низовьев Аму-Дарьи. С. 212–213; *Он же*. О материалах Кунградского этнографического отряда, 1960 // Вестн. Каракалп. фил. АН УзССР. 1962. № 2(8). С. 75–76; Васильева Г.П. Полевые материалы 1981 г. – АИЭиА.
- 89 Михайлов Ф.А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Ашхабад, 1900. С. 76; Васильева Г.П. Полевые материалы 1984 г. – АИЭиА; Оразов А. Поселения и жилище... С. 45, 1900. С. 76; Кармышева Б.Х. Традиционные формы... С. 115.
- 90 Бурковский А.Ф. Из истории техники обработки... С. 92–94; Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 156–160; Маковецкий П. Юрта – летнее жилище киргизов. С. 4; Шалекенов У.Х. Казаки низовьев Аму-Дарьи. С. 212–214; Джикиев А. Поселения и жилище туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря в XIX – XX вв. // СЭ. 1957. № 1. С. 80–81; Шибаева Ю.А. Материалы по жилищу... С. 99.
- 91 Руденко С.И. Очерк быта казаков... С. 13.
- 92 Есбергенов Х., Оськин А.В. Этнография каракалпаков. С. 51.
- 93 Маковецкий П. Юрта – летнее жилище киргизов. С. 7; Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казаков // Казаки: Сб. ст. антропол. отряда Казакстан. экспедиции АН СССР. С. 30; Шибаева Ю.А. Материалы по жилищу... С. 100; Оразов А. Поселения и жилище... С. 47; Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 162.

- ⁹⁴ Иванов П.П. Ой-туркменская кибитка. С. 48; Оразов А. Поселения и жилище... С. 47.
- ⁹⁵ Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 162.
- ⁹⁶ Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Аму-Дарьи. С. 210.
- ⁹⁷ Есбергенов Х., Оськин А.В. Этнография каракалпаков. С. 52–53.
- ⁹⁸ Аргынбаев Х.А., Захарова И.В. 1958 жылы онтустик Казакстан облысында уйымдастырылган этнографиялык экспедиция жумысынын корытындысы // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1961. Т. 12. С. 105, рис. 3.
- ⁹⁹ Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Аму-Дарьи. С. 211.
- ¹⁰⁰ Полевые исследования автора и вновь вышедшие работы несколько изменили это представление. По данным одного из авторов “Этнографии каракалпаков XIX – начала XX в. (Материалы и исследования)” – Х. Есбергенова, в прошлом каракалпаки утепляли зимой юрту кошмами “туурлык”. См.: Есбергенов Х., Оськин А.В. Этнография каракалпаков. С. 54. То же рассказывали нам информаторы, утверждая, что до советской власти у богатых каракалпаков были кошмы, накидываемые на решетки, и что ими покрывали юрты поверх камышовых циновок, т.е. так, как это делают большинство тюркоязычных народов. См.: Полевая запись автора от Абибназара Еримкулова, 1928 г. рождения, совхоза “Халкабад” Кегейлинского р-на Каракалп. АССР. 1981 г. АИЭИА.
- ¹⁰¹ Задыхина К.Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. С. 356, рис. 5; Шаниязов К.Ш. Узбеки-карлуки. С. 96; Он же. К этнической истории... С. 229–230; Кармышева Б.Х. Традиционные формы... С. 116; Аргынбаев Х.А., Захарова И.В. 1958 жылы онтустик... С. 102; Рона-Таи А. По следам кочевников. С. 145.
- ¹⁰² Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Аму-Дарьи. С. 211; Харузин Н.Н. История развития жилища... С. 38.
- ¹⁰³ Landsell H. Russian Central Asia including Kuldja, Bochara, Khiva and Merv. L., 1885. Vol. 2. P. 445.
- ¹⁰⁴ Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 162; Полевые материалы автора 1969 г., измерения М.М. Санникова. – АИЭИА.
- ¹⁰⁵ Захарова И.В. Материальная культура... С. 115.
- ¹⁰⁶ Шаниязов К. К этнической истории... С. 228; Он же. Узбеки-карлуки. С. 96.
- ¹⁰⁷ Кармышева Б.Х. Полевые материалы 1971 г. Кашкадарьинская обл. – АИЭИА.
- ¹⁰⁸ Шаниязов К. К этнической истории... С. 228; Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 164; Овезбердыев К. Материалы по этнографии... С. 115; Оразов А. Поселения и жилище... С. 48.
- ¹⁰⁹ Иванов П.П. Ой-туркменская кибитка. С. 49. Оразов А. Поселения и жилище... С. 48. У туркмен-текинцев в XIX в., а в некоторых районах и в начале XX в. купольный войлок был также четырехугольным. См.: Andrews P. The white House. Not. 34; Винников Я.Р. Социалистическое переустройство... С. 46; и др. Таким же четырехугольным был купольный войлок у туркмен-човдуров и эрсари. См.: Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Ташаузской... С. 66; Кармышева Б.Х. Полевые материалы 1971 г. – АИЭИА.
- ¹¹⁰ Оразов А. Поселения и жилище... С. 48; Овезбердыев К. Материалы по этнографии... С. 116; Иванов П.П. Ой-туркменская кибитка. С. 46, 49; Маковецкий П. Юрта – летнее жилище киргизов. См.: Есбергенов Х., Оськин А.В. Этнография каракалпаков. С. 54; Антипина К.И. Особенности материальной культуры. С. 164; Шаниязов К. К этнической истории... С. 229.
- ¹¹¹ Шатерим (дословно “шахский терим”), т.е. выступающие части решетки, отмечены у туркмен-иомутов, текинцев и эрсари, а у других народов, видимо, не встречаются. См.: Оразов А. Поселения и жилище... С. 48; Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Мургабского оазиса. С. 144. У текинцев эти выступающие у двери жерди решетки называются также *баитерим*, а у эрсари – *сакна*. К этим жердям привязывают в холодное время года обе половинки двери, чтобы закрыть ее плотнее.
- ¹¹² Шаниязов К. К этнической истории... С. 229; Овезбердыев К. Материалы по этнографии... С. 116; Оразов А. Поселения и жилище... С. 48; Иванов П.П. Ой-туркменская кибитка. С. 49; Туркмены иомудского племени: ВСб., год пятнадцатый. СПб., 1872. С. 83. Отд. I. С. 76.
- ¹¹³ Оразов А. Поселения и жилище... С. 48.
- ¹¹⁴ По сведениям Г.Е. Грум-Гржимайло, у казахов Джунгарии такого рода покрытие состояло из двух больших полостей и одной маленькой, набрасываемой на купольный круг. См.: Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 429.
- ¹¹⁵ Аргынбаев Х.А., Захарова И.В. 1958 жылы онтустик... С. 102.
- ¹¹⁶ Махова Е.И. Материальная культура... С. 46–47; Аргынбаев Х.А., Захарова И.В. 1958 жылы онтустик... С. 102; Руденко С.И. Очерк быта казаков... С. 13.
- ¹¹⁷ Махова Е.И. Материальная культура... С. 47.
- ¹¹⁸ Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 163–164.
- ¹¹⁹ Руденко С.И. Очерк быта казаков... С. 13; Он же. Очерк быта северо-восточных казаков. С. 30–32.
- ¹²⁰ Аргынбаев Х.Л., Захарова И.В. 1958 жылы онтустик... С. 102.
- ¹²¹ Маковецкий П. Юрта – летнее жилище киргизов. С. 10.

- ¹²² *Борозна Н.Г.* Материальная культура узбеков... С. 100; *Кармышева Б.Х.* Жилище узбеков племени карлук... С. 22; *Айтбаев М.Т.* Историко-культурные связи... С. 103.
- ¹²³ *Маргулан А.Х.* Казахская юрта... С. 4–5. Речь не идет о повседневных жилых юртах середняков и зажиточных скотоводов.
- ¹²⁴ *Маковецкий П.* Юрта – летнее жилище киргизов. С. 10.
- ¹²⁵ *Захарова И.В.* Материальная культура... С. 115; *Руденко С.И.* Очерк быта казаков... С. 14.
- ¹²⁶ *Руденко С.И.* Очерк быта казаков... С. 14.
- ¹²⁷ *Вайнштейн С.И.* Проблемы истории жилища... С. 50. Это подтверждается и более поздней статьей С.И. Вайнштейна и М.В. Крюкова, о которой сказано в Предисловии к наст. сборнику.

Основные виды переносного жилища узбеков

На территории расселения узбеков – в Средней Азии и северном Афганистане – оазисы с оседлым земледельческим населением издревле перемежались обширными степными и полупустынными пространствами с полукочевым населением. В Бухарском ханстве, например, вплоть до 60-х годов XIX в. полукочевники составляли немногим менее половины всего населения. Здесь они в основном были представлены узбеками. Со второй половины XVIII в. усилился процесс их оседания в земледельческих оазисах. Однако в степных и полупустынных районах в целом сохранялся присущий полукочевникам тип хозяйства – пастбищное и отгонно-пастбищное скотоводство (преимущественно овцеводство), в различных соотношениях сочетавшееся с экстенсивными формами земледелия и домашними промыслами¹. В быте полукочевых узбеков даже после оседания значительной их части ярко проступали кочевнические традиции, в частности их жилище оставалось переносным².

Для узбеков характерно переносное жилище двух основных видов: 1) решетчатая юрта (*уй, кора уй*), крытая войлоком, и 2) полусферический шалаш (*лочиг, олачик, кана*) из гнутых жердей, крытый также войлоком. Полевые этнографические исследования, проведенные автором в 1945–1986 гг. в Таджикистане, в Джизакской, Самаркандской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях Узбекистана свидетельствуют, что в распространении указанных видов переносного жилища прослеживалась определенная закономерность: юрта была характерна для той части узбеков, которая по своему происхождению была близка кочевым узбекам Дешти-Кипчака (казахских степей), на рубеже XV–XVI вв. завоевавших Тимуридское государство; полусферический шалаш был характерен для той части населения, которая связана своим происхождением с издавна жившими здесь кочевыми тюркскими племенами. К ней относятся такие этнографические группы в составе узбеков, как карлук, тюрк, калътатай, мусабазари, барлас, могол, тагчи³. Местное население указанных выше областей считало юрту исконным жилищем узбеков дештикипчакского происхождения, а полусферический шалаш – исконным видом жилья карлуков, барласов и других ранних племен, т.е. потомков кочевой части тюркоязычного населения Тимуридского государства⁴.

Эта закономерность проявлялась не повсеместно. Юрта, как более совершенное переносное жилище, довольно широко бытовала и у тюрков (преимущественно у зажиточной части) Ферганы, Ура-Тюбе, верхнего Зеравшана, карлуков низовьев Кашкадарьи и Сурхандарьи, а также у оседлого населения (включая таджиков) южного Узбекистана и Нуратинского хребта. У оседлого населения она слу-

жила в основном сезонным жильем, в котором жили весной на пастбищах недалеке от селения, а летом в садах. В бассейне Гузардарьи и Шерабаддарьи, а также в горах Кугитанг и прилегающей к ним с востока Пашхуртской долине для большинства оседлого населения (включая таджиков) юрта была даже постоянным жильем — в ней жили круглый год. Эта традиция местами продолжалась до 1940-х годов. Да и ныне здесь можно встретить юрту у таджиков в качестве летнего жилья.

Полусферический шалаш, в свою очередь, бытовал и у узбеков дештикипчакского происхождения, но только у обедневших людей и лишь при полной невозможности иметь юрту. Кунграды, например, нередко отказывались выдавать дочь замуж за того человека, кто не мог приобрести новый остов юрты и войлоки для его покрытия, а значит, не могли быть использованы нарядные шнуры, ленты и другие украшения, составляющие основу приданого. Обычно говорили: “Моя дочь не вдова!” Одним словом, у узбеков дештикипчакского происхождения (по традиции вплоть до 1940–1950-х годов старшее поколение именно их продолжало называть узбеками) шалаш считался непрестижным жильем, в то время как у карлуков (исключая карлуков низовьев Кашкадарьи), барласов и других потомков тюрков Тимуридского государства даже очень богатые люди, в частности овцеводы, жили в полусферическом шалаше и при женитьбе сына ставили для новобрачных не юрту, а *лочиг*, и это не считалось непрестижным, ибо он был их традиционным жильем, что ясно осознавалось. Сторона невесты готовила нарядное убранство именно для *лочига*.

Описание двух основных видов узбекского переносного жилища не раз публиковалось (см. библиографический список в конце статьи), однако в настоящем издании, специально посвященном кочевому жилищу, представляется целесообразным вернуться к этой теме, с тем чтобы, опираясь на накопившиеся у автора новые полевые материалы, более детально охарактеризовать оба типа переносного жилища, с наибольшей подробностью рассказать о процессе его изготовления, установки, разборки и хранения. Автор поставил перед собой такую задачу, ясно осознавая, что это равносильно фиксации и охране ценного архитектурного памятника — с той, однако, разницей, что архитектурный памятник имеет больше шансов сохраниться, а хрупкие переносные жилища, с которыми связана целая эпоха в культурном развитии многих народов, уже исчезают. Особенно подробно описан здесь выработанный веками традиционный способ установки юрты. Это вызвано не только научным интересом, но и практической нуждой. Отсутствие такого описания вызывает затруднения при установке юрты у музейных работников, сотрудников различных изыскательских партий, чабанов среднего и особенно молодого поколения. Имеющееся в литературе детальное описание каракалпакской юрты и ее установки, выполненное Х. Есбергеновым и А.В. Оськиным, помещено в книге, изданной мизерным тиражом⁵, а подробное описание изготовления казахской юрты опубликовано на казахском языке⁶.

Юрта у узбеков в настоящее время бытует в основном в степных и низкогорных районах южного Узбекистана и в граничащем с ним Чаршангинском этрапе Туркменистана, а также в Хорезмском вилояте⁷. В остальных вилоятах Узбекистана и на севере Таджикистана юрту можно встретить изредка, обычно у чабанов⁸.

Бытование юрты (наряду с оседлым жилищем) и в наши дни обусловлено и экономическими, и этническими факторами. Уже отмечалось, что благодаря отгонно-пастбищной форме овцеводства продолжает сохраняться утилитарная функция юрты как переносного жилища. Отмечая положительные качества юрты, ис-

следователи обычно подчеркивают главным образом возможность быстро собирать и разбирать ее, легко перевезти вьюком в малодоступные места, большую вместимость⁹. Однако сказанным не исчерпываются ее достоинства. Для жителей Средней Азии важно, что в юрте в жаркое время года бывает прохладно. Летом войлоки, покрывающие ее стены, обычно приподнимают, а тростниковые циновки могут быть свернуты в рулон, поэтому юрта хорошо продувается. Даже в безветрие благодаря высокому куполу с вытяжным отверстием наверху воздух в ней прекрасно циркулирует. Если в глинобитных и кирпичных домах, обычно наглухо закрытых в летнюю жару, всегда несколько сыро и затхло, то воздух в юрте отличается исключительной легкостью и свежестью. Именно это качество отмечают местные жители как одно из лучших достоинств юрты¹⁰.

Недаром при массовом оседании степняков-узбеков в 1920–30-х годах они до последней возможности продолжали жить в юрте или шалаше, считая, что поселиться в глинобитном доме (в то время обычно с низким потолком и земляным полом) – все равно, что “живым войти в могилу”.

Воздействие этнического фактора проявляется в том, что в южном Узбекистане удерживается и обрядовая функция юрты как свадебного жилища. Объясняется это компактным расселением и численным превосходством в овцеводческих районах кунградов – одной из крупнейших этнографических групп узбеков, в наибольшей степени сохраняющей в быту реликты традиционной культуры полукочевых в прошлом узбеков дештикипчацкого происхождения. Свадебная юрта продолжает служить новой семье и в дальнейшем: если в семье нет чабанов, юрта используется в качестве летнего жилья. В ней обычно живут восемь–девять месяцев (март–ноябрь). Старые люди стремятся продлить пребывание в ней, ставя для обогривания *санда*¹¹. Некоторые из них, чувствуя, что жизнь идет к концу, переселяются в юрту, чтобы после смерти быть вынесенным именно из юрты – исконного жилища предков, но главное заключалось в том, что юрту, откуда вынесен покойник, согласно традиции, можно ритуально очистить путем перенесения ее на новое место.

Юрты отдельных узбекских племен в прошлом, возможно, имели какие-то различия, но в настоящее время трудно их выявить, ибо юрта сохранилась не повсеместно (см. статью Г.П. Васильевой, с. 42). Процесс нивелирования начался, видимо, давно и был связан в основном со все большим втягиванием пришедших из Дешти-Кипчака узбекских племен в товарно-денежные отношения, существовавшие в Среднеазиатском междуречье. В конце XIX – начале XX в. наряду с мастерами, работавшими по заказу, было немало мастеров, работавших на рынок. Однако вопрос этот требует специального рассмотрения.

Процесс изготовления остова юрты автором настоящей статьи был зафиксирован в трех местах: 1) в 1978 г. в кишлаке Тукбай Яккабагского района Кашкадарьинской области от потомственных мастеров Уста Касим бобо Рахманова 1886 г. р., его сына Уста Нортаджи Касымова 1924 г.р. и Уста Ровшан бобо Чариева 1898 г.р., происходивших из рода тукбай узбекского племени сарай; 2) в 1961 г. в сел. Катта-кишлак (в долине р. Мачай) Байсунского района Сурхандарьинской области от мастера 1886 г.р. (имя, к сожалению, не записано), происходившего из тюрков; 3) в 1986 г. в кишлаке Кампиртепа Шерабадского района той же области от Эштемира Халбаева 1925 г.р., происходившего из кунградов и научившегося изготовлению остова юрты самостоятельно.

Мастера кишлака Тукбай издавна работали как по заказу, так и на рынок. Ближайший базар, где они сбывали свой товар, был в Карабаге, расположенном

между Чиракчи и Гузаром, от которого на восток и юго-восток простирались кочевья кунградов. Они-то и были основными (но не единственными) покупателями и заказчиками тукбайских мастеров. Поскольку спрос на остовы юрт был большим, естественные заросли ивы полностью не обеспечивали сырьем. Мастера сами выращивали иву – *тал* (*тол*). В южных районах Узбекистана и Таджикистана различают пять видов этого дерева. Из них используются для изготовления остова юрты только два вида: *кара тал* – черная ива (ива южная – *Salix australior* Anderss) и *сары тал* – желтая ива (ива остролистная – *Salix acutifolia*). Мастера Тукбая более ценят первый вид, считая ее древесину не только прочной и эластичной (особенно после подогревания перед сгибанием), но и устойчивой против вредителей. Однако в южном Таджикистане и в бассейне Сурхандарьи и Шерабаддарьи предпочитали желтую иву, которая здесь обильно росла в естественных условиях в пойменных тугаях.

Плантацию черной ивы на своем приусадебном участке показал тукбайский мастер Уста Нортаджи. Для выращивания ив выбирают ровную площадку, куда регулярно может поступать вода при орошении. Делается несколько прямоугольных грядок *джуя* (*жуя*) шириной в 3 м. Грядки отделены друг от друга метровой канавой глубиной в 3 “лопаты” (т.е. три высоты железной части лопаты). Вода идет по канаве, как по змеевику, огибая каждую грядку с трех сторон. Прямо на дно канавы у самого берега сажают черенки в предварительно подготовленные ямки, для чего в сырую землю втыкают палку нужной толщины и тут же вынимают ее. Каждый черенок закрепляют, придавливая землю ладонями у его основания. Получают черенки, разрубая ветки ивы на куски длиной 35–50 см. Их сажают с поздней осени (конец ноября) и до весны (до появления листьев). Плантацию обильно поливают. Через три-четыре года ива готова к использованию. Тогда ее рубят под самый корень. Она возобновляется, пуская каждый год новые побеги. Каждый побег через три-четыре года снова рубят. Следовательно, такие рощи никогда не вырастают до размера больших деревьев. Рубят иву только в период сокодвижения – с конца месяца хут (хут – конец его 22 марта) до месяца саратан (саратон – начало его 22 июня). По словам мастера, если иву срубить в другое время, то, во-первых, стройматериал не будет эластичным и быстро придет в негодность; во-вторых, корни засохнут и не дадут новых побегов.

Мастер выбирает для рубки молодые деревца или побеги нужного размера: наиболее толстые идут на изготовление черенков для лопат, кетменей и различных орудий, а чуть тоньше – на жерди купола юрты – *уук* и на ее решетчатые стенки – *керега* (далее *кереге*). Побеги же поменьше оставляют расти.

Для изготовления остова юрты – *уйнинг суяги* (скелет юрты) средней величины требуется 150 жердей и палок.

Срубленное деревце тут же освобождают от веток и, приложив шаблон, срубают макушку небольшим теслом – *теша*, оставляя ствол лишь нужной длины, а затем сразу же освобождают от коры. Кора ивы, срубленной в зимнее время, отделяется нелегко, поэтому ее очищают с помощью особого инструмента, представляющего собой скобель в виде несколько изогнутого дугообразного железного лезвия с двумя деревянными ручками, насаженными не поперек лезвия, как у скобеля, а являющимися как бы продолжением лезвия. Инструмент этот называется *урак ранда* (серповидный рубанок)¹². Осмотр заготовок показал, что соскабливают кору довольно небрежно, оставляя ее нижние коричневые слои. Эти слои со временем приобретают бордовый оттенок.

Очищенные от коры жерди и палки просушивают в вертикальном положении, прислонив их к стене или составив в круг макушками вместе наподобие конического шалаша. Сушат в помещении, так как на сильном морозе в них могут образоваться трещины. Заготовки из ивы, срубленной в зимнее время, хорошо сохнут, и через месяц, а то и через две-три недели (при теплом и сухом климате юга Узбекистана) их уже можно пустить в дело. Для этого их необходимо прежде всего выпрямить, а затем согнуть в нужном месте. Это делается при помощи особого станка — *дукон*¹³, состоящего из печи для разогревания деревянных заготовок и собственно станка для сгибания. *Дукон* ничем не отличается от подобного станка у туркмен (статья Г.П. Васильевой, рис. 9, с. 36), казахов, каракалпаков и киргизов. Глиняная печь состоит из топки, горизонтального дымохода и камеры для разогревания заготовок. Топка — это неглубокая яма в полу мастерской или просто в земле (если станок установлен под открытым небом), обложенная камнями, а дымоход — канавка длиной в два-три метра, закрытая сверху также либо камнями, либо комьями земли, либо дерном и закиданная землей, а затем обмазанная глиносаманным раствором. Камера имеет вид усеченного конуса высотой один метр или немногим более с круглым отверстием наверху, которое служит для выхода дыма, в него же вставляются жерди и палки тем концом, который нужно выпрямить или изогнуть. Печь топится дровами. Чтобы не было сильного пламени, обычно жгут толстые стволы деревьев твердых пород — абрикосового дерева, *карагача* — вида вяза (*Ulmus densa* Litw), *арчи* — древовидного можжевельника (*Juniperus* L.). В топку идут, разумеется, кривые, непригодные для обработки или стройки чурбаны.

Станок представляет собой толстое бревно абрикосового дерева или арчи с естественным дугообразным изгибом. Для придания большей устойчивости его нижний конец закапывается в землю, придавливается камнями, забрасывается землей и обмазывается глиной, а другой вмазывается в стену печи на высоте 50–60 см. На верхней, выпуклой поверхности бревна ближе к печи делается прямоугольная выемка — паз глубиной примерно до центра ствола. Это и есть рабочая часть станка. У мастера в Мачае с левого края паза для упора выбит железный колышек высотой 16 см, а у Уста Нортаджи упором служил край самого паза. Мастер работает стоя. Камера для разогревания заготовок находится у него по правую руку. Вынув из нее разогретую жердь для купола или палку для решетки, мастер вставляет ее в паз тем местом, которое нужно выпрямить или согнуть. Туда же, рядом с деталью (справа от нее) он вставляет деревянный брус длиной более полутора метров, служащий рычагом. Деталь мастер держит в левой руке, а рычаг в правой. Надавливая левым бедром на длинный конец рычага он выпрямляет или сгибает деталь. Чтобы не натрудить бедро и чтобы не протиралась одежда, Уста Нортаджи на время работы надевает своего рода фартук в виде куса войлока, пришитого к поясному ремню.

Для изготовления юрты желаемого размера берется строго определенное число жердей и палок нужной длины и толщины. При изготовлении каждой детали мастер непременно пользуется шаблонами. Размер юрты принято определять по числу верхних развилок решетки, называемых *баиш* (*боиш* — головка). Узбекская юрта средней величины обычно имеет 48–66 головок и не более четырех звеньев — *канат* — решетки. В прошлом у богатых людей бывали и более крупные юрты. Так, у баев племени локай в южном Таджикистане встречались даже восьмиканатные юрты. Худайберды Кенджаев из кишлака Баташ Шурчинского района Сурхандарьинской области, 1897 г.р., рассказывал в 1966 г., что в юности видел у локайцев в

местности Аликуш на востоке Гиссарской долины (в Ромитском районе) юрту в 96 головок с двухъярусной решеткой. По его словам, палки *кереге* были скреплены ремешками с палец толщиной. По словам Уста Нортаджи, для изготовления наиболее ходовой и ныне юрты в 48 головок, нужно брать столько же купольных жердей одинаковой длины и еще несколько (от четырех до шести) укороченных, нижние концы которых при сборке остова юрты вставляются в специально для этого сделанные углубления в поверхности притолоки. Кроме того, требуется 128 палок для решетки.

Каждое звено стенки юрты изготавливается отдельно¹⁴. Для юрты в 48 головок требуется 64 длинные палки одинакового размера, определяющие высоту стенки юрты и называемые *буй* (буквально: рост, т.е. высота), и столько же более коротких, разной длины, называемых *балачик* (*болачик* – “детки”). Последние служат как бы дополнением к бокам каждого звена и при соединении соседних звеньев прикладываются друг к другу. Это придает эластичность стенкам юрты и всему остову. Не меньшее значение имеет в этом отношении и то, что каждая палка решетки, а следовательно, и вся решетка в целом немного изогнута, что придает ей несколько выпуклую форму (чуть выше средней части).

Уста Нортаджи сообщил автору настоящей статьи некоторые подробности изготовления решетки, которые, насколько мне известно, еще не отмечались в литературе. Так, в готовой решетке различают ее лицевую сторону – *бет* (буквально: лицо), обращенную внутрь юрты, и наружную – *сырт* (*сирт* – наружная, внешняя сторона). Для лицевой стороны используются более толстые палки, ибо они несут основную нагрузку всей конструкции, поскольку именно к их верхнему концу привязывают нижние концы купольных жердей. Правда, шнур или тесьма – *уук бау* (буквально: завязка уук), которым жердь привязывается к *кереге*, обычно один-два раза обхватывает и головку наружной палки, но это делается лишь для того, чтобы лучше закрепить уук (рис. 1). Для наружной стороны решетки берут более тонкие палки, чтобы уменьшить вес всей конструкции. Когда решетка *каната* сомкнута, то действительно отчетливо выступают два ряда палок, наложенных друг на друга.

Поскольку каждая палка решетки сохраняет естественное сужение ствола молодой ивы или ее побега (один конец ее толще другого), то очень важно, чтобы при сооружении решетки толстые концы всех длинных палок были обращены вверх, т.е. при установке юрты решетка должна опираться о землю тонкими концами своих длинных палок. Это придает эластичность конструкции. Что касается “деток” то, наоборот, их утолщенные концы должны быть направлены вниз, чтобы при соединении двух звеньев решетки тонкий конец расположенной выше “детки”, накладывался на толстый конец “детки”, расположенной ниже (рис. 2, с. 57). Это вторая важная деталь конструкции.

Третья особенность касается формы концов палок решетки. И здесь имеются различия как между палками лицевыми и наружными, так и между основными и “детками”. У основных лицевых палок стесывают верхний конец (ширина прямоугольного среза 3–5 см, толщина 2–3 см), нижний конец остается круглым (d – 1–2 см).

Четвертая особенность конструкции касается расположения “деток”. В каждом звене юрты в 48 “головок” бывает 16 длинных палок и столько же “деток”. Если стоять внутри юрты лицом к решетке, то как с левого края каждого звена, так и с правого будет по 8 “деток”, из них 4 лицевых и столько же наруж-

Рис. 1. Скрепление купольных жердей с решеткой юрты. Кишлак Хатак Шерабадского р-на Сурхандарьинской обл. Узбекистана. 1961 г.

ных. В то время как слева лицевые “детки” размещаются в верхней части решетки, а наружные — в нижней, то справа, наоборот, лицевые будут в нижней части, а наружные — в верхней. Однако сказанным не исчерпываются различия между левым краем и правым: если слева (как вверху, так и внизу) на первых трех “детках” будет нечетное число мест скрещения (на крайней и самой короткой 3, на следующей 5, а затем 7), то справа (также и вверху и внизу) будет четное число мест скрещения (2, 4, 6). Исключение составляют 8 самых длинных “деток” — на них независимо от места их расположения бывает по 8 скрещений. Только при условии соблюдения всех этих конструктивных правил при установке юрты звенья ее решетки смогут прочно “срастись”.

Однако для того, чтобы решетка была гибкой, легко раздвигалась при установке юрты, а при разработке так же легко сдвигалась, необходимо соблюсти в ее конструкции еще одно, не менее важное правило. Оно касается сборки каждого звена решетки. Как известно, лицевая и наружная палки в месте скрещения соединяются

Рис. 2. Место стыка двух соседних звеньев решетки и двух ее ярусов (см. на рисунке за спиной женщины). Кишлак Баташ Шурчинского р-на Сурхандарьинской обл. Узбекистана. 1971 г.

подвижно с помощью ремешка – *кук* (буквально: шов, наметка¹⁵), пропущенного сквозь отверстия, просверленные в обеих палках. Места сверления бывают заранее помечены с помощью шаблона. Обычно в литературе говорится, что скрепляется каждое перекрестие. Однако это неверно: скрепляется отнюдь не каждое место скрещения. На это впервые обратил внимание в 1978 г. мастер Уста Нортаджи¹⁶. Например, в стенке для юрты в 48 “головок”, которую он делал во время нашего посещения, в каждом звене было девять горизонтальных рядов перекрестий, однако из них скреплены ремешком лишь семь: три верхних ряда, потом один ряд пропущен, затем скреплены еще два ряда и снова пропущен один ряд, и далее скреплены еще два нижних ряда. Мастер пояснил, что такая решетка хотя и называется “в девять *куков*”, но прошивается она в семи местах” (*туккиз кук деб отолади, етти ердан тигилади*). Пропущенный ряд называется *дархан*, т.е. “освобожденный (от чего-либо)”¹⁷. В юртах большего размера или с более частым расположением палок (см. ниже) бывает от 10 до 13 рядов скрещений. В решетке с 10 перекрестиями “прошиваются” три ряда подряд не только в ее верхней части, но и в нижней, а при 11 – и посередине (т.е. между двумя пропущенными рядами). Если решетка имеет 12 и 13 перекрестий, оставляют свободными не два, а три ряда подряд как в верхней ее части, так и в нижней, и по два – между “дарханами”. При таком устройстве решетка будет достаточно подвижной.

Чтобы собрать лишь одно звено решетки, нужно просверлить около 200 от-

верстий для продевания ремешков-шарниров. В прошлом, когда не было электричества, для вращения сверла использовали приспособление наподобие ручного точильного станка, валик которого крутится с помощью ремня (эту работу обычно выполнял сам заказчик или нанятый им человек). Такие станки, издавна бытовавшие в районах с оседлым населением как у городских, так и у сельских деревообделочников¹⁸, видимо, уже давно проникли и в кочевья, так как использовались также киргизскими и казахскими мастерами.

Ремешки-шарниры делают из сыромятной кожи. Наиболее прочной считается верблюжья кожа, но, когда верблюд стал редким животным, используется бычья. Предпочтение отдается шкурам крупных животных. Шкуру сначала солят, чтобы легче было очистить ее от шерсти и мездры. Очищенную кожу режут ножом пополам, а затем – на ремни шириной примерно 1 см. Способ скрепления палок *кереге* ремнем тот же, что у казахов: на одном конце ремня делают прорезь и сквозь нее продергивают другой конец и подтягивают. Образовавшийся узелок называют *туйма* или *тончу* (*тунчу* – пуговица)¹⁹. Свободный конец ремня пропускают сквозь отверстия скрепляемых палок и тем же способом делают второй узелок у самого основания ремня, а оставшуюся часть отрезают. Когда ремни засохнут, то, по меткому выражению Уста Нортаджи, получается подвижная и гибкая заклепка (*заклепка буп колади*).

Когда решетка раздвинута, ее ячей – *кузанак* – имеют ромбовидную форму. Размер из зависит от частоты расположения палок. В зависимости от размера ячеек различают два вида решетки: *арганак кузанак* – с крупными ячейками (длина по диагоналям до 16,5 и 31 см) и *мушт кузанак* – с более мелкими (длина по диагоналям до 13 и 14,5 см). Этимологию слова *арганак* не удалось выяснить. Второе название подчеркивает мелкий размер ячеек – “даже кулак (*мушт* – узб., тадж.) нельзя просунуть сквозь нее”. Местные жители обычно еще добавляют, что даже кошка не может пролезть сквозь такой просвет.

Частая решетка делается главным образом для юрт большого размера (не менее 64 “головок”) и непременно – для юрт с двухъярусной решеткой, ибо частота ее обеспечивает прочность и долговечность каркаса.

Однорядная решетка называется *джарканат*, а двухъярусная – *кушканат*. В последней каждый ярус решетки бывает ниже одинарной, но в целом такая стенка значительно выше, чем стенка казахской юрты или киргизской. По словам информаторов и по собственным наблюдениям, людям среднего роста при входе в такую юрту нет необходимости сгибаться. Женщина небольшого роста не может сама привязывать нижние концы купольных жердей к решетке – не достанет.

Юрта с частой решеткой и особенно двухрядная бывала преимущественно у зажиточной части полуоседлого населения долинной зоны Восточной Бухары и Самаркандской области. В Восточной Бухаре это узбекские племена локай, марка, каратамгалы и туркманджуз Гиссарской долины и дурмены долины Кафирнигана, а в Самаркандской области – племя найман, занимавшее степи к югу от Среднезеравшанской долины, начиная от Придаргомской степи на востоке и до Кермине на западе²⁰. В обширной степной и полупустынной зонах (юг Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областей и Чаршангинский район Туркмении) двухъярусная решетка встречалась значительно реже. Здесь жили преимущественно узбеки-кунграты, у которых овцеводство было основным занятием и перекочевки совершались часто. В Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях двухъярусную решетку можно изредка встретить и ныне, как и в северном Афганистане²¹.

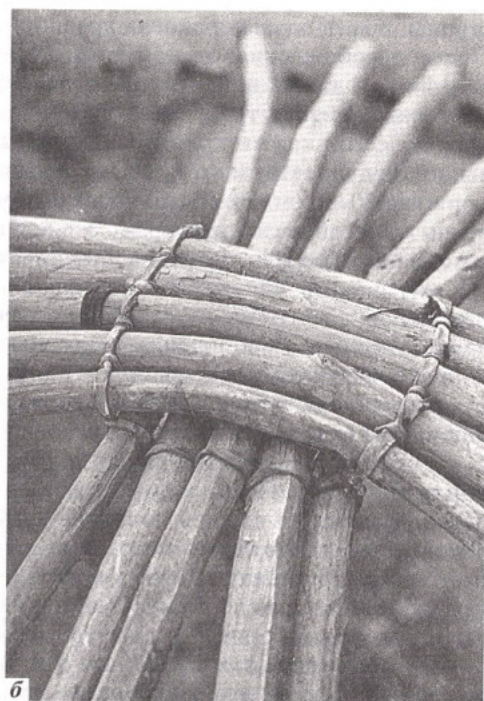
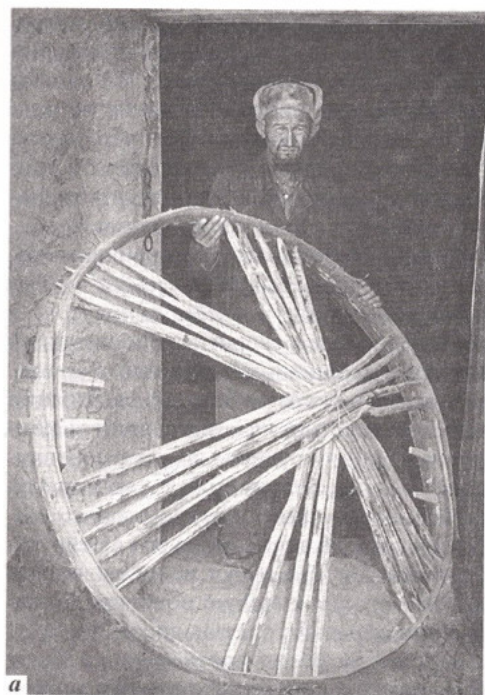

Рис. 3. Верхний обод юрты. Кишлак Тукбай Яккабагского р-на Кашкадарьинской обл. Узбекистана. 1978 г.

а – мастер Нортаджи Касымов с изготовленным ободом; *б* – скрепление ремешком перекладин обода

Купольные жерди – уук длиной 240–270 см по своей форме близки к южнокиргизским: у них стесывают оба конца, а куполообразующая часть остается круглой и еле заметно изогнута по всей длине²². Верхний конец уука стесывают примерно на 15 см, и он заканчивается заострением четырехгранной формы (2 × 3 см) – *уук-тын учи*, чтобы можно было его вставить в соответствующее отверстие верхнего круга. Нижний утолщенный конец стесывают на 55–70 см и на этой высоте жердь довольно круто сгибают (глубина кривизны 13–14 см). Стесывают лишь поверхность, обращенную внутрь юрты, чтобы она плотнее приложилась к такой же плоской поверхности верхушки лицевой решетки, к которой жердь привязывают при установке юрты. Отступив от нижнего конца жерди на 6–8 см (в этом месте ее толщина 5 см), просверливают отверстие для продевания шнура – *уук бау*, которым жердь привязывается к стене.

Круг – *чангарак* (*чангарок*)²³, венчающий купол юрты, состоит из одного обода – *чангарактын тахтасы* и распорно-крепежных перекладин – *чаммак*. Согласно материалам Н.Г. Борозны по дурменам и О.И. Ибрагимова по найманам, в богатых юртах *чангарак* украшался резьбой, как это было и у казахов.

Обод для распространенных в настоящее время юрт в 48–56 головок имеет наружный диаметр 120–140 см. Делается он из двух дуг. Для их изготовления берут

стволы ивы (в горных районах предпочитают арчу) не менее 12–16 см в диаметре. После освобождения от коры их стесывают с двух сторон (ширина примерно 12–14 см, толщина в выпуклом месте 3–5 см). Заготовки разогревают. По словам мастера, для этого требуется гораздо больше жара, чем для разогревания остальных, более тонких частей остова. Затем дуги сгибают на том же станке, что описан выше. Из дуг составляют круг, накладывая концы одной дуги на конец другой примерно на 20–30 см. При этом у каждой дуги один конец должен располагаться снаружи, а другой дуги – изнутри. Соединенные концы дуг скрепляются двумя (по одному на каждое место соединения) или четырьмя деревянными уплощенными четырехгранными клиньями – *чангарактын кулагы* (*чангароктын кулоги* – “ухо чангарака”), вбитыми с помощью деревянной колотушки – *кулагач* (*кулагоч*) в предварительно выдолбленные сквозные прямоугольные отверстия. Заостренный конец клина значительно выступает внутрь круга, а утолщенный остается снаружи.

Следующая операция – выдалбливание по окружности обода на расстоянии ширины трех пальцев сквозных прямоугольных отверстий, куда вставляются концы *ууков*. Эту работу выполняют долотом – *качау* (*кочоу*), ударяя по нему деревянной колотушкой. Поскольку *ууки* вставляются снизу, то эти отверстия, во-первых, располагаются на нижней половине наружной поверхности обода, во-вторых, выдалбливаются снизу вверх косо. Мастер работает сидя на земле, ноги его вытянуты и несколько раздвинуты, обод лежит между ними. Чтобы обруч не двигался при ударах колотушкой по долоту, мастер кладет на него свою левую ногу, приподнимает, подкладывая под обруч обрубок бревна или обрезки толстых досок.

В литературе отмечается, что число отверстий на ободе соответствует числу жердей, или же об этом не упоминают вообще, видимо, потому, что это само собой разумеется. Однако на узбекском материале раскрывается еще одна важная деталь в конструкции остова юрты: число отверстий на ободе бывает обычно меньше числа *ууков*, так как некоторые отверстия делаются вдвое шире и в них вставляется по два *уука*, что необходимо при подъеме *чангарака* (см. ниже). Широкие отверстия размещаются в противолежащих местах обода: по три в местах соединения дуг и по одному или по два в середине каждой дуги. В местах соединения дуг одно отверстие помещается между двумя клиньями, которыми “сшиты” концы дуг, и по одному – справа и слева, но не на месте соединения, а рядом, чтобы, во-первых, не выдалбливать снова отверстия на двух дугах, во-вторых, ради прочности – не уменьшать расстояние между отверстиями в “ответственном” месте обода. Число двойных отверстий зависит от нарушения соотношения числа головок решетки, *ууков* и размера *чангарака*. Например, число двойных отверстий увеличивается в тех случаях, когда обод почему-либо (в частности, из-за отсутствия соответствующего материала) меньше, чем следовало бы для данного размера юрты.

Над отверстиями для *ууков* на внутренней стороне обода мастер выдалбливает пазы для распорок. Порой и они бывают сквозными, тогда торчащие наружу концы распорок спиливаются или срубаются теслом *теша*. Чтобы обод просох, не теряя формы, его придавливают на ровной площадке несколькими бревнами, положенными параллельно. Для большей тяжести на бревна кладут плоские камни.

После просушки обод скрепляется с внутренней стороны двумя или тремя пучками расположенных крест-накрест дугообразных перекладин, обращенных своей выпуклой стороной вверх. Они представляют собой гнутые палки ($d = 3$ см) с заостренными концами. По словам Уста Нортаджи, перекладин бывает всего 10 или 15. В первом случае их собирают в два пучка, по пять штук в каждом, и пучки перекре-

щиваются под прямым углом; во втором в три пучка, также по пять штук в каждом, и они перекрещиваются под острым углом. Однако изредка встречались *чангараки* с 6 (по 3 в каждом пучке) и 12 (по 6 в каждом пучке) перекладинами. Пучки перекладин в центре (в месте скрещивания) связываются тонким сыромятным ремешком, который перевивает каждую перекладину отдельно, стягивая их в единое целое, а концы их, расходящиеся веером, вставляются в пазы на внутренней поверхности обода (рис. 3). На ободке расстояние между крайними распорками одного пучка примерно 32–35 см. Высота *чангарака* трех обмеренных нами юрт: 40 см (при диаметре круга 140 см, головок 56), 35 (диаметр круга 126 см, головок 48) и 34 см (диаметр круга 117 см, головок 48).

Дверной проем ограждается прямоугольной рамой – *босага*, состоящей из двух косяков – *джан* (*жон* – боковая) *босага*, порога – *пас* (нижняя) *богаса* и притолоки – *устунги* (верхняя) *босага*. Высота рамы – 130–160 см; она достигает середины нижней обтесанной части *уука*. Косяки, сделанные из жердей, имеют на обоих концах шипы. Они вставляются в соответствующие пазы на концах порога и притолоки, представляющие собой горбыли или обтесанные брусья. Притолока отличается от порога тем, что на ее поверхности имеются пазы, чтобы вставить нижние концы трех-пяти укороченных купольных жердей.

Вход в холодное время завешивается войлочным полотнищем – *ешик*, или *сыдырга* (*сидирга*, см. ниже), а в теплое время закрывается только его нижняя половина одной или (чаще) двумя створками – *эрганак*. Каждая створка имеет вид приставной лестницы: в пазы на боковой поверхности двух вертикальных планок вставлены концы поперечных более широких досочек. Реже встречаются створки с тремя поперечными и четырьмя вертикальными планками: две в верхней половине и столько же в нижней. Каждой створке *эрганака* прикреплена к косякам в двух местах (вверху и внизу) с помощью двух пар веревочных петель – *эрганак бау*. Чтобы петли не стесняли подвижности створки и не соскальзывали вниз, веревка (длиной примерно 1 м) для верхней пары петель пропускается между двумя верхними перекладинами и привязывается в вертикальной планке *эрганака*, а затем ее концы несколько раз ссучиваются и привязываются к косяку. Таким же образом прикрепляется и пара нижних петель. Поскольку эти двойные петли довольно длинные, то створки *эрганака* не висят, а стоят на земле, приставленные к юрте. При открывании и закрывании створок их приходится приподнимать, однако это не составит труда, так как все сооружение довольно легкое. Закрывают *эрганак* обычно только на ночь или же если хозяева отлучились ненадолго. При их длительном отсутствии сначала опускают войлочную завесу, а затем снаружи закрывают *эрганак* и створки привязывают друг к другу шнурком.

В настоящее время большинство юрт имеют двустворчатую дверь (рис. 4). В начале XX в. она встречалась только в юртах очень богатых людей, которые покупали ее у городских мастеров, занимавшихся изготовлением дверей для стационарных домов, или же заказывали тем сельским мастерам (преимущественно из среды оседлого населения), основной продукцией которых были низенькие резные шкафчики на ножках, служившие подставкой для сложенных стопкой постельных принадлежностей и семейного добра. Что касается мастеров по изготовлению остова юрты, то они, как и все мастера народов Средней Азии, двустворчатые двери не делали.

Двустворчатая дверь по конструкции сходна с филанчатой дверью – *багдади* (*багдоди*) традиционных стационарных домов оседлого населения равнинной части

Рис. 4. Двустворчатая дверь юрты. Кишлак Хатак Шерабадского р-на Сурхандарьинской обл. Узбекистана. 1961 г.

Узбекистана и Таджикистана²⁴, но значительно легче ее, так как рама каждой створки делается из узких обструганных досок: двух длинных вертикальных, соединенных несколькими перекладинами, вставленными своими обтесанными концами в пазы на боковой поверхности вертикальных досок. Пространство между перекладинами заполняется вертикально поставленными филенками или же (реже) горизонтальными дощечками, плотно пригнанными друг к другу. Как рама створок, так и филенки бывают украшены резным орнаментом, а в настоящее время порой окрашены.

Каждая створка держится на штырях, свободно вращающихся в гнездах, выдолбленных в пороге и

притолоке рядом с пазами для косяков. Двери такой конструкции, несомненно, заимствованы дештикипчакскими узбеками у местного оседлого населения, ибо у казахов, по данным Б.А. Куфтина, резные двустворчатые двери держатся на веревочных петлях²⁵.

Двустворчатая дверь полностью закрывает входной проем, створки ее открываются внутрь юрты. Для того чтобы они не распахивались наружу, вертикальные доски имеют внизу выступ, упирающийся в порог. Чтобы створки закрывались плотно, посередине порога, со стороны, обращенной внутрь юрты, делается выемка – “гнездо” для выступов.

Дверь запирается на железную цепочку (работа местных кузнецов). Если в стационарном жилище цепь прикреплена к планке двери, а скоба – к притолоке, то в двери юрты, где отсутствует планка, скоба прикрепляется к другой створке, но несколько выше цепочки.

С 1970-х годов стали распространяться филенчатые двустворчатые двери из пиленых (а не тесаных или обструганных) досок и без резных украшений. Такие створки характерны для внутренних дверей современных среднеазиатских сельских домов. В отличие от них двери юрты сохранили штыри.

Установку юрты узбеки-кунграды начинают со скрепления звеньев решетчатых стен. Делается это сначала начерно, ибо окончательно звенья встают на свои места только после установки дверной рамы. Растягивание решеток по кругу начинают вправо от будущего входа (если стоять внутри юрты, лицом к входу) и далее

по часовой стрелке. Для того чтобы звенья не разъединялись, в процессе установки их охватывают снаружи широкой (25 см) тканной из шерсти узорной лентой – *багыш* (*богыш*), один конец которой бывает временно привязан к началу первой решетки. После установки дверной рамы концы этой ленты, обернув дважды вокруг косяка и захватив при этом в ближайшее к нему скрещение палок решетки, привязывают к стенке. Таким образом, лента, опоясывая верхнюю часть *кереге* (чуть ниже головок), одновременно скрепляет его с дверной рамой. *Багыш* имеет на концах длинную бахрому; ее обычно заплетают в несколько косичек и ими привязывают *багыш* к решетке. Посредине *кереге* опоясывает еще одна узорная лента – *кичкина* (малый) *багыш*. Она уже первой.

Дверная рама устанавливается тотчас после стенок. Сначала кладут на землю порог, затем ставят косяки, вставляя их шипы в соответствующие пазы порога, и только после этого укладывают притолоку, подогнав в ее пазы верхние шипы косяков. Дверная рама должна быть крепкой, ибо ее конструктивное значение велико: концы большинства лент, скрепляющих не только остов, но и покровы, прежде чем привязать к решетке, обертывают вокруг косяков. Для большей устойчивости дверной рамы у каждого косяка снаружи вплотную к нему вбивают кол – *уй казык* (*уй козык* – кол [для креплений] юрты) высотой до середины косяка, а порой и выше. После этого всю дверную раму (включая порог) крепко обвязывают по спирали специальной узкой (3–4 см) орнаментированной тесьмой – *босага чаргыч* (*бусога чаргыч* – буквально: обвивающая дверную раму), одновременно захватывающая не только кольца, но и ближайшие к входу места скрещения палок решетки. Следовательно, тесьма эта служит как для скрепления частей дверной рамы с кольями, так и со стенкой юрты. Концы туго натянутой тесьмы привязывают к нижней части решетки, перед этим еще дважды обмотав нижнюю часть косяков вместе с кольями.

Следующий процесс – возведение купола. Как известно, подъем *чангарака* и установка первых жердей требуют особых усилий. Готовясь к этому, три женщины, устанавливающие юрту, стоя снаружи, набрасывают на решетку по обеим сторонам от входа по несколько жердей. При этом каждая жердь местом своего сгиба опирается на решетку; верхний конец ее бывает опущен внутрь юрты, а нижний свешивается наружу; шнур же для привязывания уука к решетке свисает свободно, спускаясь до земли.

Для поднятия *чангарака* и поддержания его на нужной высоте до тех пор, пока не будет установлено по несколько ууков со всех четырех сторон, женщины зовут мужчину. Он становится в центре площадки, вооружившись приспособлением для подъема *чангарака*. Если у казахов, киргизов и каракалпаков для этого используется шест – *бакан* (*боқон*) с развилкой на макушке, то у узбеков, как и у части туркмен, употребляется его имитация – два уука, связанные между собой шнурами так, чтобы изогнутые концы их были обращены в противоположные стороны. В прошлом, когда встречались большие юрты, *бакан* бытовал и у узбеков. В подъеме *чангарака* участвуют и женщины. Наиболее сильная и рослая из них, стоя снаружи, кладет *чангарак* на дверную раму таким образом, чтобы места соединения двух дуг, из которых составлен его обод, разместились по обеим сторонам от входа (т.е. на равном расстоянии от него). Этим достигается уменьшение нагрузки на укороченные жерди, а значит, и на дверную раму. Установку купольных жердей женщины начинают с мест соединения дуг, чтобы предотвратить смещение их и деформацию *чангарака*. Две другие женщины помогают мужчине поднять подхваченный им на

развилки *чангарак*. Женщины не сразу привязывают эти первые ууки к стене юрты, а сначала упирают их основания во второй ряд скрещивания палок решетки, ибо спешат установить еще несколько ууков против входа и над дверной рамой. И только уравнив таким образом положение *чангарака*, временно зафиксированного в четырех местах, они приступают к привязыванию первых ууков к решетке. После завершения этой работы мужчина покидает свой "пост", а женщины продолжают установку жердей.

Если юрту устанавливают четверо сильных и рослых женщин, то они могут обходиться без помощи мужчины: трое стоят снаружи, одна – внутри, и, вонзая по два уука в одно отверстие со всех четырех сторон, они одновременно снимают *чангарак* с дверной рамы и поднимают его.

Скрепление купольной жерди с решеткой производится, как отмечалось выше, специальной завязкой – *уук бау*. Один ее конец, имеющий вид волосяного шнура, продевается в специальное отверстие в нижнем конце уука, завязывается и подтягивается, а свисающая часть (длиной до 2 м), представляющая собой тесьму шириной 3–5 см, служит непосредственно для привязывания уука к верхушке лицевой палки решетки. Для этого место их соединения несколько раз туго обматывается тесьмой *уук бау*. Конец наружной палки обычно также захватывают один-два раза, но только ради того, чтобы тесьма не развязалась, и закрепляют. Если же тесьма коротка, наружную палку при этом вовсе не захватывают. Затем для придания устойчивости куполу натягивают две шерстяные узорные тесьмы: 1) *тизма* – узкую (5 см), обвивающую каждый уук выше его сгиба; 2) *кур* или *баиш кур* – самую широкую из всех лент (33 см), опоясывающих остов юрты, она располагается на сгибе ууков.

Когда купол готов, женщины приступают к более капитальному скреплению между собой звеньев стенки. Место сращения двух соседних звеньев путем накладки друг на друга их крайних укороченных палок называется *джапсар* (*жапсар* – стык). Палки скрепляют между собой, обвязав особой узорной тесьмой *тангич*. У каждого *джапсара* вплотную к стенке (преимущественно снаружи) вбивают высокий кол – *уй казык* (*уй казик* – кол юрты; он не отмечен у других народов). Наземная часть его бывает несколько ниже стенки. Вбивают его глубоко. В местах с плотным грунтом (например, лёссовым), прежде чем вколачивать *уй казык*, готовят для него гнездо, вбив железный кол, а затем вынув его. При разборке же юрты для того, чтобы легче было вытащить *уй казык*, смачивают водой землю у его основания. В тех случаях, когда юрта большая и, следовательно, каждое звено решетки длиннее, чем у юрты среднего размера, вбивают у каждого звена (или только у двух-трех) по одному дополнительному колу на равном расстоянии от *джапсаров*. Для скрепления наложенных друг на друга палок с колом служит узорная шерстяная тесьма – *джапсар чаргыч* (*жапсар чаргич* – обвивающая *джапсар*) шириной 3–4 см. Она опоясывает почти всю решетку юрты на высоте третьего снизу места скрещения палок и обвивает каждое место скрещения звеньев, захватывая и кол. Концы ее привязывают к решетке. Если позволяет длина тесьмы, перед этим ею обвивают и косяки. О значении *джапсаров* в конструкции юрты свидетельствует тот факт, что правая и левая части интерьера называются *унг джапсар* (правый) и *чап джапсар* (левый).

Итак, косяк юрты опоясывают пять шерстяных узорных лент: *тизма* и *кур* – купол, *багыш*, *иккинчи* (или *кичкина*) *багыш* и *джапсар чаргыч* – решетку.

Решетку снаружи покрывают циновкой – *чий*²⁶. Одноярусную решетку цинов-

Туркменская кошма. Иолотанский р-н Марыйской обл. Туркмении.
70-е годы XX в.

Туркменская кошма. Марыйский р-н Марыйской обл. Туркмении.
70-е годы XX в.

Настенные сумки полукочевых узбеков,
предназначенные для хранения
домашней утвари
(экспонаты музея
Института истории Таджикистана,
полевые материалы 50-х годов XX в.)

Бугджама –
большой вышитый кусок материи
для заворачивания одеял,
одежды и т.п. Фрагмент.
Узбеки-катаганы. Яккабагский р-н
Кашкадарьинской обл.
Узбекистана.
70-е годы XX в.

Юк –
постельные принадлежности,
уложенные стопкой на сундук.
Туркмены-човдуры. Калининский р-н
Ташаузской обл. Туркменистана.
60-е годы XX в.

ка покрывает примерно на 3/4 высоты, а двухъярусную – на половину. У узбеков-кипчаков *чий* снаружи опоясывают узорной тесьмой²⁷. У других групп узбеков этого не было, ибо поверх циновки навешивали боковые войлоки.

Войлочное покрытие узбекской юрты в основном сходно с таковым у остальных народов региона как по форме, так и по терминологии. Относительно количества войлоков для ее покрытия, как справедливо отмечено Г.П. Васильевой (см. с. 37–39), в литературе нет единого мнения. Собранные автором настоящей статьи материалы подтверждают данные К.Ш. Шаниязова относительно семи кусков: четырех боковых (*туурлик* – у узбеков дештикипчацкого происхождения, *тутум* – у кипчаков, *тувалик*, *ён кииз* – у карлуков), двух (*узук*) для покрытия купольной части и одного (*туйнук*) для покрытия *чангарака*. Если покрытие новое, то на время, пока кошмы растянутся, к боковым добавляют еще один кусок войлока. По словам мастера Эштемира Халбаева, в последнее время в Шерабадском районе стали делать вообще по пять *туурлыков*, но каждый из них бывает короче прежних ради уменьшения веса. Примечательно, что ассимилировавшиеся среди узбеков каракалпаки Зеравшанской долины, в частности Булунгурского района, вплоть до исчезновения у них юрт в 1930-х годах, сохраняли традиционную особенность юрты своего народа – отсутствие в ней боковых войлоков.

Каждая боковая кошма имеет трапециевидную форму, несколько расширяясь (на 20–30 см) вниз. Верхний край ее закруглен выемкой, глубина которой посередине 20–30 см. Край этот с внутренней стороны обшит широкой (15–18 см) красной узорной из шерсти лентой – *оймабаиш*. У узбеков-найманов Самаркандской области эта лента была ворсовой и многоцветной. К *уукам* каждый *туурлык* привязывается с помощью узорной тесьмы, пришитой к обоим верхним углам. Особенность боковых кошм юрты южного Узбекистана в том, что они покрывают не только стенки и сгиб *ууков*, но и всю нижнюю половину купола, доходя до середины жердей. Нижний край боковых кошм обычно немного не доходит до земли (на 10–20 см). Как отмечалось выше, в летнее время, чтобы жилище лучше продувалось, этот край приподнимают, “как подол” – по образному выражению информатора. В прошлом, когда в юрте жили круглый год, на зимний период богатые люди вешали специальные *туурлыки*, доходящие до земли. Те, кто не имел таковых, ограничивались тем, что нижнюю часть стен с внутренней стороны юрты закрывали подстилочными кошмами. Если имели возможность приобрести камышовые плетеные циновки *буйра* (*буйро*), их ставили между *чием* и войлоком. Снаружи нижнюю часть стен закидывали землей.

Особенностью купольных войлоков юрт южного Узбекистана является их форма: она не трапециевидная, как в других местностях региона, а представляет собой широкое полукольцо. Таких войлоков два. Если их расстелить на земле так, чтобы боковые их края сомкнулись, то получится круг с отверстием для *чангарака* в центре. Поскольку форма кровли юрты близка к форме купола, то боковые края заднего *узук*а (*орт узук*, *ортынгы узук*) несколько находят на края переднего (*олд узук*, *олдынгы узук*). К верхним углам обоих *узук*ов прикреплено по одному крепкому *аркану* длиной до 4,5 м и более, с помощью которых *узук* привязывается к двум невысоким кольям, вбитым в землю снаружи по обеим сторонам юрты на расстоянии 0,5–1,0 м. Колья эти называются *басылдырык* (*босилдирик* – придавливающий), они нужны для того, чтобы юрту не свалило ветром. С этой же целью юрту ставят задним фасадом в сторону господствующего ветра или ветра, дующего с определенной стороны в определенные сезо-

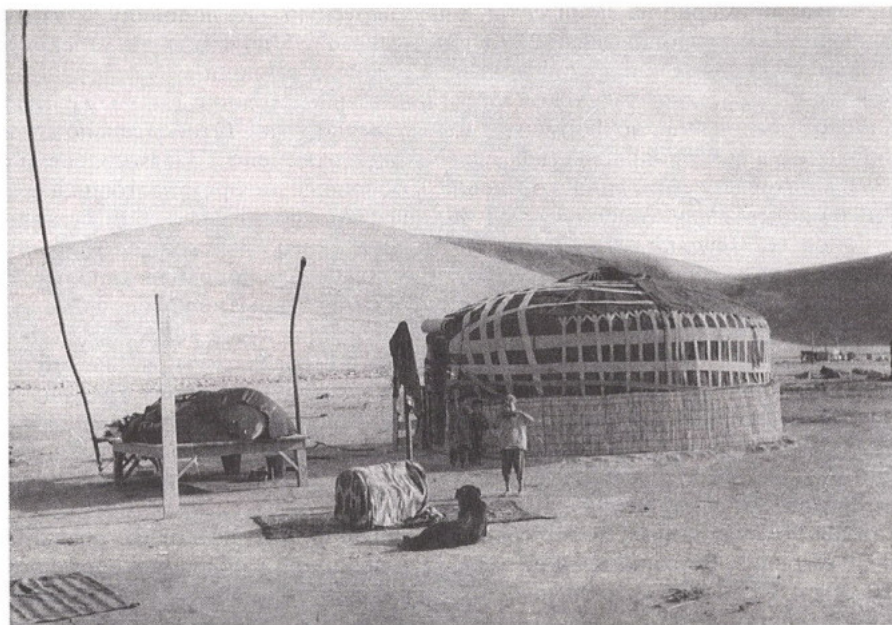

Рис. 5. Общий вид юрты, имеющей двухъярусную решетку. Урочище Сайкан в горах Бабатаг. Шурчинский р-н Сурхандарьинской обл. Узбекистана. 1966 г.

ны. В некоторых местностях вместо кольев используют большой камень, который подвешивают на арканах узуков.

Каждый узук прикрепляется к остову юрты с помощью широких (до 15–20 см) и длинных (4,65 м и более) тканых лент (*бош боу* – у узбеков дештикипчакского происхождения, узук *боу* – у кипчаков). У переднего узуга их бывает две-три пары. Они красные и украшены узорами, вышитыми гладью разноцветными шерстяными нитками. Ленты же заднего узуга белые. В свадебной юрте найманов Самаркандской области они украшались аппликацией из тонкого фабричного сукна – *манат* (по моим материалам найманы произносят *банат*) красного и синего цвета. В прошлом этих наружных лент тоже было две-три пары. Больше трех пар встречалось лишь в юртах молодоженов из зажиточных семей. Для современной юрты южного Узбекистана характерно обилие наружных белых лент. У переднего узуга их бывает от трех до семи пар. Ленты каждого узуга перекрещиваются между собой, образуя косые кресты и ромбы (если лент две пары, то один ромб). При этом красные ленты остаются внутри юрты, располагаясь против входа, а белые – снаружи над входом. Концы красных лент привязывают к нижней части *укув*, захватывая и место стыка их с решеткой, а концы белых – к аркану *бельдау*, опоясывающему юрту поверх боковых кошм. Еще одной особенностью юрты южного Узбекистана являются ленты *тагончи* (*тагончи*; ширина 5 см, длина 1,70–2,0 м). Эти белые ленты свешиваются с нижнего края узуга и доходят почти до земли (рис. 5). К краю узуга они пришиваются верхним трехпалым концом (*тагончининг тормогы* –

ветвь, ответвление *таганчи*) впритык или на некотором расстоянии друг от друга. У заднего узуга их может быть до 30 и более, а у переднего – по несколько штук по обе стороны от входа на некотором расстоянии от него или может вовсе не быть. Нижние концы *таганчи* привязывают к аркану, опоясывающему стенки юрты, или просто прижимают широкими белыми лентами. В прошлом для этой цели использовали только аркан или одну дополнительную ленту у верхней части стенки. Ныне число белых поясов увеличивается до четырех (см. рис. 5). Орнамента на наружных лентах, а также на войлочных покрывах в наши дни не приходилось встречать.

Еще один способ крепления нижней кромки узугов у узбеков-карлуков описан К.Ш. Шаниязовым: по краю узуга делаются воздушные петли на некотором расстоянии друг от друга, а свободный конец белой ленты узуга пропускают то сквозь петлю, то под *бельдау*, опоясывающей юрту. Получается зигзаг. При этом каждую следующую петлю оставляют свободной. Сквозь свободные петли пропускают вторую ленту. В результате получался узор в виде ряда ромбов и косых крестов²⁸.

Покрывающий дымовое отверстие круглый или квадратный кусок войлока – *туйнук* имеет четыре длинных аркана (*туйнук бау*), двух- или трехпалым концом пришиты к краю круга на равном расстоянии друг от друга или по углам квадрата. *Туйнук* располагают на макушке юрты так, чтобы свободный конец одного из арканов можно было привязать к колу, вбитому позади юрты, концы двух других – к упомянутым выше кольям *басылдырык* по бокам юрты, а конец четвертого – впереди, у входа же вставить за *аркан бельдау*, опоясывающий юрту. Четвертым арканом обычно регулируют величину светового отверстия. В тех случаях, когда *туйнук* надо закрыть наглухо (холод, ненастье, ветер), этот *аркан* привязывают к *бельдау*. В местностях, где не бывает сильных ветров, к *бельдау* прикрепляют и остальные *туйнук бау*, а на осенне-зимний период к их концам привязывают камни²⁹. Как справедливо отмечает К.Ш. Шаниязов, во время сильных ветров юрту укрепляют и изнутри при помощи арканов или широкой тесьмы – *эльбау*. Верхний конец *эльбау* привязывают в центре *чангарака*, а нижний – к колу, вбитому в центре жилища, около очага, и крепко натягивают. Ленты *эльбау* украшают кистями из шерстяных ниток красного и бордового цвета и амулетами, а по данным К.Ш. Шаниязова об узбеках-кипчаках, и большой кистью из пучка волос конского хвоста. Эти украшения служат и оберегами³⁰. Для того чтобы можно было приоткрыть или закрыть дымовое отверстие, не выходя из юрты (например, в ненастье или мороз), используют специальную трехметровую палку – *туйнук чуб* (*чуб* – тадж. палка, дерево и лес как строительный материал), иногда с развилкой или одним крючком на одном конце. Она бывает обструганной и ради легкости даже несколько уплощенной. Для ее изготовления употребляют крепкие и в то же время легкие породы дерева: горный клен (*заранг* – *Ascer turgutanicum*), боярышник (*дулона* – *Crataegus* L.) и особенно каркас кавказский (*туздона* – *Celtis caucasica* Willd) – одно из самых почитаемых деревьев у народов Средней Азии. Поэтому в южном Узбекистане считается совершенно обязательным, чтобы в жилище (будь это юрта или стационарный дом) хоть одна деталь была из каркаса. Чаще всего в юрте это *уук* или *туйнук чуб*, а в стационарном жилище колонна или подбалка. В юрте *туйнук чуб* вставляют за *ууки* или за верх решетки у выхода, с левой стороны.

Края всех кошм войлочного покрытия (исключая лишь нижний край боковых) обшивают пестрой черно-белой шерстяной тесьмой, плетеной в елочку. Черно-

а

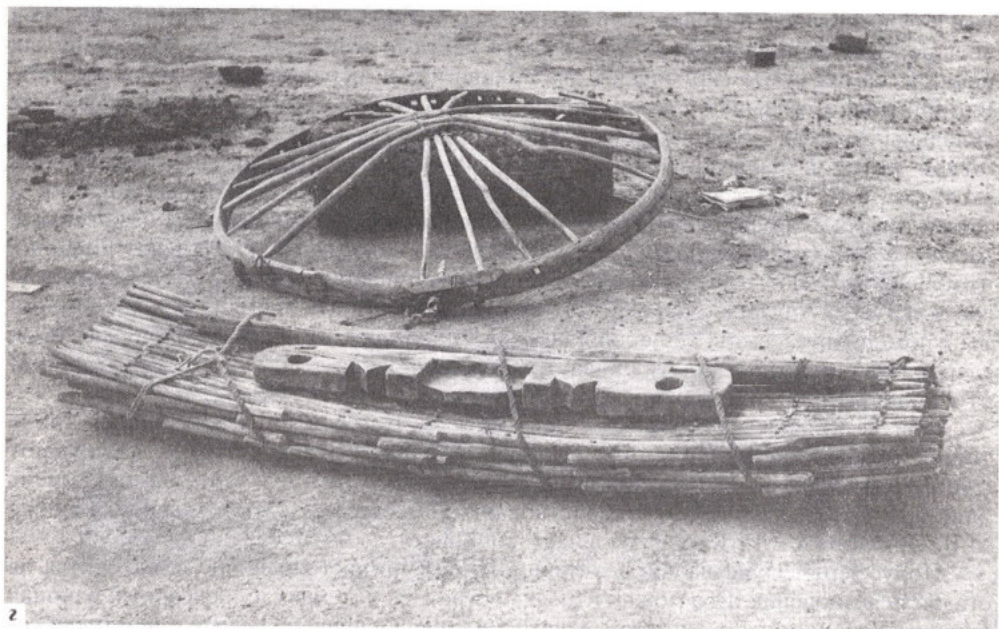
б

в

Рис. 6. Укладка частей юрты при перекочевке. Урочище Лайлимкон Чаршангинского р-на Лебапской обл. Туркменистана. 1978 г.

а – боковые войлоки; б – купольные жерди; в – две сомкнутые решетки; г – решетки с приложенной к ним разобранной дверной рамкой и купольный круг (см. с. 69).

белыми бывают и все арканы и шнуры. Это дань древней традиции, связанной с представлением о пестрой (особенно черно-белой) перевитой или плетеной шерстяной нити как символе змеи и потому имеющей значение оберега³¹.

Дверной проем, помимо решетки *эрганака* или деревянных створок, закрывается навесной кошмой-завесой, также называемой *ешик* (у узбеков *дештикипчакского* происхождения, или *эшик* – у остальных групп). Дверь навешивается сразу после установки боковых кошм, до покрытия купола. К *уукам* она привязывается с помощью двух шнуров метровой длины, пришитых к верхним углам. Она подшита *циновкой* – *чий*, а снаружи покрыта белой бязью и прошита. Длина ее около двух метров, а ширина около метра. Верхняя, несколько суженная часть полотнища закрывает небольшое пространство над дверным проемом (нижнюю часть укороченных *ууков*), остающееся открытым, поскольку боковые войлоки здесь расходятся, оставляя свободным вход в юрту. Днем в теплое время года навесная дверь сворачивается рулоном и укрепляется над дверным проемом с помощью шнура, пришитого снаружи несколько выше центра полотнища. Внутри юрты над дверью непременно вешают ажурную занавеску, плетеную из шерстяных крученых ниток разного цвета. Описание художественного оформления элементов юрты не входит в задачу данной статьи.

При разборке юрты в связи с перекочевкой на новое место или переселением на зимний период в стационарный дом описанная установка совершается в обратном порядке. При складывании отдельных частей применяются совершенно определенные, разработанные веками приемы. Так, каждую кошму сначала складывают вдоль в два слоя таким образом, чтобы загнутые края смыкались посередине. Затем сгибают оба конца и после этого сворачивают в рулон. У купольных войлоков ленты прячут внутрь свертка, а в боковые войлоки (рис. 6,а) вкладывают сверну-

тые в рулон чиевые циновки. Купольные жерди аккуратно складывают на землю в четыре кучи, прикладывая их друг в друга местами сгиба (рис. 6,б). Из вытянутых шнуров самих ууков скручивают два аркана и ими перевязывают жерди у сгиба. Второй конец связывают каким-либо другим шнуром. Сомкнутые звенья *кереге* складывают по два, одно на другое, а затем обвязывают по спирали тесьмой *босага джиби*, которой была обмотана дверная рама (рис. 6,в). Рама полностью разбирается (рис. 6,г). Ленты, опоясывающие как остов юрты, так и боковые войлоки, а также тесьму и шнуры укладывают в специальные ковровые чучалы, называемые *напрач*, *мапрач* или *мапрамач*. Все части юрты, как видим, складывают попарно, чтобы уравновесить груз с двух сторон при навьючивании его на верблюда или другое животное. *Чангарак* укладывают сверху. В настоящее время при хранении юрты в помещении, связки решетки и жердей ставят вертикально, прислонив к стене, свертки войлочного покрытия кладут рядом один на другой. Так что юрта занимает в прихожей или кладовке немного места.

При детальном рассмотрении устройства узбекской юрты выявились такие тонкости в ее конструкции, которые с еще большей наглядностью подтверждают уже не раз высказывавшуюся в литературе мысль о том, что юрта прошла очень длинный путь развития и совершенствования (см. статьи Г.П. Васильевой, а также М.В. Крюкова и В.П. Курылева в наст. сборнике).

Полусферический шалаш в отличие от юрты в настоящее время находится на стадии исчезновения. Его можно изредка встретить в горных и предгорных районах южного Узбекистана в качестве летнего жилища. Основные данные о нем были собраны автором настоящей статьи в 1950–1960-х годах, когда он еще существовал нарядом с глинобитным домом. Сведения, собранные у карлуков, были опубликованы³². Полевые исследования последующих лет несколько дополняют прежние материалы. Тюрки, барласы, моголы и другие группы, состоящие из потомков кочевых тюрок Тимуридского государства, называли свое переносное жилище древним тюркским словом *логич* – шалаш, шатер³³, а если он небольшого размера или покрыт камышовыми циновками, то таджикским словом *каппа*, *капа*, бытующим и в узбекском языке³⁴. Таджики употребляют и название *хиргох* (палатка, шатер). Например, таджики Яванской долины переносные жилища своих соседей-карлуков называли в мою бытность там в 1953–1954 гг. *хиргохи каллиго* – (“карлукский шатер”), в то время как решетчатую юрту – *хиргохи узбако* (“узбекский шатер”). Сами карлуки употребляли и слово *уй* – жилище, но только в таких, например, выражениях, как *уй ткауз* – “ставим жилище”, *ун кадамлик уй* – “жилище в десять шагов” (при определении его размера, в частности диаметра). Примечательно, что полукочевое узбекское население словом *уй* обозначало обычно лишь переносное жилище (юрту, шалаш), а глинобитное жилье называло словом *там* (*том*), если же оно имело двухскатскую кровлю, покрытую травянистыми растениями, то таджикским словом *чубтора*³⁵.

Размер шалаша богачей в прошлом был велик. У карлуков южного Таджикистана, карлуков, тюрок и барласов Гиссарской долины и чагатаев (как тюркоязычных, так и таджикоязычных) Байсуна, например, диаметр шалаша, поставленного на зимовке, доходил по 15–20 м. Во время больших приемов (поминки, пиршество по поводу обрезания) ставили сдвоенные шалашы, т.е. сообщающиеся, подобно тому как казахи ставили сдвоенные юрты. Диаметр одного из *лочигов*, обмеренных в 1954 г. в кишлаке Девчашма Дангаринского района, равнялся 4,75 м, а другого – 5 м при высоте 3 м (рис. 7). Для 1950-х годов это были самые крупные шалашы, а для прошлого – средней величины.

a

б

Рис. 7. Полусферический шалаш (лочиз).
Кишлак Девчашма
Дангаринского р-на
Кулябской обл. Тад-
жикистана. 1954 г.

a – внешний вид; *б* – вид
изнутри

Каркас *лочига* сооружался из перекрещивающихся деревянных дуг, концы которых втыкались в землю. Дуга большого размера составлялась из нескольких слегка согнутых жердей, связанных в местах соединения. При разборке остов *лочига* распадался на множество гнутых жердей и палок. Различали два вида: основные жерди – *олочиг* и добавочные – *баргазак* (у карлуков южного Таджикистана)³⁶. Их делали из следующих пород деревьев: *заранг* – вид клена, отличающийся твердостью древесины, *шолаш* – кустарник семейства ивовых, *карагач*, *арча*.

Для основных жердей – *олочиг* – рубили деревца сечением в утолщенном конце 4–5 см и длиной до 4 м. Срубали их весной, когда дерево гибкое. Кроме того, считалось, что если дерево будет высушено, будучи срубленным в полном соку, то оно будет крепче. Для сгибания специальный станок не употреблялся, поэтому и особые мастеров не было: каждый сам мог сделать остов *лочига*. Сгибали жерди двумя способами: 1) только что срубленные жерди, собрав в сноп, ставили наклонно у отвесного холма, затем на них сверху клали камни, которые своей тяжестью сгибали жерди, и те засыхали в таком виде; 2) три-четыре пары высоких кольев вбивали в землю, располагая по дуге, а затем в щель между кольями каждой пары укладывали жерди друг на друга. Для больших лочигов употреблялась *арча*. Срубив высокую и по возможности тонкую *арчу*, освобождали ее от веток и коры, обстругивали и получали подобие доски. Затем ее некоторое время держали в воде и гнули описанными выше способами. *Арча* эластична.

Логич устанавливали женщины. Если он был большим, помогали и мужчины. Одна женщина садилась в центре будущего жилища и держала конец веревки, длина которой равнялась радиусу сооружаемого шалаша, а вторая женщина брала другой конец веревки и натягивала ее. В четырех противоположных концах вбивали колышки, которые служили ориентирами. После этого одна из женщин вбивала колышек на глубину одной пяди. Потом вынимала его. В образовавшуюся ямку наливали воду, чтобы земля несколько размякла и жердь *лочига* глубже вошла и крепче держалась. Вторая женщина вставляла в эту ямку утолщенный конец жерди. Сначала сооружали две дуги, перекрещивающиеся под прямым углом. Затем, ориентируясь на них, размещали и остальные дуги, каждая из которых была несколько ниже предыдущей. Противоположные жерди для образования дуги соединялись друг с другом с помощью добавочных, слегка согнутых палок. Когда все противоположные *олочиги* были соединены в дуги, получался полусферический купол, верх которого состоял из решетки, образовавшейся от скрещивания дуг, а низ – из вертикальных жердей. Для получения решетки и в нижней части к жердям, образующим стенки, привязывали в два-три и более рядов дополнительные поперечные дуги. Концы этих добавочных дуг (*баргазак* – у яванских карлуков) не доходили до земли, а прикреплялись к основным дугам. В куполе из основных дуг образуются как бы четыре угла, называемые у карлуков *баджги*³⁷ – места, где перекрещиваются расходящиеся в обе стороны дуги, образуя подобие паруса в купольном сооружении. Вход в *логич* делался на равном расстоянии от ближайших *баджги*.

Дуги во всех местах скрещения привязывались друг к другу волосяными шнурами – *олочиг боги*. Концы шнурков завязывались бантом и свисали внутрь на 15–20 см. Обычно шнурки бывали свиты из шерсти двух цветов – белого и черного, а для свадебного жилища у карлуков – только из белой шерсти, у барласов из трех прядей – белого, черного и красного цвета. Концы шнурков украшались кисточками. *Лочиг* имел много десятков, а большой – и сотни узлов. Для того чтобы завязывать шнурки на вершине купола больших *лочигов*, приходилось становиться

на навьюченного коня или верблюда. А когда нужно было разбирать его, то снаружи на купол, с которого снят войлок, забирались дети и развязывали шнуры, начиная с макушки и постепенно спускаясь вниз.

Вход представлял собой просто проем, получившийся в результате того, что один, два или три *олочи́га* (это зависело от величины шалаша) не ставились. Дверной рамы не было.

Для большей устойчивости каркас на высоте около метра опоясывали узкой (5–6 см) шерстяной тесьмой (или арканом), обертывая ее вокруг каждой очередной жерди. Иногда *логич* выше этой тесьмы примерно на полметра опоясывали еще одной тесьмой или обручем из тонких, слегка согнутых палок.

Для поддержания купола ставили несколько подпорок в виде длинной жерди с развилкой на конце. Называлась подпорка *устум* или *устун* (от таджикского *сутун* – столб). Количество и высота их зависели от величины шнура. В больших *лочигах* их было до 8–9 и устанавливали их в нескольких местах. Однако в 1953 г. в карлукском кишлаке Беданабад Яванского района женщина преклонного возраста Зеля Одинаева говорила, что в очень больших *лочигах* бывало по 30 подпорок и будто они исходили из одного места в центре шалаша. Чтобы одной подпоркой поддерживать несколько дуг, в ее развилку вкладывали толстый, слегка согнутый брус – *бастырма* (*бостирма*).

Нижнюю часть стен снаружи закрывали циновкой *чиг*. Высота ее обычно достигала 5–6 пядей, а длина одного рулона – до 5 маховых сажень. На зиму *логич* обкладывали снаружи двумя-тремя, а то и четырьмя слоями циновок (20–30 штук). Промежутки между ними заполняли сеном. Эту часть стен никогда не закрывали кошмой. В летнее время ради прохлады циновку в обе стороны от входа сворачивали в рулон.

Войлочное покрытие состояло из нескольких трапециевидных боковых кошм (*богуртак* – у яванских карлуков, *ён кигиз* – у барласов, тюрок, мусабазари, калтатаев, тогчи и моголов) и одной квадратной или двух прямоугольных (*тева кигиз*) для покрытия верха. Число и размеры их зависели от величины шалаша: для маленьких шалашей (диаметром (3–3,5 м при высоте 3–3,75 м) использовали две-три (боковые) и одну квадратную (для верха). Для больших шалашей требовалось 5–6 боковых кошм размером 3, 5–6 м каждая (вес их якобы достигал двух центнеров) и две кошмы для покрытия верха. Та, что находилась над жилой частью шалаша, у карлуков южного Таджикистана называлась *тунлук* – “дымоход”, так как располагалась над открытым очагом, а специального отверстия для дыма не было – дым выходил через дверной проем. Кошма, закрывавшая хозяйственную часть, называлась *бастырма* – “навес”. Край *тунлука* находил на край *бастырмы*.

Края всех кошм (исключая нижний край боковых) обшивались тесьмой, плетеной в елочку из черно-белой шерсти. В процессе плетения тесьма пришивалась к оторачиваемому предмету. Боковые кошмы прикреплялись к остову шалаша с помощью крепких шнуров, свитых из шерсти с добавлением волоса. Для большей прочности конец шнура привязывали не непосредственно к кошме, а, как и в юрте, к воздушной петле из широкой шерстяной тесьмы. Верхние войлоки больших шалашей имели такие петли не только по углам, но и в промежутках между ними. К каждой петле привязывали по одному длинному *аркану*. Свисающий конец его прикрепляли к колышку, вбитому в землю на расстоянии 30–50 см от *лочига*. Раньше вокруг больших шалашей бывало от 15 до 30 таких кольев. Кроме того, несколько *арканов* перекидывали через купол и концы их привязывали к кольям противопо-

ложных сторон. Богатые овцеводы свое жилье на зимний период покрывали двумя слоями кошм: снизу черными или бурыми, а сверху белыми. Летом, чтобы кошмы не выгорали и не изнашивались быстро, купол покрывали еще тонким слоем сена. Зимой снег с купола счищали деревянными лопатами или, стоя внутри жилища, длинной жердью постукивали по куполу в разных местах. Белым войлоком покрывали и свадебный шалаш, если имели возможность. У барласов окрестностей Шах-рисябза и Китаба было принято внутреннюю поверхность кошм свадебного жилища украшать вышивкой тамбурным швом шерстяными нитками.

Бедные люди для покрытия лочига использовали плетеные из камыша циновки – *буйра* (*буйро*)³⁸. Зимой на покрытие стен требовалось 5–6 циновок, а для купола – до 15, ибо его покрывали в несколько слоев. Прикрепляли их к остову с помощью шнурков и арканов.

Вход (*эшик*, *бусага*) закрывался циновкой *чиг*,шитой на кошму. В теплое время года она скатывалась в рулон и закреплялась над входом или просто закидывалась снаружи на верх шалаша. В большинстве местностей при установке *лочига* на зимний период вход в него обращали на юг, а летом в горах – сообразно рельефу местности. Расположение входа в некоторых местностях зависело и от господствующих ветров.

В прошлом *лочиг* имел два размера: большой устанавливали на зиму, а на летовке, где несколько раз меняли места стоянок, он ставился в уменьшенном виде. Весной его разбирали и все жерди и шнурки мыли. На летовку брали столько жердей, сколько нужно было для сооружения небольшого шалаша, например до 80–90 штук основных жердей и от двух до семи кошм. Размер шалаша зависел прежде всего от наличия выючных животных, в частности лошадей, в данном хозяйстве. Оставляемые на зимовки жерди, кошмы и циновки, а также лишнюю утварь каждая семья отдавала на хранение приятелям – таджикам или другим неkochующим соседям. За хранение обычно расплачивались кошмами. Хозяева, имеющие зимние глинобитные помещения для скота, оставляемую часть домашнего скарба складывали в этих помещениях и заделывали вход.

Использование внутреннего пространства *лочига*, установленного на зимний период, наиболее подробно автором настоящей статьи записано у карлуков Яванской долины в 1953 г. по рассказам старых людей. *Лочиг* делился перегородкой, идущей от входа к задней стенке, на две части. Левая часть (если находиться снаружи лицом к жилищу) была больше правой на ширину входа, так как вход целиком оставался в левой части, а для того чтобы попасть в правую часть, делали проем в середине загородки. Правая часть служила для жилья, а левая – для скота и хозяйственных надобностей.

Перегородка имела высоту около полутора метров и сооружалась из того материала, который был под рукой: тростника, плетеного елочкой (*чабра*), хвороста (*шоох*), укрепленного вертикально, ферулы (*каурак* – *Ferula assafoetida*) – высокого зонтичного растения с толстым стеблем или же из циновки *чиг*. Там, где был лес, просто протягивали жерди на небольшой высоте.

Хозяйственная часть такими же перегородками подразделялась, в свою очередь, на ряд отсеков. Количество их и расположение не имели строго определенного порядка, а зависели от зажиточности и привычек хозяина. Обычно в дальнем от входа углу отгораживалась *саманхана* (*самонхона*, саман – измельченная при мольбе солома, идущая на корм скоту). Рядом, вдоль основной перегородки, устраивались кормушки для ездовых коней, а слева от *саманханы*, вдоль стены самого

жилья, размещались откармливаемые бараны и дойные коровы головой в сторону жилой части. Весь остальной скот находился под открытым небом. Ранней весной здесь же содержали молодняк. Сразу при входе слева складывали топливо.

Вход в жилую часть, устроенный в середине перегородки, ничем не закрывался. В жилом отсеке слева от входа устраивалась *суфа*. Однако это была не обычная *суфа* в виде сплошного плоского глиняного возвышения, а четверть пола шалаша, отделенная от другой части невысоким глиняным валиком. Она устилалась толстым слоем сена, а валик служил для того, чтобы сено не расползлось. Поверх сена расстилались кошмы, а затем шкуры. На *суфе* вдоль стен складывали *юк* – постель – и все семейное добро. Если несколько женатых братьев вели неразделенное хозяйство, то нередко они жили в одном *лочиге*. В таких случаях каждая супружеская пара с детьми имела свое место на *суфе* и свой отдельный *юк*.

Правая половина жилой части *лочига* была кухней и кладовой. Очаг располагался примерно в середине, чуть ближе к выходу. Он обогревал жилище. Для освещения употреблялись масляные светильники или лучины.

Завершая описание двух основных типов переносного жилища узбеков, следует отметить, что указанная выше закономерность (юрта – традиционное жилище узбеков дештикипчакского происхождения, а полусферический шалаш – жилище потомков кочевых тюрков Тимуридского государства), по словам многих информаторов, прослеживалась и в северном Афганистане. Подтверждается это и литературными данными 1960–1970-х годов³⁹. Полусферический шалаш был еще характерен для кочевой и полукочевой части азербайджанцев, в частности айрумов⁴⁰. Бытовал он (наряду с черным шатром) и у кочевников Турции – юруков, представляющих собой, по мнению Д.Е. Еремеева, потомков огузов и туркмен, перекочевавших в Малую Азию и на Балканы в XI–XIII вв., но вошедших в свой состав и более ранних тюрков (проникновение их в эти области началось с IV–VI вв., но возможно, и раньше⁴¹), а частично также курдов, арабов и других дотюркских кочевников Малой Азии, подвергшихся значительному культурному влиянию последних⁴².

Таким образом, на основании анализа приведенных данных можно прийти к заключению, что полусферический шалаш – одна из ранних форм переносного жилища тюркских кочевников⁴³. Однако сказанное вовсе не значит, что юрта в Средней Азии распространилась только с приходом дештикипчакских узбеков на рубеже XV–XVI вв. Несомненно, оба рассматриваемых типа переносного жилища сосуществовали здесь довольно длительное время⁴⁴. Но все же остаются неясными вопросы: чем объяснить приверженность наиболее ранних по времени поселения в Средней Азии тюрков и карлуков (как и айрумов в Азербайджане и юруков в Малой Азии) своему шалашу? Почему барласы и моголы, в какой-то степени связанные по своему происхождению с монголами, сменили такое совершенное переносное жилище, как юрта, на более простое? Потому ли, что в местах их современного обитания более скалистые горы и узкие ущелья и трудно юрту перевезти, а также найти место для ее установки (на эту мысль наводит тот факт, что дештикипчакские узбеки, оттеснившие местное кочевое население к горам, а сами занявшие привычные для них степную и низкогорную зоны, сохранили юрту; тюрки обычно говорят: “Узбеки любят открытые места, а мы – горы”). Или потому, что остов полусферического шалаша каждый может сделать сам (к тому же не обязательно даже перевозить его с одного сезонного пастбища на другое, если на этих пастбищах можно найти ветки для его изготовления, как это делали, например, моголы афган-

ского Бадахшана⁴⁵ и тюрки Казахского уезда⁴⁶)? Или затянувшийся период бесконечных феодальных войн и междоусобиц, сопровождавшийся разорением населения и вынужденными миграциями, привел к примитивизации не только оседлого жилища, но и кочевого?

На эти вопросы пока нет убедительного ответа.

- ¹ Кармышева Б.Х. "Кочевая степь Мавераннахр" и ее население в конце XIX – начале XX в.: По этногр. данным // СЭ. 1980. № 1. С. 46–55.
- ² Гребенкин А.Д. Узбеки // Русский Туркестан. М., 1872. Вып. II; Масальский В.И. Туркестанский край // РПГОНО. СПб., 1913. Т. XIX. С. 317; Андреев М.С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году // ИТО РГО. Ташкент, 1924. Т. XVII. С. 123, 124; и др.
- ³ Об истории формирования узбекского народа см.: Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.
- ⁴ Кармышева Б.Х. Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана // ИООН АН ТаджССР. 1956. № 10/11. С. 13–23; Она же. Этнографическая группа "тюрк" в составе узбеков // СЭ. 1960. № 1. С. 3–22.
- ⁵ Этнография каракалпаков, XIX – начало XX века: Материалы и исследования. Ташкент, 1980. С. 37–56; Ибрагимов О.И. Жилища кочевого и полуседлого населения степных районов южного Узбекистана в кон. XIX – нач. XX в. // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд, 1981. С. 72–84.
- ⁶ Аргынбаев Х. Казак халкынын колонери. Алматы, 1987. С. 9–19.
- ⁷ Последние сведения о широком бытовании юрты у узбеков низовьев Амударьи относятся к 1947–1948 гг. См.: Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи // ТХАЭ. М., 1952. Т. I. С. 355, 356. Более поздними сведениями автор не располагает.
- ⁸ Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа: Ист.-этногр. исслед. на материалах кипчак. компонента. Ташкент, 1979. С. 225. См. также полевые материалы С.С. Губаевой 1984–1985 гг. по Ферганской долине и прилегающим к ней районам.
- ⁹ Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4. С. 46.
- ¹⁰ Кармышева Б.Х. Юрта в современном быту узбеков. Мастера ее убранства // Народные мастера. Традиции, школы. М., 1985. С. 256–269.
- ¹¹ Сандап – низкий квадратный столик, поставленный над углублением в земляном полу с горячими углями и сверху закрытый ватным одеялом: служит для согревания рук и ног.
- ¹² Такой инструмент бытует также у киргизских и казахских мастеров. См.: Бурковский А.Ф. Из истории техники обработки дерева у киргизов // УЗИФКГУ. Фрунзе, 1954. Вып. 3. С. 93; Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С. 144, рис. 80, и; Муканов М.С. Казахская юрта. Алма-Ата, 1981. С. 21, рис. 3.
- ¹³ Таджикиским по происхождению словом *дукон* обозначаются как станок вообще, так и мастерская, а также лавка, где продаются изделия. Специальное название для обозначения данного станка у узбеков мной не зафиксировано. У казахов и киргизов он зовется *тез*. См.: Бурковский А.Ф. Из истории техники обработки... С. 93; Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 157, 158, рис. 88; Муканов М.С. Казахская юрта. С. 22, 23.
- ¹⁴ Н.Г. Борозна отмечает, что узбеки-дурмены сначала полностью изготавливали решетчатую стенку юрты, а затем ее распиливали на отдельные звенья. См.: Борозна Н.Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 95. Однако мастера-узбеки соседней Сурхандарьинской области, как и других областей, говорили мне, что о подобном способе им не приходилось слышать. Об этом способе у киргизов см.: Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 160, рис. 90.
- ¹⁵ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 312; Узбекско-русский словарь. М., 1959. С. 228.
- ¹⁶ Г.П. Васильева также обратила внимание на то, что в решетке туркменской юрты не всегда места скрещения скрепляются. То же отмечено Х. Аргынбаевым относительно казахской юрты. См.: Аргынбаев Х. Казак халкынын колонери. С. 12.
- ¹⁷ Узбекско-русский словарь. М., 1959. С. 121. Узб. написание *дархон*. Это слово имеет ряд других значений и не раз привлекало внимание исследователей. См.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980. С. 151–154.
- ¹⁸ Сухарева О.А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX – нач. XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962. С. 130, 131; Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1966. Вып. 1. С. 265; Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 22, 23, рис. 6.

- ¹⁹ Муқанов М.С. Казахская юрта. С. 27. У южных киргизов этот узелок также называют пуговицей – *керегенин топчусу*. См.: Антипина К.И. Особенности материальной культуры... С. 159.
- ²⁰ Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана: Ист.-этногр. очерк животноводства в дореволюцион. период. Сталинабад, 1954. Вып. 1. С. 133, 134. См.: также полевые материалы автора последующих лет; Борозна Н.Г. Материальная культура узбеков... С. 95.
- ²¹ Centlivres P. Les Uzbeks du Qattaghan // Afghanistan Journal. 1975. J. 2, Heft 1. P. 32, Fig. 11.
- ²² По словам мастера Эштемира Халбаева, жившего в Шерабадском тумане, где юрта издавна широко бытует и у таджиков, последние предпочитают, чтобы куполообразующая часть уука оставалась прямой. Такой уук называют *хуччи*. Первый вид (чуть выпуклый), называемый *аркалы* – “имеющий спину”, заказывают обычно узбеки-кунградцы.
- ²³ Чангарақ – от тадж. *чанбарак* – обод, обруч. Как известно, лексика казахского языка изобилует фарсизмами. Объясняется это существовавшими издавна интенсивными экономическими и этнокультурными контактами населения Казахстана и Средней Азии. Остов юрты казахи в конце XIX – начале XX в., например, приобретали не только у своих мастеров, но и в городах и базарных селениях бассейна средней Сырдарьи, в частности в Ташкенте (устное сообщение Е.М. Пещеровой), а также Зеравшанской и Кашкадарьинской долин. См.: Сухарева О.А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958. С. 125. См. также полевые материалы автора. Об этом см. с. 35 наст. сборника. Сами казахи привозили на рынки этих мест добротные кошмы (полевые материалы автора).
- ²⁴ Рузиев М. Резные двери жилищ Бухары. Душанбе, 1967; Писарчик А.К. Народная архитектура Самарканда XIX–XX вв.: По материалам 1938–1941 гг. Душанбе, 1974. С. 93–95; Она же. Народное прикладное искусство таджиков. Душанбе, 1987. С. 27–28, табл. 11–13.
- ²⁵ Куфтин Б.А. Киргиз-казахи. Культура и быт: Этнолог. очерки. М., 1920. № 2. С. 24.
- ²⁶ Собственно *чий* (*Lasiagrostis splendens*) на юге Узбекистана и Таджикистана не произрастает, поэтому для изготовления этого вида циновки, плетеной из нерасщепленных стеблей, употребляется в основном эриантус краснеющий (*Erianthus purpurascens* Andress), хотя по традиции предков, живших в степях к северу от Сырдарьи, такую циновку продолжают называть *чием*. *Чий* плетут женщины в каждой семье.
- ²⁷ Шаниязов К.Ш. К этнической истории... С. 27.
- ²⁸ Шаниязов К. Узбеки-карлуки: Ист.-этногр. очерк. Ташкент, 1964. С. 93.
- ²⁹ Как видим, мнение Н.Г. Борозны о том, что *арканы туйнука* спускались внутрь юрты, ошибочно. См.: Борозна Н.Г. Материальная культура... С. 95.
- ³⁰ Шаниязов К.Ш. К этнической истории... С. 228.
- ³¹ Пещерова Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л., 1959. С. 101–108; Чвырь Л.А. Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 131.
- ³² Кармышева Б.Х. Жилище узбеков племени карлук... С. 13–23.
- ³³ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. С. 130–132.
- ³⁴ По мнению Л. Будагова, слово *kand*, происходит от арабского *кубба*. См. об этом: Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1871. Т. II. С. 113. Это представляется правомерным по отношению к рассматриваемой форме, ибо одно из значений слова *кубба* – купол. В средневековых арабских письменных источниках этим словом обозначаются крытые войлоком переносные жилища тюркских кочевников – куполообразные шалаши и юрты. См.: [Ковалевский А.П.]. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939. С. 96, примеч. 136; Агаджанов С.Г. Огузские племена Средней Азии IX–XIII вв.: Ист.-этногр. очерк // Страны и народы Востока. В.Х. М., 1971. С. 184.
- ³⁵ Кармышева Б.Х. Стационарное жилище узбеков-локайцев (середина 1940-х – начало 1950-х гг.) // Этнография Таджикистана. Душанбе, 1985. С. 9.
- ³⁶ Баргазак – видимо, от *бара* – деревянная балка перекрытия на языке пушту. См.: Зудин П.Б. Краткий афганско-русский словарь. М., 1950. С. 66. Большая часть карлуков живет в афганском Бадахшане. В прошлом карлуки Куляба и Хисара поддерживали с ними родственные связи. По словам моих информаторов (1953–1954), карлуки Афганистана в *лочигах* жили только зимой, а летом предпочитали кочевать в черных шатрах. О черных шатрах Афганистана см.: Ferdinand K. Review Articles: Ethnographical Notes on Chahâr Aimâq, Hazâra and Moghûl // Acta orientalia, XXVIII. 12 (1964). P. 187–196.
- ³⁷ Баджи – видимо, от *бадж* – балка длиной 2,5 м на языке пушту. См.: Зудин П.Б. Краткий афганско-русский словарь. С. 58.
- ³⁸ Основные сведения о циновке *буйра* см.: Сухарева О.А. Позднефеодальный город Бухара... С. 133–136.
- ³⁹ Schurmann H.F. The Monghûls of Afghanistan An Ethnography of the Monghûls and Related Peoples of Afghanistan. The Hague, 1962. P. 133–136; Centlivres P. Op. cit. P. 28–36.

- ⁴⁰ Кулиева М.В. Кибитка на яйлагах полукочевых тюрок Казахского уезда // ИООИА. Баку, 1928. № 5. С. 173–177; Кобычев В.П. Жилище народов восточного Закавказья в XIX в. // СЭ. 1957. № 3. С. 73.
- ⁴¹ Еремеев Д.Е. Этногенез турок: Происхождение и основ. этапы этнич. истории. М., 1971. С. 54–55.
- ⁴² Еремеев Д.Е. Юруки (турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969. С. 3, 62, 63.
- ⁴³ Допустить такое предположение позволяют, мне кажется, приведенные М.В. Крюковым свидетельства китайских источников о неразборном шалаше у сюнну, а также археологические данные об округлом жилище древних булгар в бассейне Северного Донца. См.: Нечаева Л.Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тысячелетие до н.э. – первая половина II тысячелетия н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 15, рис. 2, 22–24.
- ⁴⁴ См., напр.: Агаджанов С.Г. Огузские племена... С. 184–186.
- ⁴⁵ Schurmann H.F. The Mongols of Afghanistan. P. 100, 101.
- ⁴⁶ Кулиева М.В. Кибитка на яйлагах... С. 174, 175.

Виды переносного жилища казахов

На протяжении многих веков казахи вели кочевой и полукочевой образ жизни и основным видом жилища, соответствовавшим форме ведения хозяйства, была юрта *кииз уй* (*кигиз уй*).

Современная казахская юрта прошла многовековой путь развития. Сохранились традиционные навыки в способах создания различных ее частей, в организации внутреннего убранства.

В конце XIX в. Н.Н. Харузин писал: "... кибитки, в которых кочуют и в настоящее время многие тюркские и монгольские народности, оказываются в общих чертах почти совершенно такими же, какими были по описанию лиц, имевших случай познакомиться с этими народами за несколько веков до нашего времени"¹.

Казахскую юрту можно считать одной из разновидностей тюркского типа юрт. Она отличается от монгольской не только строением купольных жердей и формой купола, но имеет и ряд других существенных отличительных признаков, о чем будет сказано при характеристике другого подтипа юрты – *торгоут уй* (*калмак уй*).

В прошлом казахи в основном проживали и в настоящее время сохранили юрту с полусферическим куполом (куполообразной крышей)². Она имеет отличия в некоторых регионах Казахстана, возникшие в результате изменений деревянного каркаса или войлочного покрытия.

Рассмотрим строение основного вида переносного жилища – юрту с полусферическим куполом (сфероидальным по Ч.Ч. Валиханову³, куполообразным по Р. Карутцу⁴, шарообразным по Н.Н. Харузину⁵).

Из всех сортов дерева наилучшим для производства каркаса юрты является ива – тал (каиртал): древесина ее тверда, легко принимает нужную форму после несложной обработки. Для цилиндрического основания юрты применяется также тополь, но реже тальника. Круговое навершие купола конструируется из более твердой древесины – березы.

Заготовкой древесины занимается сам мастер с подручным. Наиболее длинные стволы и ветви ивы служат материалом для купольных жердей, а короткие – для планок решетки юрты. Стволы многолетних берез, тополя и сосны также идут на изготовление различных частей юрты.

Деревянный каркас (*суйек, уйдин канкасы*)⁶ состоит из четырех частей: 1) *кереге* (*кабырга суйеги*) – раздвижной решетчатой основы; 2) *уык* (*уык*) – купольных жердей; 3) *шанрак* (*шанырак*) – кругового навершия купола; 4) *есик, сыкырлауык* (*есик, сыкырлауык*) – двери.

Изготовлением деревянного каркаса юрты как в прошлом⁷, так и в наше вре-

мя занимаются особые мастера – *уйиши*, которые имеют в своем распоряжении небольшой набор инструментов, печь *мор* для распарки деталей и станок *тез* – для сгибания и выпрямления деревянных заготовок.

Первичная обработка деревянных деталей юрты производится топориком *шаппа шот*, плоское лезвие которого расположено перпендикулярно топоричу. Этим топориком делают заготовки для купольных жердей: обрубая нижний конец *уыка* и, отмерив необходимую длину его, заостряют верхний конец в виде четырехгранника (*калам*).

Топориком *шаппа шот* также вырубаяют планки для решетки юрты и обстривают полукружья (полуободы), из которых сшивают обод юрты – *шанрак*. Тем же топориком делают и другие детали юрты: косяк и створки двери.

Для ошкуривания деревянных частей юрты мастер пользуется своеобразным рубанком – *сызгыши*, представляющим собой железную дужку с деревянными ручками. Левая сторона *сызгыши* заострена, ею и ошкуривается ствол, а правой стороной, состоящей из зубьев, наносят каннелюры на различные детали юрты.

Деревообделочник пользуется также наборами долот (*кашау*), молотков (*балга*) и ножей (*пишак*).

Создав нужное количество жердей для *уыков* (каждая длиной от 200 до 250 см) и планок или жердочек для *кереге* (от 200 до 210 см каждая), мастер придает им нужную форму. Для этого служит печь *мор* простой конструкции: небольшое углубление в земле для костра с закрытым очагом и высоким дымоходом (см. рис. 9 на с. 36).

Печь хорошо прогревают, пока в очаге не образуется достаточное количество тлеющих углей и горячей золы. Такую смесь называют *коламта*⁸. Топливом может служить любая древесина, но лучшим считается бараний помет – *кый*, медленно тлеющий и дающий сильный жар.

Основание *уыков* в казахской юрте имеет изгиб, расположенный примерно на расстоянии 1/3 от начала *уыка*. Чтобы получить подобную форму, более толстую часть жерди-заготовки помещают в дымоход печи, где она хорошо распаривается.

Станок *тез*, на котором сгибают жерди, следующей конструкции: бревно, покоящееся на подставке с четырьмя ножками, имеет в центре прямоугольный вырез с клиньями-упорами, выступающими немного выше краев выреза.

Основание *уыка* вставляют в этот паз, сгибают на 50–60°, привязывают или же крепят клиньями и оставляют так до затвердения, т.е. до получения изгиба. После этого внутреннюю его сторону выравнивают рубанком *сызгыши* и наносят каннелюры, необходимые для более плотной связки с планками решетки.

Кереге – сборно-раздвижная решетчатая основа юрты – образуется из отдельных секций (*канат*), а последние конструируются из отдельных планок или жердочек (*саганак*), соединенных между собой по диагонали. Эти *саганак* должны быть выгнуты наружу, и, чтобы получить подобную форму, их также помещают в печь.

После распарки планки сгибают на станке *тез*, для чего на последнем имеется специальное устройство: один конец толстой палки вкопан в землю, а другой укреплен в пазах станка, при этом палка имеет небольшой изгиб. К ней сверху и привязывают распаренные планки и после затвердения они приобретают изогнутую форму.

Концы *саганак* вновь распаривают в печи и немного выгибают уже в противоположную основному сгибу сторону для того, чтобы *планки* имели ровный упор на земле и прямую головку сверху – для удобства прикрепления основания *уыка*. В за-

висимости от характера решетки *саганак* бывают двух видов: круглые в сечении или квадратные.

Планки необходимо соединить в секции, и для просверливания отверстий на их поверхности современные мастера пользуются в основном сверлами фабричного производства. До революции же применяли сверлильный станок (*уски*). Создание такого станка было под силу каждому деревообделочнику: в землю вкапывали два столбика, а между ними укрепляли свободно вращающееся бревно, железные штыри которого проходили сквозь эти вертикальные столбики. Один конец штырька затачивался и служил сверлом. Вращение бревна производилось путем попеременного притягивания то одного, то другого конца бечевы, накрученной на бревно со сверлом. Это делал подмастерье, а мастер придавливал жерди к сверлу и получал отверстие.

Подобный станок можно встретить и в наше время, так как он прост в своей конструкции и не требует большого времени и средств.

Саганак соединяются друг с другом по диагонали с помощью ремешков – *кок*, продеваемых в отверстия и завязанных узлом на концах. Эти ремешки-гвоздики делают из шейной части верблюжьей кожи, наиболее эластичной и прочной. Иногда *кок* приготавливают из конской или воловьей кожи, но они менее практичны и эластичны. Скрепление жердей (планок) подобными ремешками называется *коктеу*. Интересно отметить, что этим термином казахи называют процесс изготовления некоторых бытовых предметов. Например, сметывание отдельных частей платья перед шитьем у казахов носит то же название, что и процесс скрепления жердей в *канат – коктеу*⁹.

В производстве деревянных деталей юрты укоренились традиционные нормы, основанные на опыте предшествующих поколений. Например, для одной секции *кереге* обычно бывает постоянное число головок-развилок – *бас*.

«У казахов, – писал С. Муқанов, – есть начальные слова песни: “Девяносто *бас кереге* для восьмидесяти *уыков*”. Упоминаемые *бас* есть основание скрещений двух планок *кереге*. В каждом *канате* таких *бас* 15. В ауле наиболее распространены шестиканатные юрты, отсюда-то и происходит “девяносто *бас кереге*”... “Восемьдесят *уыков*” говорится потому, что *уыки* привязываются не на каждую развилку (*бас*)... и такой порядок завязки *уыков* придает каркасу (*суйек*) устойчивость при сильных порывах ветра¹⁰.

Б.А. Куфтин писал, что в секции решетки может быть от 20 до 30 пар планок¹¹. Такое количество планок делало секцию громоздкой и затрудняло перевозку юрты.

А.Х. Маргулан отмечает, что в одной решетке стандартных головок бывает 17¹².

Секции, соединяясь между собой, образуют круговое основание юрты – *кереге*. Между собой секции скрепляются тесемками – *тангыш* (*тангыш*) или волосяной веревкой (*аркан*).

В зависимости от формы *саганак* и размеров образуемой ими решетки различают два вида *кереге*: 1) *жел кёз* (*жел кёз*), создаются из планок, круглых в сечении, и имеют крупную сетку; 2) *тор кёз* (*тор кёз*), из четырехгранных планок, с более мелкой, чем у решетки первого вида, сеткой. Юрты первого вида более устойчивы при сильных порывах ветра, второго же, как объясняют информаторы, менее промокаемы.

Шанрак – наверху юрты – конструируется из двух частей: обода и распорно-

крепежных реек (*кулдиреуши*). Диаметр обода шестиканатной юрты 135–140 см. Он состоит из двух равных полукружий со скошенными концами. Эти полукружья, соединенные и скрепленные сквозными железными стержнями, концы которых заклепываются, и создают ровную поверхность обода.

В *шанраке* проделаны сквозные четырехгранные ячейки – *кёз*, в которые входят заостренные концы (*калам*) жердей.

Распорно-крепежные планки находятся в двух плоскостях: по диаметру *шанрака* и под прямым углом друг к другу. В каждой плоскости обычно бывает по три планки полусферической формы. В местах перекрестия планки имеют отверстия, куда продеты крепежные ремешки – *кок*, а гнезда, полученные в результате такого крепления, используются в качестве упора для шеста при поднятии *шанрака* во время сборки юрты.

Все деревянные части юрты окрашены.

До начала XX в. для окраски деревянных частей юрты применяли растительные и минеральные красители желтого цвета, которые получали из корня *тамыр кермек* (*Limonium Dmelinni*) и минералов с примесью медного купороса.

В конце XIX в. М.А. Леваневский, обследовавший Эмбенский уезд Западного Казахстана, писал следующее: на солончаковой почве вдоль р. Эмбы и Сагиза «произрастает еще растение “*тумар-булу*”, из корня которого киргизы (казахи. – *Авт.*) добывают красящее вещество. Вырыв корень *тумар-булу* осенью, очищают его от земли и верхней кожицы... Этот корень годен для приготовления краски как в сыром, так равно и в сухом виде»¹³. По словам М.А. Леваневского, его кипятили до полной выварки красящего вещества, затем процеживали и таким образом получали краситель.

С начала XX в. с распространением в казахской степи анилиновых красителей естественные постепенно перестали применяться.

В наше время мастера-деревообделочники пользуются фабричными красителями желтого цвета*.

Дверь юрты конструируется из двух частей: косяка и дверных створок. В косяке различают следующие детали: *босага*¹⁴ – боковые стойки, *табалдырык* – порог и *мангдайша* – верхняя планка косяка. Створки двери называются *сыкырлауык* (от *сыкырлау* – скрипеть). Этим словом в совокупности обозначается вся дверь. Применяется и второй термин – *есик*.

Величина косяка зависит от размеров юрты и колеблется в пределах 140–160 см в высоту и 70–80 см в ширину. По мнению Н.Н. Харузина, первоначально вход в казахскую юрту прикрывала только войлочная накидка, а двустворчатая дверь появилась позднее под влиянием соседей, возможно русских¹⁵. Скорее всего, это было так, ибо встречаются юрты без дверей с одной войлочной накидкой (*кииз есик*). Однако последняя даже при наличии двустворчатой двери обязательна.

По мнению Б.А. Куфтина, термин *есик* происходит от монгольского *ешиге*, обозначающего вообще войлок¹⁶. Однако подобное утверждение является спорным, ибо в “Собрании тюркских наречий (языков) Махмуда Кашгарского (XI в.)” есть термин *есик*, обозначающий дверь¹⁷.

Войлочная дверь-накидка имеет прямоугольную форму и полностью прикрывает

* Автор не указывает, в каком районе применялись красители желтого цвета; в большинстве районов Казахстана деревянные части юрты окрашивались в другие цвета, варьиовавшие от желтого и красного до темно-бордового и коричневого. – *Ред.*

вает дверной проем юрты. В верхней части войлочная накидка заканчивается “языком”, который доходит примерно до изгиба купольных жердей. Веревка, пришитая к “языку”, крепится на шанраке, тем самым удерживая накидку на весу. К внутренней стороне войлочной накидки пришивается узорная циновка (*есик иши*), выполняемая в лучших народных художественных традициях.

Наряду с описанной выше юртой некоторая часть казахских хозяйств пользовалась юртой, заимствованной у монгольских народов. Вот что пишут дореволюционные исследователи о казахских юртах:

“Среди обыкновенных юрт различают два типа – конусообразный, или торговый, и киргизский (казахский. – *Авт.*) – куполообразный; первый встречается редко и ставится в исключительных случаях”¹⁸.

И.В. Захарова отмечает, что в Семиречье “распространен так называемый калмыцкий тип юрты, имеющий конический верх с шанраком меньшего диаметра и со слабо изогнутыми жердями”¹⁹.

Слабо изогнутые жерди делались из заготовок для обычной казахской юрты, но они были изогнуты у самого основания *уыков*, а не так, как в *кииз уй*, – в этом их главное отличие.

Одна юрта *торгоут уй* с прямыми купольными жердями встретила автору в 1978 г. на территории Талды-Курганской области у чабанской семьи, перегонявшей скот на летние пастбища в восточные районы Прибалхашья. Сведения, полученные от информатора Абдрашева Жукена (1897 г.р.), помогут в некоторой степени представить себе *торгоут уй* (*калмак уй*), которым пользовались казахи.

Торгоут уй дореволюционных казахов (по словам информаторов) претерпел существенные изменения в сравнении со своей предшественницей – калмыцкой юртой. Если говорить о купольных жердях, придающих калмыцкой юрте конусообразный облик, то в *торгоут уй* они или прямые, или имеют слабый изгиб.

Решетки основания (обычно их бывает пять) идентичны *кереге* казахской юрты с полусферическим куполом, т.е. планки соединены по диагонали ремешками-гвоздиками, продетыми через сквозные отверстия в планках. В калмыцкой юрте соединение планок иное: их просто связывают ремешками в местах скрещения²⁰. Это главное отличие *торгоут уй* от калмыцкой юрты. Кроме того, в калмыцкой юрте створки двери наглухо прибиваются к косяку и дверь перевозится в неразобранном виде²¹, в *торгоут уй* же – дверь разбирается (створки отделяют от косяка).

Есть еще и другие отличия казахской юрты от калмыцкой, присущие также и *торгоут уй*, но они не имеют конструктивного значения.

При сильных ветрах казахскую юрту с полусферическим куполом, как и *торгоут уй*, укрепляют лентой – *жел бау*, один конец которой привязан к *шанраку*, а другой – к железному колу внутри юрты; кроме того, для этих целей служит шест – *бакан*, развилка которого подпирает купольные жерди немного ниже *шанрака*. В калмыцкой юрте *бакана* нет, ее укрепляют двумя веревками, протянутыми от *харачи* – *шанрака*, к кольям внутри юрты²².

По сведениям Н.Н. Харузина, калмыцкое *харачи* (*тонг*) – круговое навершие – склеивается из отдельных кусков дерева (15 и более). С внутренней стороны обода наглухо прибиты “4 и более полуобруча (*цагрык*), перекрещивающихся взаимно и возвышающихся над плоскостью круга”²³. Купольный круг *торгоут уй* сшивается из двух равных полукружий и идентичен *шанраку* казахской юрты со сферическим куполом.

В *торгоут уй*, так же как и в юрте с полусферическим куполом, полоса, стягивающая основание юрты, проходит по верхнему краю *кереге* и основаниям *уыков*.

Замеры, произведенные в юрте Ж. Абдрашева, владельца *торгоут уй*, показали: диаметр *шанрака* – 110 см, длина *уыка* – 260 см, звено решетки, раздвинутое до предела имело длину 115 см.

Основной упор “калмыцкого дома” приходится на петли, накидываемые на головки решеток. Поэтому для петель применяли волосяные веревки – *аркан*, которые отличаются прочностью и долговечностью.

Термины, обозначающие отдельные части деревянного каркаса и войлочного покрытия, в *торгоут уй* те же, что и в названиях подобных деталей юрты с полусферическим куполом.

Деревянный каркас юрты с внешней стороны имеет войлочное покрытие, которое подразделяется на три части: *туырлык* – покрытие основания юрты, *узюк* (*узик*) – покрытие купола юрты и *тундик* – покрытие *шанрака*.

Туырлык имеет форму трапеции и изготавливается из двух войлочных полотен (*кесек*). Размеры его зависят от размеров юрты. Для шестиканатной юрты ширина основания *туырлыка* равна 450 см, верха – 300 см, длина каждой боковины – 272 см, а высота по центру войлока – 260 см.

Туырлык укрепляется на основании *уыков*, закрывает 1/3 купольных жердей и полностью покрывает решетчатые стены юрты. Его верхняя часть часто украшается узорной аппликацией, называемой *туырлык кас*, а края обшиваются плетеным кантом (*жиек*).

Средняя шестиканатная юрта имеет три *туырлыка*, боковины которых взаимно перекрываются.

Крепятся они к купольным жердям узорными лентами (*туырлык бау*) или же обыкновенными веревками, пришитыми к верхним концам войлока.

Купол юрты закрывают два *узюка*, каждый из которых имеет форму усеченного конуса с овальным основанием. В верхней части войлока имеется вырез, плотно прилегающий к *шанраку* юрты. Сшивают *узюк* из трех-четырех войлочных кусков, и он для шестиканатной юрты имеет по ширине основания 975 см, по верхнему вырезу – 135 см, длина каждой боковины – 250 см, наименьшее расстояние от верха до основания – 230 см.

К верхним концам купольного войлока пришиваются две узорные ленты – *узюк бау*, которыми это полотно крепится на *уыках*. Концы этих лент свисают под куполом, украшая интерьер юрты. *Узюк* имеет шесть крепежных веревок (по три с каждой боковины). *Бас бау* – “головная веревка” – стягивает верхние концы войлока и закрепляет его на купольных жердях. Конец *бас бау* выводится поверх *туырлыка* и крепится на *белдеу* – “крепежной веревке”, стягивающей войлочные полотна решетки по центру. *Аяк бау* – “нижняя веревка” – пришивается на нижних концах *узюков* и завязывается на *кереге* у входа в юрту. *Орта бау* – “средняя веревка” – стягивает войлок и крепится на *белдеу* или же за одну из планок решетки.

Края *узюка* обшиваются плетеным кантом – *жиек*, а на его основание пришиваются узорные клапаны – *додеге*, через которые пропускается полоса материи, украшенная узорной аппликацией (*кулдыреуыш*, *туырлык бас*).

Поверхность войлока часто украшается аппликацией в виде крупных спиральных завитков (*кошкар муйиз* – “бараны рога”) или в виде крестовины – (*кос муйиз* – “парные рога”).

Шанрак юрты закрывается квадратным войлоком – *тундик*, натянутым по уг-

лам. Средний размер его – 200 × 200 см, к концам пришиты крепежные веревки, с помощью которых *тундик* крепится к *белдеу*. Если есть надобность открыть *шанрак* (для освещения юрты или же для выхода дыма), то одна или две веревки оттягиваются от *белдеу* и перекидываются на противоположную сторону, открывая полностью или частично купольное отверстие юрты. Это квадратное полотно также часто украшают узорной аппликацией.

Войлочные покрытия для *торгоут уй* такие же, как те, которыми казахи закрывают юрту со сферическим куполом.

В прошлом казахи бассейна р. Сырдарьи изготавливали *котерме туырлык* из нескольких кусочков войлочного полотна. Оно закрывало деревянный каркас от *шанрака* до нижней части решетки юрты, не доходя до земли 25–30 см (*котору* – поднимать, *котерме туырлык* – поднятый *туырлык*). Для покрытия юрты употребляли одни *котерме туырлык*. *Шанрак* покрывался обычным *тундиком*.

Нередко *котерме туырлык* встречается и в наши дни. Например, в 1981 г. во время работы Кызыл-Ординской этнографической экспедиции такими были покрытия юрты Казангапова Балаушана (1926 г.р.) и Ахметова Аипа (1906 г.р.), проживающих в то время в совхозе “Коммунизм” Джалагашского района Кызыл-Ординской области.

Котерме туырлык имеет форму трапеции с верхним овальным вырезом. В юрте А. Ахметова он следующих размеров: ширина основания – 654 см, верхний овальный вырез – 567 см, расстояние по центральной осевой линии сверху вниз – 600 см. Этим войлоком был закрыт деревянный остов семиканатной юрты, высота которой – 416 см, а диаметр *шанрака* – 250 см.

Кроме бассейна р. Сырдарьи, в других местностях *котерме туырлык* не встречается, о нем знают только присырдарьинские казахи.

В Восточном Казахстане существовали юрты, где не было обычных войлочных покрытий купола, и такие юрты называли *узюксиз уй* (*узиксиз уй*) – “дом без узюков”. Это были юрты, основание и часть купола которых закрывались *туыр-ками*, а верхняя часть купола – *тундиком*²⁴.

На западе Казахстана, в бассейне р. Уила и Сагиза, юрты, где отсутствовали *узюки*, называли *туырлык уй*. Эти юрты небольших размеров: основание их составляли три-четыре звена решетки, соответствующее им число купольных жердей и небольшой *шанрак*²⁵. Такими юртами до сих пор пользуются казахские семьи животноводов в летне-осенние месяцы, их ставят на приусадебном участке и казахи, живущие оседло.

В установке юрты участвуют все члены семьи: мужчины растягивают решетчатые секции по кругу, а женщины связывают их, образуя тем самым основание юрты; мужчины поднимают шестом купольное навершие, две-три женщины, находясь в противоположных сторонах строящейся юрты, вставляют концы (*калам*) купольных жердей в отверстия *шанрака*, а основания уйков привязывают к головкам развилки *кереге*. Такая постепенная установка уйков производится до окончательного образования купола.

Шанрак шестиканатной юрты поднимают двое мужчин, но с этим может справиться и один сильный мужчина. Если же собираемая юрта более вместительна, т.е. насчитывает восемь, а иногда и более решетчатых секций, то и *шанрак* этой юрты более массивен и его в этом случае поднимает всадник. Нижний конец шеста имеет упор у стремени седла, потому что восьмиканатная юрта выше шестиканатной и поднять купольное навершие на необходимую высоту под силу только всаднику.

После сборки деревянного каркаса и установки дверных створок в косяк начинают скреплять основание юрты. Для этого верх решетки и основания *уыков* обвязывают широкой тканой полосой – *баскур*. Наряду со своим прямым назначением – скреплять основание юрты – *баскур* является и ее украшением. Узоры ее разнообразны и красочны. Ширина тканой полосы колеблется от 40 до 50 см, а длина равна длине юрты. *Баскуры* бывают безворсовые, ворсовые и комбинированного ткачества²⁶, т.е. на гладкой основе красочно выделяются ворсовые узоры.

После скрепления каркаса тканой полосой решетчатую стенку обертывают узорной чиевой циновкой, которая не только укрепляет юрту и предохраняет ее от пыли, но своим нарядным рисунком украшает ее.

После этого приступают к покрытию каркаса войлоками.

Сначала завязывают на купольном круге крепежную веревку войлочной накидки на дверь, а саму накидку сворачивают в рулон и завязывают с внешней стороны притолоки двери. После этого закрывают *туырлыками кереге* и основание *уыков*, а поверх купола укрепляют два *узюка*. Каждое войлочное полотно закрепляется с помощью крепежных веревок и лент на каркасе юрты. В завершение покрывают *тундиком шанрак*.

Юрта опоясывается веревкой *бельдеу*, концы которой завязываются в отверстиях боковых стоек двери. Поверх *бельдеу* навешивают узорную тканую полосу – *бельдеу бау*, отделанную кисточками и бахромой.

В юрте все бытовые предметы размещены вдоль решетчатых стен, а некоторые из них развешены на головках *кереге* и купольных жердях.

Отсутствие деревянного пола требует, особенно в зимнее время, покрытия его войлочными и ткаными коврами.

Каждая часть внутреннего пространства имеет свое традиционное назначение.

В центре юрты – место очага (*ошак*). В прошлом он служил для приготовления пищи, здесь же разводили костер для обогрева в зимнее время. Очаг почитался как святыня, что было отголоском древних, доисламских верований казахов.

«Невеста, – писал Ч.Ч. Валиханов, – поступая в новое семейство, должна войти в юрту отца (мужа), принести в жертву огня ложку масла, делает салем (преклонение колена) и бьет головой (падает навзничь), приговаривая: “Аруах, разы болсын!” – “Аруах (дух предков), будь доволен!”»²⁷.

Самое почетное место юрты – *тёр* – за очагом напротив входа. Оно предназначается для гостей и заслуженных людей. Среди казахов бытует пословица: “Есиктен кирип терге озба”²⁸, т.е. “Войдя в дверь, не стремись на почетное место”.

На почетном месте размещают наиболее ценные вещи семьи. Они хранятся в различных сундуках: деревянных (*сандык*), украшенных резным и расписным орнаментом, кожаных (*жаглан*) с тисненными узорами и серебряными бляшками. Эти сундуки покоятся на подстилочных войлочных коврах или же на специальных подставках (*жук аяк*), лицевую часть которых, а иногда и боковины украшают резные узоры.

На эти сундуки укладывают войлочные и тканые ковры в свернутом виде, войлочные мешки (*шабадан*), заполненные вещами, и ставят другие сундуки в орнаментированных войлочных, тканых или вышитых чехлах (*сандык кап*) и т.д.

Шабадан и *сандык кап* украшают традиционным орнаментом в виде крутых рогов или же стилизованного изображения растений. Орнамент выполняется в различной технике. Нередко оно создается из разноцветных шнуров, пристеганных к однотонной войлочной основе и представляет непрерывный ряд крутых рогов –

мюиз (муйиз). Однако излюбленным приемом является аппликация. Рисунок, созданный в подобной технике, прекрасно контрастирует с фоном, линии узоров строго очерчены.

Для хранения объемных вещей, например ковров, служит тюк – *тен*, сшитый из войлока и украшенный аппликацией или из ткани, лицевая часть которой представляет собой ковровую дорожку.

Пол почетного места – *тёр* застилается грубым домотканым материалом, а поверх него – дорогими войлочными и ткаными коврами. Остальные участки пола юрты также застилаются войлочными и даже ткаными коврами – в зависимости от достатка семьи. Однако казахи считают, что наиболее практичны и полезны для здоровья войлочные ковры, так как они не пропускают влагу, исходящую от земли.

Обычно *тёр* бывает свободным. При посещении юрты уважаемыми людьми поверх ковров настилают матрацы – *тёр корпе* или одеяла, на них – подушки. Гости рассаживаются по старшинству и почету: в центре старейшина (*аксакал*) и по сторонам его спутники. После ухода гостей одеяла, матрацы и подушки складываются на “горку” почетного места и *тёр* вновь остается свободным.

Справа от почетного места (если смотреть от двери), непосредственно примыкая к нему, находится место отдыха хозяев. Здесь пол застилается войлочными или ткаными коврами и ставится кровать с постельными принадлежностями. Ныне эта часть юрты сохраняет традиционное убранство; лишь старинные деревянные кровати – *тосагаши* заменены современными. Покрывала бывают из хлопчатобумажной ткани, шелка или бархата и украшены чаще всего вышивкой тамбурным швом (*биз кесте*) в виде растительного орнамента. То же можно сказать и о наголовниках подушек. Казахские мастерицы и по сей день украшают постельные принадлежности вышивкой.

Тамбурная вышивка особенно распространена в орнаменте настенных ковров – *тускииз*, которые укрепляют на стенке юрты у кровати.

Наряду с *тускиизами* решетки юрты украшают тканые ковры, инкрустированные войлочные ковры – *сырмак*, ковровые изделия, сшитые из нескольких узорных полос – *алаша*.

Необходимо также упомянуть о *тосек сырмак* – “постельном *сырмаке*”, который используют в качестве матраца или покрывала. Делают его из войлока, часто украшают вышивкой по ткани, прикрепленной к войлочной основе. Такие покрывала делают и с узорной аппликацией, для которой используется хлопчатобумажная ткань, сукно, бархат и шелк.

Следующая (после *тёр* и места отдыха хозяев) важная часть юрты располагается в левой стороне от входа, рядом с почетным местом. Она имеет двойное назначение. Если в юрте живет одна семья, то она служит местом отдыха младших членов семьи (детей, неженатых и незамужних родственников хозяев юрты). Она же является местом отдыха всех членов семьи в дневное время. Если же в юрте проживает семья сына, то на этом месте ставится кровать, отгороженная занавеской-пологом (*шымылдык*). В этом случае место хозяев юрты освобождается от кровати, застилается войлочными коврами и служит местом отдыха хозяев и младших членов семьи. В односемейной юрте место слева от очага устилается богато орнаментированными войлочными коврами (*текеметами* и *сырмаками*), *кереге* вдоль этого места завешивается искусными *тускиизами*, дорогими коврами, *сырмаками*, богато орнаментированными *алашой*, на головки *кереге* навешиваются музыкаль-

ные инструменты (домбра и кобыз). Во время отдыха это место, как и *тёр*, застилается матрацами и одеялами.

Пространство около двери носит название *босага* и условно разделяется на две части: слева от входа — место хранения конской сбруи, седел и другого инвентаря, связанного с ведением хозяйства, справа — место хранения домашней утвари и различных предметов домашнего обихода.

Пол по всей площади *босага* застилается войлочными коврами, преимущественно *текеметами*, а дорожка от двери к очагу — *алашой* — простейшего вида домотканым материалом.

Входящий в юрту обязательно снимает обувь, оставляя ее у двери слева. Люди пожилого возраста снимают галоши и в мягких сапожках *ичиги* без каблучков со сплошной подошвой — *маси* (*мэси*), проходят в юрту.

Каждый хозяин юрты старается украсить принадлежащее ему место (слева от хода в юрту). Кроме повседневных седел, здесь хранится парадное седло, богато украшенное серебряными пластинками, бляшками и покоящееся на подставке. На головках *кереге* развешены не менее нарядные предметы сбруи: *омилдирик* — нагрудник, *куйыскан* — подхвостник, *тартпа* — подпруга и т.д. Парадные потники — *токым* с тисненым орнаментом устилаются на подставки под парадные седла, обычные же хранятся в свернутом виде. Здесь же развешены переметные сумы — *коржын*, органично сочетающиеся с общим интерьером юрты.

Правая часть *босага* — место хранения домашней утвари. Пол здесь также застилается войлочными коврами. Вдоль *кереге* устанавливаются шкафчики — *асадал* для хранения посуды, сундуки — *кебеже* для продуктов, на подставках посуда: *шара* — чаша для кумыса, *ожау* — уполовник, *тостаган* — чашки для питья кумыса и т.п. *Кебеже* украшается рельефной резьбой, довольно часто сочетающейся с полихромной раскраской. Шкафчики покрываются контурной резьбой или же рельефной с полихромной раскраской. Но наиболее ценными являются те из них, которые декорированы фигурными костяными пластинками, укрепленными серебряными гвоздиками на лицевой части шкафчика.

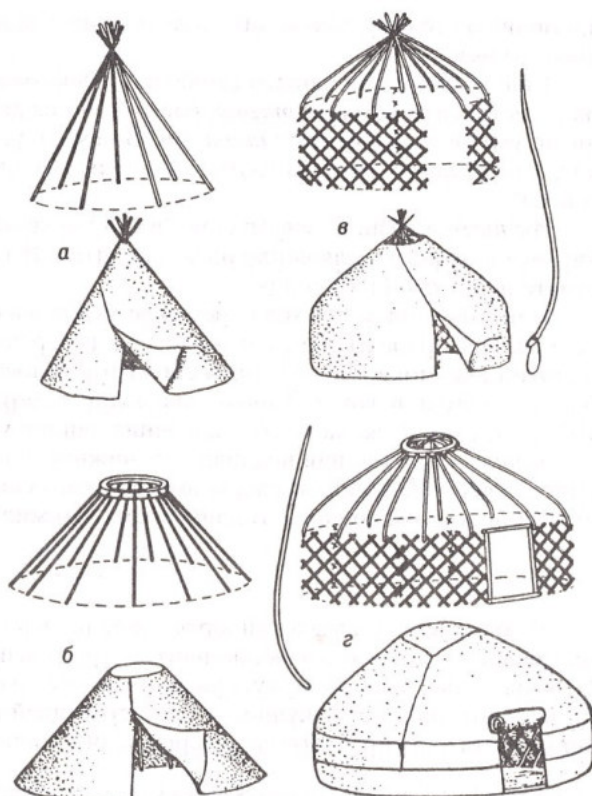
Возле двери находится *саба* — бурдюк из конской кожи, в котором готовится и содержится *кумыс*, или же *мес* — бурдюк из цельной шкуры козленка для хранения кумыса. Рядом с кожаной утварью находится *кубы* (*кубі*) — кадушка для сбивания масла или же для хранения напитков из прокисшего молока (*айран* — простокваша, *иркит* — перебродившее кислое молоко). На головке *кереге* подвешиваются сумки и сосуды различного назначения, такие, как *аяк кап* — войлочные сумки для посуды, *кесе кап* — сумки для пиал, *торсык* — сосуд для кумыса из дерева, обитый кожей и украшенный фигурными серебряными пластинками.

Кроме этих предметов, следует также упомянуть подвесные сумки: небольшие — *кыр салгыш* или побольше — *керме* для белья; *карышын* — чехол для деревянного сундука, *адалбакан* — шесты-вешалки, располагаемые с разных сторон от почетного места.

Украшением юрты являются узорные ленты: *жел бау* — для крепления юрты в ветреную погоду, *шапак бау* — свисающие из-под купола юрты.

Таким образом, основным переносным жилищем казахов в дореволюционный период была юрта с полусферическим куполом. На востоке и юго-востоке Казахстана встречалась юрта с конусообразным куполом (*торгоут уй*, *калмак уй*), видимо заимствованная казахами у калмыков. Последнюю использовали, по словам наших информаторов, бедные слои населения, пастухи при кочевках на сезонные па-

Рис. 1. Виды переносного жилища:
 а – курке – шалаш; б – кос – переносное жилище пастухов во время переко-
 чевка; в – жолым уй – упрощенный ва-
 риант юрты; г – кииз уй – юрта

стбища, а также в качестве кухни – *ас уй*. Даже небогатые казахи старались приобрести юрту с полусферическим куполом. Состоятельные люди, а тем более принадлежавшие к байско-феодалной верхушке в *торгоут уй* не жили. Здесь, видимо, имело значение не столько преимущество конструкции той или иной юрты, сколько приверженность к народным традициям – юрта с полусферическим куполом считалась исконно казахской, производство традиционных деталей деревянного каркаса и войлочного покрытия юрты с полусферическим куполом было налажено значительно лучше и на большей территории.

Наряду с общераспространенным названием юрты *кииз уй* (*кигиз уй*) – “войлочный дом” – в некоторых регионах Казахстана применяют и другие термины: в Павлодарской, Семипалатинской областях и смежных с ними районах Центрального Казахстана – *кереге*; в Талды-Курганской области – *агаиш уй*, т.е. “деревянный дом”; в Западном Казахстане – *узюк уй*; в некоторых местностях по р. Сырдарье – *кара уй* – “старый дом”²⁹ и т.д.

Кроме обычных юрт, казахи пользовались временными переносными жилищами – *кос* или *жолым уй*³⁰ (рис. 1). *Кос* был двух видов: первый состоял из *уыков*, поставленных основаниями на землю, и небольшого *шанрака*, второй имел *кереге* и *уыки*, но не имел *шанрака*, а верхние концы купольных жердей соединялись вместе и перевязывались веревкой. И тот и другой вид *коса* прикрывались одним-двумя полотнищами войлока³¹.

Первый вид имел и другое название – *аблайча*. Н.Н. Харузин отмечал, что “появление походной юрты *аблайча* приписывается народными преданиями хану Аблаю (XVIII в.), который ввел эту форму шалаша для своего войска...”³² Сборка и установка *жолым уй* не требует много времени, а перевозка не представляет собой сложности. При проживании на летних пастбищах в юрте рядом с ней иногда ставят *жолым уй*, где хранят продукты и различные вещи. В 1978 г. в Колбинских горах (Восточный Казахстан) участники этнографической экспедиции встретили

временную стоянку кочующих на летние пастбища, состоящую из двух юрт и одного *жолым уй*.

Еще в 20-х годах нашего столетия на востоке Казахстана, у найманов, можно было встретить юрту *ак тагыр*, состоящую из двухканатного *кереге*, небольшого числа *уыков* с маленьким *шанраком*. В нем отсутствовали *туырлыки*, а весь каркас, от *шанрака* до низа *кереге*, покрывался двумя войлочными полотнищами (*узюк*)³³.

Ак тагыр возник, несомненно, в силу нехватки строительного материала для каркаса и шерсти – для войлочных покрытий. В таких юртах проживали менее состоятельные слои населения.

В начале века у казахов нередко встречались временные жилища *жаппа* и *курке* (рис. 1). Первое из них сооружалось из двух решеток *кереге* и закрывалось одним полотном войлока. Такое сооружение встретилось на временной стоянке одной чабанской семьи в горах Тарбагатай в дни работы этнографической экспедиции 1978 г. *Жаппа* служила местом хранения пищи и утвари.

Курке – простейший вид шалаша: нижние концы жердей воткнуты в землю по кругу, а верхние концы сведены вместе и завязаны. *Курке* закрывался травой, листвой или куском войлока. В наше время это жилище не используется.

* * *

В современной казахской юрте сохранились традиционные приемы изготовления деревянного каркаса, войлочного покрытия, предметов внутреннего убранства. Каждая семья, возводя юрту, придерживается традиций в размещении вещей внутри нее, которые в совокупности с конструкцией юрты создают своеобразный интерьер этого прекрасного вида переносного жилища.

¹ Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896. С. 3.

² О юрте см. статью Г.П. Васильевой в данном сборнике. Кроме того, краткое описание ее встречается также в следующих статьях: Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1796. Ч. СХV. С. 57; Валиханов Ч.Ч. Географический очерк Заилийского края // Собр. соч. Алма-Ата, 1964. Т. III. С. 26–29; Медведский П. Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении // ЖМГИ, 1862. Ч. 80 (авг.). С. 300–302; Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870. С. 39; Леваневский М. Очерки киргизских степей // Землеведение. 1894. Кн. II. С. 102; и др.

³ Валиханов Ч.Ч. Географический очерк... С. 28.

⁴ Харузин Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910. С. 13.

⁵ Харузин Н.Н. Указ. соч. С. 25.

⁶ Описание юрты основывается на полевых материалах этнографических экспедиций в Кызыл-Ординскую (1981) и Кокчетавскую (1982) области, а также на материалах других экспедиций. Наряду с полевыми материалами использованы материалы коллекций Центрального государственного музея Казахстана (ЦГМК) и Государственного музея искусств Республики Казахстан.

⁷ РПГОНО. СПб., Т. XVIII. Киргизский край, 1903. С. 206; Т. XIX. Туркестанский край, 1913. С. 371.

⁸ Муканов С. Халык мурасы. Алматы. 1974. С. 101.

⁹ Там же. С. 101.

¹⁰ Там же. С. 102.

¹¹ Куфтин Б.А. Киргиз-казаки. М., 1926. С. 21.

¹² Маргулан А.Х. Казахская юрта и ее убранство. М., 1964. С. 10.

¹³ Леваневский М.А. Очерки киргизских степей. С. 47.

¹⁴ Б.А. Куфтин употребляет другой термин – *тапаныш*. См.: Куфтин Б.А. С. 24.

¹⁵ Харузин Н.Н. Указ. соч. С. 29.

¹⁶ Куфтин Б.А. Указ. соч. С. 27.

- ¹⁷ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 185.
- ¹⁸ РПГОНО. СПб., Т. XVIII. Киргизский край. С. 207.
- ¹⁹ Захарова И.В. Об итогах этнографических экспедиций 1955 и 1956 годов // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1959. Т. 6. С. 6.
- ²⁰ Харузин Н.Н. Указ. соч. С. 27.
- ²¹ Там же. С. 29.
- ²² Там же. С. 26.
- ²³ Там же. С. 28.
- ²⁴ Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казаков // Казаки: Сб. ст. антропол. отряда Казахстан. экспедиции АН СССР. Л., 1930. Вып. 15. С. 30–32.
- ²⁵ Руденко С.И. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагиза // Казаки: Антропол. очерки. Л., 1927. Вып. 3. С. 13.
- ²⁶ О комбинированном ткачестве см.: Жданко Т.А. Народное орнаментальное искусство каракалпаков // ТХАЭ. М., 1958. Т. III. С. 279.
- ²⁷ Валиханов Ч.Ч. Тенгри (Бог) // Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. I. С. 112.
- ²⁸ Муканов С. Указ. соч. С. 102.
- ²⁹ Полевые материалы этнографических экспедиций 1956–1984 гг.
- ³⁰ Валиханов Ч.Ч. Географический очерк... С. 28; Харузин Н.Н. Указ. соч. С. 15–16; Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казаков. С. 32; Он же. Очерк быта казаков... С. 10–11.
- ³¹ Современные информаторы первый вид рассматриваемого переносного жилища называют *кос*, а второй – *жолым уй*.
- ³² Харузин Н.Н. Указ. соч. С. 16.
- ³³ Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казаков. С. 32.

Юрта киргизов в прошлом и настоящем

До революции юрта была основным видом жилища у киргизов, основу хозяйства которых составляло кочевое и полукочевое скотоводство. И сегодня она не потеряла своего значения в их производственном и повседневном быте. Это отчасти обусловлено специфическими особенностями хозяйства высокогорных животноводческих колхозов и совхозов. Ее ставят в некоторых усадьбах рядом со стационарными домами и в знойную жару члены семьи там отдыхают и принимают гостей.

По традиции юрту ставят в дни семейного торжества – *той*, для приема гостей, во время юбилейных торжеств. Украшенные в национальном стиле юрты неизменно являются экспонатами международных ярмарок, выставок и т.д. Их поставляют в другие республики в качестве летнего сезонного жилья на курортах, в домах отдыха. Красочно оформленные юрты можно видеть на джайлоо (стоянка) во время проведения дней животноводов.

Из юрты выносят покойника в последний путь, здесь совершаются похоронные обряды, проводят поминки по умершему.

Юрта легко собирается и разбирается, она удобно перевозится колесным транспортом и выюком, непромокаема в ливневые дожди, сохраняет прохладу в знойные дни, надежно укрывает от пронзительных осенних ветров. Все это делает юрту уникальным видом жилища.

Отличные качества юрты отмечали дореволюционные ученые, путешественники, побывавшие в Киргизии. Сведения о культуре и быте киргизов – в частности, о жилище-юрте, где отмечаются ее достоинства – отражены в путевых очерках Ч.Ч. Валиханова “Дневник поездки на Иссык-Куль”, “Записки о киргизах” и др. О юрте киргизов писал и П.П. Семенов-Тянь-Шанский в своем труде “Путешествие в Тянь-Шань”. Н.М. Пржевальский в 1846 г. во время путешествия в г. Каракол жил в киргизской юрте и высоко оценил ее. Другой выдающийся исследователь Средней Азии – А.П. Федченко интересовался, как делаются отдельные элементы юрты.

“Юрта – это уже большой шаг в развитии цивилизации человека, в юрте и теплее, и просторнее, в ней даже можно развести огонь, что в палатке немыслимо... юрта удобнее палатки”, – писал Л.Ф. Костенко, живший во время экспедиции 1876 г. на Памир-Алай в юрте.

Одно из первых описаний киргизской юрты в советское время принадлежит известному этнографу С.М. Абрамзону¹. Занимаясь изучением материальной культуры киргизов, Е.И. Махова выделила два типа юрты и определила районы их бытования². Об особенностях переносного жилища южных киргизов писала К.И. Антипина³.

Киргизская юрта самобытна, хотя ее конструкция имеет много общего с конструкцией юрт других кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Казахстана, Южной Сибири и монголов. Но наибольшая близость, почти тождественность существует с юртой казахов, что не может не свидетельствовать о тесных этнических связях этих народов.

Юрты киргизов бывают двух разновидностей. Основное различие сводится к форме купола. На севере Киргизии (за исключением Таласской долины) форма купола юрты приближается к конусообразной. На юге Киргизии, в Таласской и Чаткальской долинах, купол более пологий и имеет полусферическую форму благодаря большому изгибу нижней части купольных жердей⁴. Отличались юрты также и убранством – внешним и внутренним; здесь отчетливо выделяются северный и южный региональные комплексы. В убранстве их отражен художественный вкус народа, его этнические связи, сохранены строгие каноны, утвержденные вековыми обычаями и традициями.

Народные мастера (*уйчу*) делали все элементы деревянного остова юрты вручную весьма примитивными инструментами. “Прежде всего, – говорили в народе, – душу у дерева пойми, и откроются тебе тогда все его тайны”. Мастера *уйчу*, поистине искусные архитекторы, прекрасно знали секреты изготовления юрты, понимали нужную степень изгиба жердей, соотношение и взаимозависимость отдельных составных частей, систему их крепления. Хороших мастеров в народе немало, но делать деревянные части юрты доверяли самым лучшим из них, которые умело выполняли каждый ее элемент.

Деревянный остов юрты делали мужчины. Заготовка материала для него носила сезонный характер, ею занимались ранней весной – с начала февраля до марта – и глубокой осенью – до декабря.

Материалом для решетчатых стен и купольных жердей служила преимущественно ива, тальник. Мастера на севере Киргизии раньше заготавливали дикую иву (*жапайы тал, токой талы*), на юге ее выращивали сами, различая следующие ее виды: желтая (*сары*), белая (*ак*), черная (*кара*), синяя (*кок*). Наиболее прочной и долговечной считалась древесина *сары тал*. Прочие сорта ивы, по словам мастеров, более подвержены гниению. А Таласской долине мастера предпочитали сами выращивать иву сорта *самби тал*. Обод купола делали из карагача (*кара жыгач*), березы (*кайын*), черной ивы (*кара тал*). Из перечисленных материалов карагач – наиболее тяжелый и прочный, однако его использовали редко, обычно для больших юрт, так как он стоил дорого. Береза (*кайын*) по сравнению с карагачем мягче и легче, поэтому в большинстве случаев обод заказывали из нее. Если отсутствовали первые два вида деревьев, обод делали из черной ивы (*кара тал*), но такой обод быстрее приходил в негодность.

Процесс изготовления деревянного остова юрты происходил следующим образом⁵. Заготовки мастер высушивал в тени, в помещении, очищал от коры и обстругивал специальным инструментом – *тарткы*, придавая им требуемую толщину и форму.

Процесс выгибания жердей претерпевал несколько этапов. Первоначально необходимо было размягчить материал. Для этого в Тянь-Шане и на Иссык-Куле его держали в тлеющем помете. На юге заготовки опускали на некоторое время в арык, затем держали в специально сделанных для этой цели дымовых печах (*мору*), имеющих высокую трубу, в которую и вкладывали жерди. Здесь они под действием тепла размягчались. В Таласской долине их закапывали на 7–8 дней в помет, ко-

тому не было одного года. В последние годы в некоторых районах Иссык-Куля мастера размягчают жерди на пару в специальных печах. Это одна из самых трудоемких работ.

После этой процедуры размягченным жердям необходимо было придать нужный изгиб. Самый распространенный способ – сгибание на станке *тез*⁶. В Тянь-Шане жерди сгибали, вставляя их между колышками, специально вбитыми в землю в определенном порядке; жерди, высыхая, приобретали необходимую форму. Мастера из Узгена (юг Киргизии) выгибали купольные жерди из непросушенного дерева, также вставляя их между колышками. Аналогичный способ сгибания применяли алтайцы⁷. В Алайской, Чуйской и Таласской долинах планки и жерди выгибали под тяжестью камней⁸.

Купольные жерди – уук – сгибали в нижней их части, соединяемой с решетчатой стенкой. В этом месте их стесывали на 70–80 см в длину, придавая уплощенную форму – *билек*. Ширина плоской части жерди 3–4 см. От степени изгиба и расстояния сгиба от конца жердей зависит сферичность формы купола юрты. Мастера некоторых районов юга Киргизии проверяли угол изгиба купольных жердей с помощью готовой мерки, называемой *андаза*⁹. Верхним концом жердей, которые входят в отверстие обода, придают четырехгранную форму. Длина купольных жердей в средней юрте достигает 200–250 см, в больших юртах она иногда превышает 3 м. Жерди, укрепленные над дверью, – *эшик уук* (их 3–4) – короче остальных, поскольку один конец их укреплялся на верхней перекладине дверной рамы (*баиш босого*), расположенной выше стен юрты. Каждая жердь имела отверстие, в которое продевалась веревка, прикрепляющая ее к решетке. Число жердей зависело от количества верхних развилок (*керегенин баиш*) стенки. Киргизы ценили жерди, внутренняя сторона которых украшена углубленными параллельными линиями (*кобул*). Толщина жерди в середине 2,5–3 см.

Стенки юрты (*кереге*) – раздвижные. Они представляют собой решетку из планок, длина которых зависела от величины юрты.

Раздвижные стенки юрты бывают двух видов: из массивных планок, которые скреплены между собой мелкой квадратной сеткой (*тор коз*), и из тонкого материала крупной сеткой (*жел коз*). Планки скреплялись с помощью специальных сыромятных ремешков (*кек*), которые завязывались узелками и по своей форме напоминали гвоздь с колпачком или фигурную кнопку (*керегенин тончусу*). У богатых киргизов планки скреплялись в большинстве случаев медными и серебряными гвоздиками с чеканными головками (*гул мык*). После того как положенное количество планок было скреплено, их верхние и нижние концы выравнивали и решетку распиливали на отдельные звенья (*канат*). Размеры определялись количеством головок (*баиш*), т.е. развилок, куда вставлялись нижние концы купольных жердей. В одной решетке таких стандартных головок для стенки типа *жел кез* бывало от 13 до 17, для *тор коз* – от 17 до 20. Юрта меньшего размера имела 70–80 головок, а самая большая – 360. В зависимости от этого в юртах бывало 4–6–8–14, 4–7–9 звеньев. Разумеется, изготовление и оборудование большой юрты было под силу только состоятельным хозяевам. *Кереге* красили¹⁰ и украшали линиями *кобул*, а верхние концы жердей заостряли.

Деревянный круглый обод (*тундук*), служивший опорой для крыши юрты, состоял из трех элементов: круга (*алкак*), крестообразно положенных перекладин, по 2–3 в каждом ряду (*чамгарак*) и крепления (*чегир, бастырма*). Основной круг обода делали из двух обтесанных и согнутых жердей. Концы полукругов соединяли сы-

ромятым ремешком (ширина 1 см), который пропускали через просверленные на концах жердей отверстия. Поверх соединения концы обматывали сырой кожей, края которой сшивали. Высыхая, кожа стягивалась и держала концы полукругов очень крепко. На юге Киргизии большинство мастеров концы жердей соединяли проволокой или гвоздями. В ободе делали сквозные отверстия, в которые вставляли концы купольных жердей. Количество их должно было соответствовать количеству жердей купола. Размер обода определялся и величиной юрты. При шести звеньях и примерно ста жердях диаметр верхнего обода был равен 150–160 см, а *чамгарак* выгибался на высоту от 30 до 40 см. Выпуклость *чамгарака* мастера определяли на глаз, в соответствии с величиной обода. Внутреннюю сторону деревянного круга и нижние стороны перекладин украшали резьбой.

Дверь в юртах киргизов, как и у других народов Средней Азии и Казахстана, была двустворчатой. Дверная рама состояла из верхней и нижней перекладин и боковых косяков. Ее украшали тонкой резьбой. Резная дверь составляла, пожалуй, одну из наиболее ценных частей жилища киргизов, ее оформлению уделялось большое внимание во всякой мало-мальски имущей семье. Такие двери крепились на шипах.

К деревянным частям юрты нужно отнести и шест с развилкой (*бакан*). В больших юртах их было несколько. У состоятельных хозяев на развилку жерди надевали серебряные колпачки. Эти жерди подпирали покровы дымового круга, защищавшего очаг от сильного дождя и снега.

Войлоки для покрытия юрты делали из овечьей шерсти весенней и осенней стрижки. В результате многовековой практики киргизы достигли большого совершенства в выделке войлоков. Традиционно эта работа носила сезонный характер, выполнялась женщинами среднего и пожилого возраста и была связана с тяжелым ручным трудом. Поэтому киргизы до сих пор прибегают к использованию традиционной коллективной помощи в работе (*аишар*). Процесс изготовления простого войлока (*оро кийиз*) описан в этнографической литературе довольно подробно¹¹.

Для покрытия стен юрты средних размеров нужно было три, а для большей – четыре-пять войлоков – *туурдук* (у южных киргизов – *мутуу*). Ширина каждого войлока в среднем равнялась 1,7–2,0 м, длина – 2,5–5,5 м. В Алайской долине они имели свою особенность. Здесь в отличие от других территорий Киргизии *туурдук* делали удлиненным, пришивая к верхнему краю полосу из черной кошмы шириной 25–30 см (*мутуу байи*). Такими войлоками закрывали 2/3 купола, а верхнюю его часть покрывали специальными кошмами – *узук*.

Часто юрты, состоящие из 4, иногда из 6 звеньев, бывали закрыты сплошными кошмами (*которе туурдук*), не доходившими до земли на 25–30 см (рис. 1, 2). К верхним углам кошм пришивали тканые шнуры (*туурдук боо*) шириной 4–5 см, с помощью которых они и укреплялись на деревянных жердях. В большинстве случаев такими покрывами пользовались неимущие слои населения, тогда как состоятельные киргизы покрывали ими только маленькие юрты (*джайлоо уйу*), которые брали на летние пастбища¹².

Кошмы для купола (*узук*) делали толще, чем нижние покровы, причем в них добавляли мало весенней шерсти. Купольных покровов было два: передний войлок (*алдынкы узук*) и задний войлок (*торку узук*) трапецевидной формы с вырезанным сверху полукругом и округлой нижней частью. Каждый из них, покрывая купол, спускался на *туурдук*, а сверху доходил до дымового отверстия. Размеры верхних покровов зависят от величины юрты и высоты купола. Их примерные разме-

Рис. 1. Внешний вид юрты, покрытой *которе туурдук*. Буденновский р-н Таласской обл. 70-е годы

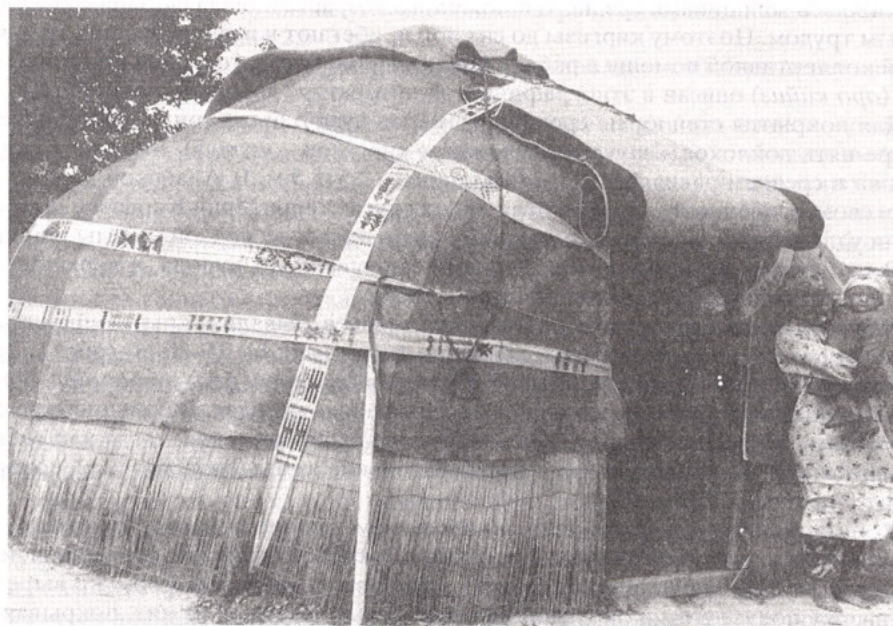

Рис. 2. Внешний вид юрты, покрытой *которе-туурдук*. Ошская обл. 70-е годы

ры: высота 2,5–3,5 м, ширина верхней части 2,6–2,8 м, нижней – 8–10 м. Края войлоков обшиты толстым шерстяным шнурком (*джээк*). Опыт жизни в высокогорных районах с повышенной влажностью подсказал, что края войлока практичнее отделять шнурком, сплетенным из шерсти яка, который предохраняет края кошм от деформации.

Для того чтобы кошмы купола юрты быстро не загрязнялись, состоятельные киргизы на Тянь-Шане делали внутренний покров (*ички узук*), им же закрывали купол в жару. Размеры последнего соответствовали наружному покрову. Двойной узук хорошо сохранял тепло в прохладное время.

Внутренний покров в юртах богатых киргизов шился из бархата, шелка, вельвета и т.д., иногда из простой бязи.

На края купольного войлока пришивали по три узорные ленты (*узук боо*), тканые способом *терме* (на Тянь-Шане, Иссык-Куле). На кончике каждой из них делали небольшие кисточки (*чачык*) из шерстяных разноцветных ниток. В Чуйской долине часто применяли белую хлопчатобумажную тесьму, вышитую шелковыми нитками. В некоторых районах юга Киргизии к задним войлокам купола также пришивали по три ленты белого цвета – неорнаментированные или с узорами, выполненными техникой *беш кеште*.

Отверстие дымохода закрывали войлоком квадратной формы (*тундук джыбуу*) размером обычно 180 × 180 см, края которого обшивали шнурком¹³. В каждом углу пришивали по веревке. Из них три назывались *джан боо* и крепились к поясу юрты *кырчоо*, одна оставалась свободной. В Таласской долине эта веревка называлась *серпер боо*, а на остальной территории – *тундук джабуунун боосу*. С ее помощью открывали отверстие дымохода.

Навесная дверь размером 160 × 80 см закрывала проем двери. Она состояла из двух частей: верхней треугольной (*кончок*) и нижней прямоугольной (*эшик*). *Кончок* располагалась от верхней перекладины дверного косяка по куполу до самого обода. Делали ее из узорной циновки. У *кончок* имелись два ушка (*кулак*) по нижнему краю и от шнурка. Основным считался шнурок, прикрепленный к верхнему концу полотнища (*тастар джип*). Его перекладывали через обруч обода и тянули с внутренней стороны к верхней перекладине дверной рамы, где и укрепляли. *Тастар джип* должен был быть прочным, поэтому его сучили с добавлением конского волоса. Два боковых шнура, прикрепленные к ушкам, привязывали за четвертые от *кончок* с правой и левой стороны жерди, в результате чего навесная дверь всегда держалась ровно. Нижняя, основная часть навесной двери, в свою очередь, состояла из двух скрепленных между собой прямоугольных полотнищ – чиевого и кошменного.

Способ создания чиевого полотнища имел свои особенности. Так, при его плетении каждый стебель чия скреплялся не шерстяными нитками (как обычно), а сыромятными ремешками. Это придавало ему большую прочность. Чтобы чиевые концы полотнища не ломались, каждый из нижних 5–6 стеблей полностью обматывался сыромятными ремешками. Их скрепляли, как сказано выше, а затем вплетали новые ряды ничем не обмотанных стеблей чия. Так как при откидывании и опускании навесной двери основная тяжесть приходилась на ее центр, то средние 10–15 рядов чия обматывались сыромятными ремешками, а затем вновь плели чиевые стебли обычным способом. Центральную часть двери называли *белбоо*. Для покрытия с наружной стороны чиевого полотнища изготавливали из тонкого войлока узорный покров (*эшик тыш*).

Когда чиевая и кошменная части навесной двери были готовы, боковые края их обшивали вместе черной кошмой и простегивали. К середине навесной двери с наружной стороны прикрепляли веревку длиной до 1 м (*чалма боо*) и на ее конце делали из разноцветных шерстяных ниток большую кисточку. Эта веревка служила для укрепления на притолоке дверной рамы, скатанной в рулон навесной двери. При сильном ветре или же в отсутствие хозяев опущенную дверь привязывали веревкой (*кырчоо*)¹⁴.

Кроме навесной двери, для наружной стороны решетки плели из чия полотнище, высота которого в среднем достигала 130–140 см. Длина его зависела от величины юрты. Оно состояло из двух частей (*канат*) – правой и левой. Их делали простыми или узорными¹⁵, в зависимости от материального достатка владельцев юрты. Края чиевого полотнища укреплялись черными шерстяными нитками (*чийдин оозу*), что придавало ему прочность. К ним прикрепляли по шесть шерстяных веревок (*чийдин боосу*), передние привязывали к дверным косякам, а задние связывались между собой. Чиевое полотнище зимой служило дополнительной защитой от холода, а летом, в жару, когда поднимали нижние края *туурдука*, пропускало свежий воздух, улучшая вентиляцию жилища.

Большое значение имела правильная установка юрты: устойчивость решеток, правильное крепление жердей купола¹⁶. Установка юрты входила в обязанность женщин, мужчины лишь помогали поднять тяжелый обод. До начала работы они готовили место¹⁷.

С установкой больших зимних юрт женщины одной семьи не справлялись, да богатые хозяйки никогда юрту сами и не ставили. Этим занимались бедные родственницы и соседки. Сначала растягивали правое, а затем левое крыло, между ними оставляли промежуток для дверной рамы, потом с двух сторон продолжали растягивать остальные стенки, правильно соединяя боковые короткие планки (*саканак-тарды ашташтыруу*). Затем ставили дверную раму, укрепляли шнурком (*капишит тангыч*) боковые короткие планки и уже после этого скрепляли верх раздвинутой стенки узорной тесьмой (*баш чалгыч*). Многие мастерицы старались делать для всех частей юрты одинаковую узорную тесьму.

После установки стенок юрты начинали строить купол. Для этого мужчины шестом – *бакан* поднимали обод, а женщины с трех сторон вдевали жерди в его отверстия заостренным концом, другой конец привязывали к верхним развилкам стенки. После того как все жерди были установлены, купол юрты укрепляли. Для этого узкой длинной тесьмой (*уук тизгич*) обматывали каждую жердь немного выше ее изгиба. Прежде чем обтягивать юрту орнаментированной циновкой, стенки по низу обводили полосой орнаментированного войлока шириной 40–60 см (в Кетмень-Тюбинской долине – *чий аяк*, в Таласской – *кереге баймак*, на Тянь-Шане – *кереге тангыч*). Это делали в холодное время года для утепления и украшения юрты.

Хорошо скрепляла стены юрты и украшала их тканая полоса – *тегирич* 20–25 см шириной. В Чуйской долине и в восточных частях Иссык-Куля ею опоясывали один раз верхнюю часть стены, на Тянь-Шане – дважды – в верхней и средней частях, в других районах севера Киргизии тканая полоса пропусклась под жерди, а в некоторых районах юга ее протягивали не по стенке юрты, а в месте нижнего сгиба купольных жердей.

В Алайской долине верхнюю часть стены юрты опоясывали тканой полосой (*кереге тануу*). Она интересна и ценна тем, что состоит из нескольких полос, сшитых так, что орнамент каждой из них не повторялся в другой.

В северных районах Киргизии немного выше изгиба купольных жердей юрты протягивали войлочные орнаментированные полосы (*джабык баи*) шириной 50–70 см, нижнюю часть которых украшали узорной тесьмой, бахромой, сплетенной из белых и красных шерстяных нитей, и маленькими кисточками с коралловой бусинкой на кончике каждой ниточки. Во многих районах Центрального Тянь-Шаня по длинной стороне *джабык баи* в нижней ее части пришивали полосу шириной 10–15 см, выполненную техникой мозаики или аппликации из белой и красной кошмы, обрамленную бахромой (*ак этек*).

В Прииссыккулье (в районе Тюпа) *джабык баи* пришивали к верхнему краю основных войлоков. В этом случае войлоки и тканая полоса представляли единое целое, что было удобно при возведении юрты, а также при перевозке ее.

В некоторых местах на юге Киргизии *джабык баи* заменяли *тутуу баи*, выполненной техникой войлочной аппликации, которую нашивали на войлок.

К внутреннему декору юрты относятся веревки (*джел боо*), прикрепленные с двух сторон к ободу. Их сучили из шерсти с добавлением конского волоса. Киргизы, как и казахи, подобно древним кочевникам Южной Сибири, широко использовали волос, преимущественно конский, для плетения веревок и арканов.

Эти высокохудожественные украшения выполнялись народными мастерами, которые, находясь в зависимости от баев, манапов, отдавали им свои произведения за нищенскую плату.

После размещения внутренних декоративных полос навешивали дверное полотно, укрепляя его с помощью тесьмы, а затем начинали закрывать стенки юрты войлоками.

Купол юрты вначале закрывали внутренним покровом. Верхние края обоих войлоков касались обода, венчающего купол юрты. Шнурки переднего войлока, укреплявшегося первым, располагались поверх купольных жердей, затем шли внутрь, к задней стенке юрты. Шнурки, идущие от второго войлока, притягивались через купол с внешней стороны у навесной двери и закреплялись у решетки стенки.

На юге Киргизии, в Ляйляке, частично Баткене, а также в Чуйской долине к краям второго войлока пришивали с каждой стороны по три тесьмы белого цвета, простые или узорные, выполненные техникой *беш кеште*. Они перекрещивались поверх купола. Последним накидывали войлок, закрывающий дымовое отверстие.

К внешнему декору киргизских юрт относится войлочная полоса с аппликацией *теге* шириной 20–25 см, которую пришивали к нижнему краю узука. Выше *теге* по четырем сторонам купольного войлока нашивали фигурно вырезанный красный (иногда черный) войлок – называемый “вороньи когти” (*куш тырмак*), “медвежья лапа” (*аюу таман*) и т.п. Все это придавало юрте своеобразную красоту. В отдаленном прошлом, возможно, считалось, что они оберегают юрту. Снаружи юрту опоясывали войлочной веревкой, на Тянь-Шане – орнаментированным войлоком шириной 10–20 см, а на юге Киргизии – узорной тесьмой.

В парадных юртах пищу не готовили и зажигали очаг только зимой. В теплое время года пол целиком застилали первоначально слоем простых войлоков, сверху клали войлочные или ворсовые ковры, а на них – шкуры диких зверей или стеганные узкие плюшевые, шелковые или вельветовые одеяльца. На стены вешали ковры или вышитые *тушкийизы*, а также дорогие шкуры зверей: куницы, выдры, лисы. Напротив входа красовался *джук* (рис. 3). Основанием *джука* служила тахта высотой 25 см. На нее ставили деревянные, расписанные узорами сундуки, шкафчики

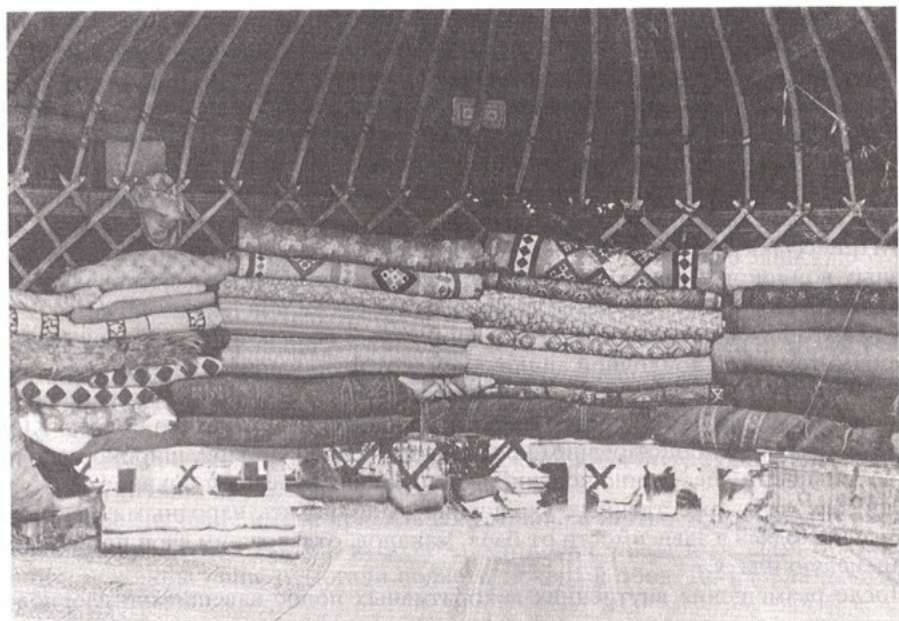

Рис. 3. Укладка джука в юрте. Ляйлякский р-н Ошской обл. 70-е годы

Рис. 4. Ширма из циновки – чыгдан – для хранения продуктов и посуды. Ошская обл. 70-е годы

с раздвижными дверцами, лицевая сторона которых обтянута кожей. На сундуки складывали запасные войлочные ковры (*ширдак*) и *алтыгат*¹⁸, затем одеяла. У богатых киргизов было много привозных подушек, набитых пером. Принцип укладки одеял в джук различался у жителей южной и северной части Киргизии.

У киргизов, как у других кочевых народов Средней Азии и Казахстана, по признакам убранства и размещению членов семьи юрта делилась на две половины: мужскую и женскую. У киргизов правая от входа сторона была женской (*эпчи джак*), левая – мужской (*эр джак*).

Богатые киргизы около джука на *бакан* с серебряными крючками вешали мужские халаты (*чепкен*) и головные уборы. С правой стороны возле джука на ууки привязывали расшитые по бархату подвесные полочки (*секичек*) для головных уборов женщин. Ниже висела вышитая сумочка (*кузгу кап*), куда женщины клали расческу, зеркало и т.д. На этой же стороне у входа ставили нарядную ширму из циновки (*чыгдан*) (рис. 4). Обычно за ширмой хранились продукты, а у состоятельных людей там находились красивая посуда, которая подавалась для гостей, маленькие бурдюки (*кол чанач*) с готовым напитком (*кумыс*) и т.д. Ширма служила также украшением юрты.

Зимой и летом богатые киргизы наряду с нарядной юртой всегда ставили юрту небольшого размера (*ашкана уй*). В ней готовили пищу и хранили запасы продовольствия. У состоятельных киргизов, кроме основной, были еще юрты для второй и третьей жены, меньше по величине, а также юрты для женатых сыновей. От юрт простых киргизов они отличались добротностью и красотой. Были еще временные юрты – гостиные (*мейман уйу*), которые ставились по случаю больших праздников, похорон или поминок. Их быстро разбирали после отъезда гостей. Убранство для гостиной юрты приносили из основной. Разницы в конструкции этих юрт не было.

Богатые киргизы-скотоводы, отдавая замуж своих дочерей, ставили свадебные юрты (*ерге*), которые считались главной частью приданого. Делая остов и войлоки для нее, одновременно готовили и внутреннее убранство. *Ерге* отличалась от окружающих юрт красотой. Народные мастера с особым усердием и любовью украшали ее. Молодые после свадьбы переезжали со свадебной юртой в аил отца мужа и ставили *ерге* недалеко от юрты его родителей. В ней обычно жили до тех пор, пока не появлялась возможность поставить новую юрту, рассчитанную на молодую супружескую пару и детей. Новую юрту строили, используя части *ерге*. Обычно оставляли деревянные части этой юрты и добавляли две, иногда больше решетчатых стен и соответствующее им число жердей, изготавливали новый обод и новые кошмы. Считалось, что в этой юрте сохранялись отпечатки рук матери жены, а из каждой ее части “смотрят глаза матери” и “помогают” ей в трудную минуту¹⁹.

Большинство бедных киргизов жило в юрте *боз уй*, которая состояла из четырех, реже шести решетчатых стенок. Как отмечал Б.И. Кушелевский, “не всякий киргиз имеет возможность покрыть свою юрту хорошими кошмами. Чтобы свалять всего одну хорошую кошму шириной в 2,5 аршина, длиной в 6 аршин, нужно употребить от 25 до 30 фунтов шерсти...”²⁰ Некоторые бедняки получали в “дар” за свой труд изношенные кошмы юрт богачей, которые когда-то были белыми, а со временем стали серыми. Поэтому в киргизском аиле преобладали серые юрты, а у каракалпаков, отмечает У. Шалекенов, “войлочные покрышки нередко заменялись камышовыми циновками”²¹.

В юрте бедного киргиза не всегда была двустворчатая деревянная дверь. Ее обычно заменяла приставная дверь типа лестницы (*эргилчак*), покрывавшаяся снаружи кошмным полотнищем. Вербки (*джел боо*), укрепленные с двух сторон обода, применяли для крепления юрты. Кроме своего непосредственного назначения, они служили и для сушки мяса.

Для бедного скотовода юрта служила и кухней. В правой ее части, за ширмой, находились продукты и посуда. В центре юрты на очаге варили пищу. В этой же юрте спала вся семья. Если вместе с родителями жил женатый сын, то левую сторону юрты загораживали занавеской. В этой же юрте принимали гостей. Постельные принадлежности были скудными. Зимой, чтобы удержать в юрте тепло как можно дольше и сэкономить запасы топлива, киргизы устраивали так называемый *ташкалак*, т.е. укладывали вокруг очага камни, а на них насыпали бараний и козий помет. Пока варилась пища, камни сильно нагревались и сушили помет, который начинал гореть. В результате этого тепло в юрте держалось дольше. Вокруг юрты насыпали земляной валик, стены утепляли камышом. В непогоду бедняки также держали в юрте новорожденных ягнят и козлят.

С переносным жилищем киргизов были связаны определенные обряды, обычаи и поверья, основной целью которых было обеспечение счастья и благополучия его обитателей.

При сооружении юрты киргизы обычно оставляли незавершенным один или два элемента в деревянной части или в покрывах. Покровы готовили жены родственников и заканчивали после того, как хозяин юрты совершит обряды, положенные при установке юрты. Так делали, чтобы отвести “сглаз”, ибо верили, что новая юрта легко может поддаться влиянию “злых духов”.

Прежде чем поставить юрту, хозяин выбирал в аиле самого пожилого, почтенного, а самое главное, многодетного человека. Он должен был помочь поднимать обод юрты. Этот обряд был связан с пожеланием хозяину и всем членам семьи благополучия, долголетия и процветания потомства. После того как обод почтенным старцем был поднят, на последнего надевали белую рубаху, повязывая ее белым кушаком.

В установленную юрту первой входила пожилая женщина и, начиная с порога, разбрасывала кругом сласти, баурсаки – *чачыла чачат* – и т.д. В некоторых районах Чуйской долины пол обрызгивали молоком – *ак чачат*, а на Тянь-Шане осыпали мукой. При этом женщина, совершающая такой обряд, приговаривала: “*Ак джолтой уй бол*” (“Будь домом, приносящим счастье”) или “*Ырыс кешиктуу уй бол*” (“Дай бог, чтобы дом был полон богатства”).

После этого приносили в жертву барана, и сначала все пожилые, потом остальные присутствующие просили у Бога, чтобы желания хозяина юрты исполнились, чтобы он и его семья жили в полном благополучии. Затем тушу барана разделявали, а голову его выбрасывали из юрты через обод. Совершение этого обряда означало пожелание, чтобы в этой юрте всегда горел огонь, а через обод не переставая выходил дым. К *чангараку* юрты привязывали кусок ваты или белый платок, чтобы в юрте было всегда благополучие. Аналогичные поверья наблюдались у казахов и других народов Средней Азии.

Большинство обычаев, связанных с переносным жилищем, ушли в прошлое, а сохранившиеся носят во многом игровой характер.

И сегодня в Киргизии, несмотря на массовое строительство домов стационарного типа, переносное жилище – юрта не утратила своего значения в хозяйствах с отгонным скотоводством²² (рис. 5).

Рис. 5. Юрта чабана на летнем пастбище. Джумгалский р-н Нарынской обл.
70-е годы

Рис. 6. Внешний вид юрты табунщика. Тюпский р-н Иссык-Кульской обл.
70-е годы

Большую роль в годы первых социалистических преобразований играли “красные юрты” (*кызыл уй*) – своеобразные в то время очаги культуры, кочевавшие вместе со скотоводами.

В годы Великой Отечественной войны старые чабанские юрты пришли постепенно в негодность, а новые не изготавливались. Попытки заменить войлок брезентом оказались неудачными. Были предприняты меры для того, чтобы наладить изготовление качественных войлоков или равноценных заменителей из химических волокон, хорошо предохраняющих помещения в условиях континентального климата гор и степей от ночного холода, утренней сырости, дождей и палящих лучей солнца. В 1950-е годы в г. Токмаке при валяльно-войлочной фабрике открылись три участка: войлочный, каркасный, юртовый. Здесь небольшие юрты изготавливаются специально для животноводов (рис. 6). Циновки довольно простые, без узоров. Снаружи и во внутреннем оформлении нет никаких украшений. Традиционные тканые ленты, применяемые в системе крепления, заменены лентами машинного производства. Это легкие юрты, их удобно перевозить, так как их стенки сделаны из тонких планок в виде крупной сетки.

Убранство юрты у животноводов теперь скромнее, чем прежде. На время перекочевки они берут только самое необходимое. В их юртах имеются кухонные шкафы, переносные газовые плиты и жестяные печи для казана, которые установлены в правой стороне помещения, ближе к выходу. За кухонным шкафом, ближе к *тору*, из традиционной утвари сохраняется кожаный сосуд (*саба*) для приготовления кумыса. У малосемейных табунщиков вместо *саба* стоит маленький сосуд для кумыса (*чанач*). На стоянке (*джайлоо*) пользуются керосиновыми лампами.

В юртах чабанов и табунщиков чисто, уютно и просторно, так как запасы продуктов и все хозяйственные вещи размещают обычно в брезентовых палатках.

Для животноводов тех хозяйств, у которых большинство отар и табунов зимуют на сыртах, начали специально строить дома постоянного типа. Начиная с середины 60-х годов в большинстве северных районов республики колхозники ставят юрты в селениях рядом с домами постоянного типа, используя их как летнее жилище (рис. 7). Очень красочно выглядит юрта, если в доме есть пожилые женщины. Они терпеливо и с большой любовью готовят каждый элемент декоративного убранства. При этом передают свой опыт и мастерство молодым.

При изготовлении деревянных частей юрты наряду с традиционным инструментом применяются современные заводские. До недавнего времени решетку красили растительной краской *джошо*, а в настоящее время – фабричной краской, а сверху покрывают лаком.

В устройстве покрова этих юрт не произошло существенных изменений. В декоративном убранстве особенно характерны всякие тканые полосы, которые шли на крепление деталей. Каждая из тканых полос выполняет свою функцию, дополняя при этом богатый декор убранства. Молодые мастерицы делают на кончиках полос красные кисточки, на которые нанизываются разноцветные бусинки и т.д. Войлочная полоса – *джабык баш* – сохранила свою ширину и основной орнаментальный мотив.

Во внутреннем убранстве наблюдается много изменений, однако его традиционные элементы такие, как вышитые подвесные полочки – *секичек*, сумочки – *кузгу кап*, плетеные шерстяные сумки – *аяк кап* и т.д. сохранены.

Во многих юртах крестьян изменился *джук*: одеяла и подушки кладут на кро-

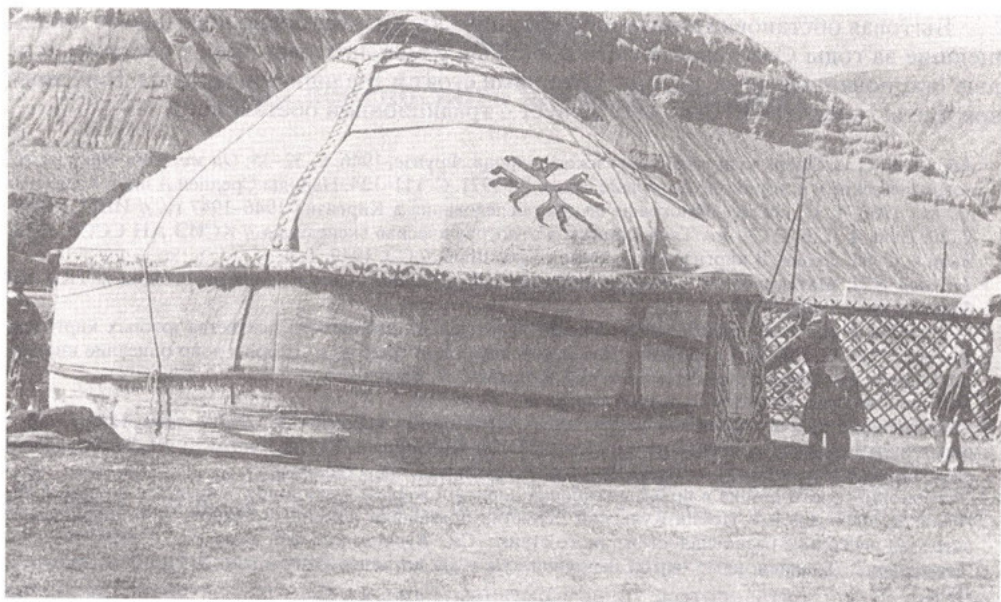

Рис. 7. Современная юрта крестьянина. Тянь-Шанский р-н Нарынской обл.
70-е годы

вать, накидывая сверху покрывало. На стенах наряду с *тушкийизами* навешивают ковры. Из городской мебели здесь появился диван, устанавливаемый слева от входа, справа – кухонный шкаф; от традиционных вещей сохранился низкий круглый стол, который раньше встречался только у представителей имущего класса. Около кухонного стола поставлена декоративная подпорка-вешалка – *ала бакан*, покрашенная и покрытая лаком. На нее вешают полотенца, скатерти, держалку (*тут-куч*) для казана и чайника. Для украшения поставлена чиевая ширма (*чыгдан*).

Исчез со своего векового места в юрте очаг, он заменен газовой плитой. В настоящее время *тундук* служит только для поступления воздуха и света. В результате этого в юрте стало гораздо просторнее и чище.

Напомним, что на левой стороне юрты раньше хранили конскую сбрую, седло, охотничье ружье, а в холодное время года держали молодняк. В настоящее время здесь стоит этажерка с книгами, журналами, газетами. На *кереге* вешают транзисторный приемник, а некоторые хозяева имеют и телевизор. На полу от самого *джука* до выхода расстилают орнаментированные войлоки, на них кладут подстилки, удобные для отдыха. Сезонное жилище – юрта создает благоприятные условия для жизни крестьян во время летнего зноя.

При установке юрты и в настоящее время приглашают родственников, соседей и устраивают *той*. Приглашенные приносят (в зависимости от степени родства) теленка, барана, орнаментированный войлок, одеяла, настенный ковер, орнаментированную полосу *джабык баи*, тканые полосы для крепления юрты. Хозяин юрты готовит традиционный *беи бармак* и угощает гостей.

Бытовая обстановка жилища крестьянина киргиза наглядно показывает происшедшие за годы Советской власти коренные изменения: они имеют светлые, теплые стационарные дома, рядом с которыми стоят и традиционные юрты. В интерьере юрты городская мебель соседствует с традиционной обстановкой.

- ¹ *Абрамзон С.М.* Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946. С. 32–35; *Он же.* Киргизы и их этнографические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 111–124; Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. II; *Он же.* Этнографические обследования в Киргизии 1946–1947 гг. // ИВГО. 1948. Т. 80. Вып. 4. С. 377; *Он же.* Тянь-Шаньская этнографическая экспедиция // КСИЭ АН СССР. 1948. Вып. 4. С. 66; *Он же.* В киргизских колхозах Тянь-Шаня // СЭ. 1949. Т. 4.
- ² *Махова Е.И.* Материальная культура киргизов как источник для изучения этногенеза // ТКАЭЭ. Фрунзе, 1952. Т. III. С. 47.
- ³ *Антипина К.И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С. 154–171. О других статях советских этнографов, в которых дано описание киргизской юрты, см. библиографический список к статье Г.П. Васильевой.
- ⁴ *Махова Е.И.* Материальная культура киргизов... С. 47.
- ⁵ О характеристике производства деревянных частей юрты у киргизов см.: *Бурковский А.Ф.* Из истории техники обработки дерева у киргизов // УЗИФ КГУ. Фрунзе, 1954. Вып. 3. С. 91–94; *Усубалиева Б.* Белая юрта – символ мечты // Декорат. искусство СССР. 1983. № 8.
- ⁶ Устройство самого станка и приемы сгибания планок и жердей в принципе одинаковы по всей Киргизии. В Нарынской и Иссык-Кульской областях применяли каменный станок. А.Ф. Бурковский встречал несколько разновидностей такого станка. См.: *Бурковский А.Ф.* Указ. соч. С. 93.
- ⁷ *Тоцакова Е.* Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – нач. XX в.). Новосибирск, 1978. С. 82.
- ⁸ Способ выгибания жердей юрты, используя тяжесть камней, применяли карлуки в южных районах Таджикистана и Узбекистана. См.: *Кармышева Б.Х.* Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана // ИООН АН ТаджССР. Сталинабад, 1956. № 10/1. С. 16.
- ⁹ *Антипина К.И.* Указ. соч. С. 157.
- ¹⁰ Киргизы, так же как часть казахов и каракалпаков, окрашивали в красный цвет планки решетки и скрепляли их просто ремешками.
- ¹¹ *Абрамзон С.М., Антипина К.И., Махова Е.И.* и др. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан // ТИЭ АН СССР. М., 1958. Т. 37. С. 122; *Антипина К.И.* Указ. соч. С. 23–25; *Потапов Л.П.* Особенности материальной культуры казахов // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. II. С. 52.
- ¹² Е.И. Махова отмечала, что *которе туурдук* встречается только в северо-западном и южном комплексах и им покрывают в основном полусферические юрты.
- ¹³ В Акталинском, Узгенском районах по краю войлочного покрова обода пришивали мех куницы (*кундуз кебелеген*). В Токтогульском районе, по сообщениям информаторов 70-х годов в далеком прошлом покров обода делали из шкур медведя, барса, которые, как считали, служили также оберегом от злых духов.
- ¹⁴ *Кырчоо* – тесьма, веревка, которой опоясана юрта снаружи. См.: *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 494.
- ¹⁵ *Абрамзон С.М., Антипина К.И., Махова Е.И.* и др. Быт колхозников селения Дархан и Чичкан. С. 123.
- ¹⁶ Для того чтобы юрта была устойчивой, нужно правильно соединить боковые короткие планки решетки – *саканок*, которые должны плотно ложиться друг на друга.
- ¹⁷ *Алымбаева Б.* Поселения и жилища кетмень-тюбинских киргизов // Культура и быт кетмень-тюбинских киргизов. Фрунзе, 1979. С. 71; *Есбергенов Х.* Поселения и жилища // Этнография каракалпаков XIX – нач. XX в. Ташкент, 1980. С. 40.
- ¹⁸ *Алмыгат* – четырех-шестислойный войлок, крытый с одной стороны материей, который подстилал на пол под постель. См.: *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. С. 52.
- ¹⁹ Сообщение Батмы Чидирбаевой, колхоз “Жаны-Талап” Тянь-Шанского района Нарынской области.
- ²⁰ *Кушелевский Б.И.* Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Новый Маргелан, 1905. Т. II. С. 195.
- ²¹ *Шалекенов У.* Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района // ТХАЭЭ. М., 1958. Т. III. С. 323.
- ²² *Айтматов Ч.Т., Ильин С.* Новая юрта чабана // Правда. 1961. 12 июля. См. также: *Усубалиева Б.* Белая юрта – символ мечты.

Типы переносного жилища туркмен

У туркмен, так же как и у значительной части населения Средней Азии и Казахстана, издавна одной из основных форм жилища была решетчатая юрта (*ой, гара ой*) – совершенный вид переносного разборного жилища. Кроме юрты у туркмен бытовали и другие виды переносного жилища, о которых будет сказано ниже.

Юрта была распространена не только у туркменских кочевых и полукочевых групп, в хозяйстве которых главным занятием было скотоводство, но и у многих групп полуоседлого и оседлого населения, занимавшегося земледелием, но на лето откочевывавшего со скотом из оазисов в пески. У оседлого земледельческого населения юрта служила сезонным, летним жилищем и обычно ставилась на участке возле дома.

Она зафиксирована и в наше время у этнографических групп туркмен-текинцев, иомутов, эрсари, сарыков, човдуrows и игдыров, емрели Хорезмского оазиса, ата, шихов, ходжа, нохурли и ряда других мелких групп. Несколько ранее (в 20-е годы н.в.) юрта сохранялась еще у салыров, гоклен, а также живущих в Ташаузском веляйте карадашлы¹.

Юрта тюркского типа, к которому принадлежат и юрты туркмен, известна давно, во всяком случае с середины I тыс. н.э.²

В литературе о туркменах мы находим упоминание об этом переносном жилище и в XVIII и XIX вв. Среди известных, довольно кратких, отрывочных и не всегда четких, встречаются и такие, которые позволяют представить себе ее отличие от юрт других народов, дают материал для сравнения с ее современными формами и т.д.³ Исследователь начала XIX в. Г.С. Карелин, посетивший прикаспийских туркмен в с. Гасан-Кули, подметил отличие во внешнем виде иомутских юрт от хорошо знакомых ему калмыцких и казахских. Он писал: “Основа и верх кибитки подобны киргизским (казахским. – Г.В.) и калмыцким, с той разницей, что у киргизцев верх полушаром, у калмыков – конусообразный, а у туркмен шапкой слегка округленной”⁴.

Следует добавить, что такие отличия, как форма купола и видимые размеры сразу бросались в глаза всем, кто видел юрты указанных выше народов. Существовал еще целый ряд отличий и в деревянной конструкции, и в покрытии юрты, во внутреннем расположении вещей, в украшении внешнего вида и интерьера. Ниже мы остановимся более детально на этих отличиях, так как они имеют важное значение для определения этнических связей. В настоящее время известны два типа туркменских юрт, как и вообще юрт тюркского типа: 1) юрты с полусферическим

a

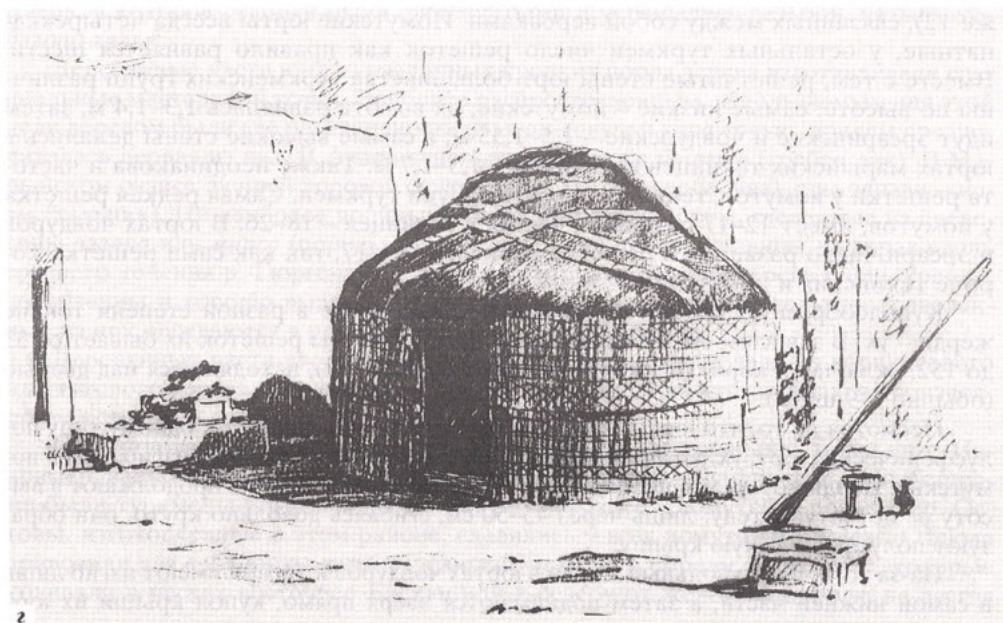
б

Рис. 1. Внешний вид юрт различных туркменских групп:

a – туркмен-текинцев Марыйского оазиса; *б* – туркмен-иомутов Куны-Ургенчского района; *в* – туркмен-эрсари среднего течения Амударьи; *г* – туркмен-човдугов Хорезмского оазиса. 70-е годы

6

2

куполом (иомутские, текинские, сарыкские и др.); 2) с куполом формы усеченного конуса, к которому относятся юрты човдуrows и эрсари.

Однако естествоиспытатель и ботаник, академик С.Г. Гмелин, проехавший в 1773 г. вдоль всего восточного побережья Каспийского моря и оставивший интересное описание быта мангышлакских (човдуры, игдыры и их более мелкие подразделения) и астрабадских (текеямут и др.) туркмен, отмечал, что юрты всех этих туркмен одинаковые, “в верхней части полукруглые, а не конические”. На рисунках, сопровождавших описание С.Г. Гмелина, юрты действительно и у астрабадских, и у мангышлакских туркмен одного типа с полусферическим куполом⁵.

Таким образом, изменение формы купола и появление у туркмен-човдуrows юрт с куполом в виде усеченного конуса произошло, видимо, в течение XIX в., после их переселения в Хорезмский оазис. В этом и ряде других признаков, о которых речь пойдет ниже, вероятно проявилось влияние соседних северных хорезмских узбеков и каракалпаков на материальную культуру туркмен-човдуrows.

Следует отметить, что в первой подгруппе форма купола также не была одинакова у всех этнических групп туркмен. Здесь выделялись юрты иомутов, имевшие наиболее плоский, как бы приплюснутый купол. Такой же или почти такой купол был в юртах живущих рядом с ними в Хорезмском оазисе этнических групп емрели, карадашлы и ата, а на юге – туркмен Ахальского оазиса и гокленов. Туркмены Мургабского и Тедженского оазисов (текинцы, сарыки, салоры и др.) имели юрты с куполом более округлой формы. У марыйских текинцев и сарыков – этот вид переносного жилища был несколько выше, чем у прикаспийских иомутов.

Деревянный остов юрт туркмен, как и у других народов, как известно, состоит из четырех отдельных частей: решетчатых стен (*терим*), жердей крыши (*ук*), верхнего круга (*туйнук*) и дверного проема с двустворчатой деревянной дверью.

Решетчатые стены образуются из отдельных частей (*ганат*, *канат*), чаще всего из 4-х или 6-ти (в прошлом у богатых скотоводов их бывало 8, 10 и даже 12), связанных между собой веревками. Иомутские юрты всегда четырехкратные, у остальных туркмен число решеток как правило равняется шести. Вместе с тем, решетчатые стены юрт большинства туркменских групп различны по высоте: самые низкие – иомутские; их высота равнялась 1,3–1,4 м, затем идут эрсаринские и човдуrowsкие – 1,5–1,55 м, а самые высокие стены делались в юртах марыйских текинцев и сарыков – 1,5–1,7 м. Также неодинакова и частота решетки у иомутов, текинцев и других групп туркмен. Самая редкая решетка у иомутов, имеет 12–17 развилок, частая у текинцев – 18–26. В юртах човдуrows и эрсари число развилок в решетке равняется 15–17, так как сами решетки короче текинских и иомутских.

Куполообразную крышу юрты создают изогнутые в разной степени тонкие жерди – *ук*. В зависимости от числа, величины и частоты решеток их бывает от 53 до 152, включая и короткие жерди (*алын ук*, *манлай ук*), находящиеся над дверью (обычно 5–9 штук).

Несмотря на то, что юрты текинцев и иомутов принадлежат к одному типу полусферических юрт, *ук* и в текинских юртах имеют более плавный изгиб, чем в иомутских, жерди которых в нижней части более прямые и как бы продолжают в высоту решетчатую стену: лишь через 45–50 см, сгибаясь довольно круто, они образуют полусферическую крышу.

Из-за того, что купольные жерди в юртах човдуrows и эрсари имеют изгиб лишь в самой нижней части, а затем поднимаются вверх прямо, купол крыши их юрт

имеет вид усеченного конуса, приближаясь по своему виду к юртам каракалпаков.

Деревянный остов юрты венчает круг – *туйнук*, укрепленный на верхних концах купольных жердей и объединяющий их. Чаще всего он состоит из двух-трех обручей, вставленных друг в друга и соединенных двумя или тремя пучками перекрещивающихся в центре круга тонких дугообразных перекладин (*чагарак*, *чармык*), число которых колеблется от 5–6 до 23 в каждом пучке в зависимости от величины юрты и количества купольных жердей. Диаметр купольного круга в юртах текинцев, иомутов, сарыков и др. достигает 2 м (иногда несколько больше), в то время, как в юртах эрсари и човдуторов, принадлежащих к другому подтипу, диаметр купольного круга составляет 140–180 см. Степень изгиба перекладин, обращенных своей выпуклой стороной вверх и скрепленных в центре купольного круга тонкими кожаными ремешками, также в значительной мере определяет форму юрты, а следовательно и принадлежность к определенному подтипу. В юртах марыйских текинцев, сарыков и эрсаринцев купольный круг высокий (высота в центре 30–35 см), в то время как у иомутов и ахальских текинцев его высота всего 15–25 см.

Отчасти вследствие этого, а также, как указывалось выше, и из-за формы купольных жердей, юрты иомутов, особенно западных, выглядят гораздо более плоскими и приземистыми, нежели более “стройные” юрты марыйских текинцев.

Четвертую часть деревянного остова юрты составляет вставленный между двумя крайними решетками дверной проем, состоящий из боковых стоек (*coe*), порога (*ашагы*, *ишик*) и притолоки (*босага* или *екары ишик*). В текинской юрте над притолокой дверной рамы укрепляется еще одна доска, чаще всего резная, называемая *манлай ага*. Обычно высота дверного проема равнялась 1,5–1,7 м, а ширина – 0,7–1 м. Деревянная дверь (*ишик*, *гапы*, *гапыса*) в юрте всегда двустворчатая, на шипах, она появилась сравнительно недавно, лет 50–70 тому назад. До этого дверной проем закрывали ковровой или войлочной, а летом камышовой занавесями. Дверь, в которой створки были филенчатыми и украшались резьбой, называется *багдад гапы*⁶.

Деревянные части юрт из различных крепких пород дерева изготавливали специальные мастера (*ой уста*). Наиболее распространенным, используемым для этой цели деревом были две разновидности ивы: *ак-совут* и *кара-совут*, причем предпочиталась первая из них. В Ахале использовали также *йылгын* (гребенщик). В Марыйском оазисе лучшей породой считали *тал* (ветла, верба, ива), а на западе – *мазы* (тальник). Но наиболее прочными были иомутские юрты, сделанные из древесины *аззара* или *мирса* (породы дуба), в изобилии произраставших на горах вдоль среднего течения р. Гюргена и Атрека (Иран). Эти породы дерева очень крепки, долговечны и хорошо выдерживают перепады температур. Остовы юрт, сделанные из них, нуждаются в ремонте только через 40–50 лет⁷.

Деревянные части дверного проема, особенно порог, делали из абрикосового или тутового дерева, причем, как правило, не те мастера, кто занимался производством остовов, а другие.

Существовало несколько центров изготовления деревянных остовов юрт. Например, наиболее известным в Иране считался район сел. Гумуш-тепе, где мастерами были туркмены-иомуты из рода панг, а восточнее – иомуты из рода татар. Остовы, изготовленные в этом районе, славились у всех иомутов и гоклен⁸. Отсюда привозили для себя юрты даже хорезмские иомуты и емрели. Те иомуты, которые кочевали в песках восточнее Балхан или к северу от железной дороги, не всегда

могли купить деревянный остов в Иране и покупали юрты в Нохуре, известном своими мастерами во всем Ахале⁹. Производством деревянных частей здесь занимались туркмены-нохурли из рода бахар. Иногда прибалханские иомуты покупали для себя юрты в Хорезмском оазисе, где их производством как для себя, так и для иомутов и текинцев, занимались казахи и каракалпаки. Туркмены-човдуры в последний период их истории заказывали остовы своих юрт узбекам-башкевир, из Мангытского и Кунградского районов Хорезмской области, которые изготовляли на заказ и юрты для других народов¹⁰.

В Марыйском оазисе производством остовов славились текинцы рода буркоз, живущие к северо-западу от Мерва, в районе Сакарчага¹¹. Они снабжали юртами и многих скотоводов Ахальского оазиса, где кроме Нохура имелся еще небольшой текинский центр этого промысла в сел. Гогшал возле Геок-тепе, все мастера которого были из рода гогшал¹².

Форма юрты определялась не только племенной принадлежностью ее владельца в прошлом, но в известной мере зависела также от того, где был изготовлен ее деревянный остов. Так, в последнее время некоторые эрсаринцы левого берега Амударьи покупали юрту у туркмен Мургабского оазиса, что в известной степени меняло облик их переносного жилища, если юрта не была сделана специально на заказ по их размерам.

Установка юрты была делом женщин, а очередность установки ее деталей — раз навсегда принятым, традиционным и единым для всех туркмен процессом. Порядок установки подробно описан у А. Оразова¹³, поэтому не станем характеризовать его здесь. Скажем только, что установку юрты всегда начинали с дверного проема, к которому затем пестрой шерстяной веревкой — *сое баг* (*сое данар* — зап. иом) привязывали боковые решетки.

Для придания устойчивости юрте примерно на метр от земли решетчатые стены крепили толстой шерстяной веревкой или чаще узкой тканой узорной лентой, шириной до 40 см (у сарыков — 20–25 см) — *бил йуп* — поясная веревка — (у западных иомутов — *дурлук кака*). В юртах богатых или в юртах молодоженов над этой лентой проходила тканая широкая (50 см и более) узорная полоса *ак йуп*, а выше — узкая узорная лента — *эгин йуп* (плечевая веревка). Обычно эти ленты старались сделать узорными и особенно нарядными, так как они были хорошо видны из-за решеток внутри юрты и служили украшением стен. Несколько выше места соединения купольных жердей с решеткой, у места их наибольшего сгиба (примерно на 1,8–2 м от земли), крепя их, проходила еще одна узкая (шириной в 4–6 см) лента — *дузи* (*тузи*), которая обвивала каждый ук. Иногда таких лент, особенно в текинских юртах, бывало две — одна над другой. Одна — узорная¹⁴ или просто красная, вторая — обязательно белая (последняя проходила над узорной полосой). В последний период массового бытования юрты (в предвоенные годы), по свидетельству наших информаторов, на смену тканых *дузи* пришли плетеные, но с аналогичным рисунком. Требовалось две одинаковых (длиной около 16 м) *дузи*, одна из которых крепилась уки передней, а вторая — задней стороны юрты.

Установленный и укрепленный таким образом остов юрты сверху покрывали войлоками, которые, как и тканые полосы и ленты, изготавливались женщинами семьи. Для покрытия решетчатых стен требовалось 4, а в большой (8–10-канатной) юрте 5 четырехугольных войлоков — *дурлук*; для покрытия верхней купольной части — два трапециевидных войлока — *узук*, а для купольного круга — один — *серпик*. В юртах човдуров и эрсари, как и у большинства других среднеазиатских наро-

дов, *серпик* имел ромбовидную форму¹⁵, у остальных туркмен *серпик* круглый. Таким же круглым *серпик* был в юртах узбеков-кунградов. Круглая форма серпика является как бы этническим признаком большинства туркменских групп, однако следует отметить, что форма серпика в силу ряда причин, видимо, была подвержена изменениям. О квадратном серпике в текинских юртах в конце XIX–начале XX в. упоминают исследователи, в том числе и зарубежные¹⁶. В 1930-е годы П.П. Иванов писал, что *серпик* чаще бывает круглый, хотя встречается и четырехугольной формы¹⁷. Войлочные покрытия прикрепляются к деревянным частям юрты веревками (типа тесьмы), имеющими свои наименования. Так, войлоки нижней части прикреплены к решетке веревками, называющимися *дурлук баг* (их по четыре на каждом полотнище), соответственно купольные войлоки держатся на куполе с помощью веревок *узук баг* (*ала йун*). На каждом *узук* (напоминаем – их два) имелось шесть веревок, по три с каждой боковой стороны. Переднее кошемное покрытие – *алын узук* – укреплялось пестрыми черно-белыми веревками (вернее, плетеными тесемками, ш. 2–3 см) за решетки внутри, с задней стороны юрты; заднее покрытие (*арткы узук*) шло поверх первого и его тесемки закреплялись на передней купольной кошме снаружи. Две из них (по одной с каждой стороны), проходя по передней части свода, укреплялись у верхней притолоки двери на боковых стойках, остальные привязывались к решетке юрты. К кошемному покрытию тесьму пришивали узором в виде птичьей лапки; он так и назывался *газ аяк* (гусиная лапка).

Прежде, вероятно, у всех туркмен, а теперь лишь у човдуров и эрсари, вместо тесьмы купольные войлоки укреплялись и украшались широкими белыми или узорными на белом фоне лентами – *дармык йун*, *узук баг*, *ак баг* и т.д.

Сохранилось свидетельство современника о том, что в последней трети прошлого века у прикаспийских иомутов на купол юрты молодоженов спереди нашивались широкие белые матерчатые (из хлопчатобумажной ткани. – Г.В.) ленты, отчего и вся юрта носила название *ак бавулы ей* (юрта с белыми лентами)¹⁸. Еще в начале XX в. по литературным и нашим полевым материалам в богатых семьях текинцев и иомутов вместо тесьмы из ковровой ткани для укрепления войлочных покровов купола также использовали белые хлопчатобумажные ленты¹⁹.

В човдурских юртах внешние *дармык йун*, которые нам удалось зафиксировать в 50-е годы, были не чисто белыми, а имели поперечные цветные полосы на белом фоне; эрсаринские *дармык йун* были белыми или также узорными. Узор на них назывался *дурна хатар* (журавлиный ряд)²⁰. Верхнее войлочное покрытие – *серпик* – круглой формы, удерживается на купольном круге восемью веревками²¹. Шесть из них – *ян баг* – служат для привязывания серпика к деревянному кругу. Кроме них к войлочному покрытию прикреплены еще две длинные веревки: наружная – *серпик баг*, с помощью которой этот войлок открывает и закрывает дымовое (и световое) отверстие, и *туйнук йун* – веревка, украшенная кистями и спускающаяся вниз внутри юрты; обычно в случае ветра к *туйнук йун* привешивают какой-нибудь груз. В юрте молодоженов бывало до четырех *туйнук йун*, которые обычно были особенно красивыми, с длинными разноцветными кистями²². На *серпике* ромбовидной формы были всего четыре веревки: тремя веревками он укреплялся на *туйнике*, а четвертая служила для открытия и закрытия дымового отверстия²³.

В соответствии с этническими традициями туркмен войлочные покрытия стен юрты снаружи окружали камышовые циновки – *ой гамыш* – высотой 150–190 см. Их было три: две большие ставились по обе стороны от двери и закрывали юрту спереди и с боков, третья, маленькая – *гозенек гамыш* (*гот гамыш* у западных ио-

мутов) закрывала юрту сзади, как раз против входа. В теплое время года, когда войлок сзади приподнимали для вентиляции, она была хорошо видна изнутри, но летом, когда становилось очень жарко, ее также снимали. На зиму, чтобы предохранить помещение от холода, юрту снаружи по кругу обкладывали травой, а сверху присыпали землей. Поверх циновок юрту на расстоянии 1 м от земли опоясывали толстой шерстяной веревкой, скреплявшей и войлочные покровы, и камышовые циновки. Она, так же как внутренняя лента, называлась *билйун* или *урган* (*сарыки*). У текинцев термин *урган* означал железную цепь, которую в богатых хозяйствах в прошлом иногда использовали вместо шерстяной веревки. У иомутов камышовые циновки чаще всего опоясывались не веревкой, а довольно широкой (32 см) тканой лентой *голан*. В зависимости от того, была ли она узорной или ткалась из простой темной шерсти, ее называли соответственно *гызыл*- или *гара голан*. *Гызыл голан* в прошлом бывала с кистями понизу, что придавало юрте нарядный вид. В прошлом и у текинцев, и у сарыков в зажиточных хозяйствах камышовые циновки также опоясывались не веревкой, а тканой узорной лентой. У текинцев она была шириной примерно 25–30 см (*бир гарыш* – 1 пядь), у сарыков – поуже, примерно 20 см. Такая узорная полоса (она также называлась *билйун*) обязательно входила в состав приданого невесты²⁴.

Своеобразием човдурских юрт, отличавшим их от юрт других туркмен и сближавших с казахскими и киргизскими, были дополнительные узорные камышовые циновки – *чий*, поставленные между деревянной решеткой и войлочным покрытием. Узоры на них создавались оплетением камышинок цветной шерстью. Ставили их обычно в холодное время года и служили одни как для утепления, так и для украшения интерьера²⁵.

Дверные проемы раньше, когда не было деревянных дверей, да и после их появления, закрывали также узорными ковровыми занавесями (*килим*, *ишик килим* – текинцы; *энси* – сарыки, иомуты, текинцы) или особым войлоком, обычно со специфическим рисунком. При наличии деревянных дверей занавесь использовали либо в праздничной юрте, либо зимой для сохранения тепла в помещении. Тогда ее вешали изнутри. У сарыков *энси* укрепляли всегда снаружи юрты, а с внутренней стороны дверного проема чаще всего вешали *гапы гуллук* – ковровую занавесь типа лабрекена с кистями по низу²⁶. У иомутов летом дверное отверстие завешивалось камышовой циновкой с пришитым к ней с внутренней стороны войлоком, называемой *тарп япар*.

* * *

Наряду с юртой у туркмен, как, впрочем, и у многих других народов, существовало еще два вида переносного жилища. Здесь мы имеем в виду переносное жилище, называемое туркменами *орача* (*готтикме*, см. с. 116–117).

Этот вид переносного жилища среди туркмен-скотоводов считался жилищем бедняков или пастухов. Его деревянный остов не имел решетчатых стен, а состоял из купольных жердей – *ук* и купольного круга – *туйнук*. Если *орача* ставилась надолго, то нижние концы жердей прикреплялись к земле с помощью колышков длиной в 30–40 см, наполовину вбитых в землю, в другом случае концы *уков* просто втыкались в землю²⁷.

Количество *уков*, а следовательно и площадь жилища, зависели от возможностей владельца или от назначения *орачи*; обычно жердей было 50–60, а у пастухов,

использовавших ее как временное жилье и на сезонных перекочевках – 30–40. Дверь в пастушеских *орача* в основном сделана просто в пропуске между жердями; в обычных – используется дверь юрты. В последнем варианте короткие жерди над дверью (от 1 до 5 штук) чаще всего, как пишет П.А. Эндрюс, повернуты выгнутой стороной книзу²⁸. Высота в центре *орача* обычно не превышала 2 м.

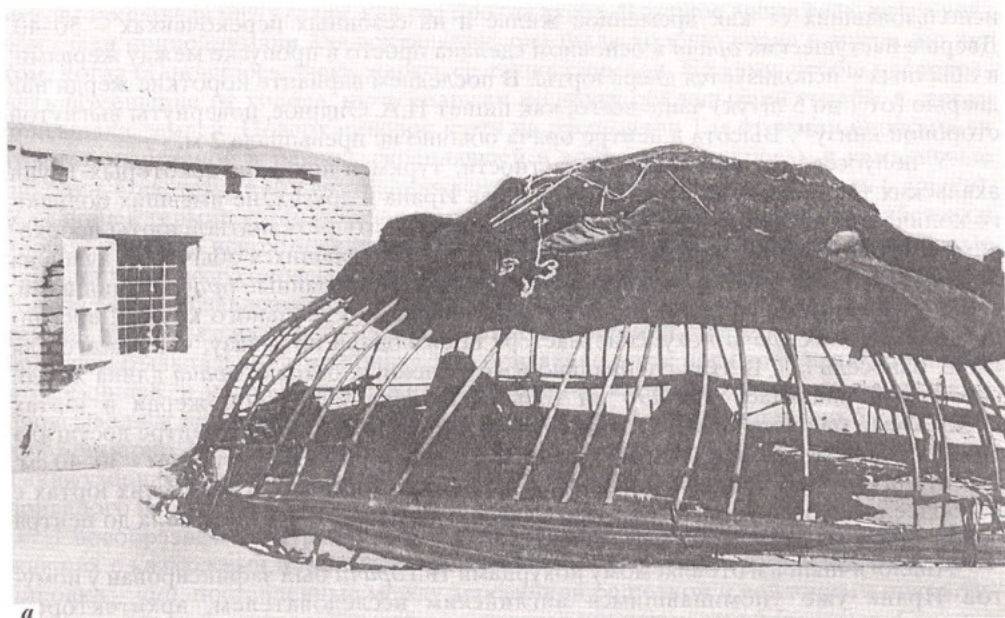
У полуседлого населения, в частности, туркмен-нохурли, некоторых групп ахальских текинцев, иомутов-джафарбайцев Ирана и других, не имевших большого количества тягловых животных (для перевозки четырехканатной юрты необходимо иметь 2–3 верблюдов или 4–5 лошадей) и переселявшихся обычно из аулов на летние пастбища, были распространены усовершенствованные *орача* с длинными, сильно изогнутыми жердями и выгнутыми планками купольного круга. Деревянные части таких *орача* нохурские мастера производили по заказу, чаще всего для своих односельчан. В этих специально изготовленных остовах *орача* длина жерди по прямой равнялась 270–290 см (обычная длина купольной жерди в юртах 200–230 см), максимальная глубина кривизны (стрела подъема) в центре достигала 50 см, в то время как в обычном *ук'е* юрты с полусферическим куполом – 30–40 см. Высота *туйнука* в этих *орача* равнялась 35–45 см, тогда как в текинских юртах с наиболее высоким куполом, как указывалось, 30–35 см. Высота от пола до центра *туйнука* нохурских *орача* – 270–305 см.

Аналогичный изготавливаемому нохурцами тип *орачи* был зафиксирован у иомутов Ирана уже упоминавшимся английским исследователем, архитектором П.А. Эндрюсом. В отличие от обычной *орачи* или *готтикме*, как говорят западные иомуты, этот тип носит название *котук готтикме* по имени д. Котук (недалеко от Гюмуш-тепе), где делали деревянные части²⁹.

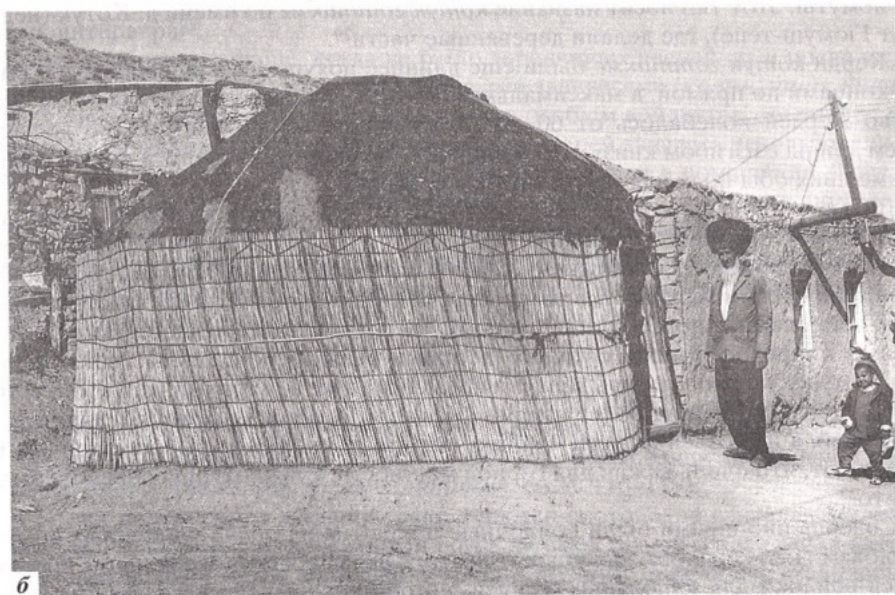
Жерди *котук готтикме* были еще длиннее нохурских и равнялись 300 см между концами по прямой, а максимальная глубина кривизны достигала 58 см. Количество жердей колебалось от 60 до 70. Короткие жерди над дверью достигали 185 см длины с изгибом книзу, что отличало их от коротких жердей нохурской *орача*, имевших обычный для юрты изгиб, т.е. кверху.

Диаметр площади *котук готтикме* около 5 м, а высота до ободка купольного круга – 2 м. В обычной *готтикме*, по данным того же исследователя, длина жердей – 230 см, а высота до ободка – 154–180 см³⁰. Войлочные покровы *орача*, как и юрты делали сами хозяева. Для покрытия обычной *орача* бедняки обходились старыми войлоками, иногда составленными из сохранившихся частей купольных и стенных покровов³¹, люди среднего достатка валяли специальные войлоки типа узук. Нохурскую *орача* покрывали обычно такими же войлоками, как и юрту, только *дурлук* и узук делали более узкими. Узук для нохурских *орача* делали часто не из овечьей, а из козьей шерсти – *чопур*, так как такие войлоки более теплые и не промокают, что очень важно для горной местности, куда нохурцы перекочевывали на лето³².

Совершенно иными были войлочные покрытия на *орача* у иранских иомутов. По словам П.А. Эндрюса, для покрытия этого вида переносного жилища использовались войлоки для купольных жердей, но они накрывались необычным способом – не с задней и передней стороны, как в юрте, а с одной боковой и с другой стороны – справа налево и слева направо. “Преимущество этого способа покрытия, – пишет он, – в том, что на стыке они могут быть использованы для открывания дверей. Когда имеется дверная рама с правой стороны (если смотреть снаружи), купольный войлок увеличен с помощью специального добавления, которое покрыва-

а

б

Рис. 2. Один из видов переносного жилища – *орача*

а – туркмен-иомутов западных районов; б – туркмен-нохурли; в – туркмен-ата Дарганатинского р-на.
60-е годы

ет жерди над дверью”³³. Для *котук готтикме*, помимо указанных выше войлоков, имеются еще и стенные, небольшого размера, около 3 м длины и 1 м высоты³⁴. Купольный круг покрывается обычным круглым войлоком – *серпик* – во всех орача. Камышовые циновки в обычных орача, по данным А. Оразова, за редким исключением не применялись³⁵. Нохурцы делали обязательно циновки для орача, однако они были несколько ниже тех, что изготавливали текинцы и иомуты для своих юрт, – немногим более 1 м (110–120 см) и должны были иметь 11 рядов связок³⁶. В *орача* иранских иомутов циновки были более низкие и состояли всего из 8 рядов связок из расщепленного тростника³⁷.

И деревянный остов, и войлочные покрытия *орачи* по поясу (т.е. на расстоянии 1 м от земли) стягивались обычными шерстяными веревками, так как тканые узорные ленты были как правило дорогими и поэтому недоступными владельцам этого вида переносного жилища. Узорные ленты украшали лишь юрты зажиточных туркмен, имевших много скота или средств на покупку их (так, например, богатые нохурцы в прошлом могли купить такие ленты у текинцев, ибо сами нохурцы не знали искусства ковроткачества).

Еще один вид переносного жилища переходного типа, бытовавший у бедняков, назывался *чатма* – шалаш. Пастухи часто делали ее из двух-трех решеток и как и орачу, покрывали войлоком. Обычная же *чатма* представляла собой шалаш, имевший форму неправильного четырехугольника с двускатной крышей. Он устраивался из кольев, жердей, глины и из прутьев кустарника и камыша. “По туркменским преданиям, – пишет П. Иванов, – чатма предшествовала кибитке и является типом кочевого жилища”³⁸. Однако в 30-е годы XX в. чатма бытовала наряду с юртами и оседлым жилищем и служила либо подсобным помещением, либо, как указывалось, жилищем бедняков.

Внутренняя обстановка юрты у туркмен была строго традиционной, хотя и имела свои особенности у каждой этнической группы. Расположение вещей и распределение мест было подчинено этническим традициям и правилам.

Прямо против входа, примерно на расстоянии одного метра от двери, находилось место для очага (*ожаг*), часто огороженное невысоким земляным барьером. Топка очага обычно обращена к двери, ориентированной, как правило, на юг (или чуть на юго-запад – *илери*). Это расположение очага в юрте характерно для подавляющего большинства туркмен. По-иному расположен очаг в юртах эрсари. Он помещается несколько слева от входа, ближе к двери, но состоит из трех частей, обращенных отверстиями к востоку или юго-востоку³⁹.

Очаг в юртах других групп туркмен, находящийся в центре юрты под дымовым (купольным) отверстием, играл двойную роль: служил средством обогрева и местом для приготовления пищи. В тех случаях, когда не было необходимости обогревать помещение, чай и обед иногда готовили на треножнике, поставленном ближе к входу, справа или слева от него.

Возможно, наличие бокового очага в юртах эрсари свидетельствует об утрате прежней традиции в связи с превращением юрты в сезонное жилище после перехода их к оседлости.

За очагом до задней решетки юрты шло пространство, устланное орнаментированными войлоками, паласами или коврами. Это – почетное место – *тор* (*дуйн* – зап. иом). Справа и слева от входа в юрту располагались хозяйственные предметы, а дальше от двери, ближе к почетному месту – вещи семьи. На правой, обычно считавшейся женской, половине (*ган*, *йук бовур*, *аял дул*) помещалась различная кухонная утварь: котлы для приготовления пищи, сосуды с водой, маслом, кислым молоком и т.д. Здесь же, ближе к задней стене на подставке, шкафчике или сундуке укладывали ковровые мешки с вещами, поверх них – запасные ковры и кошмы, а сверху – постельные принадлежности, состоявшие из одеял и подушек цилиндрической, но чаще прямоугольной формы. На нижней полке застекленного шкафчика у западных иомутов находилась посуда для приема пищи: пиалы и чайники, деревянные большие и малые чаши для жидкой пищи, деревянные ложки. Всю эту посуду обычно старались расположить красиво. Иногда на подставку рядом с мешками помещали небольшой сундучок, окованный железом, в котором хранились женские украшения и наиболее ценные вещи семьи. Детская люлька – *салланчак* – также располагалась на женской половине.

Слева от входа на мужской половине (*хоут ашлык бовур*, *эркек дул*) находились мешки с зерном, седла и сбруя для лошадей и верблюдов, веревки. Здесь же стояла ручная мельница. Ближе к западной решетке вешали мужскую одежду, нередко ставили шкафчик с разными мужскими вещами. Туркмены-човдуры сундук или подставку с постельными принадлежностями и другими вещами помещали на мужской половине⁴⁰.

У большинства туркмен порядок расположения мужской и женской частей юрты не был твердо установленным⁴¹ и в зависимости от обстоятельств мог меняться. Если женщина (от нее зависело убранство интерьера) меняла места расположения вещей, тогда мужская сторона оказывалась справа, а женская слева от входа. Этот *ырым* (в данном случае магический прием) применяли в том случае, когда на семью обрушивались неудачи, происходили несчастья с детьми, какие-нибудь бо-

лезни или падеж скота⁴². Наследницы этой женщины сохраняли в юрте расположение вещей, установленное ею.

В вопросе об определении правой и левой стороны в юрте (как и другом жилище) до сих пор еще нет единства среди исследователей. Многие определяют местоположение вещей в юрте, встав у входа в юрту лицом к *тору*. Сами же обитатели жилища, как и часть исследователей отсчет ведут с *тора*, повернувшись лицом к очагу и выходу из юрты. Именно так и следует поступать всем исследователям, ибо это принято не только у туркмен, но и у других народов Средней Азии, монголов, народов Кавказа и т.д.⁴³

Наиболее строго традиционно обставлялась самая дальняя от двери часть юрты – *тор*, как уже упоминалось, считавшаяся почетной и использовавшаяся для приема гостей. У большинства туркменских групп она была свободной от вещей, лишь на решетках юрты прямо против двери вешали различной величины ковровые ворсовые или безворсовые сумки с традиционным узором. Два больших ковровых (*чувал*, *гарчын*) или паласных (*аргач чувал*) мешка подвешивали симметрично к решетке; несколько ковровых или паласных сумок поменьше с кистями понизу висели над чувалами и чуть в стороне от них и на боковых решетках. В больших мешках хранили белье и другие вещи семьи; маленькие использовали для различных мелких вещей, в зависимости от которых и называли: *йун-торба* (торба для шерсти), *из-торба* (для веретена), *чемче-торба* (торба для ложек и другой мелочи) и т.д. У сарыков между торбой и полкой с постельными принадлежностями укрепляли четырехугольной формы покрывало-*асмалык*, сделанное из квадратных кусков материи различного цвета с длинными кистями понизу⁴⁴. *Асмалык* придавал юрте нарядный вид. Таким же украшением, вывешивавшимся в юрте в дни семейных праздников, считались у иомутов ковровые украшения с кистями (*диехалык*), укреплявшиеся к жердям над торбами и большое красивое свадебное покрывало на верблюда из разноцветных кусков материи с длинными кистями – *диебашлык*⁴⁵, похожее на сарыкский *асмалык*.

Интерьер юрт човдуrow и эрсари украшали проходившие по куполу юрты над *тором* узорные широкие *ички-дармык* – ленты, скрепляющие передний войлочный покров купола (*алын узук*) с деревянным остовом. У туркмен-човдуrow эти *дармык* были красного цвета⁴⁶.

Земляной пол в переносном жилище покрывали сначала циновками, на которые в несколько слоев затем стелили (в зависимости от состоятельности семьи) обычно узорные войлоки, паласы или ковры. Наиболее богато, застилалось пространство за очагом. Здесь у сарыков располагался большой ворсовый ковер – *дуйн халы*⁴⁷.

Справа и слева от очага пол также покрывали войлоком и паласами. Непокрытым оставалось лишь пространство возле двери, где при входе оставляли обувь.

У иомутов чаще всего в холодное время года юрту почти целиком закрывали большой, толстой узорной кошмой с П-образным вырезом для очага – *оджак-баши*.

Примерно также, оставляя *тор* свободным, в отличие от принятого у большинства других тюркских народов региона, располагали вещи в юртах лишь узбеки-кыпчаки и каракалпаки⁴⁸.

Нохурли и некоторые другие небольшие группы туркмен, так же как казахи, киргизы и часть узбеков⁴⁹ постельные принадлежности, войлоки и прочие мягкие вещи укладывали на подставку или сундук у стены против входа – отсюда и место

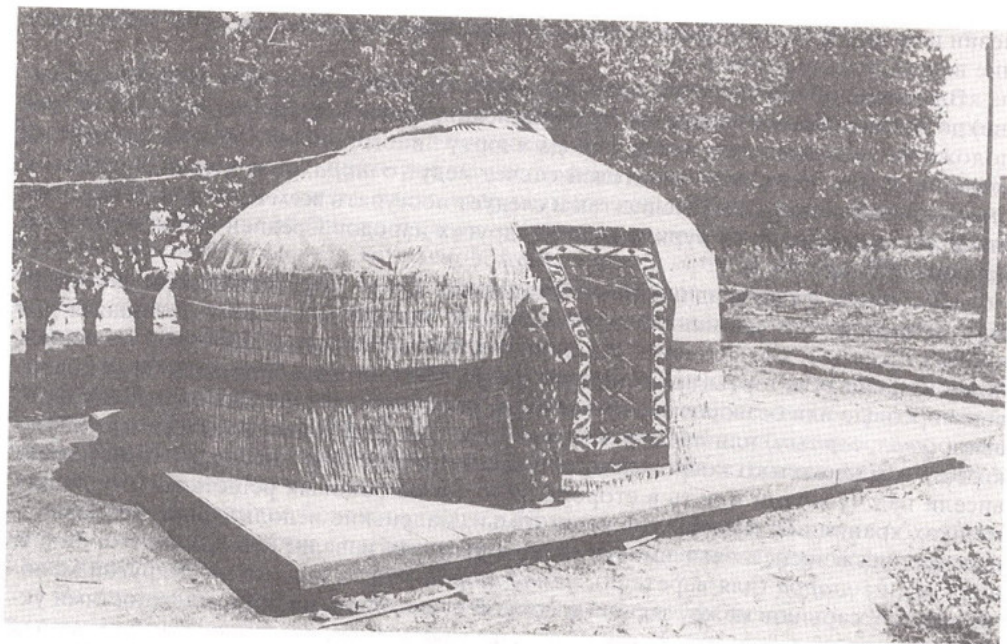

Рис. 3. Современная юрта. Туркмены-иомуты. Куня-Ургенчский р-н. 70-е годы

называлось *йукери* – место для вещей (джук–узб., кирг., каз.), что в известной мере было синонимом слова *тор* – почетного места, находившегося и у этих народов между джуком и очагом. Расположение других вещей соответствовало у этих групп общетуркменскому. Правая от входа часть юрты у нохули именовалась *эркек бовур* – мужская часть, а левая, женская – *гап бовур*⁵⁰.

В наши дни юрта сохраняется не только на отгонных пастбищах в качестве сезонного жилища скотоводов и пастухов, она бытует во многих оазисах Туркмении. Поставленная возле добротных стационарных домов, она служит в теплое время года любимым местом времяпрепровождения и отдыха.

Во многих местностях, в частности у населения Ташаузского велаята, юрту ставят зачастую на деревянный помост, проводят в нее электричество, газ, помещают в ней телевизор и радиоприемник, словом, используют ее как помещение, в котором удобнее и лучше, чем в кирпичном доме можно регулировать температуру, удобнее спать в летние жаркие ночи. В ее интерьере сочетаются лучшие элементы традиционного убранства, такие, как ковры и ковровые сумки, кошмы, укладка постельных принадлежностей на шкафчике или столике (туркмены, как правило, по-прежнему спят на полу) и т.д., с новыми современными, необходимыми предметами быта.

¹ Иванов П.П. Ой-туркменская кибитка: По материалам отряда Туркменкульта в этнолого-лингвистической экспедиции АН СССР // Туркменоведение. 1930. № 8/9. С. 47–50; Овезов Д.М. Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад. 1976. С. 118–120; Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Ташаузской и Чарджоуской областей // ПИИЭ 1980–1981 гг. М., 1984. С. 63.

- ² Агаджанов С.Г. Огузские племена Средней Азии в IX–XIII вв.: Истор.-этногр. очерк // Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971. С. 184–185; бытовала она и в средние века см.: Низовья Аму-Дарьи: Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения // МХАЭ. М., 1960. Вып. 3.
- ³ Гмелин С.Г. Путешествие по Каспийскому морю на восточный его берег в 1773 г. // Труды Туркменского географического общества. Ашхабад, 1953. Вып. 1. С. 210, 211, 218.
- ⁴ Путешествие Г.С. Карелина по Каспийскому морю: Журнал экспедиции 1836 г. // Записки ИРГО по общей географии. СПб., 1883. Т. X. С. 284. См. также: Туркмены иомудского племени // Военный сборник, год пятнадцатый. СПб., 1872. Т. 83. Отд. 1. С. 45–76. В статье имеется указание на то, что вместо деревянного ободка *уки* могли закрепиться наверху с помощью веревочного кольца, однако нам никогда об этом не приходилось слышать и в другой литературе таких сообщений нет.
- ⁵ Гмелин С.Г. Путешествие по Каспийскому морю... С. 210, табл. 5; С. 211, 218, табл. 7 (нижняя).
- ⁶ Полевая запись от Оразмухамеда Бабаева и Ата Аннахонова, урочище Совук-Су, аул Нохур Бахарденского района, 1984 г. // АИЭиА.
- ⁷ Полевая запись от Берды Дурдыклычева, 1897 г. р., сел. Огланлы Красноводского района, 1971 г. // АИЭиА; А. Оразов приводит в своей статье сведения о двух видах *аззар* – белом и красном. Наиболее прочным и поэтому дорогим был остов юрты, сделанный из красного дерева *аззар*. См.: Оразов А. Поселения и жилище прибалханских туркмен в конце XIX–начале XX в. // ТИИАЭ АН ТССР. Сер. этногр. Ашхабад, 1963. Т. VII. С. 45.
- ⁸ Овезов Д.М. Население долины Чандыра... С. 119.
- ⁹ Михайлов Ф. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Асхабад, 1900. С. 76; Обзор Закаспийской области за 1899 г. Асхабад, 1900. С. 127.
- ¹⁰ Ниязклычев К. Туркмены-човдуры: К вопросу о формировании туркменской нации // АИЭиА. Рукопись. С. 131.
- ¹¹ Полевые записи автора настоящей статьи. По данным М. Алиханова-Аварского, автора конца XIX в. кибиточными мастерами в Мервском оазисе были туркмены из рода ших, а буркозсы выделявали плети. См.: Алиханов М. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883. С. 37.
- ¹² Полевая запись от Энеш Кадыровой 1894 г.р., колхоз “Большевик” Геоктепинского района, 1984 г. // АИЭиА.
- ¹³ Оразов А. Поселения и жилище... С. 45–47.
- ¹⁴ Узорная *дузи* всегда имеет строго традиционный орнамент, очень близкий по рисунку с узорами на *дузи* каракалпакской (*диэбе*) и других тюркских народов – узбеков, киргизов, казахов.
- ¹⁵ К. Ниязклычев указывает, что в юртах туркмен-човдуров *серпик* чаще круглый, но иногда четырехугольный. См.: Ниязклычев К. Туркмены-човдуры: К вопросу о формировании туркменской нации. С. 130. Информаторы автора сообщили, что *серпик* в човдурских юртах всегда четырехугольной формы. См.: Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Ташаузской и Чарджоуской областей. С. 66.
- ¹⁶ Бабаджанов Р. Туркмены Тедженского оазиса в конце XIX–начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 39; Andrews P.A. The white House of Khurasan: The felt of Tents of the Iranian Joumout and Goklen // Journal of Persian Studies. Iran, 1973. Vol. XI. P. 100. Note 35 со ссылкой на кн.: Schwars F.V. Turkestan (Freiburg in Briesgau, 1900), note 34.
- ¹⁷ Иванов П.П. Ой-туркменская кибитка. С. 49.
- ¹⁸ Огородников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб., 1978. С. 207–209; Иомудский С.Н. О пережитках родового быта у скотоводов западной Туркмении в XIX в. // СЭ. 1962. № 4. С. 52. Примеч. 22.
- ¹⁹ Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Ташаузской и Чарджоуской областей. С. 66. Имеется не совсем ясное сообщение В.Г. Мошковой со ссылкой на П. Лессара о том, что юрты сарыков также украшались белыми дорожками. См.: Мошкова В.Г. Ковры народов Средней Азии. Ташкент, 1970. С. 131.
- ²⁰ Полевая запись А. Оразова, 1964 г. от Ягшикулы Беркелиева 1872 г.р., колхоз им. Жданова Керкинского района.
- ²¹ Полевая запись от Огультач Гельдыевой 1895 г.р., колхоз им. Жданова Векиль-Базарского района, 1979 г. // ИАЭиА.
- ²² Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Мургабского оазиса // ПИИЭ. 1979 г. М., 1983. С. 147.
- ²³ Винников Я.Р. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР // Среднеазиатский этнографический сборник, I. ТИЭ. М., 1954. Т. XXI. С. 47.
- ²⁴ Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Мургабского оазиса. С. 146.
- ²⁵ Ниязклычев К. Туркмены-човдуры. С. 128.
- ²⁶ Овезбердыев К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса // ТИИАЭ АН ТССР. Сер. этногр. Ашхабад, 1963. Т. VII. С. 115.

- 27 Полевая запись от Аллаверды Исмаилова 1937 г.р. аул Койне-Гумме Бахарденского района, 1984 г. // АИЭИА; Оразов А. Поселения и жилище... С. 752; Andrews P.A. The white House... P. 107–108.
- 28 Andrews P.A. The white House... P. 107, fig. IIa, IIIa. Судя по фотографии *орача* в упомянутой статье А. Оразова, в ней дверные жерди также изогнуты книзу. См.: Оразов А. Поселения и жилище... С. 51. Рис. 5.
- 29 Andrews P.A. The white House... P. 107. Автор указывает, что иомуты-джафарбайцы, среди которых он собирал материалы, не знали термина *орача*. См.: Там же. С. 110. Примеч. 64. Интересно, что в "Обзоре Закаспийской области" за 1892 г. (Ашхабад, 1893. С. 8) нохурские *орача* названы *кут-декма*, т.е. *готтикме*, хотя теперь они этого слова, кажется, не употребляют.
- 30 Andrews P.A. The white House... P. 108.
- 31 Оразов А. Поселения и жилище... С. 52.
- 32 Васильева Г.П. Туркмены-нохурлы // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954. Вып. I. Т. XXI. С. 114; Полевая запись от Оразмухамеда Бабаева и Ата Аннаханова, 1984 г. // АИЭИА.
- 33 Andrews P.A. The white House... P. 107.
- 34 Ibid. P. 108.
- 35 Оразов А. Поселения и жилище... С. 52.
- 36 Полевая запись от Нурмухамеда Нурмурадова, 1918 г.р., аул Нохур Бахарденского района, 1984 г. // АИЭИА.
- 37 Andrews P.A. The white House... P. 108.
- 38 Иванов П. Основные типы жилища туркмен в переходный период: По материалам отдела Туркмен-культы в этнолого-лингвистической экспедиции АН СССР // Туркменоведение 1930 г. № 11. С. 7.
- 39 Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Ташаузской и Чарджоуской областей. С. 66–67.
- 40 Ниязкльчев К. Туркмены-човдуры. С. 133.
- 41 Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Ташаузской и Чарджоуской областей. С. 68.
- 42 Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Мургабского оазиса. С. 148.
- 43 Этнография каракалпаков XIX–начала XX в.: Материалы и исследования. Ташкент, 1980. С. 30, 42; Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казаков. Алма-Ата, 1991. С. 164. Об этом он пишет также в статье, помещенной в данном сборнике (см. с. 167); Рона-Таш А. По следам кочевников: Монголия глазами этнографа. М., 1964. С. 118; Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX–начале XX в. М., 1976. С. 58. То же самое было и у осетин. По устному сообщению Б.А. Калоева, мужскую и женскую половину жилого помещения всегда определяли, встав у очага лицом к двери.
- 44 Овезбердыев К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков... С. 116.
- 45 Оразов А. Поселения и жилище... С. 56.
- 46 Ниязкльчев К. Туркмены-човдуры. С. 126. Таким же красными были аналогичного назначения ленты *кизил-узук бов*, закреплявшие изнутри переднее полотнище *узука* в юртах узбеков Кашкадарьинской области. См.: Ибрагимов О.И. Жилище кочевого и полуседлого населения степных районов южного Узбекистана в конце XIX–начале XX в. // ВАДИЭ. Самарканд, 1981. С. 78.
- 47 Овезбердыев К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков... С. 118.
- 48 Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974. С. 229; Этнография каракалпаков XIX–начала XX в.: Материалы и исследования. Ташкент, 1980. С. 31.
- 49 Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата. 1967. С. 113; Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические историко-культурные связи. Л., 1971. С. 118; Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С. 116; Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана. Сталинабад, 1954. С. 134.
- 50 Полевые записи от Оразмухамеда Бабаева и Ата Аннаханова, 1984 г. // АИЭИА.

**Развитие жилища у казахов
северо-восточного Казахстана
в процессе их перехода к оседлости
(конец XIX – начало XX века)**

Источниками для написания статьи послужили сведения о жилище казахов северо-восточных районов Казахстана, содержащиеся в литературе¹ и архивных материалах², фотографии, хранящиеся в Государственном музее Омской области, статистические данные, полевые материалы автора, собранные в Семипалатинской области в 1978 и 1980 гг. Исследователи XIX в. А.И. Левшин³, Н.И. Красовский⁴, Г.Е. Катанаев⁵, Н. Коншин⁶, описывающие жизнь казахов, упоминали более или менее подробно о юрте как основном жилище казахов, а также о других формах жилища, переходных к оседлому. Среди дореволюционных работ выделяется статья В. Шнэ⁷, посвященная подробнейшему описанию казахских зимников из дерна и дерева. В советское время С.И. Руденко и Н.А. Трофимук⁸ исследовали быт казахов Зайсанского и Бухтарминского уездов Семипалатинской области и оставили описания казахских домов и планы их зимовок. В статье использован статистический материал, собранный на рубеже XIX и XX вв. экспедицией по обследованию степных областей под руководством Ф.А. Щербины⁹. Здесь также встречаются сведения об истории появления стационарных построек в каждом уезде, описания отдельных домов, планы жилищ.

Попытку обобщить имеющийся материал по переносному и стационарному жилищу не только казахов, но и других тюркских и монгольских народностей России сделал в своей известной работе Н.Н. Харузин¹⁰, определив тем самым место казахского жилища в широком мире явлений тюркской и монгольской культуры. Обширный материал послужил ему основой для воссоздания процесса развития оседлого жилища кочевых и полукочевых народов от примитивных форм ко все более сложным.

Важные исторические обобщения богатого конкретного материала содержит статья В.В. Вострова¹¹, посвященная оседлому казахскому жилищу. На базе литературных данных по всему Казахстану и материалах собственных полевых исследований он выделяет и обосновывает *три этапа* в развитии оседлого казахского жилища.

Результаты предшествующих исследований и задачи создания Историко-этнографического атласа позволяют дать картину бытовавших в северо-восточном Казахстане в конце XIX – начале XX в. типов жилищ, проследить историю возникновения и развития оседлого жилища. Основное внимание уделяется жилищу “переходного типа, временному и сезонному”, которое, как и юрта, было широко распространено в изучаемый период¹².

В территориально-административном отношении рассматриваемые в статье

Таблица 1

Этнический состав Прииртышья по переписи 1897 г.*

Уезд, в том числе сельские районы	Всего населения	В процентах				
		казахи	русские	украинцы	татары	немцы
Омский	100 539	38,0	50,0	4,3	0,8	3,3
	63 163	59,7	28,8	6,2	0,1	4,6
Павлодарский	157 487	90,5	8,8	0,1	0,5	0,0
	149 749	94,3	5,5	0,0	0,1	0,0
Семипалатинский	156 801	78,0	16,6	0,5	4,4	0,0
	130 555	86,9	11,4	0,6	0,9	0,0
Усть-Каменогорский	103 575	78,4	18,1	2,2	0,9	0,0
	94 853	84,9	12,0	2,4	0,5	0,0
Зайсанский	95 072	93,5	5,4	0,0	0,9	0,0
	87 740	98,5	1,4	—	0,0	0,0

* Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 84. Семипалатинская область. Б.м., 1905. С. 54–55; Т. 81. Акмолинская область. Б.м., 1904. С. 50–51.

Таблица 2

Сведения о наличии юрт и домов в казахских хозяйствах Прииртышья в конце XIX – начале XX в.

Уезд	Кол-во хоз-в	Число юрт на одно хоз-во	Число домов на одно хоз-во	Число хоз-в, не имеющих юрт	
				абсолютное	%
Омский	5080	1,1	1,0	77	1,5
Павлодарский	21 837	1,1	1,1	266	1,2
Семипалатинский	21 512	1,0	1,0	Нет. свед.	
Усть-Каменогорский	15 060	1,0	1,3	420	2,8
Зайсанский	17 784	1,0	0,9	Нет свед.	

* Рассчитано по: Материалы по киргизскому землепользованию... Т. XI. Омский уезд. С. 142–143; Т. IV. Павлодарский уезд. С. 324–325; Т. X. Семипалатинский уезд. С. 442–443; Т. IX. Усть-Каменогорский уезд. С. 290–291; Т. VIII. Зайсанский уезд. С. 378–379.

северо-восточные (прииртышские) районы Казахстана охватывают три уезда: Омский (Акмолинская область), Павлодарский и Семипалатинский (Семипалатинская область). Для сравнения в статье приводятся данные и по Усть-Каменогорскому и Зайсанскому уездам Семипалатинской области.

Этнический состав Прииртышья в конце XIX – начале XX в. складывался в основном из двух этносов: казахов и русских (табл. 1).

Два уезда – Павлодарский и Зайсанский – отличались высокой моноэтничностью, в Семипалатинском и Усть-Каменогорском уездах процент русского населения был более заметен. Омский уезд резко отличался в этническом отношении от остальных: казахи составляли менее половины его населения, почти

треть сельского населения – русские. Здесь же жили небольшие группы украинцев и немцев.

На протяжении XIX в. в Прииртышье шел процесс оседания казахов, усиленный в конце столетия крестьянскими переселениями в Казахстан. Переход к оседлости сопровождался уменьшением амплитуды кочевания, развитием земледелия и других хозяйственных занятий, дополняющих скотоводство. К концу XIX – началу XX в. казахи Прииртышья вели полукочевую-полуоседлую жизнь. Образовались небольшие районы с оседлыми казахским населением (Бельгагачская степь)¹³.

Как известно, характер жилища тесно связан с образом жизни населения¹⁴. У казахов Прииртышья в рассматриваемый период наблюдалась пестрая картина типов жилища, соответствовавшая многим стадиям и формам перехода от кочевания к оседлости. Основным типом жилища оставалась юрта¹⁵. С конца XVIII в. стали возникать и распространяться разные формы непереносного (постоянного) жилища – землянки, полуземлянки, наземные дома. Их появление было обусловлено процессом оседания казахов. Возросшая стоимость земельных участков в Прииртышье, а также развитие сенокосения и земледелия заставляло казахов закреплять за собой зимние пастбища путем возведения на них “постоянных” жилищ¹⁶. Таковыми их можно назвать лишь в противовес переносному; они были сезонными (жили в них в основном зимой, что отражено в названии – *кстау* – зимник).

К концу XIX – началу XX в. практически каждое хозяйство имело и юрту и зимник (табл. 2).

Несмотря на то что зимники стали столь же распространенными, как и юрта, именно последнюю казах считал своим основным жилищем, ибо в ней традиционно происходили “все важнейшие моменты его домашней и общественной жизни”¹⁷. Полукочевники жили в юрте во время кочевания и на летних пастбищах. По свидетельству Н.И. Красовского, еще во второй половине XIX в. в северных лесных районах казахи, имея зимники, продолжали зимой жить в юртах, складывая в доме только свое имущество¹⁸. Юрта сохранялась и использовалась и у оседлых казахов: в Бельгагачской степи они с весны переходили из изб в юрты, собранные тут же, около усадьбы¹⁹.

Постепенно зимники отвоевывали позиции у юрты. Как видно из табл. 2, некоторые хозяйства уже не имели юрты. Естественно, быстрее она исчезала в оседлых районах. Так, например, на одном из участков Бельгагачской степи 784 хозяйства имели 281 юрту (35,8%) и 676 сырцовых, дерновых, каменных и деревянных домов. Многие казахи оставались и летом в зимних избах²⁰. В Павлодарском уезде казахи стали строить зимники не только на зимних, но и на осенних и весенних стоянках. В материалах первого обследования этого уезда в 1897 г. отмечено, что в Алтыбаевской волости вторые зимники были почти у всех казахов, за исключением самых бедных. Их строили из саманного кирпича или дерна: “Эти дома несколько хуже настоящих (т.е. находящихся в зимнем ауле. – *Авт.*), в них живут 1 – 1 1/2 месяца весной и осенью, с первых чисел августа до выпадения снега. На летовках некоторые имеют избы из воздушного кирпича (саманного. – *Авт.*), с каждым годом число их растет. В них живут в жаркие дни летом”²¹.

Во время повторного обследования в 1910 г. строительство таких жилищ было вновь зафиксировано, за ними укрепилось название *джалган-кстау* (ложная зимовка)²². Особенно много *джалган-кстау* было у казахов, арендовавших землю на прииртышской десятиверстной полосе и имевших пашни, сезонные пастбища или сенокосы на землях в глубине уезда. Из 7211 казахских хозяйств, существовавших на

арендованной земле, 83,4% имели *джалган-кстау*. Туда откочевывали в марте–апреле; после окончания полевых работ уходили на джайляу “с тем, чтобы ко времени уборки хлебов снова возвратиться на свои временные *кстау*”. Оставались на *джалган-кстау* до глубокой осени, иногда до декабря. Немаловажное значение имело сооружение построек для закрепления за хозяйствами сезонных пастбищ²³.

В Усть-Каменогорском уезде дополнительные постоянные жилища возродились на *кельте-кстау* (короткий зимник – место отгона на зиму мелкого рогатого скота). Иногда *кельте-кстау* превращались в самостоятельные зимние аулы²⁴.

Остановимся более подробно на описании сезонного жилища полукочевников – зимников. По сведениям В.В. Вострова, зимовки с какими-то сооружениями у казахов Младшего и Среднего жузов существовали уже во второй половине XVIII в.²⁵ Сначала, вероятно, ими были хозяйственные постройки для скота, затем стали сооружать *шошала*, примитивные землянки и полуземлянки, а позже – наземные дома²⁶, служившие временными, сезонными жилищами на зимовках.

Время появления таких жилищ для различных районов северо-восточного Казахстана было разным и, естественно, связано с интенсивностью оседания отдельных групп казахов. Раньше всего казахи стали строить дома в семипалатинском Прииртышье, где, вероятно, существовало поливное земледелие, а следовательно, и элементы оседлости²⁷. Позже, в 30–50-е годы XIX в., такие сезонные жилища стали появляться в павлодарском Прииртышье. Этнографические материалы, собранные на рубеже XIX и XX вв., содержат сведения о том, что казахи Маралдинской волости Павлодарского уезда “еще 70–80 лет назад жили круглый год в юртах, потом начали делать землянки, наполовину в земле, а затем уже научились делать дома из дерна, кирпича сырцового и бревен”²⁸. В омском Прииртышье, где дольше сохранялись кочевнические традиции, зимники стали строить во второй половине XIX в.²⁹

К середине XIX в. непременное казахское жилище не представляло единого типа, находясь у локальных групп казахов на различных этапах становления. Казахи, кочующие по среднему Иртышу, в районе Омска, и охарактеризованные в “Докладе о не вошедших в состав внешних округов киргизах, кочующих внутри Сибирской линии”, как “чуждые сведений о пользах земледелия и оседлости”, имели на зимовках дворы для скота, но почти не строили жилых домов или землянок³⁰. Последнее обстоятельство связано еще и с природным фактором – лесистостью этих мест. Юрта, защищенная от ветров лесом, была более или менее пригодна для зимования³¹.

Казахи, жившие далее вверх по Иртышу, от Елисаветского редута до Черемуховского форпоста, строили крытые дворы или “особые, обставленные камышом большие юрты” для скота, однако избы и дерновые дома на зимовках были лишь у султанов, старшин и богатых казахов. Казахи, расселенные вдоль верхнего Иртыша, от Черемуховского форпоста и Семипалатинска до Мало-Нарынского редута, и ранее других, как отмечалось выше, переходившие к оседлости, возводили на зимовках деревянные избы и крытые дворы для скота из заборника и двойного плетня, а 61 семейство жило в домах в Семипалатинске и слободах³². По данным 1854 г., в этих местах (от Черемуховского форпоста до Усть-Каменогорской станицы) на землях десятиверстной полосы вдоль Иртыша было 293 деревянных строения казахов³³.

Таким образом, в исследуемый период все прииртышские казахи имели на зимовках постоянные хозяйственные постройки для скота. Стационарные дома еще

Таблица 3

Количество постоянных домов в северо-восточных районах Казахстана

Уезд	Год обследования	Количество		
		хоз-в	домов	домов на одно хоз-во
Омский	1901	5 080	5 168	1,0
Павлодарский	1897	21 837	24 027	1,1
Семипалатинский	1900	21 512	21 028	1,0
Усть-Каменогорский	1900	15 069	19 728	1,3
Зайсанский	1899	17 784	15 766	0,9

* Рассчитано по: Материалы по киргизскому землепользованию... Т. XI. Омский уезд. С. 142; Т. IV. Павлодарский уезд. С. 324–325; Т. X. Семипалатинский уезд. С. 442–443; Т. IX. Усть-Каменогорский уезд. С. 290–291; Т. VIII. Зайсанский уезд. С. 378–379.

не получили широкого распространения. Если в семипалатинском Прииртышье такие жилища имели почти все казахи, то, чем дальше на север, вниз по Иртышу, тем реже встречались на зимовках деревянные избы или дома из дерна или сырцового кирпича. Однако во второй половине XIX в. и на северо-востоке Казахстана стали быстро распространяться дома полуоседлого и оседлого типа. К концу 1860-х годов в северной и восточной частях Акмолинской области у казахов племени *керей* было 1054 дома, *канжигалы* – 790, *кипчак* – 1054; в павлодарском Прииртышье казахи подразделения *буранайман* имели 486 домов, *бесентеин* – 972 дома³⁴.

К концу XIX в. практически уже все казахские хозяйства Прииртышья обзавелись домами, что наглядно видно по материалам обследования, проведенного экспедицией Ф.А. Щербины (табл. 3).

Казахское жилище переходного типа XIX – начала XX в. можно разделить на два подтипа: 1) жилище круглое или квадратное в плане, с конусообразной крышей; 2) жилище прямоугольное в плане, с плоской или плоско-двухскатной крышей.

Круглое в плане жилище казахов – *шошала* – несомненно имеет своим прототипом юрту. Примером первых попыток превращения юрты из переносного жилища в оседлое может служить способ ее использования богатыми казахами Усть-Каменогорского уезда до появления здесь домов. На зиму они утепляли юрту двумя слоями кошм и обкладывали ее на один аршин в высоту старым навозом. Летом такую юрту не разбирали, а оставляли под присмотром *джатаков*³⁵. Связь юртообразных построек с юртой ярко видна на примере жилищ полуоседлых монголов Внутренней Монголии; их мазанки имеют юрту в качестве каркаса – утепленные тростником решетчатые стенки старой юрты и обрешетки ее крыши обмазываются полужидкой смесью глины с соломой³⁶.

Вероятно, юртообразные постройки вообще характерны для оседающих кочевников. Это оседлое, но построенное в форме переносного жилища как бы симболизовало их переходный, полукочевой быт, соединения в себе черты старого и нового уклада жизни; традиционная, привычная для кочевника форма юрты была приспособлена к другому образу жизни – оседлому.

В.В. Востров считает *шошала* для Северного, Восточного и Центрального Казахстана первоначальной формой стационарного зимнего жилища казахов, более ранней, чем примитивная четырехугольная землянка. Это в какой-то мере подтверждается археологическими раскопками С. Жолдасбаева в Южном и Центральном Казахстане, исследовавшего поселения XVIII–XIX вв., принадлежавшие казахам, переходившим к оседлости и оседлым. Зафиксированные им зимовки по берегам рек состояли из двух-трех камерных круглых землянок и полуземлянок. На зимовке-поселении Шагырлы-1 им вскрыты две круглые в плане, сообщающиеся между собой полуземлянки из пахсы; по расположению очагов автор считает, что эти жилища имели, как и *шошала*, конусообразную крышу с отверстием для дыма. На более поздних по времени, чем эти зимовки, поселениях-селищах (*кыстак*) существовали уже четырехугольные постройки – одно-двухкамерные наземные жилища и полуземлянки³⁷.

Этот факт подтверждается материалами, собранными в 1900 г. в Усть-Каменогорском уезде, в которых прямо указывается, что *шошала* в качестве зимнего жилища, особенно у бедняков, предшествовала прямоугольному дому³⁸.

Шошала в северо-восточных районах Казахстана возводилась из разных строительных материалов, что позволяет выделить несколько вариантов этого жилища: *шарбак уй* (плетневые)³⁹, дерновые, саманные, каменные, *дукен* (бревенчатые). Конструкция *шошала* описана В.В. Востровым и совпадает с описаниями этого вида жилища, приводимыми В. Шнэ и А.А. Боровским для конца XIX в.⁴⁰ (рис. 1).

Плетневые *шошала*, в свою очередь, можно разделить на следующие подварианты: 1) со стенами из двойного плетня с пространством, заполненным землей; 2) со стенами из двойного плетня без заполнения, 3) со стенами из одинарного плетня.

Шарбак уй строили следующим образом: поверх плетневых стен, поставленных по кругу, возводилась крыша. Для этого в центре жилища по четырехугольнику (50–80 см) вкапывались четыре столба-подпорки для крыши, скреплявшиеся сверху четырьмя поперечными перекладинами. На эти перекладины укладывали жерди, нижние концы которых крепили на стенах, а в центре кровли оставляли отверстие. Жерди покрывали камышом, хворостом, соломой, сверху засыпали землей. На отверстие в крыше помещали деревянный круг от юрты – *шанырак* и закрывали его войлоком, используя последний так же, как в юрте. Дверь делали из плетня, чиевой циновки или войлока. Очаг выкапывали в середине жилища. Окон не было. Крыша *шарбак уй* из одинарного плетня землей не засыпалась⁴¹.

Плетень использовался и в юрте – бедняки заменяли им недостающую решетку⁴². Вероятно, какой-то переходной формой между такой юртой и непереносным жилищем являлась сфотографированная Ф.А. Фиельструпом в 1927 г. в Баян-Аульском районе Павлодарского уезда "*шарбак уй* – плетеная кибитка, покрытая одним *турдуком*". Она состояла из нескольких плетеных "решеток", однако прутья, формирующие остов жилища и основу плетения, вкопаны в землю (рис. 2). *Шарбак уй* напоминает зимнее жилище сырдарьинских казахов *кана*, описанное А.Н. Жилиной по воспоминаниям информаторов: "*Кана* в плане были круглые. Сначала на месте их установки тщательно утрамбовывали землю, затем по кругу вбивали гибкие колья, которые сверху стягивали и прикрепляли к *шаныраку* (приспособление для потолка в юрте). Стенки и крышу этого жилища делали из циновки, сплетенных из особого сорта горного камыша – *ыспа*"⁴³.

Шошала из дерна (в Омском уезде упоминается для нее и термин *омака*⁴⁴), по

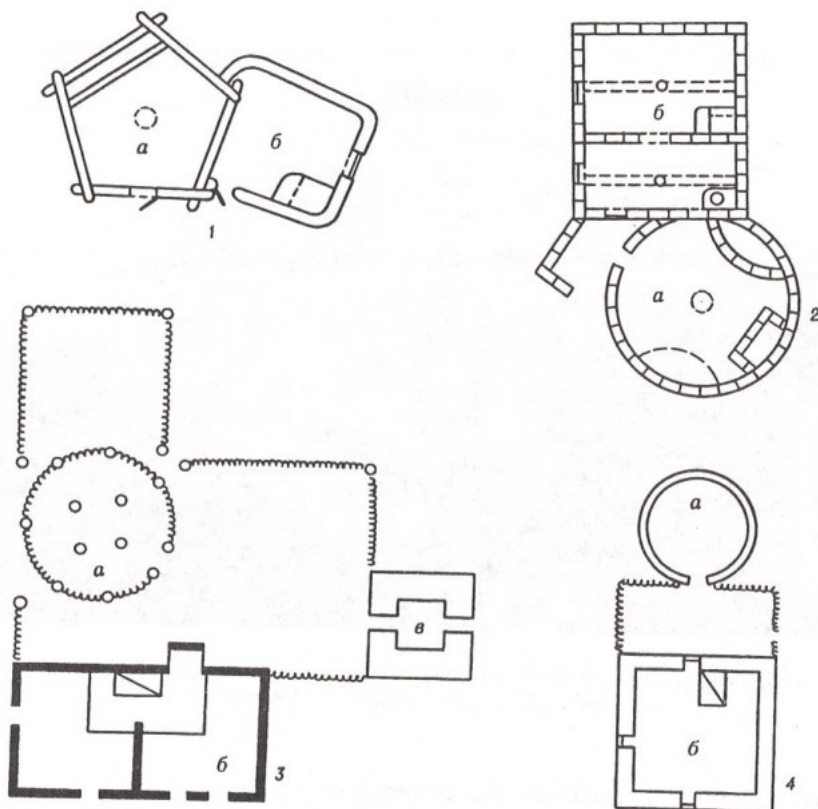

Рис. 1. Планы юртообразного и четырехугольного жилища казахов:

1. а – шошала из бревен (*дукен*); б – дом из плетня (по: Казаки. С. 35);
2. а – шошала из самана; б – дом из самана (по: Казаки. С. 44);
3. а – шошала из плетня; б – дом из бревен; в – помещение для скота из дерна (по: Шнэ В. Зимовки);
4. а – шошала из дерна; б – дом из дерна (по: Материалы по киргизскому землепользованию. Т. XI)

описанию В. Шнэ, строилась так: стены возводились правильным кругом на два аршина; выше они склонялись внутрь, образуя тупой конус. Сверху на отверстие помещали *шанырак*, прикрываемый войлоком. О столбах-подпорках для крыши В. Шнэ не упоминает. Судя по плану саманной *шошала*, опубликованному С.И. Руденко, она тоже не имела столбов, поддерживающих крышу. Очевидно, что при возведении кровли из саманных, сырцовых кирпичей или пластов дерна столбы для поддержания крыши не были нужны. Однако на саманных или дерновых стенах крыша могла устраиваться из жердей так, как это описано выше для плетневых жилищ, и тогда такая кровля поддерживалась столбами⁴⁵. Ф.А. Фиельструп встречал дерновые, саманные и каменные *шошала* квадратные в плане⁴⁶.

Бревенчатые юртообразные постройки (в Северном Казахстане восьмиуголь-

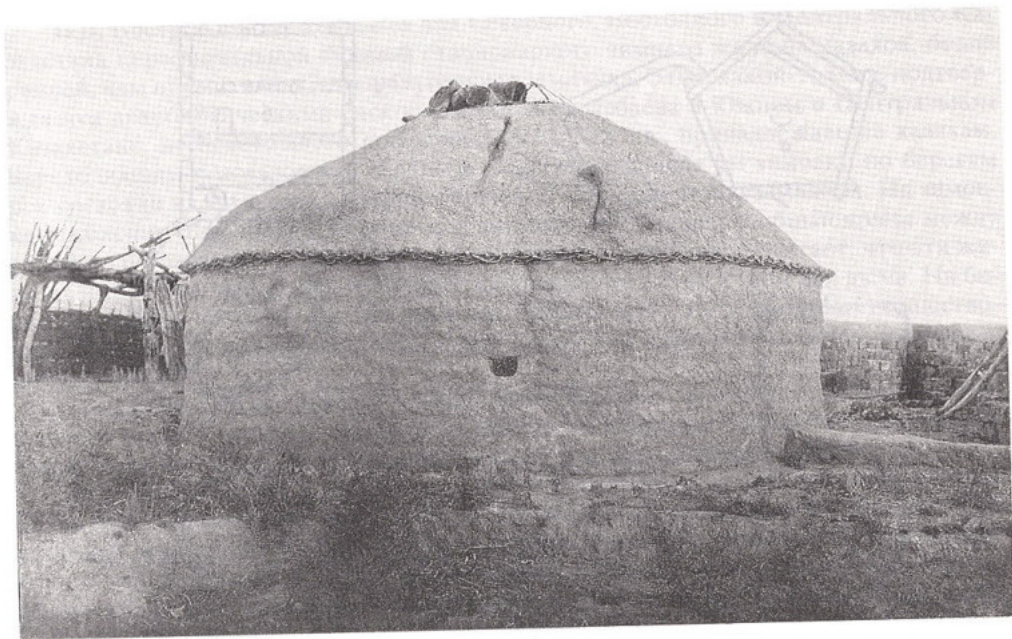

Рис. 2. Шошала из саманного кирпича. Баянаульский р-н, Павлодарский уезд, Семипалатинская губ. 1927 г. (по: Архив Ф.А. Фиельструп)

ные, в восточном – пятиугольные) рубились в угол. Стены имели в высоту шесть-семь бревен (1,2 м). Крыша представляла собой пирамиду из горизонтально положенных бревен и имела вверху отверстие, прикрываемое *шаныраком*. Ее поверх бревенчатой кладки покрывали ветками и дерном⁴⁷.

Наиболее распространенными в северо-восточных районах Казахстана были плетневые и дерновые *шошала*. Плетневые *шарбак уй* строились казахами по всему Прииртышью – от Зайсана до Омска. Дерновые круглые постройки упоминаются в Семипалатинской области, в Омском уезде, но, вероятно, они строились и в других местах, особенно беднейшей частью населения. *Шошала* из самана встречались в восточном Казахстане, в прииртышских его районах, хотя чаще там возводили плетневые *шарбак уй*. В Семипалатинской области употребляли для строительства и дикий камень. *Шошала* из бревен, как уже упоминалось, строили в северных районах Казахстана и в восточных – на Алтае, в районах, где росли леса.

Шошала в качестве жилища бытовала еще в 70-х годах XIX в. В материалах экспедиций Ф.А. Щербины по Усть-Каменогорскому уезду упоминается о споре в те годы между двумя группами казахов за земельный участок. Местная администрация приказала одной из групп уходить, “а на место их *кочкорбак*... строиться киргизам (казахам. – Авт.) Майтерекской волости”. *Кочкорбак*, поясняет автор, – это “плетневые или рубленые постройки в форме юрты”⁴⁸.

В конце XIX – начале XX в. *шошала* из зимнего жилища казахов почти повсеместно превратилась в подсобное хозяйственное помещение. Это зафиксировано и

Таблица 4

**Распространение *шошала* в северо-восточных районах Казахстана
на рубеже XIX–XX вв.***

Уезд	Количество		% хоз-в, имеющих <i>шошала</i>
	обследованных хоз-в	<i>шошала</i>	
Омский	13	11	84,6
Павлодарский	32	7	21,9
Семипалатинский	19	16	84,2
Усть-Каменогорский	19	13	68,4
Зайсанский	29	18	62,1

* Рассчитано по: Свод материалов по киргизскому землепользованию. Т. XIII, вып. 1: Таблицы бюджетов. С. 94–184.

в похозяйственном обследовании. В таблицах бюджетов “среднетипичных” хозяйств присутствует графа “*Чочала* (кухни и кладовые)”. Судя по этим данным, *шошала* бытовала повсеместно в прииртышских уездах (табл. 4).

В прииртышских районах Восточного Казахстана в первой трети XX в. плетневые *шошала* служили холодными нежилыми помещениями для приготовления пищи и хранения продуктов. Внутри такой постройки слева от двери устраивали закрома, плетневые или из саманного кирпича. В летнее время в *шарбак уй* принимали пищу. В этих же районах *шошала* из одинарного плетня служили летним жилищем батраков и мелких ремесленников, живущих семьями в русских поселках. С.И. Руденко встречал такие постройки в качестве летнего жилья бедняков, которые устраивали *шарбак уй* в 2–3 км от своих зимних жилищ и проводили в них все лето⁴⁹. В Семипалатинском уезде в конце XIX – начале XX в. *шошала*, кроме кухни и кладовой, в зимнее время служила ночлегом для батраков бая⁵⁰. В то время в качестве кладовых, холодных помещений, кухонь или жилья батраков использовали дерновые *шошала* также на севере Казахстана⁵¹.

Бревенчатые *шошала* на Алтае, появившиеся у казахов в конце XIX в. (позже, чем четырехугольные избы⁵²), служили им зимним жилищем. Внутренний вид *шошала*, используемой как основное жилье, сохранялся таким же, как в юрте. К 20-м годам XX в. бревенчатый *дукен* полностью уступил место зимнего жилья четырехугольным постройкам, оставшись летним жилищем или хозяйственным помещением⁵³.

В качестве хозяйственного помещения *шошала* строилась вплотную к зимнему жилищу хозяев или во дворе усадьбы (см. рис.1). В качестве летнего жилья она, как мы видели, выносилась за 2–3 км от основного жилья, как это обычно делают с юртой оседающие кочевники.

Второй подтип стационарного казахского дома (прямоугольного) представлен землянками, полуземлянками и наземными жилищами. Подробных описаний землянок казахского населения северо-восточных районов Казахстана мы не имеем, хотя упоминания о них в литературе есть⁵⁴. Вероятно, будучи крайне примитивными (они представляли собой “какие-то норы, почти скрытые в земле”⁵⁵), эти жили-

Рис. 3, 4. Полуземлянки. Омский уезд (по: Гос. музей Омской обл. Фото 1925–1930 гг. ОМК-1065)

ща сравнительно быстро уступили место полуземлянкам и наземным жилищам. Если они и продолжали существовать, то лишь в исключительных случаях, как временное (до постройки лучшего) жилье беднейшей части населения. Г.Е. Катанаев, проезжая в конце XIX в. по Прииртышью, отмечал в своих записных книжках: “В настоящую зиму все окрестности Семипалатинска усеяны были нищими киргизами (казахами. – *Авт.*), вырывшими в земле норы для жилья. Душная атмосфера и нависшая с весной оттепель унесла их массу в могилу”⁵⁶.

Полуземлянки, служившие жилищем беднейшему казахскому населению до 30-х годов XX в., в зажиточных семьях использовались как хозяйственные помещения. Ранние примитивные полуземлянки, очевидно, мало чем отличались от полностью подземных жилищ. Они возвышались над землей на 1–1,5 м, имели вход через крышу; дымовое отверстие служило и источником света⁵⁷. Подобные черты при-

митивной полуземлянки находим в постройках для мелкого скота у казахов степных местностей северных районов Казахстана. Это низкое наземное помещение, без окон, но с дверью; оно имело отверстие в середине крыши для света и воздуха, туда же задавали корм⁵⁸. Н.Н. Харузин считал, что такой тип дома в свое время был “общеупотребительным земляным и глиняным зимним жилищем, распространенным у полукочевников в безлесных местностях”⁵⁹. Такой вывод вполне правомерен. Как известно, у северо-восточных казахов постройки для скота появились раньше, чем зимние жилища. Естественно поэтому, что конструкции, строительная техника и материалы, используемые для строительства хозяйственных помещений, стали применяться и при возведении жилья для людей. В связи с этим представляет интерес описание А.И. Левшиным полуземлянки для скота: “...иные копают землянки и вынимаемую из оных землю так складывают около краев выкопанного пространства, что она составляет вал; потом посреди ямы ставят колья одинаковой с валом высоты, кладут между ними тонкие жерди или хворост и покрывают сверху камышом. Таким образом составляется погреб или, лучше сказать, сарай, который, имея стены земляные и толстую камышовую крышу, может спасти стада от всяких непогод”⁶⁰.

Более поздний тип полуземлянок, зафиксированных в 1925–1930 гг. в Омском уезде, представлен на двух фотографиях из Государственного музея Омской области⁶¹ (рис. 3, 4). Двери и окна уже были проделаны в стене дома. Одна из полуземлянок – однокамерное дерновое прямоугольное сооружение с округло-двухскатной крышей, толстыми стенами. Она, вероятно, топилась по-черному, так как трубы на крыше нет. Более совершенный тип полуземлянки – это прямоугольное, очевидно, двухкамерное сооружение с плоско-двухскатной крышей из жердей, засыпанных землей, заглублено на 0,7–1 м. Полуземлянка отапливалась печью с дымоходом-трубой. Судя по конфигурации крыши, в обеих полуземлянках посередине помещения параллельно длинной стене были вкопаны столбы, поддерживающие балку, на которой покоилась крыша.

Внутри помещения вкапывали (иногда устанавливали в гнезда лежащей на полу балки) 2–3 столба, на которых покоилась матка, поддерживающая крышу. Матка находилась либо на уровне высоты стен (и тогда крыша была плоской), либо чуть выше – на 6–12 вершков (плоско-двухскатная крыша). Крыша возводилась из положенных на стены и матку толстых жердей или бревен, сверху набрасывали хворост и насыпали землю или настиляли дерн. Иногда поверх хвороста клали кирпич-сырец и все это обмазывали глиной⁶². Крыша обычно служила и потолком, хотя в зажиточных семьях иногда делали потолок из досок⁶³.

Пол в таком жилище был глинобитным, но чаще оставался земляным; его иногда покрывали сеном, соломой или кошками. По сведениям из Омского уезда, земляной пол возвышался над уровнем земли на 26–35 см⁶⁴. Настиляли и деревянный пол, особенно в домах зажиточных казахов. В. Шнэ описывает дерновое жилище, в котором дощатый пол был настелен только в одной половине дома, дальней от входа, на высоте 17 см от земли. В ближней к дверям половине пол оставался земляным. Он отмечает, что в бревенчатых домах настилка досок производилась по всему полу⁶⁵. В бревенчатых избах казахов Алтая дощатый пол настиляли в 60–70 см над землей⁶⁶.

Небольшие окна могли находиться в любой из стен дома – хозяева стремились, чтобы они выходили на солнечную сторону. Окна не открывались. У бедных они были с одной рамой, затягивались брюшиной или пузырем, у богатых – застекле-

ны, иногда с двумя рамами и ставнями. Двери – узкие и низкие (0,6 × 1,7 м, с косяком) – проделывались в середине или ближе к краю той стены, которая выходила во двор, так как вход в дом был со двора.

Печь, сменившая примитивный очаг, располагавшийся в центре жилища, устанавливалась теперь в правом или левом, ближнем к двери, углу дома⁶⁷. По наблюдениям В. Шнэ, ее строили не на полу, а на специальном бревенчатом “окладе”, немного выше пола. Так как к этому времени у казахов не было традиции кладки печей, то и формы их были самыми разными. С.И. Руденко сообщает, что ему “не удалось подметить установившегося и общераспространенного типа печи. Встречаются печи, сложенные на манер русских, имеется ряд каминов и комбинированные формы”⁶⁸. Судя по имеющимся источникам, чаще других устанавливалась печь (с теми или иными вариантами), описанная В. Шнэ: “...печь составляют два отделения, с двумя отдельными трубами, которые, однако, сходятся у потолка, и двумя топками. В одном отделении, похожем на русскую лежанку, греется большой котел, замуравленный над топкой, а другое отделение, сложенное в виде пирамиды, по внутреннему устройству представляет подобие русской печи: в нем топят сало, молоко, жарят баурсаки”. Этот же автор отмечал, что в северных лесных районах Казахстана ставили печи, которые приближались устройством к русской печи или “так называемой голландской, какие встречаются в наших деревнях”, и что такие печи были менее приспособлены к варке пищи⁶⁹.

На Алтае и Бухтарме ставили глинобитные печи. На севере, в степных районах Петропавловского уезда В. Шнэ видел печи лишь из сырцового кирпича⁷⁰. Высота их в комнатах почти достигала потолка. Если в кухне устанавливали отдельную печь, то ее делали меньших размеров – около полуметра высотой. В Восточном Казахстане в крыше кухни над печью проделывали круглое отверстие для выхода дыма⁷¹.

Печь сыграла довольно значительную роль в развитии планировки казахского стационарного дома. По мнению В.В. Вострова, именно появившаяся в Северо-Восточном Казахстане стенка-обогреватель с печью, устанавливающаяся перпендикулярно боковой стене, поделила жилище казаха на две части, постепенно превратив его в двухкамерный дом⁷². Таким образом, одно отделение печи обогревало комнату, а другое, с вмазанными казанами, выходило на кухню. Однако, судя по планам зимовок, существовали двухкамерные и многокамерные дома с отдельными печами в каждой комнате⁷³.

По сведениям Ф.А. Фиельструп, печь с дымоходом, разделяющая помещение на две комнаты, назывались *бёльмё*, печь, на которую ставили котел, – *казандык*⁷⁴.

В конце XIX в. в районах с оседлым населением (например, на Бельагаче) летом пользовались печами, сложенными вне дома. Такая печь могла быть одна на весь аул. На Бельагаче она называлась *казанас*⁷⁵. Естественно, что иметь такую печь было целесообразно только при отсутствии перекочевков. В 1980-е годы в аулах Прииртышья многие семьи имели летние печи недалеко от дома (рис. 5). В Семипалатинской области их ставили даже на джайлау чабанов.

Размеры дома, количество комнат в нем зависели от зажиточности хозяев. Так, Н. Коншин, путешествовавший по Усть-Каменогорскому уезду в 1898 г., описал однокамерное жилище бедняка и дом из трех комнат богача Д. Исупова⁷⁶. В обследовании, проведенном в 20-е годы в Омском уезде, отмечалось: “Маленькая, сырая, темная землянка, сложенная из пластов, в одну, редко две комнаты – тип жилища бедняка... Жилище середняка несколько лучше. Здесь обычно та же землянка, но

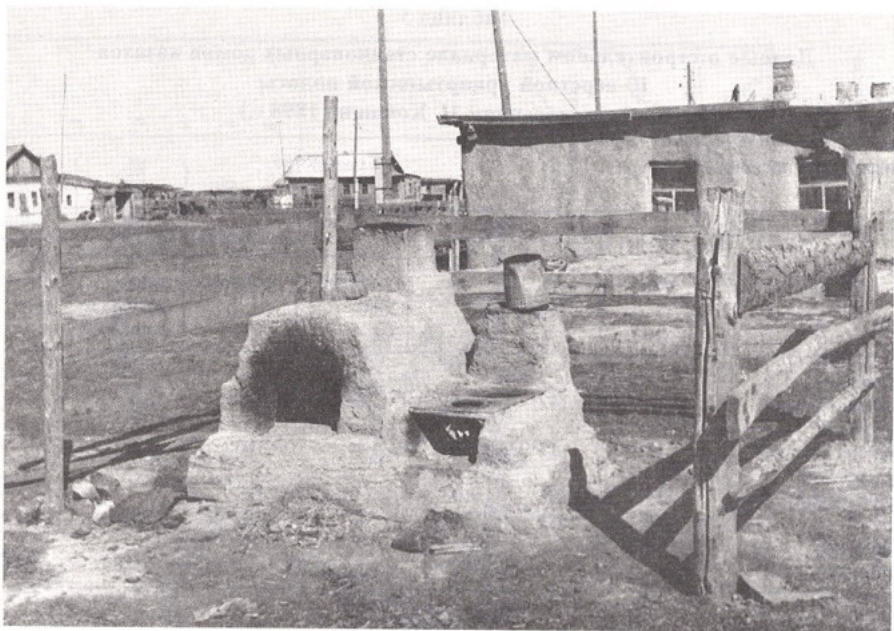

Рис. 5. Летняя печь, сложенная вне дома. Совхоз "Знаменский", Жанасемейский р-н, Семипалатинская обл. 1980 г.

уже в 2–3 комнаты с потолком нередко из досок, тот же земляной пол, но чаще покрытый кошмой. Зажиточные и богачи нередко имеют саманные, литые и даже деревянные избы. Но и здесь чаще землянка лишь с значительно лучшим ее устройством: 3–5 комнат, обычно деревянные пол и потолок, окна с рамами и даже ставнями”⁷⁷.

Однокамерные жилища строились квадратными (2,5 × 2,5 м; 5 × 5 м) и прямоугольными (6 × 5 м; 5,5 × 7,5 м). Стены казахских домов были невысокими – по обследованию Н.А. Трофимук, от 1,9 до 2,4 м, толщина дерновых стен значительна: 0,7–1,4 м, бревенчатых – 18–20 см, сырцовых – 50–53 см⁷⁸.

Наземные прямоугольные дома строились из тех же материалов, что и *шошала* – из дерна, саманного кирпича, дикого камня, связанного глиной, бревен, двухрядного плетня с промежутком, засыпанным землей, навозом и т.п. Стены из камня и плетня обмазывались изнутри глиной и иногда белились⁷⁹. Дома из дерна (землянушки) клались из пластов, вырезанных лемехом из земли, и иногда обмазывались глиной⁸⁰. Даже в одном ауле можно было встретить различные по материалу дома. Так, например, в 1899 г. в ауле Джерлгамыса, расположенном в Семипалатинском уезде, близ пос. Пьяноярского, 15 хозяйств имели 5 деревянных, 1 плетневое, 9 дерновых домов; расположенные там же 12 хозяйств аула Хамидуллы Абжелилиева – 6 деревянных, 4 глинобитных и 1 плетневую зимовку, 23 хозяйства аула Оспана Копина – 5 деревянных, 2 дерновых и 16 сырцовых жилищ⁸¹ (табл. 5).

К сожалению, в поаульных и пообщинных материалах, собранных экспедици-

Таблица 5

**Данные о строительном материале стационарных домов казахов
10-верстной прииртышской полосы
(по исследованиям Н. Коншина 1898 г.)**

Наименование поселка, уезд	Количество						
	аулов	хоз-в	домов	оседлых жилищ			
				деревян- ных	дерновых	глино- битных и сырцовых	плетне- вых
Пьяноярский (Семипалатинский)	16	142	141	27	79	32	3
Семиярский (Семипалатинский)	13	111	110	4	103	3	—
Григорьевский (Павлодарский)	15	106	103	—	103	—	—
<i>Всего</i>	44	359	354	31	285	35	3
Процентное соотношение	—	—	100	8,75	80,51	9,89	0,85

Таблица 6

**Количество деревянных домов у казахов северо-восточных районов Казахстана
в конце XIX — начале XX в.***

Уезд	Год обследо- вания	Количество домов	Количество дере- вянных домов	% деревянных домов
Омский	1901	5 168	52	1,2
Павлодарский	1897	24 027	964	4,0
Семипалатинский	1900	21 028	6775	32,2
Усть-Каменогорский	1900	19 728	4064	20,6
Зайсанский	1899	15 766	1608	11,4

* Рассчитано по: Материалы по киргизскому землепользованию... Т. XI. Омский уезд. С. 142—143; Т. IV. Павлодарский уезд. С. 324—325; Т. X. Семипалатинский уезд. С. 442—443; Т. IX. Усть-Каменогорский уезд. С. 290—291; Т. VIII. Зайсанский уезд. С. 378—379.

ей под руководством Ф.А. Щербины на рубеже XIX и XX вв., наличие стационарных жилищ у казахов отмечено только двумя графами: “Деревянные жилые постройки” и “Сырцовые, дерновые, каменные жилые постройки” (или “Землянки”). Весь этот массовый материал позволяет выделить степень и районы строительства лишь бревенчатых домов (табл. 6).

Самый низкий процент деревянных домов был в Омском уезде. В Павлодарском уезде их процент был значителен лишь в правобережных районах (до 84%). В Семипалатинском уезде массовое строительство деревянных жилищ у казахов также отмечалось в районах, находящихся на правом берегу Иртыша и на территории десятиверстной полосы, а также на землях русских крестьян, разбросанных по уезду (от 57 до 97%). В Усть-Каменогорском уезде районы с преобладанием бревенча-

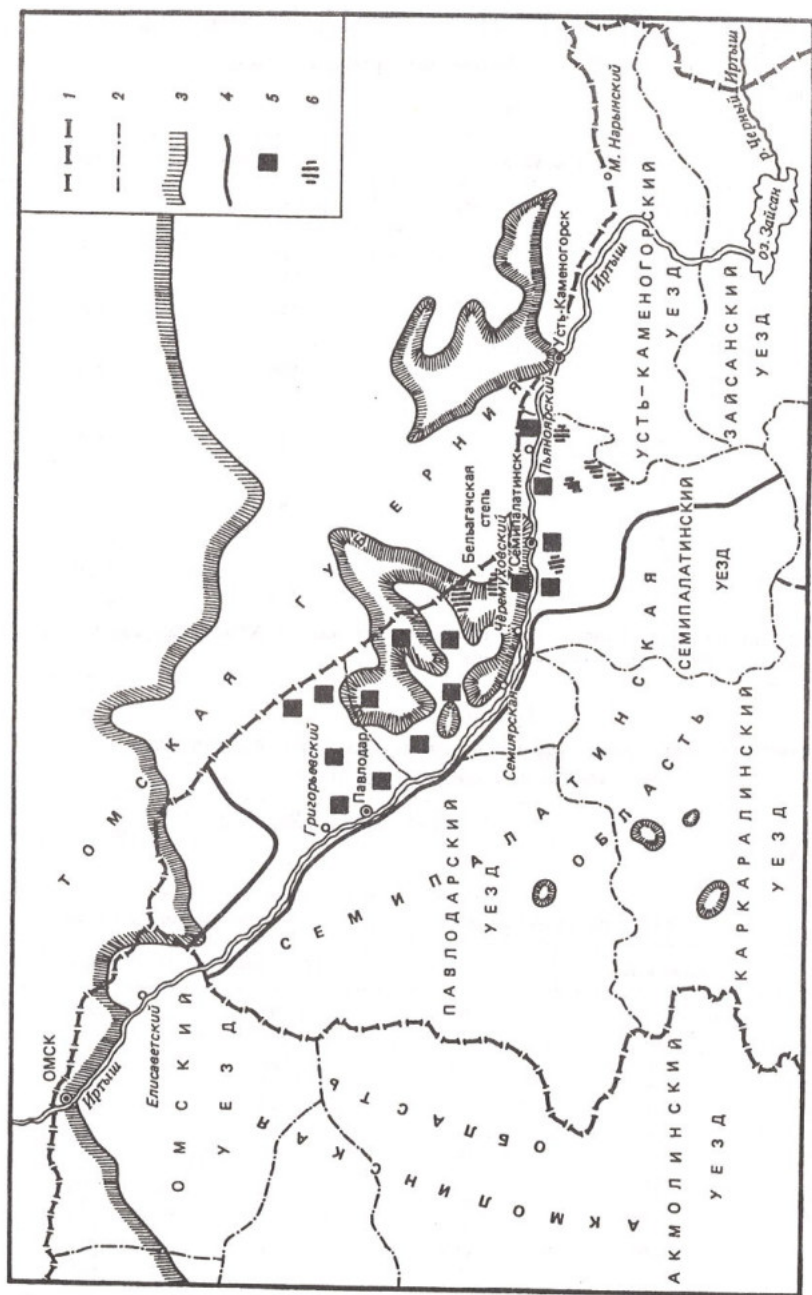

Рис. 6. Карта распространения деревянных домов в Северо-Восточном Казахстане в конце XIX — начале XX в.

1 — границы губерний; 2 — границы уездов; 3 — границы лесов и лесостепей; 4 — границы районов с большим процентом хозяйств, занимавшихся земледелием; 5 — дома из дерева; 6 — районы расселения русских

Таблица 7

Количество деревянных домов в хозяйствах Омского и Павлодарского уездов*

Группа хозяйств по количеству в них лошадей	Количество деревянных домов			
	в Омском уезде		в Павлодарском уезде	
	абсолютное	в %	абсолютное	в %
Без лошадей	—	—	18	2,3
Одна лошадь	—	—	119	3,3
2-3	—	—	240	2,8
4-5	4	0,4	106	2,3
6-7	3	0,5		
8-10	1	0,1		
11-15	3	0,4	172	4,4
16-25	6	0,9		
26-35	9	3,0	88	6,9
36-50	8	3,7		
51-100	10	4,7	79	12,7
Свыше 100	19	12,1	141	25,2

*Рассчитано по: Материалы по киргизскому землепользованию... Т. XI. Омский уезд. С. 142-143. Табл. В.; Т. IV. Павлодарский уезд. С. 340-341. Табл. В.

Таблица 8

Количество деревянных домов в хозяйствах Семипалатинского и Усть-Каменогорского уездов*

Группа хозяйств по количеству в них лошадей	Количество деревянных домов			
	в Семипалатинском уезде		в Усть-Каменогорском уезде	
	абсолютное	в %	абсолютное	в %
Без лошадей	240	19,0	50	6,9
Одна лошадь	1716	25,7	421	8,4
2-3	2166	37,6	1189	19,8
4-5	835	37,8	744	27,8
6-7	406	38,1	450	30,9
8-10	450	38,1	407	32,1
11-15	344	37,9	284	28,3
16-25	255	33,1	231	31,2
26-35	108	30,2	87	30,5
36-50	92	33,8	79	42,2
51-100	88	33,3	59	29,4
Свыше 100	72	32,0	63	41,7

*Рассчитано по: Материалы по киргизскому землепользованию... Т. XI. Усть-Каменогорский уезд. С. 290-291. Табл. В.; Т. X. Семипалатинский уезд. С. 22. Табл. В.

Таблица 9

**Количество деревянных домов в хозяйствах с посевами и без посевов
Семипалатинского уезда***

Группа хозяйств по количеству в них лошадей	Количество деревянных домов у хозяйств			
	с посевами		без посевов	
	абсолютное	в %	абсолютное	в %
Без лошадей	78	25,1	162	16,8
Одна лошадь	1002	31,0	714	20,8
2-3	1609	48,1	557	23,1
4-5	630	49,5	205	27,9
6-7	300	52,9	106	21,3
8-10	355	54,8	95	17,9
11-15	272	57,6	72	16,5
16-25	203	53,6	52	13,3
26-35	78	49,4	30	15,0
35-50	65	47,8	27	19,9
51-100	64	48,9	24	18,0
Свыше 100	49	57,6	23	16,4
<i>Итого</i>	4705	43,9	2067	20,2

*Рассчитано по: Материалы по киргизскому землепользованию... Т. Х. Семипалатинский уезд. С. 22. Табл. В.

тых домов располагались по левому берегу Нарына и по обоим берегам среднего течения р. Курчум. На левобережье Иртыша (от Усть-Каменогорска до пос. Чистоярского) их также было довольно много – 44,8% от общего числа домов; далее вверх по Иртышу, от пос. Чистоярского до впадения в Иртыш р. Буконь, – до 12,6%⁸².

Отметим, что все районы распространения деревянных домов находились в лесистых местностях или соседствовали с ними (рис. 6).

Помимо географического, рассмотрим влияние социального и хозяйственного факторов на выбор дерева в качестве строительного материала. В уездах с незначительным количеством деревянных жилищ – Омском и Павлодарском – процент бревенчатых домов увеличивался по мере роста материальной обеспеченности групп населения. То же происходило в Семипалатинском и Усть-Каменогорском уездах: процент их равномерно возрастал до группы с 8–10 лошадьми на одно хозяйство включительно, а затем несколько колебался, оставаясь все же на высоком уровне (табл. 7, 8).

Постройка бревенчатых домов обходилась дороже. По замечанию Н.И. Красовского, так как “поставить хорошую русскую избу не для всякого киргиза (казаха. – *Авт.*) одинаково легко, т.е. дешево, то и в северной половине степи, даже в таких лесных чащах, как еремантауские, больше землянок (домов из дерна. – *Авт.*), нежели деревянных домов”⁸³. Для сравнения приведем конкретные цены казахских домов в Семипалатинском уезде на 1900 г.: изба из сырцового кирпича 6,4 × 3,6 м высотой 2,1 м стоила 23 руб. 50 коп., изба из сосновых бревен – 40 руб.⁸⁴

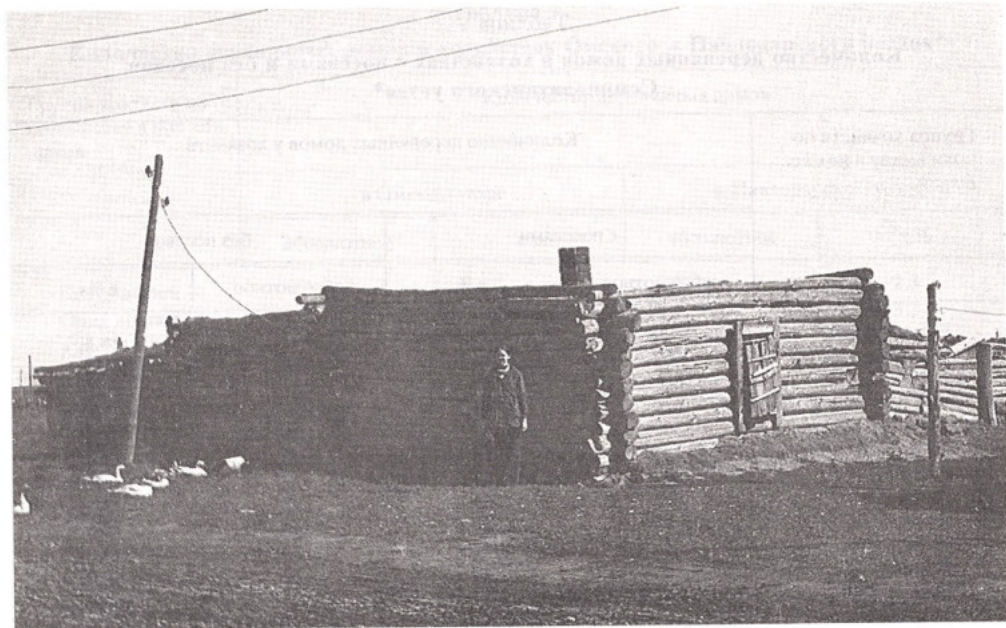

Рис. 7. Строящийся деревянный дом. Аул Казы-Кудук, Бородулихинский р-н, Семипалатинская обл. 1978 г.

Некоторое снижение процента деревянных жилищ в группах с большим количеством скота, явно скотоводческих (табл. 8), позволяет предположить, что выбор этого строительного материала определялся хозяйственными занятиями населения. Данные, указывающие на такую зависимость, есть только по Семипалатинскому уезду (табл. 9). Эти сведения красноречиво свидетельствуют о стремлении казахов, занимавшихся земледелием, строить себе деревянные дома. Их процент у хозяйств с посевами в два с лишним раза выше, чем у беспосевных. У самой богатой группы скотоводческих хозяйств столько же в процентном отношении бревенчатых жилищ, сколько у самой бедной. Видимо, у скотоводческого населения выбор дерева в качестве строительного материала для жилищ не зависел от зажиточности хозяйства и возведение деревянных домов происходило по случайным причинам.

Малый процент бревенчатых домов в Омском и Павлодарском уездах, наиболее скотоводческих в Прииртышье, в какой-то мере объясняется хозяйственным фактором, тем более что в Омском уезде не было недостатка в подобном строительном материале⁸⁵. В Павлодарском уезде распространение деревянных домов осуществлялось преимущественно там, где казахское население занималось хлебопашеством. А в Семипалатинском уезде, даже в его беслесных местностях, оседлые казахи покупали лес в русских деревнях за 30 км для того, чтобы построить себе бревенчатый дом⁸⁶.

Чем же можно объяснить связь между занятием земледелием и строительством домов из дерева? Развитие земледелия во второй половине XIX – начале XX в. у ка-

захов Прииртышья было связано с переходом к новому, оседлому образу жизни. Известно, что юрта кочевника и полукочевника стояла в несколько раз дороже его стационарного дома⁸⁷. Именно ее он считал своим главным жилищем, рассматривая зимние постройки как временные, вынужденные, на которые не стоило затрачивать много средств и труда. У казаха-земледельца, несмотря на сохранившуюся до наших дней привязанность к юрте, постепенно менялось отношение к своему оседлому дому, появлялось стремление сделать его теплее, прочнее, чище, хотя и дороже; дерево более других материалов отвечало этим требованиям⁸⁸ (рис. 7).

Нельзя игнорировать и влияние русского домостроительства, которое оказывалось тем сильнее, чем более было сходства в занятиях населения. Некоторые наблюдатели того времени прямо указывают: "С принятием русского подданства, когда здесь появились русские дома, киргизы (казахи. — *Авт.*) начали и себе делать деревянные избы, а где леса не было — из сырца"⁸⁹.

Об этом же свидетельствует и то, что в районах распространения деревянных домов находились поселки русских крестьян. Однако этнический фактор действовал только при существовании других условий, и в первую очередь наличия земледелия в хозяйстве казахского населения и перехода его к оседлости. В Омском уезде, где русское население было особенно многочисленным (см. табл. 1), процент деревянных домов был наименьшим в Прииртышье.

Рассмотрим другие строительные материалы. Плетневые постройки здесь были распространены незначительно. Статистические данные о них имеются только по Усть-Каменогорскому уезду: в 1900 г. в этом уезде у казахов было 205 плетневых домов (1% всех стационарных жилищ). Они располагались в междуречье Иртыша и Курчума и по левому берегу последней реки, однако и здесь, в местах своей локализации, составляли не более 10%⁹⁰. С.И. Руденко встречал четырехугольные плетневые мазанки у казахов на Алтае и еще больше в бассейне Черного Иртыша "по долинам рек, где материала для плетневых построек сколько угодно"⁹¹.

Дома из дерна и сырцового кирпича были распространены повсеместно, и особенно там, где не было строевого леса.

Ф.А. Фиельструп считал, что первыми строителями саманных домов в Казахстане были сарты, которые стали возводить жилища из сырцового и саманного кирпича для казахов в городах (Баян-Ауле, Каркаралинске). Оттуда уже традиция строительства этих домов перешла в степь⁹². В безлесных горах (Семейтау, Кокон, некоторые районы Павлодарского уезда) строили дома из дикого камня, связанного глиной⁹³ (рис. 8).

Жилище переходного типа у казахов-полукочевников Северо-Восточного Казахстана появилось в конце XVIII—начале XIX в., когда основным его видом оставалась юрта. На протяжении всего XIX в. оно служило временным, сезонным зимним жилищем. Однако изменения в характере хозяйства и образе жизни казахов увеличивали и количество таких жилищ в регионе, и их значимость для казахского населения. К концу XIX в. зимники имели практически все казахские хозяйства Прииртышья. Применительно к некоторым районам (Бельгагачская степь) можно говорить о зимнике как о жилище оседлого типа — он стал здесь единственным жильем.

Дальнейшее упрочение оседлого образа жизни закономерно привело к замене сезонных, временных форм жилища оседлыми во всем Прииртышье. Этот процесс у основной массы населения исследуемого региона происходил уже после установления советской власти⁹⁴.

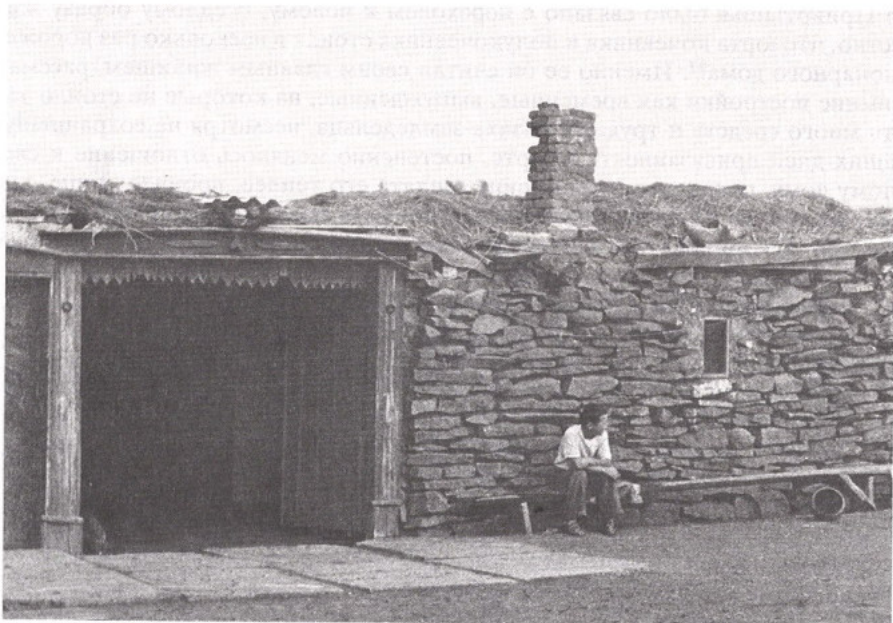

Рис. 8. Кладка стены из дикого камня. Пос. Щербаковка, Жанасемейский р-н, Семипалатинская обл. 1980 г.

Итак, в северо-восточных районах Казахстана бытовало два подтипа переходных жилищ. Первый – *шошала*, круглое или квадратное в плане, с конусообразной крышей. По конструкции *шошала* разделялась на два вида: со столбами, подпирающими крышу; без столбов. Применение той или другой конструкции зависело от материала крыши: первая из них использовалась для крыши из жердей, поставленных в форме конуса, вторая – для крыш из пластов дерна или бревен. Материал, из которого строили это жилище, позволяет зафиксировать несколько его вариантов: плетневое, дерновое, саманное, каменное, бревенчатое.

Второй подтип переходного типа жилища – прямоугольный дом. Он подразделяется на три варианта, генетически связанные между собой: подземные жилища, полужемлянки, наземные дома. Полужемлянки были двух видов: примитивные, вероятно, схожие полностью с подземными жилищами, они имели дымовое и световое отверстия, а также вход в крыше; полужемлянки – почти такие же, как наземные дома, с окнами и дверями в стенах дома. Их единственное отличие от последних – заглубление пола на 0,7–1 м. Такие полужемлянки и наземные дома по способу отопления можно разделить на жилища с дымоходом-трубой и без такового. Материал, из которого строили жилище (плетень, дерн, саман, камень, дерево), также дает возможность для выделения отдельных вариантов.

Особенности конструкции наземных прямоугольных домов прослеживаются слабо. Это обстоятельство связано, вероятно, не только с отсутствием у нас таких сведений, но и с существующим в действительности единообразием этих жилищ (по

всей территории Казахстана), которое отмечал В.В. Востров⁹⁵. Однотипность конструкции связана с примитивностью, неразвитостью форм, переходных к оседлому жилищу, у полукочевого населения и характерна и для туркменского, киргизского, каракалпакского, частично узбекского дома⁹⁶. Таким образом, Прииртышье не составляло в этом отношении исключения в обширном Среднеазиатско-Казахстанском регионе.

Существовали и особенности, присущие тому или иному конкретному жилищу. Разнообразие деталей, связанное с улучшением качества домов (многокамерность, настилка дощатого потолка и пола, размеры окон, отсутствие или наличие дымохода и т.п.), естественно, в первую очередь зависело от социально-имущественного статуса хозяйства, та или иная форма печи, вероятно, от прямых или опосредованных контактов с русским населением. Наибольшее количество вариантов дает строительный материал. Как мы попытались показать на примере деревянных домов, выбор материала для строительства определялся географическими условиями, зажиточностью семей, хозяйственными занятиями населения, его связями с другими народами.

¹ По этому вопросу см.: *Востров В.В.* К истории развития оседлого жилища у казахов // *Материалы к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана*. М.; Л., 1961. С. 180–181.

² Государственный архив Омской области; Архив Ф.А. Фиельструга, папка "Казахи", раздел "Жилища, постройки" (материалы экспедиций 1920-х годов) хранятся у Б.Х. Кармышевой. (Далее: Архив Ф.А. Фиельструга).

³ *Левшин А. [И.]* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 1–3.

⁴ *Красовский М. [Н.И.]* Область сибирских киргизов: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1868.

⁵ *Катанаев Г.Е.* Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке: К вопросу о культурном взаимодействии рас // *ЗЗСО*. Омск, 1893. Кн. XV, вып. 2.

⁶ *Коншин Н.* Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области // *Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г.* Семипалатинск, 1901. Вып. V; *Он же.* По Усть-Каменогорскому уезду: Путевые заметки // *Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г.* Семипалатинск, 1900. Вып. IV.

⁷ *Шнз В.* Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // *ЗЗСО*. Омск, 1894. Кн. XVII, вып. 1.

⁸ *Руденко С.И.* Очерк быта северо-восточных казаков // *Казаки: Сб. ст. антропол. отряда казакстан. экспедиции АН СССР: Исследование 1927 г.* Л., 1930; *Трофимук Н.А.* Санитарный очерк обследования водоснабжения, питания, жилища и одежды жителей Казакстана: Отчет обследований Семипалатинской губ. 1927 г. // Там же.

⁹ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область. Т. IV. Павлодарский уезд. Воронеж, 1903; Т. VIII. Зайсанский уезд. СПб., 1909; Т. IX. Усть-Каменогорский уезд. СПб., 1905; Т. X. Семипалатинский уезд. СПб., 1909; Акмолинская область. Т. XI. Омский уезд. Омск, 1902; Свод материалов по киргизскому землепользованию, собранных и разработанных экспедицией по исследованию степных областей. СПб., 1906. Т. XIII, вып. 1. Таблицы бюджетов по типическим хозяйствам киргизского населения Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей.

¹⁰ *Харузин Н. [Н.]* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народов России // *ЭО*. 1896. № 1; 1897. № 2/3.

¹¹ *Востров В.В.* К истории развития оседлого жилища у казахов.

¹² *Васильева Г.П., Махова Е.И.* Программа сбора материала по жилищу сельского населения Средней Азии и Казахстана для Историко-этнографического атласа // *Материалы к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана*. С. 127.

¹³ Степень оседлости возрастала по мере приближения к 10-верстной полосе казачьей укрепленной линии, тянувшейся вдоль Иртыша. Так, например, в Семипалатинском уезде кочевой путь у общин, живших близ Иртыша, был в 10 раз короче, чем у общин, удаленных от него. См.: Материалы по киргизскому землепользованию... Т. X. Семипалатинский уезд. Разд. "Пообщинные таблицы статистических сведений", графа "Кочевки". Прил. С. 176.

- ¹⁴ Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979. С. 6–7.
- ¹⁵ О казахской юрте см.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. Т. 18. Киргизский край. С. 205–208.
- ¹⁶ Симаков Г.Н. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX – начале XX в. // СЭ. 1982. № 4. С. 71; Кауфман А.К. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907. С. 7.
- ¹⁷ Россия... С. 206.
- ¹⁸ Красовский М.[Н.И.] Область сибирских киргизов. С. 223.
- ¹⁹ Материалы по киргизскому землепользованию... Т.Х. Семипалатинский уезд. Прил. С. 176.
- ²⁰ Там же. С. 185, 427.
- ²¹ Там же. Т. IV. Павлодарский уезд. С. 127.
- ²² Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области. СПб., 1913. Т. 1, вып. II. Павлодарский уезд. С. 190, 267; Конишин Н. Очерки экономического быта... С. 125, 127, 138.
- ²³ Конишин Н. Очерки экономического быта... С. 125.
- ²⁴ Материалы по киргизскому землепользованию... Т. IX. Усть-Каменогорский уезд. С. 12.
- ²⁵ Востров В.В. К истории развития... С. 182.
- ²⁶ Левишин А [И.] Описание киргиз-казахских... Ч. 3. С. 23, 195–196; Востров В.В. К истории развития... С. 183–187; Харузин Н.[Н.] История развития... С. 52; Материалы по киргизскому землепользованию... Т. IX. Усть-Каменогорский уезд. С. 70; Т. XI. Омский уезд. С. 29.
- ²⁷ Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976. С. 214–215, 219.
- ²⁸ Материалы по киргизскому землепользованию... Т. IV. Павлодарский уезд. С. 90.
- ²⁹ Там же. Т. XI. Омский уезд. С. 29.
- ³⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1927. Л. 235–235 об.
- ³¹ Красовский М. [Н.И.]. Область сибирских киргизов. Ч. 3. С. 223.
- ³² ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1927. Л. 231–232 об., 242 об.
- ³³ Конишин Н. Очерки экономического быта... С. 49–50.
- ³⁴ Красовский М. [Н.И.]. Область сибирских киргизов. Ч. 3. С. 221–223.
- ³⁵ Материалы по киргизскому землепользованию... Т. IX. Усть-Каменогорский уезд. С. 70.
- ³⁶ Типы традиционного сельского жилища... С. 191.
- ³⁷ Жолдасбаев С. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований южного и центрального Казахстана (XV–XIX вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 47–52; Он же. Материальная культура казахов XV–XVIII вв.: По археол. данным: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1975. С. 15–17.
- ³⁸ Материалы по киргизскому землепользованию... Т. IX. Усть-Каменогорский уезд. С. 70.
- ³⁹ Термин *шарбак уй* применялся, вероятно, не только для круглого, но и для четырехугольного жилища. См.: Руденко С.И. Очерк быта... С. 35.
- ⁴⁰ Востров В.В. К истории развития... С. 183–185; Шнэ В. Зимовки... С. 10–11; Материалы по киргизскому землепользованию... Т. IX. Усть-Каменогорский уезд. С. 70.
- ⁴¹ Востров В.В. К истории развития... С. 183–184; Шнэ В. Зимовки... С. 10–11; Руденко С.И. Очерк быта... С. 38–39; Материалы по киргизскому землепользованию... Т. IX. Усть-Каменогорский уезд. С. 70.
- ⁴² Архив Ф.А. Фиельструпа. Л. 6.
- ⁴³ Жилина А.Н. Отчет о работе Южно-казахстанского отряда Среднеазиатской экспедиции в 1980 г. // ТИЭ. С. 28.
- ⁴⁴ Материалы по киргизскому землепользованию... Т. XI. Омский уезд. С. 30.
- ⁴⁵ Шнэ В. Зимовки... С. 103; Руденко С.И. Очерк быта... С. 44. *Шошала* из самана, видимо, названа *дүкен*. Строительный материал стен такой же, как у рядом расположенного дома – *саман уй*. См.: Востров В.В. К истории развития... С. 185, рис. 16.
- ⁴⁶ Архив Ф.А. Фиельструпа. Л. 1, 3, 5, 6.
- ⁴⁷ Шнэ В. Зимовки... С. 10; Руденко С.И. Очерк быта... С. 34–37.
- ⁴⁸ Материалы по киргизскому землепользованию... Т. IX. Усть-Каменогорский уезд. С. 7.
- ⁴⁹ Руденко С.И. Очерк быта... С. 38–39.
- ⁵⁰ Свод материалов по киргизскому землепользованию... С. 310.
- ⁵¹ Шнэ В. Зимовки... С. 11; Материалы по киргизскому землепользованию... Т. XI. Омский уезд. С. 30.
- ⁵² Руденко С.И. Очерк быта... С. 34–35. Возможно, что казахи заимствовали его у алтайцев. См.: Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая: К проблеме формирования этнической группы; Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 10.

- 53 Руденко С.И. Очерк быта... С. 35; Востров В.В. К истории развития... С. 184.
- 54 Востров В.В. К истории развития... С. 183. Многие авторы пишут о землянках казахов, имея в виду наземное жилище, сделанное из пластов земли.
- 55 Материалы по киргизскому землепользованию... Т. XI. Омский уезд. С. 29.
- 56 ГАОО. Ф. 336. Оп. 1. Д. 433. Л. 64 об., 65.
- 57 Словоцов. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 г. // ЗСЗО. Омск, 1881. Кн. III. С. 13. Леваневский М.А. Очерки киргизских степей Эмбенского уезда // Землеведение. М., 1894. Кн. III. С. 51. Ср. с описанием землянки: Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. С. 404. (Народы мира).
- 58 Шнэ В. Зимовки... С. 4.
- 59 Харузин Н. [Н.] История развития жилища... С. 25.
- 60 Левишин А. [И.] Описание... С. 195–196.
- 61 ГМО. ОМК-1065.
- 62 Шнэ В. Зимовки. С. 2, 9; Руденко С.И. Очерк быта... С. 35–36; Коншин Н. По Усть-Каменогорскому уезду. С. 10; Трофимук Н.А. Санитарный очерк обследования... С. 214.
- 63 ГАОО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 831. Л. 32; Руденко С.И. Очерк быта... С. 35.
- 64 Материалы по киргизскому землепользованию... Т. XI. Омский уезд. С. 29.
- 65 Шнэ В. Зимовки... С. 2–3, 9.
- 66 Руденко С.И. Очерк быта... С. 36.
- 67 См. планы жилищ в работах В. Шнэ, С.И. Руденко, а также “Материалы по киргизскому землепользованию...” (Т. XI. Омский уезд).
- 68 Руденко С.И. Очерк быта... С. 40.
- 69 Шнэ В. Зимовки... С. 3, 9.
- 70 Руденко С.И. Очерк быта... С. 36. Трофимук Н.А. Санитарный очерк обследования... С. 219. Шнэ В. Зимовки быта... С. 3.
- 71 Трофимук Н.А. Санитарный очерк обследования... С. 212–213, 215, 216.
- 72 Востров В.В. К истории развития... С. 185–186.
- 73 Планы домов см.: Руденко С.И. Очерк быта... С. 44, рис. 40; Шнэ В. Зимовки...; Трофимук Н.А. Санитарный очерк обследования... С. 213, 214, 216, 217.
- 74 Архив Ф.А. Фиельструпа. Л. 2.
- 75 Материалы по киргизскому землепользованию... Т. X. Семипалатинский уезд. С. 195. Примеч.
- 76 Коншин Н. По Усть-Каменогорскому уезду. С. 10–11.
- 77 ГАОО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 831. Л. 32.
- 78 Шнэ В. Зимовки... С. 2, 9; Руденко С.И. Очерк быта... С. 35, рис. 29; С. 36, 38; Трофимук Н.А. Санитарный очерк обследования... С. 212–216; Материалы по киргизскому землепользованию... Т. XI. Омский уезд. План казахской зимовки.
- 79 Свод материалов по киргизскому землепользованию... С. 302, 306; Руденко С.И. Очерк быта... С. 35; Шнэ В. Зимовки... С. 3.
- 80 Полевые материалы автора 1978 г. Семипалатинская обл., Бородулихинский р-н., аул Кызыл-Кудук.
- 81 Коншин Н. Очерки экономического быта... С. 60, 66, 79, 164.
- 82 Материалы по киргизскому землепользованию... Т. IX. Усть-Каменогорский уезд. С. 236–271.
- 83 Красовский М. [Н.И.] Область сибирских киргизов. С. 224.
- 84 Свод материалов по киргизскому землепользованию... С. 307, 313.
- 85 Россия... С. 100–102.
- 86 Полевые материалы автора 1978 г. Семипалатинская обл., Бородулихинский р-н., аул Кызыл-Кудук.
- 87 Свод материалов по киргизскому землепользованию... С. 307, 313; Материалы по обследованию хозяйства и землепользования... Т. 1, вып. II; Павлодарский уезд. С. 293.
- 88 Трофимук Н.А. Санитарный очерк обследования... С. 211.
- 89 Материалы по киргизскому землепользованию... Т. IX. Усть-Каменогорский уезд. С. 70. Примечания.
- 90 Там же. С. 256.
- 91 Руденко С.И. Очерк быта... С. 35–38.
- 92 Архив Ф.А. Фиельструпа. Л. 6.
- 93 Материалы по обследованию хозяйства и землепользования... Т. 1, вып. II. Павлодарский уезд. С. 291; Полевые материалы автора 1980 г. Семипалатинская обл. Жанасемейский р-н, совхоз “Знаменский”.
- 94 Востров В.В. К истории развития... С. 190–194.
- 95 Там же. С. 183.
- 96 Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.) // Из истории жилища и семьи: Археол.-этногр. очерки. М., 1976. С. 200.

Сезонные жилища таджиков долины Сох в конце XIX – начале XX века

Изучение жилища дает чрезвычайно ценный и разнообразный материал для восстановления истории культуры народа¹. Работа посвящена историко-этнографическому исследованию сезонного жилища таджиков, расселившихся в Ферганской области Узбекистана в бассейне р. Сох, левого притока р. Сырдарьи, берущего начало на северных склонах Алайского хребта.

Сох – исторически сложившийся этнокультурный район Ферганской долины, который относится к числу древних очагов земледельческой цивилизации Средней Азии. Он был также одной из частей территории формирования таджикского народа и играл важную роль в историческом прошлом населения Ферганской долины. По данным археологии, уже в древности² и особенно в средневековье³ была освоена долина горной р. Сох: здесь существовали городские и сельские поселения, производилась добыча полезных ископаемых, имелись оригинальные традиционные традиции, великолепная школа обработки камня, орнаментальной резьбы по дереву и ганчу⁴.

Вместе с тем расположенный в сравнительно изолированной горной долине, Сохский оазис отличался даже в начале XX в. своеобразием культуры и быта, являлся заповедником многих старинных обычаев, анализ которых помогает раскрытию древнего этапа формирования культуры таджиков. Выявление этих особенностей развития жилища и учет их могут оказать большую практическую помощь в деле проектирования и строительства современного сельского жилища у разных народов нашей страны.

Исследования жилища населения Сохского оазиса осуществлялись автором во время работы в составе Северо-Ферганской этнографической экспедиции Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР в 1980–1983 гг., в период проведения этнографической практики студентов исторического отделения бывшего Ленинабадского государственного педагогического института им. С.М. Кирова.

Среди имеющихся публикаций нет специальных работ, посвященных интересующей нас теме, хотя упоминания о сезонных жилищах имеются в некоторых этнографических трудах по народному жилищу Средней Азии⁵.

Своеобразие климатических и почвенных условий района, хозяйственной деятельности и этнических традиций народа послужило основанием для возникновения различных типов сезонного жилища населения Соха. В начале лета, когда проходили пахота и сев, поспевали ягоды шелковицы, все покидали кишлаки и переселялись в сад, на усадьбу или на летовки в горы (*лайлов*). Необходимость заставляла людей жить летом в поле, “стеречь посевы от истребления их скотом, так как

поля не были отгорожены, ибо, когда созревала, например, джугара, одна из пространственных зерновых культур, или ячмень и просо, приходилось от зари до зари отпугивать несметные стаи воробьев и другой птицы, иначе от урожая ничего бы не осталось”⁶.

Все сезонные жилища в Сохе можно разделить на постоянные и временные, переносные.

Постоянное летнее жилище-усадаба в сел. Сох называлось *хавли*, а летняя усадаба вне селения – *хайит* или *равот*. Поныне многие сады сохранили имя бывшего своего хозяина. Например, в окрестностях кишлака Сариканда нами зафиксированы усадабы *хайити* Гадой, *хайити* Сохибназарбой, *хайити* Сангин и т.д. Некоторые места около этого кишлака до сих пор называются *равот*. По возможности хозяин огораживал свой участок глинобитной стеной высотой в три-четыре слоя битой глины (*пахса*). Внутри сооружался летний садовый дом – *хонаи хайит*. Обычно это была круглая, овальная или прямоугольная в плане постройка со стенами, выложенными из высушенных комков глины на глиняном растворе. В Хушьяре стены делали из *пахсы*, укладывали толстые ветви, поперек – более мелкие, затем наносили толстый слой глиносаманной смазки. Для входа оставляли проем, однако оконного проема часто не делали⁷.

Одним из видов сезонных жилищ в Сохе была *каппа* (одно-двухкамерная прямоугольная постройка) с террасой (*айван*). Цоколь *каппы* делали из камня. Стены начинали возводить прямо на расчищенной, выровненной и слегка углубленной поверхности земли. Высота их обычно достигала 2,5–3 м; изнутри и снаружи они обмазывались глиной, смешанной с соломой. Приемы возведения стен и укладки плоской крыши – те же, что и в постоянных жилищах. Отличие от постоянного жилища – в более простом оформлении потолка, деталях и отсутствии *васы* (тонкие жерди, распиленные пополам, или дощечки, уложенные поперек основных балок потолочного перекрытия)⁸. Потолочные балки делали из арчи или тополя и укрепляли по ширине *каппы* (3–3,5 м). Столбов, поддерживающих балки в середине помещения, не ставили. Поверх балок вкось укладывались тонкие длинные жерди, затем – слой валежника, ветки кустарников, высохшие на корню травы, а сверху засыпали сырой глиной и потом землей. Весь этот толстый слой покрывали глиной, смешанной с соломой, тщательно выравнивали, чтобы крыша не потекла во время дождя. У низкой стены делали водосток. Все пять жарких месяцев сохцы ночью спали на плоской крыше *каппы*.

Полы были земляные, их утрамбовывали и застилали камышовыми циновками или соломой, поверх которых клали кошмы, шкуры или паласы. *Каппа* освещалась через небольшие световые проемы в стенах.

К помещению примыкала терраса. У сохцев она чаще всего служила кухней, где устанавливали камин, кроме того, на *айване* или рядом с ним также имелся очаг, на котором готовили пищу. В левобережных кишлаках Соха (условно мы их объединяем по названию крупного кишлака Хушьяр, а население называем хушьярцами⁹) и у соседних киргизов на очаге не только варили пищу, кипятили воду, молоко, но и пекли лепешки. На *айване каппы* обедали, отдыхали, укладывались на ночь спать. Земляной пол (*сурфа*) таких *айванов* делали несколько выше уровня земли и ориентировали их туда, откуда дует ветер. Рядом с *каппой*, в один ряд с ней, строили навес (*бастирма*), где устанавливали очаг для котла, а также печь для выпечки лепешек (*танур*)¹⁰, а рядом с жилищем – помещения для скота, курятник и другие хозяйственные постройки.

Каппа, как и *хонаи хайит*, имела глинобитную ограду, внутри которой находились, как отмечалось выше, кроме жилища и хозяйственных построек, сад, виноградники и посевы огородных и бахчевых культур. В одном из уголков сада устраивали квадратный водоем (*хавз*). Весь этот комплекс в Сохе назывался *калъча* или *равот*. Последние также бытовали в окрестностях Пенджикента, в частности в кишлаке Заврон. Укрепленные жилища типа сохских *каппа*-усадб являлись своеобразными крепостями, используемыми главным образом для укрытия самих жителей, их имущества и скота в то время, когда в крае действовали шайки воров и грабителей. В них находилось гораздо меньше бытового инвентаря, чем в домах, ибо они были в основном временным, а не постоянным местом обитания сохцев. Раньше эти жилища выполняли роль своеобразных общинно-родовых укреплений, где сохранились даже родовые кладбища (*дахма*)¹¹.

На богарных землях и садовых участках сооружались другие типы жилища, отличавшиеся от вышеописанных. Это усадьба (*совот*) с одно-двухкамерным жилищем типа *каппа* и с хозяйственными помещениями, обнесенная глинобитными или каменными стенами. Внутри расположены крытая конюшня (*охтахона*), хлев (*огал*) и загон для мелкого рогатого скота (*кура*, *кутан*); в углу такого двора сооружена постройка для жилья хозяина (*совот*). Внутри жилища или возле него размещали очаг и *танур*, их мужчины сами лепили из глины (в хушьярской группе кишлаков этим занимались женщины). Рядом с жильем устанавливали навес для сена. Во дворе сооружали квадратный водоем и небольшое возвышение (*сурфа*), сделанное из глины, на котором отдыхали, обедали и ночью спали.

Крестьяне до поздней осени жили в *совотах*, а после уборки урожая спускались в кишлак. В соседнем селении Варух Исфаринского района Таджикистана нами зафиксировано два вида *совота*: с навесом и без навеса¹².

В садах и полях сохцы сооружали сезонные жилища, размеры и вид которых зависели от степени зажиточности хозяина. Это были легкие глинобитные помещения с пристроенной к ним верандой, открытой с двух или трех сторон (*штоб*, *киштоб*). Здесь сушили и хранили сельскохозяйственные продукты, днем отдыхали, ночью спали.

Кроме этих сооружений, в Сохе были и постоянные жилища типа землянок — *заминкан* (узб. *ертула*, кирг. *жер-дула*). Если на участке или пастбищах не было воды, камня или строительных материалов для перекрытия жилища, то строили землянку. Яму рыли несколько удлиненной или круглой формы глубиной в рост человека. В верхней части ее от уровня земли стены наращивали, обкладывая дерном (*чим*) по краям, на высоту 80–100 см. Поверх стен располагали балку и поверх нее поперек укладывали несколько жердей. Затем набрасывали ветки, колючки, хворост и покрывали соломой, камышом, а сверху — сырой глиной. При наличии воды крышу замазывали глиносаманным раствором. Таким образом, получалась плоская земляная кровля, имеющая едва заметный уклон для стока дождевой воды. Внутри землянки, левее входа, находился очаг, на котором готовили пищу. Аналогичные сезонные, даже постоянные, жилища типа землянок отмечены нами у соседних киргизов верховьев Соха, в окрестностях пос. Хайдаркана (Кыргызстан) и пос. Варуха и Ура-тюбе (Таджикистан), этнографом К.Ш. Шаниязовым — у кипчаков¹³.

Бедняцкие семьи сохцев, не имевшие скота и земли, были не в состоянии не только строить глинобитное сезонное жилище, но и приобрести необходимый материал для перекрытия *каппа*. Именно поэтому, а также с целью самозащиты и

обороны от нападения кочевников они рыли себе другого типа землянки – пещеры (*гор*), что было легко сделать в условиях естественных возвышенностей. В нижней части обрыва или склона в горизонтальном направлении выкапывали необходимую для жилья площадь, затем пробивали отверстие наверх – дымоход (*дудбаро*).

Землянки, напоминавшие пещеру, держались на естественном перекрытии. Интересные пещерообразные землянки зафиксированы этнографом З.А. Широковой и нами в кишлаке Обишир. Характерна землянка Додошукур Худаярова (1885–1975). По словам сыновей Додошукура, землянку (длина 8 м, высота и ширина 2 м) делал его дед Бобохудар в 60-е годы XIX в. В 20-е годы нашего столетия при нападении басмачей все члены семьи Додошукура и его соседи прятались и жили в таких гротах. В окрестностях Соха они до сих пор имеются в большом количестве. В XIX в. сооружения типа грота были довольно широко распространены в Средней Азии. Наличие их в старину зарегистрировано М.С. Андреевым в Ташкенте, А.К. Писарчик – в городах Ферганы – Коканде, Андижане, а также в сел. Брич-Мулла Узбекистана¹⁴. Перед революцией такие пещерные помещения также использовались в качестве *чиллахона*¹⁵.

Нами зафиксированы и другие виды сезонного жилища в скалах – куполообразные навесы (*камар*). Под горой Обишира, с северной стороны кишлака Калъа, в лёссе обнаружены три пещерных помещения под названием пещера Аво Идриса (*гори Аво Идрис*), расположенные параллельно друг другу.

Информатор Кодирали (1915 г.р.) помнил, что, когда он был подростком, его отец (Аво Идрис) вырыл третью пещеру. Внутреннюю поверхность стен и свода он облицевал смолой. Очаг находился левее от входа, сверху было сделано отверстие для дыма. В пещере вырыты ниши (*токча*). Для обогрева посредине пещеры сделана неглубокая выемка, соответствующая размеру *сандали*¹⁶, а под ней (в середине) – более глубокая яма для углей или жара (*манкал, оташдон*). Эти пещеры Аво Идрис использовал как летнее жилище до конца дней (умер в 1969 г. в возрасте 82 лет). Здесь он проводил все семейные обряды, в том числе и свадьбу своего сына. В первой пещере жил с женой, вторую использовал как гостиную (*мехмонхона*), а в третьей пещере жила новобрачная пара¹⁷. Имеются сведения о наличии подобных открытых в лёссе пещерных помещений в окрестностях Самарканда; в Дагана-Кникском районе, в горах Рангинтау; в окрестностях Куляба и в Вахане¹⁸.

Целый “пещерный городок” имеется в верховьях Обиширсая, его помещения раньше использовались в качестве сезонного жилища во время жатвы и уборки зерновых культур, при выпасе скота осенью и зимой. Ширина одного из них 14 м, глубина 6 м, высота 12 м. Другое шириной 30 м, глубиной 9 м, высотой 20 м расположено на 20–25 м выше уровня Обиширсая. Пол пещеры скалистый, передняя площадка соединяется с площадкой соседней пещеры. Здесь археологами найдено несколько хозяйственных ям, зафиксированы мощные зольные прослойки и очаги¹⁹.

Ур, ура – сезонные жилища в камне в виде цилиндра с отверстием сверху и с открытым очагом, расположенным посредине помещения, вход сбоку. Так выглядел, например, грот Кук-дала в 5–6 км южнее пос. Хайдаркана, который принадлежал братьям Метинбаю и Тешабаю. Глубина помещения 3 м, диаметр основания 4 м, диаметр верхнего отверстия для освещения и выхода дыма 0,45 м, высота и диаметр входного отверстия 80×80 см. В таких гротах жили батраки-сагиры и поденщики, работавшие в хозяйстве бая, крестьяне-издольщики (*чорьяккоры*) во время пахоты, сева, жатвы и уборки богарных зерновых и масличных культур. По словам ин-

форматора Мухаммаджона Закирова (1897 г.р.), братья Метинбай и Тешабай хранили там по 100–150 чорьяков зерна (чорьяк равен 80 кг)²⁰.

Легкие временные жилища предназначались для того, чтобы хранить домашние вещи и продукты, а также на случай дождя и летней жары. В саду, усадьбе или далеко от селения во время полевых работ сооружали различные по форме и конструкции шалашеобразные летние жилища (*чайла*, *алочик* или *коза*).

В Сохе, Риштане, Исфаре, Канибадаме, Худжанде на бахчах, на току как укрытие на время жатвы и обмолота хлеба возводили легкие полусферические подковообразные в плане шалаши из согнутых в дугу жердей. Несколько вытянутых вверх дуг ставятся в один ряд и обоими концами втыкаются в землю. Решетка образуется в результате положенных на них нескольких дуг, идущих параллельно поверхности земли. Шалаш в форме эллипса называли *гаворачайла*, т.е. люлькообразный шалаш. Этот вариант жилища был более распространен среди таджиков (включая и узбекоязычных чагатаев) Гисарского, Зеравшанского и Туркестанского хребтов, Байсунских и Кугитанских гор, а также нижнего Каратегина²¹. Здесь он назывался *каппа*.

В Сохе встречались также сезонные жилища типа *чайла*, которыми пользовались на бахчах, на току, а также пастухи на летовках. Один из таких вариантов напоминает юрту, основу которой составляли одни только купольные жерди. Их устанавливали вокруг и скрепляли сверху, жерди поддерживали поставленные в середине один или три шеста. Такого типа шалаш имел острый конический верх без дымового отверстия. Он отмечен не только среди сохских таджиков, но и у тюркоязычных народов (узбеков, киргизов) Ферганской долины²².

Наряду с коническим шалашом на юге Соха был распространен полусферический шалаш из согнутых в дугу жердей. В Сохе, Исфаре, Худжанде, в северной Фергане (в Коносе), как и в окрестностях Самарканда²³, нами отмечен прямоугольный шалаш, плоскую кровлю которого покрывали дикорастущими травами, связанными в пучки, – *хасчайла*, *алочик*. Эти названия широко распространены среди соседних киргизов.

В некоторых местностях северного Соха и в кишлаках Хушьяр встречалось двухэтажное сооружение наподобие каратегинских и язгулемских *чайлоб*²⁴. Оно делалось на четырех столбах из плетеных ветвей и ставилось на бахчах, рисовых полях, где была сырая земля, много комаров, ядовитых змей и скорпионов. Сверху сооружали легкую крышу из ветвей или же натягивали полог (*чодар*) и под этим навесом летом днем отдыхали, а ночью спали. В последние годы в садах и особенно на виноградных полях строятся более прочные, из больших брусьев или из гладких досок высокие двухэтажные сооружения для отдыха и сна, а также для охраны урожая, напоминающие караульные башни (*чайласуфа* или *дурбон*). Под ними ночью держали скот. Они делаются обычно на высоте 4–6 м над землей, поэтому к ним всегда приставлена летница (*норбон*)²⁵. В окрестностях кишлака Пунук Аштского района Таджикистана можно было увидеть жилища на деревьях.

В Сохе широко было распространено летнее жилище без стен на сваях в виде одно-двухскатной крыши-навеса. Такие сезонные жилища широко бытовали среди равнинного населения северного Таджикистана и прилегающих к нему районов Ферганской долины, где они известны под названием *шипанг*, в Каратегине, Дарвазе и Кулябе – *чапканди*²⁶.

При жатве и уборке кормовых и дикорастущих трав, зерновых и масличных

культур на богарных землях летом сооружали различные по форме и конструкции шатры (*чодар*) или шатрообразные навесы (*соябон*).

Раньше во всех домах или во дворе, в садах и усадьбах, около водоемов сооружали различные по форме *суфа* – небольшое возвышение, сделанное из глины или выложенное из кирпича, камня, на котором летом днем отдыхали, а ночью спали. Здесь принимали гостей, здесь же ночевали работники, издольщики, поденщики.

Одно из простейших сооружений – деревянные кровати, называемые в Сохе *сури*, а в других местах *кят*, *каравот* и т.д.²⁷, сплетенные из ветвей или сооруженные из досок, приподнятых над землей на 80–100 см. Они стоят во дворе, на веранде либо среди обильно растущих в большинстве кишлаков Соха тутовых, ивовых деревьев или под виноградником и летом служат местом дневного и ночного времяпрепровождения сохцев. Если сад или усадьба находились далеко от кишлака и спать на земле было опасно, то сооружали более или менее высокий дощатый помост, заменяющий кровать.

При жатве, уборке урожая, а также в пути временным жилищем служил кузов двухколесной арбы (*сортароба*) с установленным на ее площадке квадратным ящиком без заднего борта или эллипсообразной открытой сзади большой корзиной из прутьев.

Жилища на летовках вполне соответствовали образу жизни, связанному с уходом за скотом, с необходимостью переселения части населения в горы к пастбищам. На одном и том же пастбище у сохцев скот пасется из года в год. Поэтому постройка сезонных жилищ постоянного типа является совершенно необходимым условием жизни на летовках.

Нами зафиксировано в предгорьях Малого Алая (в горах Лазара) много старых пастушеских хижин, сараев для сена и амбаров. Это каменные жилища с низкой, часто плоской или куполообразной крышей, прикрытой поверх камнями. Такая крыша могла выдержать тяжелую массу снега и сильные ветры. Стены не штукатурили ни снаружи, ни изнутри. Пастушеская хижина (*кулба* или *коза*) в Хушьяре состоит из одной комнаты, вход в которую идет через сени, где в плохую погоду укрывали скот, особенно ягнят. Небольшое помещение служило одновременно жильем и кухней, имело закопченные стены и потолок и скудно освещалось крохотными оконцами или через дверь. В середине находился очаг. *Кулба* не имела дымохода. Дым, свободно растекающийся по помещению, выходил наружу через щели на фронтоне. На стене были развешены кухонные принадлежности, торбы и хурджины. Пастухи спали здесь или на крыше. Перед *кулбой* имелась большая площадка, вдоль противоположной стороны которой шел ряд кладовых, сделанных из камня, и открытые загоны для скота.

При отсутствии постоянных пастбищ или нехватке строительного материала сохцы использовали другие сезонные переносные жилища (*ойил*). Ближе всего они по типу к юртам соседних кочевых киргизов: круглые по форме, с куполообразным верхом. Деревянные изогнутые шесты, обнесенные плетенкой, составляют стены жилища. Верх закрывается кошмами или паласами. Вход в *ойил* тоже завешен паласом. В случае перекочевки *ойил* разбирается, перевозится и ставится на новом месте.

Таким образом, сезонные жилища таджиков Соха довольно разнообразны по своему назначению, формам, конструкции и материалу. Своеобразие природных условий, особенности хозяйства и этнические традиции народа обусловили сохранение здесь разноплановости типов как постоянных, так и временных жилищ. Они

имеют длительную историю развития и много общего с сезонным жилищем других этнических и территориальных групп таджиков, соседних узбеков и иных исконных землевладельческих народов Средней Азии. Это свидетельствует о давних этнокультурных связях населения национальных районов.

- ¹ Васильева Г.П., Махова Е.И. Программа сбора материала по жилищу сельского населения Средней Азии и Казахстана для Историко-этнографического атласа // Материалы для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. М.; Л., 1961. С. 110.
- ² Исламов У. Обиширская культура. Ташкент, 1980. С. 139–140.
- ³ Худуд ул-алем (Граница мира). Душанбе, 1983. С. 76; Бабура-наме. Ташкент, 1959. С. 133; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. 1963. Т. 1. С. 214.
- ⁴ Бернштам А.Н. Древняя Фергана. Ташкент, 1952. С. 20, 29, 34; Воронец М.Э. Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской области // КСИИМК. 1956. № 66.
- ⁵ Кондауров А.Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев // М.; ТИЭ; М.; Л., 1940. Т. 3, вып. 1. С. 66–70; Писарчик А.К. Жилище // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970. Вып. 11. С. 99–106; Она же. Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1975. С. 103–107; Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973. С. 116–120. Автор раздела “Жилище” А.С. Давыдов; Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулемцев // Среднеазиатский этнографический сборник, II. ТИЭ; М., 1959. Т. 47; Кармышева Б.Х. Жилища узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана. Сталинабад, 1956. С. 20–23; Васильева Г.П. Туркмены-нохурли // Среднеазиатский этнографический сборник. I. ТИЭ. М., 1954. Т. 21. С. 134–136; и др.
- ⁶ Ершов Н.Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией. Сталинабад, 1960. С. 21–22.
- ⁷ По данным А.К. Писарчик, сезонные жилища подобного типа делали также во многих других местностях Ферганской долины, Ташкенте, Ургуте; Н.Н. Ершов зафиксировал их в северных районах Таджикистана; А.С. Давыдов и М.А. Хамиджанова – в Фальгаре и Ягнобе.
- ⁸ А.К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX – XX вв. // Среднеазиатский этнографический сборник. I. ТИЭ. М., 1954. Т. 21. С. 248–277.
- ⁹ О двух группах сохских таджиков подробно см.: Джахонов У. Земледелие таджиков бассейна р. Сох в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 8–9.
- ¹⁰ Раньше у таджиков Хушьяра танур размещался внутри жилища. См.: Кисляков Н.А. Таджики долины Сох // Тр. АН ТаджССР. Сталинабад, 1953. Т. 17. С. 116–117.
- ¹¹ По археологическим данным, такие каппа-усадыбы в качестве сезонных жилищ бытовали еще с давнянского периода Древней Ферганы. См.: Бернштам А.Н. Древняя Фергана. С. 12–13.
- ¹² Если среди сохцев возникали раздоры, они с упреком говорили друг другу: “Ты человек без совота” (Ту одами бесовот), т.е. нищий. О совотах также см.: Кармышева Б.Х. Бытовой уклад населения // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С. 139.
- ¹³ Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа: Ист.-этногр. исслед. на материалах кипчак. компонента. Ташкент, 1974. С. 236–238.
- ¹⁴ По устному сообщению А.К. Писарчик, искусство строительства таких жилищ – типа гротов, землянок и полужемлянок – уходит в глубокие времена, к эпохе раннего неолита. См.: Аршавская З.А. Подземные жилища в Сурхандарьинской области // Архитектура и строительство Узбекистана. 1983. № 11.
- ¹⁵ Чилла, чилля – сорокодневье; чиллахона – место совершения чилла, т.е. сорокодневного религиозного уединения благочестивых людей, желавших удалиться от всего мирского. О других значениях чилла см.: Таджикско-русский словарь. М., 1954. С. 242–243.
- ¹⁶ Об устройстве и универсальном значении сандали подробно см.: Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии // Жилища народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 93–98.
- ¹⁷ Позднее для невестки внизу он построил двухкамерный глинобитный дом типа каппа, а рядом с каппой на четырех сваях – высокое летнее жилище – сури.
- ¹⁸ См.: Писарчик А.К. Народная архитектура Самарканда. С. 46; Андреев М.С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. // ИТО. Ташкент. 1925. Т. 17. На с. 138 М.С. Андреев пишет об открытом в холме подземном пещерном помещении “с конической формы потолком, высотой приблизительно около 5 аршин” (аршин – мера длины около 70–80 см).

- См. также: *Еришов Н.Н.* Результаты обследования пещер в окрестностях Куляба // ДАН ТаджССР. 1951. № 1. С. 49; *Бобринский А.А.* Горцы верховьев Пянджа (Вахан и Ишкашим). М., 1908. С. 121.
- ¹⁹ Еще с эпохи позднего палеолита люди селились в подобных естественных пещерах, под навесами, в гротах, которые в конце концов превращались в первые искусственные жилища (заслоны, защищающие от ветра, шалаши и т.п.).
- ²⁰ По археологическим данным, традиция хранения зерна в таких ямах-гротах и у сохцев известна еще с эпохи мезолита. См.: *Исламов У.* Обиширская культура. С. 21.
- ²¹ *Кондауров А.А.* Патриархальная домашняя община Южных районов Таджикистана и Узбекистана // Изв. Отд. обществ. наук. 1956. № 10/11. С. 70; *Кармышева Б.Х.* Жилища узбеков племени карлук... С. 21; Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. С. 124. Рис. 73 (3, 4); *Писарчик А.К.* Жилище. С. 104. Рис. 63.
- ²² *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории узбекского народа. С. 236; *Антипина К.И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С. 166; *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этнографические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 119–120.
- ²³ *Кармышева Б.Х.* Бытовой уклад населения. С. 139.
- ²⁴ О чойлобах см.: *Писарчик А.К.* Жилище. С. 104; *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1958. Вып. 2. С. 484–485. Примеч. и доп.
- ²⁵ Подобные сооружения, часто красиво оформленные и поднятые на столбах высоко над землей, А.К. Писарчик, З.А. Широкова и автор настоящей статьи встречали во многих садах Ферганской долины.
- ²⁶ Такое сооружение – двухскатная крыша на жердях, устроенная в качестве беседки, – отмечено в припанджском Дарвазе и в окрестностях Самарканда А.А. Семеновым. См.: Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903. С. 34; *Писарчик А.К.* Народная архитектура Самарканда. С. 104.
- ²⁷ См.: *Писарчик А.К.* Жилище. С. 99.

Некоторые верования и обряды туркмен, связанные с юртой

(XIX – начало XX века)

В XIX – начале XX в. юрта была основным жилищем большинства туркменских групп (иомутов, текинцев, сарыков, салыров, отчасти човдуров, атинцев, эрсаринцев, гокленов и др.)¹. Она – один из древних видов жилища туркмен. Слово “юрта” (*ой*) вошло в туркменскую лексику как термин, обозначающий жилье вообще. Об этом свидетельствуют характерные обороты в туркменском языке: *огул оермек*, *огул ойлендирмек*, что в дословном переводе означает “предоставить сыну жилье (юрту)”; *оё баралы* (пойдем домой); *ой иши* (домашняя работа); *ойсиз – овзарсыз адам* (человек, не имеющий ни жилья, ни семьи) и т.д. Этим же термином в ряде районов называют глинобитное и кирпичное жилье². Юрту называли *ак ой* (белой) или *гара ой*, *гаража ой* (черной), так как новая юрта покрывалась обычно белым войлоком, а с течением времени он темнел, под дымом и копотью³.

В этнографической литературе до сих пор недостаточно внимания уделялось обычаям, обрядам и представлениям туркмен, связанным с юртой. По этим вопросам отсутствуют специальные работы⁴. Лишь отдельные скудные сведения встречаем в статьях туркменских этнографов, посвященных традиционному жилищу туркмен. Научный интерес к изучению этих проблем возрос в последние годы в связи с составлением Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана.

У кочевых и полукочевых туркмен-скотоводов в XIX – начале XX в. бытовал ряд обычаев, обрядов и представлений, связанных с поселением и жилищем. Юрты в ауле традиционно располагались с востока на запад в линию (*хатар*, *сыргын*, *говчум*)⁵. В редких случаях в зависимости от рельефа местности направление ряда юрт могло меняться. Иногда они ставились по кругу. Следует отметить, что традиция ставить юрты и глинобитные дома в один ряд вдоль арыка сохранилась и в поселениях оседлых туркмен-земледельцев юго-восточного Туркменистана⁶. В ауле при расположении юрт учитывались обычно социальное положение, старшинство и степень родства. У кочевых иомутов-скотоводов и текинцев старшина кочевого аула ставил свою юрту, как правило, в центре ряда. У тех же иомутов, текинцев и сарыков как старшина, так и глава семьи (отец) по обычаю ставил юрты своих женатых сыновей по старшинству справа и слева от себя поочередно⁷, у эрсаринцев же юрты женатых сыновей – справа от отцовской в один ряд⁸. У туркмен большой аул, состоявший из 50–60, а иногда и 100 юрт в одну линию, назывался *куруноба*⁹.

У туркмен-скотоводов каждая семейно-родственная группа, называемая *оба*, имела в прошлом свое постоянное место для поселения в летнем ауле. По этому вопросу туркменская пословица гласит: “*Урушын отур, ужашын отур*” (“Живи-

те хоть и ссорясь, но рядом друг с другом"). При этом каждое хозяйство по традиции ставило всякий раз свою юрту постоянно в одном и том же месте *юрт ери*, никто из чужих не имел права его занимать¹⁰. Поэтому не случайно туркмены называют младшего сына *юрт оглы* или *юрт эси* (наследник или хозяин места поселения).

Следует заметить, что у казахов наследником юрты отца являлся также младший сын (*кенже*), которого называли *шанрак иеси* (хозяин, владелец шанрака, т.е. верхнего обода). *Шанрак* юрты отца почитался казахами как при его жизни, так и после смерти. Поэтому, если другие части юрты приходили в негодность, они заменялись новыми, но *шанрак* оставался прежним¹¹.

У туркмен место для поселения считалось священным и с ним было связано множество примет и суеверий. Считали, что от соблюдения их зависит богатство (*довлет*) и счастье семьи, здоровье ее членов. Если в семье часто умирали, то юрту обычно сдвигали в сторону, а иногда даже меняли место, говоря обычно: "*юрт душмеди*" ("не повезло с местом поселения")¹².

У каракалпаков во время установки новой юрты устраивали празднество с угощением (*жан садака*). Жертвенное животное резали на том месте, где должны поставить юрту, у ее порога¹³.

У туркмен самым сильным оскорблением считалось выражение "*Юрдун ит-син!*" ("Да пусть исчезнет (потеряется) твое место юрты!"). Сохранить *юрт* своего отца и предков по отцовской линии было священным долгом сына и других наследников мужского пола по отцовской линии. Считалось ненормальным, если у мужчины не было своего жилья (*ой*) и юрты, его не уважали, осуждали и называли *ер-сиз-юртсиз адам* (человек, не имеющий ни семьи, ни юрты).

Туркменами почиталось не только место поселения, но и жилище, которое считалось священным – *овлуйе*¹⁴.

По данным К. Шаниязова, у узбеков-карлуков юрта, приобретенная при женитьбе, должна служить до конца жизни, а деревянные части ее меняли только при повторной женитьбе. Иметь юрту – значит иметь жену. Поэтому оскорбление кого-либо словами "*уйнг куйсин*" ("пусть горит твоя юрта") в переносном смысле означало: "пусть умрет твоя жена"¹⁵.

По древнему обычаю почитание всеми группами туркмен юрты выражалось в том, что при входе в нее полагалось здороваться независимо от того, есть ли в ней люди или нет. Но объяснялся он у разных групп туркмен по-разному. Туркмены-эрсаринцы при входе в юрту или дом здоровались в знак уважения к юрте или дому (*ой-ин хаки, хеззети учин; ое хеззет – хормат учин*)¹⁶, а туркмены-сарыки Иолотанского оазиса при входе в юрту или дом приветствие произносили в знак уважения к хозяину и пожелания ему благополучия¹⁷. Туркмены-текинцы объясняли это тем, что в их юрте, как и у других мусульманских народов, якобы живут духи предков, с которыми при входе в нее нужно было поздороваться. Эта традиция впоследствии перешла и на дом.

О святости юрты свидетельствует и то, что деревянные части старой юрты, пришедшие в негодность, нельзя было сжигать и использовать в качестве топлива. Из них делался загон для домашних животных¹⁸. Кое-где, например, в Байрам-Алийском районе, старые деревянные части юрты отвозили к святому месту и там оставляли.

У туркмен существовали в прошлом обычаи, поверья и приметы, связанные с отдельными частями юрты: количеством жердей, дверью, косяками, порогом

или притолокой, очагом и пр. По сообщениям Э. Байлыевой (1913 г.р.) из колхоза "Комсомол" Серахского района, туркмены-салыры ставили в юрте нечетное число жердей. Если их число четное, то супруги якобы не будут жить долго (*Ойин угы так гоюляр, жуп болса, эр-аял яшап билмейер*). У других групп туркмен, хотя и встречалось представление о необходимости иметь нечетное число купольных жердей, оно никак не объяснялось и на практике редко применялось. По этнографической литературе у большинства групп туркмен число жердей в юрте было четным и состояло из 40–130 штук в зависимости от числа решеток¹⁹. Вместе с тем интересно отметить, что в юрте узбеков-кипчаков количество жердей составляло от 41 до 71. В юрте среднего размера их насчитывалось 55²⁰. Возможно, данный обычай имеет общие корни с теми представлениями туркмен, согласно которым число балок на потолке дома должно быть в обязательном порядке нечетным. При этом интересно отметить, что у туркмен-эрсаринцев в могилу (*копри*) также клали нечетное число деревянных брусков для того, чтобы люди не забывали о "том свете"²¹.

С дверью кочевого жилища и ее ориентации у кочевых и полукочевых народов был связан ряд обычаев. По сообщениям информаторов, прежде туркмены ставили юрту входом на восток. Кое-где у туркмен это сохранялось еще до недавнего прошлого²². Однако во время сна и отдыха туркмены ложились головой только на юг (*илери*) или юго-запад (*ашак*). По обычаю ни в коем случае им нельзя было спать головой в любом другом направлении²³.

В XIX – начале XX в. у большинства туркмен юрта ставилась входом на юг или юго-запад²⁴. Информаторы объясняют это тем, что на юго-западе находится мусульманская святыня в Мекке (Кааба). Аналогичный обычай был характерен и для каракалпаков, казахов и некоторых узбекских племен (карлуки, найманы, сарай и др.)²⁵.

В прошлом у туркмен не все семьи имели дверь в юрте. Ее проем занавешивали обычно безворсовым ковром (*килим*) или кошмой. Так, Г.П. Васильева отмечает, что у северных туркмен, если на вход не повешена дверь, сверху опускаются циновка или небольшой коврики²⁶. То же самое наблюдалось у западных иомутов-скотоводов²⁷. Письменные источники свидетельствуют, что у иомутов-кочевников "вместо двери оставляется в стенке отверстие, которое завешивается сверху особым войлоком"²⁸. Это подтверждается и данными автора более позднего времени: "В настоящее время в каждой кибитке имеются створчатые двери. Последние появились недавно. В прошлом место для двери оставлялось свободным. По бокам вбивались столбы, и на эти столбы вешалась складная решетка как часть *terima*. Такого типа дверь носила название *ергенек*. Для защиты от холода на *ergenek* вешали войлок, иногда и ковер. Оба они привязывались над дверью. В теплую погоду войлок и ковер свертывались и подкручивались над дверью, а решетка убиралась.

Название древнего типа дверей – *ергенек* – в настоящее время встречается очень редко. У сарыков название *ергенек* перенесено только на створки двери, которые у других туркменских племен отдельного названия не имеют"²⁹.

Обычай закрывать дверной проем камышовой циновкой, войлоком или ковром был известен и казахам, и киргизам. Вот что писал Р. Карутц: "Часто двери заменяют войлочным пологом, который привешивается к верхнему косяку дверной рамы; на день он завертывается наверх, а на ночь опускается"³⁰. С.М. Абрамзон сообщает, что у киргизов на дверную раму навешивается двустворчатая дверь или же вход закрывается только циновкой (из чия), обшитой войлоком³¹.

Видимо, с этим был связан обычай, по которому туркменам-агарам не полагалось иметь дверь в юрте (*Агара гапы душмейэр*)³². Это отразилось и в туркменском фольклоре, в пословице: “*Эргенексиз экленен, туссе билен сакланан*” (буквально: “Выросший или воспитанный в дымной юрте без двери”). В переносном смысле это означало: “невоспитанный человек”.

Северные туркмены называют *эргенек’ом* ворота (дверцы) загона для мелкого рогатого скота. Туркмены-салыры называли *эргенек’ом* поставленные в верхней части колодца бревна.

Следует отметить, что и у соседних народов – каракалпаков, узбеков и казахов – дверь юрты также называлась *ергенек*, *эрганах*³³. У памирских таджиков дверь жилища, как и очаг, считалась священной. Здесь совершались магические обряды³⁴. В прошлом и у туркмен соблюдались некоторые обычаи, связанные с отдельными частями двери (косяком, порогом и пр.). В частности, у туркмен-эрсаринцев существовал обычай, согласно которому невеста при входе в юрту отца жениха получала из рук свекрови кусочек масла, им она должна была обмазать косяк двери юрты и, таким образом поздоровавшись с новым жилищем, входила в юрту. Считалось, что этот магический обряд способствовал будущей жизни невесты у родителей жениха – мягкой, как масло, без притеснений (*Гайын ойинде яг ялы язылып, яйрап отурайын*). По представлениям туркмен, как и многих других народов, *босага* (порог) считался *священным*. По этому поводу туркмены-эрсаринцы говорили: “*Босагам – овлуем*” (буквально: “Мой порог – моя святыня”). У туркмен, в том числе и эрсаринцев, по обычаю нельзя было сидеть на пороге, наступать на него, стоять у порога и бить по нему палкой. Если кто-либо, чаще всего ребенок, садился на порог, ему говорили: “*Босага овлуйедир, душ устунден*” (“Встань, порог священен”)³⁵.

Архаический обычай туркмен, согласно которому в прошлом послед ребенка, а иногда и выкидыш в начальной стадии беременности закапывали под порогом юрты с внутренней стороны, также был связан с почитанием последнего. Аналогичный обычай существовал и у каракалпаков³⁶.

Еще в XIX – начале XX в. у туркмен бытовал древний обычай закапывать пуповину новорожденного ребенка, особенно девочки, в юрте у решетки, за дверью. Это делалось для того, чтобы дети, прежде всего девочки, повзрослев, были привязаны к жилью, были домоседками. Если кто-либо не любил выходить из дома, о нем говорили: “*Ойде гемулен ялы*” (“Как будто в доме закопана его пуповина”). У туркмен-эрсаринцев, например, пуповину ребенка закапывали в юрте слева от входа, ближе к порогу. По всей вероятности, почитанием порога как входа в жилище объяснялся похоронный ритуал туркмен, согласно которому при выносе тела покойника из дома, где он жил и умер, носилками, на которых он лежал, три раза прикасались к порогу. Кое-где у туркмен, как и у некоторых других народов, соблюдался обычай прибивать к порогу конскую подкову (*нал*), обладавшую якобы магической силой (см. изображение юрты на перелете наст. книги)³⁷.

К числу древнейших обычаев туркмен относится поклонение очагу в юрте. Оно, по-видимому, является пережитком культа огня, истоки которого уходят в эпоху первобытного общества, когда люди держали его постоянно в очаге. Хранительницей огня всегда была женщина. Отголоски этого древнейшего обычая сохранялись в быте туркмен и других народов Средней Азии до недавнего времени. У кипчаков Ферганы в прошлом постоянно (зимой и летом) поддерживали огонь в очаге юрты, при этом говорили: “Очаг без огня – дом без хозяина, без радости. Огонь в очаге – в доме всегда благополучие”³⁸.

Туркмены-текинцы, например, ребенка, который много плачет, в среду (*чаршенбе*) или пятницу (*анна*) обносили три раза вокруг очага (*чаршенбе ве анна гунлери аглак чаганы оджагын, дашына уч гезек айлапдырлар*). По обычаю туркмен нельзя было наступать на очаг, перешагивать через него, ругать и осквернять его: плевать, бросать в него мусор или грязь и т.п.³⁹ Такие же запреты наблюдались у узбеков-карлуков, памирских таджиков⁴⁰. Обычай эрсаринцев требовал выносить пепел из очага без капли воды⁴¹.

Культ огня и почитание очага в жилище характерны для многих народов Востока. Так, например, у памирских таджиков торжественно отмечалось первое разжигание огня в новом очаге. Невеста, уходя из дома отца, прощалась с очагом. В доме мужа она прежде всего приветствовала очаг, совершая те же обрядовые действия, что и при уходе из дома отца⁴². У калмыков совершался обряд приема невесты в род предков мужа: после совершения обрядовых действий молодую заставляли поклониться очагу – символу семьи и семейного счастья, без которого существование семьи не мыслилось⁴³.

Дух очага почитался и у монголов Южного Китая: монгольская женщина, входя в кухню, всегда склоняет голову, считая, что счастье семьи зависит от духа очага⁴⁴.

Как и другие народы, туркмены под словом “очаг” подразумевают свое жилище (юрту, дом). Это проявляется в названиях очага, женщину они зовут хозяйкой очага (*оджагын эеси*). Туркмены-эрсаринцы говорили: “*Пылары оджагына эелик этди*” – “Стала хозяйкой своего очага”, т.е. стала хозяйкой в доме⁴⁵. В день свадьбы, когда привозили невесту в дом отца жениха, родственницы и другие женщины, поздравляя его мать с благополучным прибытием нового члена семьи, обычно желали ей: “*Оджагына эе болсун*” (“Пусть будет хозяйкой своего очага”).

Согласно обычаю западных туркмен-иомутов, если вдова оставалась с детьми в своем доме (т.е. в юрте), не переходя по обычаю левирата ни к кому из братьев умершего мужа, это рассматривалось как *оджагына отурма* (сидение у очага). В этом случае родственники покойного мужа выплачивали отцу или опекуну вдовы небольшой выкуп за “сидение у очага”⁴⁶.

Приведем еще одно свидетельство того, что туркменами под очагом подразумевалось вообще жилище (юрта, дом). Когда умирал женатый мужчина, то по обычаю родственники, друзья и товарищи должны были прийти в его юрту (или дом) и выразить семье соболезнование. Это называлось *оз оджагына бармак* (прийти в его очаг).

Можно предполагать, что обычай кочевых и полукочевых туркмен не уступать другим свое место для установки юрты также был связан с культом очага и огня.

У туркмен в прошлом соблюдался ряд обрядов при установке и разборке юрты, как и у других кочевых и полукочевых народов, этим занимались женщины. Только при укреплении и снятии наиболее тяжелой детали юрты – деревянного обруча (*туйнук*) им иногда помогали мужчины.

По традиции установка и разборка как новой, так и старой юрты всегда приурочивались к счастливым, удачным дням (*сэхетли гунлер*), которым в прошлом туркмены придавали особое значение.

По поверью туркмен нельзя было начинать установку юрты, строительство дома, переселение в новый дом и другие хозяйственные работы, семейные торжества (*той*), отправляться в путь в “неудачный” день, так как их якобы могло постигнуть несчастье, неудача. Понятие об “удачном” (*сэхетли гун*) и “неудачном” (*сэхетсиз гун*) днях было связано прежде всего с движением по часовой стрелке мнимой звезды (*йылдыз*) и днями недели.

Удачными днями у туркмен считались как определенные дни недели (душанбе, чаршенбе и др.), так и числа лунного календаря⁴⁷. Так, по поверью у туркмен среда (чаршенбе) считалась наиболее удачным днем: можно было начинать любые хозяйственные работы и семейные торжества, отправляться в путь во все стороны (чаршенбеде чар тарапа, гитсе болар хер ян яна). Однако у эрсаринцев говорили: “Чаршенбеде чар тарапа, йене гитме гундогара” (“В среду можно отправляться во все стороны, кроме востока”). По обычаю текинцев в пятницу (джума, анна) не полагалось отправляться на северо-восток (аннада арка гитме)⁴⁸. Также не полагалось в этот день перекочевывать на новое место (пастбище), устанавливать юрту, переселяться в новый дом. Туркменская поговорка гласит: “Джумада гечме, шенбеде бичме” (“В пятницу нельзя переезжать, а в субботу – кроить”). Если все-таки возникала необходимость переехать в пятницу или другие “неудачные” дни, то у эрсаринцев в этом случае можно было отправляться в путь, пообещав пожертвовать Звезде-бабушке одну лепешку (коке) (*Сэхетсиз гун бир ере гечжек болсан, Йылдыз мамамын, елына бир коке айытмалы*). Текинцы Ахала в таком случае обещали пожертвовать одну лепешку Старушке-бабушке (*Гаррыджан маман елына бир коке айдылар*)⁴⁹. Удачными днями у туркмен-гокленов считались понедельник (душанбе), среда (чаршенбе), четверг (пеншенбе) и пятница (анна). Поверье об удачных днях было известно и другим среднеазиатским народам. Так, каракалпаки сборку и разборку юрты производили в среду или четверг⁵⁰.

Согласно обычаю туркмен, при переезде в новую юрту (дом) необходимо было прежде всего внести соль (*тезе оје илки дуз салынар*). При этом, если в удачный день по каким-либо обстоятельствам не успевали переселиться в новую юрту или переехать на другое кочевье, то в этот день соль нужно было внести в юрту или отвезти ее на новое место перекочевки, а затем можно было переселяться или переезжать в любой удобный для этого день (*гечжек гунин баркак ерикe дуз элтип гайытмалы*)⁵¹.

Разборка юрты у туркмен не требовала соблюдения каких-либо особых обрядов. Только западные иомуты-скотоводы по традиции при разборке юрты с целью перекочевки деревянный обруч (*туйнук*) опускали обычно в ту сторону, куда намечалась перекочевка⁵². Этот обычай бытовал раньше и у туркмен-эрсаринцев⁵³.

До недавнего времени у туркмен, как и у некоторых кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Казахстана, бытовал обычай деления юрты на женскую и мужскую половины. По установившейся традиции почти у всех групп туркмен женская половина юрты находилась справа от входа в юрту. Здесь хранилась кухонная утварь и другие предметы домашнего обихода (кожаные бурдюки для воды, постельные принадлежности). Мужская половина юрты находилась слева от входа, где помещались предметы хозяйственного обихода и продовольственные запасы (мешки с зерном, жернова, ступка, конская сбруя)⁵⁴. Исключение составляли прибрежные туркмены, у которых женская половина юрты находилась слева от входа, а мужская – справа⁵⁵.

Традиционный порядок расположения женской и мужской половин юрты строго соблюдался. У туркмен-иомутов и човдуров, а также у текинцев Мургабской долины в том числе, когда в семье часто умирали мужчины или хозяйка юрты была бездетна и страдала какой-нибудь болезнью, допускалась перемена местами мужской и женской половин юрты⁵⁶.

Приобретение новой юрты являлось в прошлом большим, радостным событием в жизни не только кочевых и полукочевых скотоводов-туркмен, но и перешед-

ших к оседлости земледельцев. Юрта стоила дорого, и только состоятельные хозяева имели возможность ее приобрести. По случаю установки новой юрты у туркмен устраивалось праздничное торжество с ритуальным угощением (*садака худайелы*), называемое *ой тойы*. Оно сопровождалось различными туркменскими национальными играми и развлечениями: прыжками за платком, подвешенным к куполу юрты (*яглыга товусмак*, *оё бекмек*), борьбой (*гереш*), пением *бахши*, а изредка и конными скачками⁵⁷. В этот день мальчики и девочки лет 10–12 катались на качелях, прикрепленных к верхнему углу юрты (*туйнук*). У эрсаринцев, например, через деревянный каркас пол юрты обсыпался монетами (*тенге сечилиёр*), устраивалась игра в прыжки за платками.

Туркмены на праздник *ой тойы* готовили ритуальные блюда – *чекдырме дограма*, плов, резали жертвенное животное, чаще всего барана, в честь покровителя юрты, которым считался *Чиш пыгамбер* (пророк Чиш); эрсаринцы обычно готовили национальное блюдо *дограма* (крошенный на мелкие куски чурек из пресного теста с мясным бульоном). Оно называлось *башын садакасы* (буквально: жертвоприношение во имя здоровья членов семьи). Кроме горячих блюд, пекли ромбовидные пышки *пишме*⁵⁸.

По представлениям туркмен жертвоприношение делалось для того, чтобы в новом жилище всегда процветало семейное благополучие, чтобы не было несчастья, болезней и смерти. В торжественный день почтенные старики аула или мулла давали хозяину юрты *фатиха* (благословение), говоря при этом: “*Удумы гадамлы болсун*”⁵⁹.

На *ой тойы* приглашались все жители данного аула: родня хозяина, друзья, соседи и односельчане. Женщины, как правило, приходили на праздник со съестным (*чуреками, пышками, сладостями*) и с подарками для убранства юрты и предметами домашнего обихода. Приглашенные на праздник мужчины и женщины, поздравляли хозяев новой юрты, желали им семейного благополучия, счастья и долгой жизни в новом жилище.

Туркмены-сарыки Иолотанского оазиса во время праздника новоселья снаружи к обручу (*туйнук*) привязывали чучело павлина (*тавус гуш*). По их представлениям эта птица на “том свете” должна была сторожить ворота рая (*бахишт*)⁶⁰.

У иомутов-скотоводов западного Туркменистана угощение (*садака*) устраивалось ежегодно во время сезонных перекочевок, для чего в богатых хозяйствах нередко резали барана, а в других пекли сдобные лепешки⁶¹.

Еще недавно у кочевых и полукочевых туркмен, а также других народов Средней Азии и Казахстана бытовал обычай выделения новой юрты (*ак ой тутмак*) женатому сыну. У туркмен молодоженам ставилась юрта с белым войлоком (*ак ой*); у каракалпаков и у казахов она называлась *отау*, у узбеков – *унав*, *утов* или *ак уй*⁶².

Однако такую возможность имели в прошлом только зажиточные семьи. Богатые родители у прибрежных туркмен выделяли своим сыновьям *ак ой* сразу же после женитьбы⁶³. Сарыки, собираясь женить сына, в первую очередь ставили ему юрту⁶⁴. Согласно обычаю туркмен-иомутов, текинцев, новая юрта устанавливалась отцом женатому сыну обычно при отделении его от семьи в самостоятельное хозяйство, по случаю которого и устраивался праздник новоселья⁶⁵. Однако изредка бывали случаи, когда в богатых семьях новая юрта молодоженам устанавливалась при возвращении невестки из родительского дома (*кайтарма*) в дом мужа на постоянное жительство.

У узбеков-карлуков и кипчаков, например, новая свадебная юрта (*ак уй, утав*) приобреталась и устанавливалась при женитьбе сына: "По обычаю каждый, кто собирался жениться, обязан был сначала приобрести юрту или капа, иначе родители не выдавали замуж свою дочь, считая такого человека бездомным"⁶⁶.

Юрта у туркмен служила не только жильем при жизни, но была необходима и после смерти, как обязательный атрибут похоронного ритуала: обряд обмывания умершего полагалось совершать там, где он жил и умер (*олини олен ойинде юмалы*)⁶⁷. Поскольку у кочевых и полукочевых групп туркмен древним типом жилища была переносная юрта, в ней и совершался этот обряд. Он бытовал до недавнего времени и соблюдался у ряда кочевых и полукочевых в прошлом групп туркмен (иомутов, текинцев, эрсаринцев и др.), людьми старшего поколения, хотя они давно перешли к оседлому образу жизни. Так, например, у туркмен-текинцев, эрсаринцев и др. еще недавно можно было наблюдать, как рядом с глинобитным домом стояла юрта. Это говорило о наличии былой кочевнической традиции жить в юрте, чтобы, когда они умрут, обряд обмывания совершался бы в ней. Это служило одной из причин сохранения юрты даже при наличии постоянного благоустроенного дома. Видимо, отсюда и идет туркменская поговорка: "*Олин ойден чыксын*" или "*Олини ойден чыкармак*" (буквально: "Пусть твоего покойника выносят из твоей юрты"). Это означало пожелание, чтобы человек умер не где-нибудь, а у себя дома. Если кто-либо умирал вне дома: в поле, отъезде или погибал в боях, то в этих случаях с сожалением говорили: "*Пахыр ойинде елуп, дулунда суйнмеди*" ("Бедняга, не суждено ему было умереть дома и слечь в своем доме"). Это рассматривалось туркменами как самое большое горе. У них считалось умереть своей смертью у себя дома (в юрте) своего рода счастьем (*Ойинде ятым олмек ве дулунда сунмек хем багтылык, бу-да худайын бердиги*).

Таким образом, у туркмен существовал обычай выносить умершего из юрты. Если кто-либо после смерти своих родителей или других близких родных не внесет их в юрту, то это считалось весьма предосудительным поступком (особенно для сына и дочери) и осуждалось всей родней и односельчанами. С этим и связана туркменская поговорка: "*Олисини сыламадык, дирусини сыламаз*" ("Тот, кто не уважает мертвых, не будет уважать живых").

Древнее представление туркмен о необходимости совершать обряд обмывания умершего именно в юрте можно объяснить еще тем, что по обычаю нельзя было читать по умершему заупокойную молитву (*джыназа*) там, где не было камыша (*гамышсыз ерде олене джыназа душмейермиш*). В доме (имеется в виду глинобитный дом) должен был быть камыш (*Джыназа душмек учин ойин (тамын) бир еринде гамыш гоюляр*). Здесь следует напомнить, что, поскольку камыш является одним из обязательных деталей юрты, под ним, видимо, подразумевалась и вся юрта.

У эрсаринцев для отмеривания роста умершего использовался только камыш (*Олинин боюнун олчагини дине гамыш билен алмалы*). У них обычно говорили: "*Гамыш – гамыш дел-де кумуш. Гамыш оLINE дирине ярар*" ("Камыш – это не камыш, а серебро. Камыш годится и мертвому, и живому"). Так, у эрсаринцев при погребении умершего после деревянных брусков по обычаю полагалось класть слой камыша до 0,5 м. Из камыша строили жилище с куполом – *гамыш гуммез*. Причем стены его делались из камыша, а верхняя часть, т.е. купол, – из тростника *екен*⁶⁸. Туркмены аула Сунча при погребении умершего по обычаю вместо деревянных брусков клали в обязательном порядке камыш (*гаргы*)⁶⁹.

У эрсаринцев до недавнего времени бытовал давно забытый большинством

других групп туркмен похоронный обычай, связанный с кочевым жилищем. Если в семье часто умирали люди, то покойника выносили не через дверь юрты, а с противоположной стороны, чуть приподнимая решетку напротив двери *торбагыш* (если жили в доме, то выносили покойника через окно). По поверью это делалось для того, чтобы прекратить смертные случаи (*Ызы косилсин дийип эдилер*)⁷⁰. Аналогичный обычай был известен и туркменам-салырам.

Таким образом, обычаи, обряды и представления подчеркивают древность кочевого жилища у туркмен. Приведенные сравнительные данные свидетельствуют об общности генетических корней ряда ритуалов, связанных с переносным жилищем у туркмен и других кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Казахстана, прежде всего каракалпаков, полукочевых узбеков, казахов, киргизов, и об их этнокультурных и исторических связях.

Сейчас из большинства описанных традиционных обычаев, обрядов и поверий у туркмен, связанных с кочевым жилищем, бытует праздник новоселья по случаю переселения в новый дом.

Изучение и обобщение накопленного историко-этнографического материала у туркмен, несомненно, представляет не только научный, но и важный практический интерес в исследовании истории религиозных воззрений и картографировании их ареала.

¹ Библиографию исследований по юрте туркмен и других среднеазиатских народов см. в статье Г.П. Васильевой "Юрта – переносное жилище народов Средней Азии и Казахстана", помещенной в настоящем сборнике.

² Джикиев А. Традиционные туркменские праздники, развлечения и игры. Ашхабад, 1983. С. 30.

³ Иванов П. Ой-кибитка // Туркменоведение. 1930. № 8/9. С. 48; Джикиев А. Поселения и жилища туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря в XIX – начале XX в. // СЭ. 1957. № 4. С. 80; Оразов А. Поселения и жилища прибалханских туркмен в конце XIX – начале XX в. // ТИИАЭ АН ТССР. Ашхабад, 1963. С. 56 Сер. этногр. Т. VII; и др.

⁴ Язлыев Ч. Обряды и поверья, связанные с жилищем, у юго-восточных туркмен в конце XIX – начале XX в. // Всесоюз. сес. по итогам полевых этногр. и антропол. исследований 1982–1983 гг.: Тез. докл. Черновцы, 1984. Ч. 1. С. 201–202.

⁵ Оразов А. Поселения и жилища... С. 41; Васильева Г.П. Преобразование быта и этнические процессы в северном Туркменистане. М., 1969. С. 158; сообщения Б. Абаева, 1906 г.р., пос. Бахарден; Сейитнияз-ага, 1882 г.р., колхоз им. Жданова Иолотанского района, 1985 г.

⁶ Оразов А. Социалистические преобразования в материальной культуре Туркменистана // 50 победных лет. Ашхабад, 1974. С. 196–197.

⁷ Оразов А. Поселения и жилища... С. 41; Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Мургабского оазиса // ПИИЭ, 1979. М., 1983. С. 150.

⁸ Сообщение Ч. Гочгарова, 1914 г.р., пос. Виносовхоз Карабекаульского района.

⁹ Сообщение Сейитнияз-ага. У монголов временные поселения из поставленных в круг юрт, насчитывающие иногда несколько тысяч жилищ назывались *курун*, *курень*. См. также: Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972. С. 75.

¹⁰ Сообщение Б. Абаева.

¹¹ Муканов М.С. Казахская юрта. Алма-Ата, 1981. С. 29.

¹² Сообщение О. Ходжаниязовой, 1889 г.р., колхоз "Коммунизм" Карабекаульского района.

¹³ Этнография каракалпаков, XIX – начало XX века: Материалы, исследования. Ташкент, 1980. С. 39.

¹⁴ Язлыев Ч. Обряды и поверья... С. 201.

¹⁵ Шаниязов К. Узбеки-карлуки: Ист.-этногр. очерк. Ташкент, 1964. С. 97.

¹⁶ Сообщения О. Ходжаниязовой и Ч. Гочгарова, 1984 г.

¹⁷ Язлыев Ч. Обряды и поверья... С. 202.

¹⁸ Сообщение О. Ходжаниязовой, 1984 г.

¹⁹ Васильева Г.П. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. // ТХЭЭ. М., 1952. Т. 1. С. 456; Она же. Преобразование быта... С. 162; Винников Я.Р. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР // Среднеазиатский этногра-

- фический сборник. I. ТИЭ; М., 1954. Т. 21. С. 45. *Джикиев А.* Поселения и жилища... С. 79; *Оразов А.* Поселения и жилища... С. 43–44.
- 20 *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории узбекского народа: Ист.-этногр. исследования на материалах кипчакского компонента. Ташкент, 1974. С. 227.
- 21 Сообщение Ч. Гочгарова.
- 22 О восточной ориентации дверей в эпоху средневековья см. статью Г.П. Васильевой "Юрта – переносное жилище народов Средней Азии и Казахстана... С. 34. в наст. сборнике.
- 23 Сообщение О. Ходжаниязовой.
- 24 *Иванов П.* Ой-кибитка. С. 50; *Оразов А.* Поселения и жилища... С. 45; *Овезов Д.М.* Населения долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад, 1976. С. 119; и др. См. также сообщения Б. Аббаева, 1906 г.р.; Б. Абдалова, 1907 г.р., пос. Бахарден, 1985 г.
- 25 Сообщения О. Ходжаниязовой и Ч. Гочгарова. См. также: Этнография каракалпаков. С. 17, 40, 46; *Карутц Р.* Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910. С. 63–64; *Шаниязов К.* Узбеки-карлуки. С. 96; *Он же.* К этнической истории... С. 229.
- 26 *Васильева Г.П.* Преобразование быта... С. 189.
- 27 *Оразов А.* Поселения и жилища... С. 48–49.
- 28 Туркмены иомудского племени // ВСБ. СПб., 1872. Т. 83. № 1. С. 75.
- 29 *Иванов П.* Ой-кибитка. С. 50. Так же называют створки двери каракалпаки. См.: Этнография каракалпаков. С. 40.
- 30 *Карутц Р.* Среди киргизов... С. 64.
- 31 *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 116.
- 32 Сообщения М. Сарыева, 1918 г.р., колхоз Гызыл гошун Мургабского района; Б. Агаджанова, 1929 г.р., колхоз Гызыл гошун Мургабского района. 1984 г.
- 33 Этнография каракалпаков. С. 40; *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории... С. 227; *Шаниязов К.Ш., Исмаилов Х.И.* Этнографические очерки. С. 56; *Шалекенов У.Х.* Казахи низовьев Амударьи. Ташкент, 1966. С. 210.
- 34 *Мухиддинов И.* Обычаи и обряды памирских таджиков, связанные с жилищем. Конец XIX – начало XX в.: Материалы к Ист.-этногр. атласу народов Средней Азии и Казахстана // СЭ. 1982. № 2. С. 77, 82.
- 35 Сообщение О. Ходжаниязовой.
- 36 Этнография каракалпаков. С. 39.
- 37 Сообщения Н. Бегалыевой, 1914 г.р.; А. Овезовой, 1912 г.р., колхоз "Большевик" Геок-Тепинского района, 1984 г.
- 38 *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории... С. 231.
- 39 Сообщения А. Овезовой, Ч. Гочгарова.
- 40 *Шаниязов К.* Узбеки-карлуки. С. 164; *Мухиддинов И.* Обычаи и обряды... С. 81.
- 41 Сообщение О. Ходжаниязовой.
- 42 *Мухиддинов И.* Обычаи и обряды... С. 81, 82.
- 43 *Эрдниева У.Э.* Калмыки: Ист.-этногр. очерки. Элиста, 1980. С. 211.
- 44 *Стариков В.С.* Современное положение монголов в Южном Китае // ГО. Отд. этнографии. Материалы по этнографии. Л., 1961. Вып. 1. С. 38.
- 45 Сообщение О. Ходжаниязовой.
- 46 *Иомудская-Бурунова Д.Г.* Женщина старой Туркмении. М.; Ташкент, 1931. С. 55; *Оразов А.* Хозяйство и культура... С. 96.
- 47 *Ниязклычев К.* О скотоводческом и земледельческом хозяйстве юго-западного Туркменистана конца XIX – начала XX в. // ТИИАЭ АН ТССР. Ашхабад, 1963. Т. VII. С. 60; *Джикиев А.* Традиционные туркменские праздники... С. 8–9, 19; *Язлыев Ч.* Обряды и поверья... С. 201; *Овезов Д.М.* Туркмен-мурчалы // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1969. Т. IX. С. 196, 200; *Овезов Д.М.* Население долины Чандыра... С. 122; сообщения Энеш Кадыровой, 1894 г.р., колхоз "Большевик" (уч. "Горелде") Геок-Тепинского района; А. Овезовой.
- 48 Сообщения О. Ходжаниязовой, Э. Кадыровой, А. Овезовой.
- 49 Сообщения О. Ходжаниязовой, А. Овезовой.
- 50 *Овезов Д.М.* Население долины Чандыра... С. 122; Этнография каракалпаков. С. 38.
- 51 Сообщение О. Ходжаниязовой.
- 52 *Оразов А.* Поселения и жилища... С. 51.
- 53 Сообщение О. Ходжаниязовой.
- 54 *Васильева Г.П.* Итоги работы туркменского отряда... С. 458; *Она же.* Преобразование быта... С. 189; *Джикиев А.* Поселения и жилища... С. 81–82; *Овезбердыев К.* Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса // ТИИАЭ АН ТССР. Ашхабад, 1962. Т. VI. С. 116; *Оразов А.* Поселения

- и жилища... С. 53–54. *Винников Я.Р.* Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969. С. 160; *Овезов Д.М.* Население долины Чандыра... 119–120; сообщения Курбансолтан Сапаровой, 1911 г.р., Оразджемал Мередовой, 1904 г.р., аул Дурун (колхоз им. Калинина) Бахарденского района; А. Овезовой и др.
- ⁵⁵ *Джикиев А.* Поселение и жилища... С. 81, 82.
- ⁵⁶ *Васильева Г.П.* Итоги работы... С. 458; *Она же.* Материалы по жилищу... С. 148; *Ниязклычев К.* Туркмены-човдуры: К вопросу о формировании туркменской нации // АИЭА. С. 192. Рукопись.
- ⁵⁷ *Оразов А.* Поселения и жилища... С. 56; *Джикиев А.* Поселения и жилища... С. 61; *Он же.* Традиционные туркменские праздники... С. 29–30; *Овезбердыев К.* Материалы по этнографии... С. 161; *Язлыев Ч.* Обряды и поверья... С. 202; *Васильева Г.П.* Материалы по жилищу... С. 148–150; сообщение Э. Кадыровой.
- ⁵⁸ Сообщения Э. Кадыровой, А. Овезовой, О. Ходжаниязовой.
- ⁵⁹ Сообщение Ч. Гочгарова.
- ⁶⁰ *Язлыев Ч.* Обряды и поверья... С. 202.
- ⁶¹ *Оразов А.* Поселения и жилища... С. 56.
- ⁶² *Иванов П.* Ой-кибитка. С. 48; *Оразов А.* Поселения и жилища... С. 56; *Васильева Г.П.* Материалы по жилищу... С. 148, 151; *Этнография каракалпаков.* С. 39; *Муканов М.С.* Казахская юрта. С. 213–214; *Шаниязов К.Ш.* Узбеки-карлуки. С. 92, 97; *Он же.* К этнической истории... С. 225; *Шаниязов К.Ш., Исмаилов Х.И.* Этнографические очерки. С. 54.
- ⁶³ *Джикиев А.* Поселения и жилища... С. 80.
- ⁶⁴ *Овезбердыев К.* Материалы по этнографии... С. 161.
- ⁶⁵ *Оразов А.* Поселения и жилища... С. 58; сообщения Э. Кадыровой, Н. Бегалыевой, Г. Сапаровой, О. Мередовой и др.
- ⁶⁶ *Шаниязов К.Ш.* Узбеки-карлуки. С. 92, 97; *Он же.* К этнической истории... С. 225; *Шаниязов К.Ш., Исмаилов Х.И.* Этнографические очерки. С. 54.
- ⁶⁷ Сообщение О. Ходжаниязовой.
- ⁶⁸ Сообщение Ч. Гочгарова.
- ⁶⁹ Сообщение Б. Абдалова.
- ⁷⁰ Сообщение О. Ходжаниязовой.

Юрта в представлениях, верованиях и обрядах казахов

Одним из самых ярких объектов традиционной бытовой культуры кочевников и полукочевников является разборно-решетчатое жилище – юрта. История развития такой сложной и в то же время простой в обращении и весьма удобной для кочевой жизни конструкции жилища интересовала многих исследователей. В дореволюционный период сведения о юрте казахов оставили многие авторы, среди которых следует особо отметить Ч.Ч. Валиханова и П. Маковецкого¹. В советский период о юрте писали Б.А. Куфтин, А.Х. Маргулан, М.С. Муканов². Но все исследователи рассматривали ее главным образом в аспекте особенностей казахского кочевого хозяйства и быта, тогда как каждый компонент материальной культуры изучается и с точки зрения вложенного в него символа, знака, идеологии, что отражается в связанных с ними представлениях, верованиях и обрядах³.

Для кочевников, не имевших стационарных жилищ и проводивших большую часть времени в “неорганизованном” пространстве (степь), первым “жилищем” по их представлениям являлось пространство между Небом и Землей. В большой надписи в честь Кюль-Тегина читаем: “Вверху небо тюрков – снизу тюркская священная земля...” В этом тексте нетрудно уловить смысл о том, что Небо и Земля принадлежат тюркам, являются их “большим домом”. Думается, не без связи с культом двух священных начал – Неба и Земли, которые в представлении древних тюрков были “большим домом”, – “рожденных между ними человеческих сынов” складывался семантический смысл “малого дома” – юрты⁴. И, видимо, не без связи с этим древним представлением в фольклоре казахов Земля и Небо сравниваются с большим жилищем или с убранством жилища. Вот примеры казахских загадок о Земле и Небе:

Бир тукти килем,
Бир туксиз килем?

Тенг-тенг, тен кииз,
Ек арасы кенг кииз?

Эуп дедим, оуе жасалым,
Ептедим-септедим,
Кара жерди туптедим⁵

Один ворсовый ковер,
Другой безворсовый ковер(?)

Пара одинаковых кошм,
Между ними широкое пространство (?)

Что-то поднял
С возгласом “ауп” создал я небо,
[Затем] различными действиями
изловчился сделать днище из
черной земли (?)

В последней загадке поднятый с усилием *ианырак* сравнивается с Небом, а пол юрты – с Землей. Аналогю “небо-крыша” мы встречаем в представлении древних

тюрков: “*Танрим очун бизка*” [небо мое (божество) крыша нам]⁶. Как видим, казахская загадка сохранила глубинный семантический пласт представлений о юрте, которая в народном сознании повторяла конструкцию Вселенной.

Большой по размеру юрте казахи давали аллегорическое сравнение: *керегеси жер тистеп, уыктары кок тиреп*⁷ [решетки остова вонзаются (буквально: кусают) в землю, уыки подпирают небо]. Таким образом, в казахском фольклоре прослеживаются глубинные параллели между двумя формами жилища кочевников: “большого дома” – поднебесья (точнее, пространства между Землей и Небом) и малого дома – юрты.

Тесную связь и параллель между образно-концептуальной моделью мира и юрты в представлении народа мы видим и в следующем. Каркас юрты состоит из трех частей: *кереге* (решетчатый остов) *уык* (жерди, подпирающие верхний купол), *шанырак* (верхний круг), – каждая из которых составляет определенный уровень по вертикали. В свою очередь, кровельное войлочное полотно также имеет три части: *туырлык* (покрытие решетчатого основания юрты), *узюк* (покрытие купольных жердей) и *тундик* (войлок, закрывающий верхний круг). Таким образом, и кровельный материал по вертикали составляет три уровня.

В представлении казахов мифологический мир также имеет трехслойный, трехуровневый характер. Ч.Ч. Валиханов пишет: “Казахи считают, что на небе есть жители – люди. Они опоясываются под горлом. Мы живем в середине, на земле, и носим пояс на середине тела, люди же подземные носят пояс на ногах”⁸. Казах, как и многие народы мира, в человеческом теле по вертикали выделяют три части (уровня) – голову, туловище, ноги. Исследователь космологии А. Турсунов подчеркивает: “В основании всех натурфилософских концепций прошлого можно выделить одну старую мысль. Эта идея изначальной соотнесенности человека и Вселенной как двух самостоятельных, но внутренне взаимосвязанных начал”⁹.

По мнению Ю.А. Зуева, традиционное деление казахов на три жуза связано с древней традицией организации у кочевых тюрко- и монголоязычных народов Центральной Азии¹⁰.

Все эти данные подтверждают мнение о том, что в мифологической картине мира моделью служили либо человеческое тело, либо человеческое жилище, либо человеческое общество.

Возведение юрты напоминает соединение трех пространств по вертикали (*кереге*, *уык*, *шанырак*), до окончания которого в центре остается *бакан* – символ мирового дерева. Согласно древним воззрениям кочевников, юрта – это малый Космос. Вознесение шамана на *шанырак*, отраженное в мифологии народа, понимается как странствие его в небесном царстве и встреча там с духами-покровителями. Для нас в этом особый интерес представляет параллель “*шанырак-небо*”. Действительно, с внутренней стороны *шанырак* вместе с *уыками* образует как бы небосвод. Таким образом, казахская юрта представляла собой копию макрокосма.

В мифологии народов мира человек, человеческое общество, жилище и модель мира являются взаимосвязанными, универсальными категориями¹¹. При создании жилища человек уподоблял его не только “большому дому” – макрокосму, но и себе подобным. Не потому ли существует так много созвучных терминов, обозначающих части тела человека и отдельных элементов юрты: *керегенин басы* (голова *кереге*), *керегенин козы* (глаза *кереге*), *керегенин кулагы*, *аягы* (уши, ноги *кереге*), *уыккоз* (глаза *уука*), *балашык* (детеныш), (самые короткие планки решеток); *мандайша* (лоб, верхняя часть косяка двери), *уйдин суйеги* (кость юрты, остов юрты),

кинпик (пуповина, центр внутреннего помещения юрты), *кабырга сүйеги* (реберные кости, синоним *ууков*). Имеются такие термины и в названиях различных узоров лент: *баскур, бас бау, аякбау, ыык бау, белдеу*; понятия “голова”, “нога”, “туловище”, “плечи” в каждом случае сочетаются с потянием *бау* – узорная лента.

Во всем этом мы находим подтверждение закона мифотворчества в концепции пространства, когда обыденное сознание человека отождествляет жилище с человеческим телом, моделью мира.

В работах по казахской юрте до сих пор существует неправильное членение ее внутренней структуры. Обычно при определении внутренней планировки жилого пространства точкой отсчета исследователи берут вход в жилище. При этом часть по правую руку от входящего в юрту человека считается правой, а левая – левой. На самом деле такое членение противоречит традиционному названию внутренних частей юрты, ибо левую от входа часть юрты казахи называют *он жак* (правая половина), а правую – *сол жак* (левая половина). На наш взгляд, это противоречие вытекает из-за неправильности исходного пункта выбора исследователями описания внутренней планировки юрты. По тюркской традиции внутреннее членение юрты велось от человека, сидящего в *тор* (расположен в противоположной от двери самой отдаленной от входа части юрты) и ориентированного лицом на восток. В таком случае *он жак* будет находиться по правую руку, а *сол жак* – по левую руку сидящего в *тор* человека, что и соответствует действительному положению вещей.

Остановимся на семантике и функциональном назначении каждой части казахской юрты, которая в горизонтальной плоскости делится на семь частей¹².

1. *Тор* – место для почетных гостей, сакрализованная часть юрты. Обычно в *тор* располагаются *жукайак, жук* (постельные принадлежности на декоративной подставке), вывешиваются ружье, декоративная плетка, домбра и другие ценные вещи. По мнению языковедов, слово *тор* происходит от древнетюркского глагола *торумек/тору*, что означает “закон”, “положение”, регулирующее взаимоотношения племен, родов и отдельных людей¹³. В этом же значении слово *тор* встречается в некоторых алтайских языках. В монгольском *тор* – строй, государство, руководство, власть, закон. Блюстителей обычаев, законов внутри рода, племени называли *торе*, а место, где положено сидеть таким почетным людям, – *тор*¹⁴.

В представлении казахов *тор* не только почетное место, но и сакральное. Раньше *тул* – заместитель умершего в течение года после смерти человека – ставился в *тор*¹⁵.

2. Левее *тор* и чуть ниже – место хозяев юрты (*сол жак*), где располагается их постель, оно является как бы семейной половиной.

3. Здесь же, ближе к двери, размещаются кухонные принадлежности, в том числе *саба* – огромный бурдюк для кумыса. Иногда эта часть юрты отгораживается чиевой перегородкой.

4. Правая половина юрты (*он жак*) обычно отводится взрослым детям семьи или достигшим совершеннолетия девушкам. Отсюда у казахов эпитет для взрослой совершеннолетней девушки – *он жакта отырған кыз, конак* (девушка, сидящая в правой половине, гостя). На наш взгляд, правая половина юрты в целом семантически была гостевой частью. Это подтверждают и похоронные обряды казахов. Если хозяин умирал, тело его переносили с левой половины юрты на правую¹⁶. Этот обычай приводит к мысли, что правая половина юрты принадлежала временным членам семьи или же была гостевой. Представление о покойнике как о госте известно и у других народов¹⁷. Можно предположить, что казахи причисляли покой-

ника к категории гостей и потому переносили его с семейной половины в гостевую часть юрты. Эту мысль подтверждает название угощения в честь покойника (*конак асы*) и устоявшееся выражение: “*Әлік неше кун конак болды?*” (“Сколько дней гостил [покойник]?”)¹⁸. Перенесение покойника на правую половину юрты, возможно, связано также со стремлением удалить труп из кухонной части.

5. Часть юрты ближе к двери (*он жак*) предназначалась для расположения конской сбруи.

6. *Есик жак, есик кире берис* – входная часть, место у входа – непочетная часть юрты. Во время крупных сборищ это место отводилось обычно гостям молодого возраста. У богатых казахов это было место придомных рабов и слуг (*кул, кун*). Поэтому в отношении их у казахов существовало выражение: “*Есикте журген адам*”, или “*биздин есикте журген адам*” (“Человек, обитающий у наших дверей”).

7. В центре юрты находится *очаг*. Это не только топографический центр ее, но и функционально важное, сакральное, священное место. Почитание очага выражалось в умиловании духа огня – хранителя очага. При первом заходе в юрту свекра или в свою свадебную юрту (*отай*) невеста лила растопленное сало в огонь очага¹⁹. При этом отправитель обряда и присутствующие женщины приговаривали: “*От-ана, Май-ана жарылка*” (“Мать-огонь, мать-Умай*, благослови”)²⁰. С почитанием очага связан целый ряд запретов. Казахи обычно избегали специального тушения огня в очаге, а старались постоянно его поддерживать или же предпочитали, чтобы огонь сам угас. Обычно на ночь тлеющие угли закапывали глубоко в золу и на следующий день получали от них огонь. Для далеких предков казахов угасание огня в очаге означало прекращение жизни семьи. Поэтому у них одно из самых тяжелых проклятий гласило: “*Ошакта отын ошсин*” (“Пусть погаснет огонь в твоём очаге”). Во время окота овец казахи не давали огонь из очага, ибо по их представлениям это могло вызвать ненормальное прохождение окота, различные бедствия в семье и т.д. Исследователь С.А. Каскабасов дает такую этимологию казахского слова *отай*: “Очевидно, первоначально слово *отай* было образовано от *отты алу* или *от алу* (брать огонь) и возникло в связи с обычаем брать огонь из родового очага при расселении рода”²¹. Действительно, при выделении сыновей из семьи их наделяли отдельной юртой, малым казаном от большого отцовского очага или же чем-нибудь из кухонной утвари, имеющей отношение к очагу.

Э.В. Севортьян, исследуя значение слова *отак* (*отай*) в различных тюркских языках, вслед за П. Мелиоранским и Г. Дерфер, приходит к выводу, что формы этого слова имеют единую основу, каковой является либо глагол *ота* – отогреться, разжигать дрова, либо глагольный корень *от* – *o:t* со значением “разводить, разжигать огонь”²².

В представлении казахов “казан-ошак” (очаг) является символом продолжения рода, функционирования семьи. Поэтому казахская пословица гласит: “*Катыныннан айрылсан да, казан-ошагыннан айрылма*” (“Если даже с женой разведешься, не расставайся со своим казаном-очагом”)²³.

Как видим, в горизонтальной планировке казахская юрта имеет четко разграничивающиеся семь частей, каждая из которых несет определенную функциональную и символическую нагрузку, а также отражает религиозно-мифологическую картину мира ее создателей²⁴. Это, на наш взгляд, самое удобное, оптимальное ис-

* Умай – богиня плодородия у древних тюрков.

пользование круглого в горизонтальном разрезе жилища. Здесь, по существу, учтены все стороны семейной жизни и всему в ней отведено свое место – для гостей, взрослых членов семьи и детей; для хранения посуды и продуктов; для хозяйственных вещей, приготовления пищи и обогрева помещения. Такая тщательная разработанность внутренней планировки юрты говорит о длительном пути ее эволюции и освоения внутреннего пространства.

В горизонтальной планировке наряду с семичастным делением можно усмотреть и двухчастное. При таком делении условной осью является линия, проведенная от *тор* к двери. Левая половина является семейной, т.е. женской частью – здесь располагается ложе хозяев, кладовка, правая – мужская, ибо в этой половине находятся вещи мужского назначения (конская сбруя), кроме того, как мы уже говорили, эта половина предназначалась для непостоянных членов семьи (покойник, просватанная взрослая девушка, гости) – всех их мы условно называем гостями. Вообще в горизонтальной планировке связывание левой половины с женским, а правой с мужским началом характерно для многих народов²⁵.

Дверь и *шанырак* как границы, через которые совершается связь с внешними, неорганизованными, неосвоенными мирами (Земля, Небо), представляют собой особо важные части в горизонтальном и вертикальном планах юрты. Поэтому столь много различных представлений и верований связано с сакральностью и высокой степени знаковостью этих частей юрты.

Наиболее почитаемой, сакрализованной частью юрты является *шанырак*. С одной стороны, это граница между верхом и низом, с другой – между внешним и внутренним. Через *шанырак* жители юрты связываются с сакральными небесными светилами: солнцем, луной и звездами. Попаданию дневного света, лучей солнца в жилище через *шанырак* казахи придавали особое значение. Наверное, поэтому в первые месяцы после свадьбы невестка обязана была вставать с восходом солнца и приоткрывать кошмное покрывало (*тундик*) над *шаныраком*. В этом действии молодой усматривали глубоко символический смысл.

Семантика *шанырака* Р.Р. Фатиковым рассматривается в аспекте горизонтального плана *шанырака* с орнаментом “крест, заключенный в круг”. На основании этой аналогии исследователь приходит к выводу, что структура *шанырака* у евразийских кочевников можно рассматривать и как модель Мира, близкую к скифосакской²⁶. На наш взгляд, модель Мира составляет не *шанырак*, а остов юрты в целом. В бытовом делении юрты также можно выделить четыре части: *тор*, *есик*, *он жак*, *сол жак*. Таким образом, бытовой (культурный) горизонт юрты в плане представляет собой четырехугольник (квадрат), заключенный в круг. Купол, образуемый *ууками* и *шаныраком*, соотносится с квадратным культурным горизонтом, символизирует соединение Неба и Земли²⁷.

В системе перекодировок “макрокосм и жилище” *шанырак*, будучи самым верхним углом юрты, соотносится с небосводом. В казахском шаманизме шаман очень часто возносится на *шанырак*, там встречается со своими духами-помощниками, потом опускается на Землю. В этом действии мы усматриваем параллель с широкораспространенным у сибирских шаманов представлением о странствовании их в верхнем мире – на Небе. Итак, в шаманском представлении древних тюрков, позднее казахов, *шанырак* и Небо – сопоставимые понятия. Небо – *Кок аспан* (синее небо) – имеет глубинную концептуальную связь с культом бога *тэнгри*²⁸. Особая сакрализация *шанырака* объясняется его связью с двумя важнейшими древнетюркскими культами – культом *тэнгри*²⁹ и культом предков.

Шанырак и дверь, будучи проницаемыми границами³⁰ вертикально и горизонтально организованных структур, считались наиболее уязвимыми частями³¹. Поэтому *шанырак* и дверь на ночь обязательно закрывались, здесь вывешивались вещи с апотропеическим значением. Например, у *босага* (дверные косяки) вывешивали локтевую кость барана (*кары жилик*), который считался хранителем от различных бед; обычно у порога на ночь оставляли в плоской посуде молоко (*ак*), чтобы змея не навредила жителям юрты; во время родов с целью предотвращения прихода различных злых духов к роженице у двери держали *ак шагыр ат* (светлоглазый конь), а у *шанырака* – беркута.

Всем действиям у входа (выхода) приписывался важный смысл (семиотичность)³². Так, при первом входе свекра в юрту или в *отау* невеста по обычаю должна была у порога совершить три поклона, прислониться головой к косякам двери, переступить порог с правой ноги; казахи запрещали детям прислоняться к косякам двери (*босагага суйенбе*), стоять у входа (*босагага турма*). В случае частой смерти детей при последующих родах пуповину резали на пороге; у некоторых казахских племен носилки с покойником перед выносом три раза опускали и поднимали у порога и т.д.

Казахи говорят: “*Есиктен кырык кадам шыккан адам мусепир*” (“Человек, отошедший на сорок шагов от порога своего дома, уже странник, нуждающийся в покровительстве”). В народном представлении пространство за пределами организованной структуры жилища представляет собой мир стихии и дикой природы.

Наряду с *шаныраком* и *босага* важное ритуальное и сакральное значение имеет очаг. Казахи называли его *киндик* (пуповина, пуп юрты)³³.

Отец при отделении сына снабжал его отдельной юртой, но даже если юрту выделяла сторона невесты, то и тогда *шанырак* и *босага* выдавал отец жениха³⁴. Таким образом, *шанырак* был знаком продолжения рода, его символом, поэтому о потомках обычно говорили: “*Экесинин шанырагын кулатпай, тутинин тутетип отыр*” (“Поддерживает отцовский *шанырак* (юрту) и огонь в ней”). *Шанырак* и семья – тесно связанные понятия. Когда в семье большая беда или семья распалась, говорят: “*Шаны-рагы шайкалды*” (“*Шанырак* покачнулся”).

В представлении казахов *шанырак*, дверь и очаг были связаны и служили как бы символом продолжения рода. Поэтому их старались передавать из поколения в поколение. В случае смерти хозяев, не имевших потомства, *шанырак* юрты оставляли на могиле, что означало конец родового колена. Устоявшиеся казахские благожелательные выражения: “*Шанырагын биик, босаган берик болсын*” (“Пусть твой *шанырак* будет высоким, стойки твоей двери – крепкими”); “*Ошакта отын ошпесин*” (“Пусть не гаснет огонь в твоём очаге”); “*Казан-ошагыннан кут кетпесин*” (“Пусть будет благоденствие и счастье у твоего очага”) – выражают идею покоя, благополучия и счастья³⁵.

Шанырак в народном представлении часто выступает эквивалентом всей юрты. Об этом свидетельствует устоявшиеся словосочетания “*улкен шанырак*”, “*кара шанырак*” (дом предков), “*шанырак салык*” (дань от каждой юрты)³⁶.

Одним из основных признаков, отличающих юрту от других видов переносных жилищ, является разборно-складной решетчатый остов стен³⁷. Этот элемент является настолько характерной, важной составной частью юрты, что, по мнению некоторых исследователей, название самой юрты восходит своими корнями к названию решетчатого остова. М.С. Муканов, раскрывая семантику монгольского названия юрты – *терме гер*, считает, что оно имеет связь с термином *терме алаша*

(вид ткани)³⁸. Нам представляется спорной связь слова *терме*, *теру* (в современном казахском языке “перебирать”³⁹) с решетчатым остовом, как и перевод слов *терме гер*⁴⁰. На наш взгляд, монгольское название юрты – *гэр* (*гер*) – генетически восходит к древнетюркскому *kerägü*, что означает “шатер”, “юрта”⁴¹. Семантическое содержание древнетюркского слова *керегю* и позднего казахского *кереге* восходит к общему корню – глаголу *кер*. В свое время исследователь культуры казахов Б.А. Куфтин писал: “...слово “кереге” этимологически производится от корня “кер” – растягивать”⁴². Действительно, главной, отличительной особенностью решетчатого остова стенки юрты как раз и является способность растягивать во время установки. М.С. Муқанов утверждает, что в Восточном Казахстане юрту называют одним словом – *кереге*⁴³. Есть основание считать такое понимание слова *кереге* характерным не только для восточных, но и для всех казахов. Так, в произведении одного из старейших современных писателей, А. Токмагамбетова, выходца из Южного Казахстана, на которого ссылается И. Кенесбаев, встречается выражение: “*баласын уйлендирип болек кереге тургызып берип*” (женил сына и наделил его отдельным *кереге*, т.е. юртой”)⁴⁴.

Таким образом, в казахском языке слово *кереге* ранее употреблялось также для обозначения всей юрты. Если считать более или менее доказательным заимствование решетчато-разборной юрты древнетюркского типа монгольскими кочевниками⁴⁵, то и заимствование названия юрты в несколько измененном виде не вызывает сомнения.

Тюрко-монгольские параллели в названиях частей юрты касаются также и названия купольных жердей: *уык* (тюрк.), *уни* (монг.)⁴⁶, *уин* (калм.)⁴⁷. Очевидно, слово *уык* в семантическом отношении восходит к слову *ок* (стрела), ибо длинная жердь, заостренная с одной стороны, напоминает стрелу, копье.

В тюркских языках верхний круг юрты называется *шанырак*, в монгольском языке – *тон*, в калмыцком – *хара*. По этому поводу в свое время Б.А. Куфтин писал: “*Шангарак* – один из немногих терминов, относящихся к юрте, почти однозвучных у турецких и монгольских народов – *цагрык*”⁴⁸. На наш взгляд, название четырех полуобручей *цагрык* в калмыцком языке напоминает нам о далекой общей основе названия и этой важной составной части юрты⁴⁹.

Ранее отмечалось, что в процессе освоения пространства человек постепенно придает ему “характер организованной структуры”. В силу этого способы структурирования жилого пространства отражают устойчивый комплекс представлений, связанный в конечном счете с представлениями о строении мира и с механизмом ориентации в этом мире⁵⁰. Ориентация жилища не только имеет глубоко символический смысл, связанный с религиозными и мифологическими представлениями человека, но и является как бы ориентиром, позволяющим ему в повседневной практике ощущать себя в определенной точке пространства⁵¹.

Ориентация жилища, как мы уже отмечали, определяется по входу. По нашим полевым материалам, традиционная ориентация юрты у казахов была на восток⁵². По этому поводу можно привести объяснение узбеков из группы кипчак, у которых многие обычаи сходны с казахскими: “Таков обычай наших предков. Предки говорили, что солнце – счастье, оно несет на землю все блага, изобилие человеку”⁵³. Вообще восточная ориентация, поклонение восходящему солнцу является древней культурной традицией тюрков. Так как горизонтальная ориентация древних тюрков обуславливалась движением солнца, то бинарными оппозициями были: вперед (восток) – назад (запад), вправо (юг) – влево (север). В соответствии с культом солн-

ца двери жилища тюрки ориентировали на восток. Вообще восточная ориентация бытовала у средневековых кипчаков, чьи каменные изваяния ориентировались на восток⁵⁴. Поклонение восходящему солнцу имело место и у гуннов⁵⁵, культурные традиции которых прослеживаются и у тюркоязычных народов.

После расстановки решетчатого остова один из самых старых, почетных людей рода (аула) с *баканом* держит *шаанарык* в центре юрты⁵⁶. Это место становится местом очага.

При возведении новой юрты обязательно в честь бога и аруахов закалывали барана, варили его в очаге той же юрты. Интересно, что при закалывании барана звено шейных позвоночных костей оставляли целым и варили в таком виде. После поедания мяса обглоданную шейную кость подавали будущему хозяину этой юрты и он, стоя в центре юрты, у очага, прямо выбрасывал ее через *шанырак*⁵⁷. Присутствующие при этом обряде приговаривали: “*Тутинин тузу шыксын*” (“Пусть дым из твоей юрты выходит прямо”)⁵⁸.

Нам думается, длинный шест во время установки юрты, несколько позднее дым, струящийся из очага в центре юрты и идущий прямо в небо, – все это мировое древо в разных ипостасях. В универсальном представлении народов мировое древо призвано обозначить центр – точку развертывания мира⁵⁹.

Во время возведения *отау* происходила обрядовая борьба за юрту между друзьями жениха и подругами невесты⁶⁰. Первые преследовали цель – снять кошмное покрывало и разобрать юрту, а вторые, вооруженные *баканом* или *соилом* (дубинка), – упорно защитить юрту от друзей жениха. Эта обрядовая борьба мужчин и женщин кончалась выдачей подарков отряду мужчин от имени невесты и ее подруг. По универсальному представлению многих народов мира жилище, дом, “внутреннее пространство” соотносится с женским началом, а внешнее – с мужским⁶¹. Видимо, в этом смысл ритуала, приведенного выше. Возможно, такие порядки сложились у народов на ранней стадии их развития под влиянием половозрастного разделения труда; не исключено, что в рассмотренном казахском обряде мы имеем дело с реминисценцией порядков эпохи матрилинейной родовой общины, когда была особенно выражена принадлежность дома (жилища) женщине (поэтому женщины его и защищают).

Внутренний горизонтальный план юрты, т.е. круг, представляет собой один из самых распространенных способов ограничивания пространства. Человек с момента выделения из природы стремится установить границы и как бы обезопасить себя внутри некоторого замкнутого пространства⁶². У казахов путник, вынужденный ночевать в безлюдной степи, обязательно выбирает для ночевки огороженное место (могила, заброшенное строение, древний курган); если же поблизости нет такого, то перед тем, как лечь спать, он очерчивает вокруг себя круг или же кладет аркан кругом, создавая своеобразную видимость замкнутого пространства.

При выборе места для установки юрты придерживались определенных правил. Обычно местом стойбища-аула выбирали урочище подальше от могильников, перекрестков дорог. В фольклоре казахов и других тюркских народов жрец Асан (Асанкайры), указывая народам или племенам места остановки *коша* (кочевого каравана) и районы заселения, выступает как знаток правил освоения необжитого мира. “И поныне жители у берегов каждой реки, жители горных хребтов и урочищ передают ту оценку, которую дал этой местности в кратких изречениях-стихах Асан”, – писал М.О. Ауэзов⁶³. При перекочевке с одного места на другое аул обычно поселялся там, где были следы старого *журта* (стойбища), так как он входил в

категорию освоенного пространства ("обжитого места"), которое уже прошло проверку временем. Кроме того, *журты* делились на счастливые и несчастливые. Несчастливыми считались те, где прежде свирепствовали эпидемии или эпизоотии. Таких мест обычно избегали или заселяли их по прошествии трех лет после несчастья, предварительно проведя ритуальное очищение стойбища огнем.

Мы рассмотрели жилище в контексте ритуально-мифологической деятельности человека. Попытаемся теперь охарактеризовать его как ритуальный символ и как часть пространства, в котором разворачиваются обрядовые действия.

У казахов для молодой семьи готовили особую юрту. Она входила в приданое невесты. Этот обычай Г. Бонч-Осмоловский рассматривал как пережиток материнско-родовых порядков, когда мужчина поселялся в доме жены и все имущество, в том числе и дом, принадлежало женщине⁶⁴. Жениху вменялось в обязанность приносить верхний круг, дверь⁶⁵ и частично кошмы⁶⁶ для юрты, но это правило появилось, видимо, несколько позднее, когда дом уже стал собственностью мужчины. Наверное, поэтому мужа, браня за какой-либо проступок своих жен, говорили: "*Шаныракка кара*" ("Смотри на шанырак"). По смыслу это означало: "Ты находишься в моем доме".

Юрту молодых обычно ставили за юртой отца жениха или рядом, чуть отступив назад, но ни в коем случае не перед ней⁶⁷. В установке ее участвовали в основном многодетные женщины. Одна из многодетных и счастливых в замужестве женщин поддерживала *шанырак*⁶⁸, пока другие вдевали в него длинные жерди, образующие купол юрты: это якобы способствовало счастливой жизни, многодетности и долголетию будущей четы.

После установки юрты в нее приводили невесту. Она должна была переступить порог обязательно сначала правой ногой и ударить той же ногой по полу в левой стороне юрты. Затем заходил жених и совершал то же действие⁶⁹. Этот казахский обряд Х.А. Аргынбаев объясняет как клятву супругов в будущем взаимопонимании, как обязательство держать в порядке домашнее хозяйство⁷⁰. Соглашаясь с таким мнением, добавим, что удар ногой по полу в семейной части юрты означает, возможно, и приобщение новой семьи к духам предков, к покровителям семьи⁷¹. Это подтверждает следующий за ними обряд закалывания барана в честь бога и аруахов. На следующий день или через день невесту ведут в юрту свекра. Перед входом в юрту свекра невеста должна коснуться лбом притолки. В этом обычае можно усмотреть одно из выражений культа предков; в казахском варианте невеста через касание лбом притолки юрты получала покровительство духов предков жениха.

Затем невеста переступала через порог юрты свекра правой ногой и трижды кланялась. Первый поклон – в честь аруахов, второй и третий – в честь свекра и свекрови. После этого свекровь подавала невестке растопленное сало, и она вылила его в огонь⁷². Многие исследователи подобные обряды так или иначе связывают с культом предков⁷³. Нам кажется, этот казахский обычай имеет связь с более древними пластами религиозных представлений и первоначально относился к культу семейных святынь и покровительниц домашнего очага. Об этом свидетельствуют, как указывалось выше, сопровождающие обряд слова: "*От ана, Май ана, жарылка*" ("Мать-огонь, мать-Умай, благослови"). У многих народов Сибири и Севера домашний очаг олицетворяется в образе "матери огня", "хозяйки огня" или "старухи огня", которой приносят жертву⁷⁴.

При первом визите невесты в доме свекра для нее стелили мягкую (свежую) ба-

ранью шкуру. Одни информаторы отмечают, что шкуру стелили у входа, по другим сообщениям, ее раскладывали на левой половине юрты около очага, ближе к двери (обычно место хозяйки), и сажали на нее невесту⁷⁵.

Как указывалось, в первые месяцы после свадьбы молодая обязана была вставать рано, приоткрывать кошемное покрывало над верхним кругом юрты – *тунлик* в своей юрте и у всех родственников мужа. В этом действии молодой можно усмотреть символическое значение: так она приобщает родственников мужа к солнечному свету. Возможно, не без связи с культом солнца у многих народов существуют ласкательные выражения (солнышко мое, светик мой) – каз. *куним, жарыгым*⁷⁶.

Несомненно, магико-символический смысл имело и покрытие юрты молодых белыми кошмами. Вообще белый цвет – цвет чистоты, сакральных небесных светил (Луны, Солнца, звезд), счастья и радости. В таком значении он встречается в представлении многих народов мира.

Сакральные части юрты – *шанырак*, порог и очаг часто участвуют в обрядах, связанных с родами. При затянувшихся (длительных) родах организовывали *жарыс казан* (буквально: котел соревнования) – в котле варили мясо, а стоявшие вокруг женщины повторяли слова: *Кара катын бурын туа ма: кара казан бурын туа ма?* – “Кто быстрее родит: черная женщина или черный котел?” При трудных родах прибегали также к следующим обрядам: роженица лила масло в огонь очага, приговаривая: “*От-ана, Май-ана, жарылка, кунем болса кеше гор, туйыншегим шеше гор*” (“Мать-огонь, мать-Умай, благослови. Прости, если у меня грехи, развяжи узелки моих родов”). Если ребенок появлялся на свет без звука, то, чтобы пробудить его, били по очагу. В исключительных случаях, когда дети у родителей не выживали, пуповину ребенка перерубал топором мужчина на пороге юрты. В аналогичных случаях перед укладыванием родившегося ребенка в колыбель его проносили над семью очагами. Если дети в семье часто умирали, то, чтобы предотвратить такое несчастье, послед ребенка заворачивали в кошму с семью белыми и с семью черными камешками и подвешивали на *шанырак*. Недоношенного ребенка казахи укладывали в старом *тумаке* (листья шапка) отца и деда и держали его там до 7 дней (по некоторым сообщениям, до 40 дней), повесив на *шанырак*. Кормили и ухаживали за ним, не снимая с *шанырака*. Мать в течение этого времени периодически кусала *кереге*. По народному поверью только при исполнении этих действий ребенок выживет и придет в нормальное состояние. Здесь, по всей вероятности, через контактную магию (подвешивание ребенка на *шанырак*, периодическое “кусание”, скорее, “целование” роженицей остова юрты) недоношенный ребенок и его мать приобщаются к духам предков, получают их заботу и поддержку.

Казахи верили, что многие детские болезни, которые не поддаются никакому лечению, сами по себе исчезнут с возрастом, когда ребенок начнет разбрасывать золу у очага (*ошак басында кул шаша бастаганда жазылады*). При сглазе, обычным признаком которого считали резкий крик ребенка, заставляли подозреваемого в этом вернуть сглаз. Для этого тот должен был при выходе из юрты пнуть порог⁷⁷.

Жилище было местом и похоронно-поминальных обрядовых действий. Умершего сразу после смерти переводили с левой, “семейной”, половины на правую, “гостевую”. Н.И. Гродеков писал: “В продолжении пяти дней... или трех дней в Аулиеатинском уезде не варят в доме, где есть покойник... Если раньше трех дней хотят варить пищу в юрте, то должны перенести ее хотя бы на небольшое расстояние, потому что в ней ангел смерти Азрейл душил покойного, от чего юрта быва-

ет запятнана кровью и осквернена (*макрух*)”⁷⁸. По сообщениям некоторых наших информаторов, казахи считают, что в течение трех дней юрта умершего на уровне трех *кез кереге* (“глазки” – отверстия в решетке остова юрты) наполняется “невидимой” кровью. Поэтому угощение в честь умершего давалось в юрте родственникам умершего. Место омовения считалось оскверненным, там ставили знак или зажигали огонь и пепел от него оставляли на некоторое время. Юрту, где производилось омовение, окуривали растением адраспан (дикая рута) или можжевельником.

Из помещения умершего выносили головой вперед. По сообщениям некоторых информаторов, при выносе покойника останавливались у входа и опускали носилки с трупом три раза к порогу⁷⁹. Сами информаторы этот обычай объясняют по-разному: “вынос умершего из юрты именно головой и опускание у порога связано с желанием, чтобы за ним не последовал еще один покойник”, “прощание покойника со своим родным порогом”. Об аналогичном обычае у обских угров В.Н. Чернецов высказал интересное соображение: “Остановку на пороге нельзя ли понять как реминисценцию древнего обычая доанимистической стадии, когда умершего хоронили в самом жилище? Ведь пережитком последнего обычая является культ очага и порога, мест, считавшихся обиталищем духов предков”⁸⁰.

Казахи на юрте покойного в знак траура вывешивали платок, цвет которого зависел от возраста умершего: белобородому старику – белую бязь или мату, мужчине в возрасте 25–40 лет – черный платок, а 20–25 летним – красный платок⁸¹.

В период траура у казахов был обычай изготовления символического изображения умершего. “По окончании похорон внутри юрты ставят болвана, наряженного в лучшее платье и имеющего сверх него панцирь или кольчугу, а на голове – шлем...”⁸².

По окончании годичных поминок существовал обряд переламывания копья (*найза*): “Заранее назначенный переломить *найзу* человек садится на почетное место в передней части юрты и приказывает джигиту ее переломить. Вдова и дочери, схватившись за древко *найзы*, ее защищают и не дают. В это время несколько молодых людей становятся на коленях снаружи юрты и крепко держат верхушку *найзы*, джигит в юрте схватывает древко посередине и переламывает его; тут поднимается такой вой, плач, стон, что нельзя ни описать, ни вообразить”⁸³. Как правило, в переламывании *найзы* участвует родственник умершего, и по обычаю левирата он должен стать мужем вдовы.

Если вдова долго не соглашалась выйти за него замуж, то законные претенденты на ее руку при последнем предложении говорили ей так: “*Некенди биздин би-реуимизге ки не болмаса, босага мен кебежеге ки*” (“Сочетайся браком или с кем-либо из нас, или с порогом и *кебеже* (деревянный ящик, в котором хранятся продукты)”). Это еще означало: “За другого тебя мы не отдадим”. Первая часть этой формулы понятна, а вот вторая часть: “сочетайся браком с порогом и *кебеже*” – требует объяснения. Нам кажется, в этом изречении сохранилось архаичное представление, связанное с анимизмом. Казахи, как и многие народы, верили, что порог является местом обиталища духов умерших⁸⁴. Такое же представление, видимо, существовало и в отношении мест приготовления и хранения пищи⁸⁵. На этом основании можно предположить, что когда-то бытовавший обряд “сочетания браком с порогом и *кебеже*” означал, что вдова остается в супружестве с духом умершего мужа.

Таким образом, казахская юрта является не только памятником материальной культура народа, но имеет и другое идеологическое, глубоко символическое содер-

жение, в котором сосредоточена самая разнообразная информация о религиозно-мифологической народной картине мира.

В народной картине мира казахов и их предков моделью служили, во-первых, постижимые обыденному сознанию народа внешние признаки окружающего мира (см. аналогию “макрокосм—юрта”), во-вторых, человеческое тело, человеческое жилище, человеческое общество.

Внутренняя структура юрты в вертикальном плане делится на три уровня, в горизонтальном — на семь, четыре и две части. На наш взгляд, в членении горизонтального пространства мы имеем дело с традициями разных уровней и времен: деление жилища на женскую и мужскую половины (т.е. на две части) является следствием генетического предрасположения. Четырехчастное деление внутренней планировки юрты, соотносимое с четырьмя сторонами света, исходит из общей аналогии между представлениями об устройстве Вселенной (макрокосма) и жилища. Семичастное деление жилого пространства юрты является традицией сравнительно поздней — периода высокого совершенства и полного освоения внутренней части юрты. Кроме того, число семь, как один из универсальных параметров модели мира различных культурных традиций, связано с религиозно-мифологическим характером видения мира.

Шанырақ, дверь и очаг — части юрты с высокой степенью семиотичности, знаковости и сакральности. Большинство семейных и культовых обрядов совершаются с участием этих ритуальных символов.

Важный компонент народной культуры — жилище и существенный социально-экономический институт — семья — тесно взаимосвязанные, взаимообусловленные категории. Поэтому большинство семейных религиозно-мифологических обрядовых действий совершаются в жилище и с участием его отдельных ритуально важных элементов.

¹ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1964. Т. 3. С. 26–29; Маковецкий П. Юрта (летнее жилище киргизов) // ЗЗСО. Омск, 1893. Кн. 15, вып. III. С. I–II.

² Куфтин Б.А. Киргиз-кайсаки. Культура и быт. М., 1926. С. 20–26, 29–35; Маргулан А.Х. Казахская юрта и ее убранство. М., 1964. Муканов М.С. Казахская юрта. Алма-Ата, 1981.

³ Лотман Ю. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. Вып. I. С. 14; Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 63.

⁴ Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформации в раннесредневековый период. М., 1976. С. 15, 19.

⁵ Загадки. Алма-Ата, 1940. С. 67 (на каз. яз); Полевые записи. 1979 г.

⁶ Матов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952. С. 66.

⁷ Полевые записи автора. 1976, 1981 гг. — Восточно-Казахстанская, Джамбулская области.

⁸ Валиханов Ч.Ч. Тенгри (бог) // Собр. соч.: В 3 т. Алма-Ата, 1961. Т. 3. С. 115–116.

⁹ Турсунов А. Философские основы космологии. М., 1977. С. 6–7.

¹⁰ Зуев Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 65.

¹¹ Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982. С. 49.

¹² М.С. Муканов выделяет пять частей юрты. См.: Муканов М.С. Казахская юрта. С. 51–57.

¹³ Мелиоранский П. Памятник в честь Кюль-Тегина // ЗВОРАО. СПб., 1889. Т. 12. С. 82–83.

¹⁴ Казак тилинин кыскаша этимологиялык создиги (Краткий этимологический словарь казахского языка. На каз. яз.). Алматы, 1966. С. 188.

¹⁵ Толлеубаев А. Пережитки анимистических представлений казахов // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1980. С. 53–54.

¹⁶ Балаубаева-Голяховская А.М. Погребальные обряды у казахов Акмолинской губернии // Сб. науч. кружка при восточном фак. САГУ. Ташкент, 1928. Вып. I. С. 20; Аргынбаев Х.А. Казак халкындагы семья мен неке. Алматы, 1973. С. 108.

- 17 Шишло Б.П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 255.
- 18 Об этом подробнее см.: *Толеубаев А.* Пережитки анимистических представлений... С. 51–52.
- 19 *Алтынсарин И.* Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского воеводства // ЗООРГО. Казань, 1870. Вып. I. С. 115; и др.
- 20 *Жубанов Х.* Исследования по казахскому языку. Алма-Ата, 1936. Вып. I. С. 13.
- 21 *Каскабасов С.А.* Казахская волшебная сказка. Алма-Ата, 1972. С. 74.
- 22 *Севертян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. Т. I. С. 486–487.
- 23 Казахтн макал-молелдерл (Казахские пословицы и поговорки. На каз. яз. Алматы, 1980. С. 51).
- 24 Число семь как один из существенных параметров модели мира засвидетельствовано во многих культурных традициях шаманского и нешаманского типа. См.: *Фролов Б.А.* Число в графике палеолита. Новосибирск, 1974; *Коселева М.Я.* Происхождение магических чисел // Страны и народы Востока. М., 1965. Вып. 4; *Иванов В.В., Топоров В.Н.* К описанию некоторых кетских семиотических систем // ТЗС. Тарту, 1965. Вып. II. С. 141–143; и др.
- 25 *Байбурын А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 12.
- 26 *Фатиков Р.Р.* К семантике шанырака // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 179.
- 27 *Лелеков Л.А.* Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н.э. // История и культура народов Средней Азии: Древность и средние века. М., 1976. С. 12–15.
- 28 *Михайлов Т.М.* Из истории бурятского шаманизма. Новосибирск, 1980. С. 143–152.
- 29 *Стеблева И.В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. М., 1972. С. 213–214.
- 30 О роли границ в различного рода памятниках культуры см.: *Лотман Ю.М.* О метаязыке типологических описаний культуры // ТЗС. Тарту, 1969. Вып. 4. С. 470–471.
- 31 Ср. у восточнославянских народов. См.: *Байбурын А.К.* Жилище в обрядах... С. 133–134; и др.
- 32 Там же. С. 136.
- 33 *Муканов М.С.* Казахская юрта. С. 221.
- 34 *Аргынбаев Х.А.* Казак халкындыгы семья мен неке. Алматы, 1973. С. 203.
- 35 *Кенесбаев I.* Казак тилинин фразеологиялык создиги. Алшматы, 1977. С. 558–589.
- 36 *Куфтин Б.А.* Киргиз-кайсаки. С. 34; *Маргулан А.Х.* Казахская юрта и ее убранство. С. 10.
- 37 *Попов А.А.* Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 149; *Вайнштейн С.И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4. С. 42–43; *Муканов М.С.* Казахская юрта. С. 199–200.
- 38 *Муканов М.С.* Казахская юрта. С. 205.
- 39 Казак тилинин тусиндирме создиги (Толковый словарь казахского языка. На каз. яз. С. 312).
- 40 С.А. Козин переводит термин *терме гер* как “решетчатая юрта”. См.: *Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монг. хроника 1240 г. М., 1941. Т. I. С. 190; Н.П. Шастина этот термин переводит как “юрта с острой (конической) верхушкой”. См.: *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи. М., 1973. С. 237.
- 41 Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 300.
- 42 *Куфтин Б.А.* Киргиз-кайсаки. С. 25.
- 43 *Муканов М.С.* Казахская юрта. С. 206.
- 44 *Кенесбаев I.* Казак тилинин фразеологиялык создиги. С. 248.
- 45 *Вайнштейн С.И.* Проблемы истории жилища... С. 52–54; *Кызласов Л.Р.* Ранние монголы // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 173.
- 46 *Шепетильников Н.М.* Архитектура Монголии. М., 1960. С. 65.
- 47 *Пюреев Д.Б.* Архитектура Калмыкии. М., 1975. С. 10.
- 48 *Куфтин Б.А.* Киргиз-кайсаки. С. 34.
- 49 *Пюреев Д.Б.* Архитектура Калмыкии. С. 10.
- 50 *Байбурын А.К.* Жилище... С. 120, 126.
- 51 *Цивьян Т.В.* О некоторых способах отражения в языке оппозиции внутренний/внешний // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973. С. 243.
- 52 Полевые записи автора. 1976, 1977 гг. – Семипалатинская обл.; 1978 г. – Павлодарская обл.; 1979 г. – Тургайская, Кустанайская области; 1980 г. – Алма-Атинская обл.; 1982–1983 гг. – Джамбулская обл. Правда, реальная ориентация не всегда совпадала с идеальной – в зависимости от господствующего направления ветра, а также рельефа местности в горах иногда встречаются ориентации на юго-восток или северо-восток.
- 53 *Шаниязов К.* К этнической истории узбекского народа: Ист.-этногр. исследование на материалах кипчак. компонента. Ташкент, 1974. С. 37.

- ⁵⁴ Карпини П. История монголов // Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 102–103.
- ⁵⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. I. С. 50.
- ⁵⁶ Ибрагимов И. Этнографические очерки киргизского народа // РТ. М., 1872. Вып. 2. С. 142; Обычай киргизов Семипалатинской области // РВ. СПб., 1878. Т. 137. С. 38–39.
- ⁵⁷ См. также: Плотиников Вл. Заметки на статью г. Алтынсарина "Очерк киргизских обычаев при сватовстве и свадьбе", читанную в Оренбургском отделе РГО 23 марта 1868 года // ЗООРГО. Казань, 1870. Вып. 2. С. 135–136.
- ⁵⁸ Аргынбаев Х.А. Казак халкындагы. С. 203.
- ⁵⁹ Байбурун А.К. Жилище... С. 59–60.
- ⁶⁰ ЦГА. Республики Казахстан. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5089. Л. 78, 128; Женщина в кочевом быту // Туркестан. ведомости. 1889. 22 авг.
- ⁶¹ Байбурун А.К. Жилище... С. 77–78. Ср. с казахской пословицей "Ер туздик, эйел – уйлик" ("Мужчина создан для внемашного, а женщина – для дома").
- ⁶² Цивьян Т.В. О некоторых способах отражения... С. 243.
- ⁶³ Ауэзов М.О. Мысли ранних лет. Алма-Ата. 1961. С. 100–101. Об этом также см.: Габуллин М. Фольклор казахского народа. Алма-Ата, 1974. С. 146–147. (на каз. яз.).
- ⁶⁴ Бонч-Осмоловский Г. Свадебные жилища турецких народностей. Л., 1925. С. 109.
- ⁶⁵ Аргынбаев Х.А. Казак халкындагы. С. 202.
- ⁶⁶ Диваев А.А. О свадебном ритуале киргизов Сыр-Дарьинской области. Казань, 1900. С. 19; Алтынсарин И. Очерк обычаев... С. 113.
- ⁶⁷ Об аналогичном обычае у монголов см.: Пюреев Д.Б. Архитектура Калмыкии. С. 15.
- ⁶⁸ Обычай киргизов Семипалатинской области.
- ⁶⁹ Ибрагимов И.И. Этнографические очерки киргизского народа. С. 142.
- ⁷⁰ Аргынбаев Х.А. Казак халкындагы. С. 204.
- ⁷¹ Полевые записи автора 1976 г. – Восточно-Казахстанская обл.; 1977 г. – Семипалатинская обл. В аналогичной ситуации невесты у каракалпаков наклонялись над порогом, касаясь его кончиками пальцев рук; у южномакедонских болгар невеста три раза кланялась порогу.
- ⁷² Алтынсарин И. Очерк обычаев... С. 115; Полевые записи автора, 1978 г.
- ⁷³ Ковалевский М. Этюды о современном обычае и древнем законе России // ВВ. Казань, 1903. № 12. С. 2–3; Аргынбаев Х.А. Казак халкындагы. С. 224; и др.
- ⁷⁴ Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964. С. 256–263.
- ⁷⁵ Алтынсарин И. Очерк обычаев... С. 115; Полевые записи автора, 1978 г. – Семипалатинская обл.; 1973 г. – Джамбулская обл.
- ⁷⁶ Бонч-Осмоловский Г. Свадебные жилища... С. 113.
- ⁷⁷ Полевые записи автора, 1976 г. – Восточно-Казахстанская обл. Об аналогичном обряде у каракалпаков см.: Есбергенев Х.К., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975. С. 131; Полевые записи автора, 1977 г. – Семипалатинская и Павлодарская обл.; 1979 г. – Тургайская обл.; 1976 г. – Восточно-Казахстанская обл.; 1978 г. – Семипалатинская обл.; 1983 г. – Джамбулская обл.; 1984 г. – Мангышлакская обл. Среднеазиатские евреи пропускали ребенка через отверстие в печи. См.: Амитин-Шапиро З.Л. Веражения и обряды среднеазиатских евреев, связанные с материнством и ранним детством // СЭ. 1933. № 3/4. С. 152.
- ⁷⁸ Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889. Т. 1. С. 257.
- ⁷⁹ Полевые записи автора, 1977 г. – Семипалатинская и Павлодарская обл.; 1984 г. – Оренбургская обл.; 1979 г. – Кустанайская обл.; 1978 г. – Семипалатинская обл. См. также Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1976. Т. III. С. 156.
- ⁸⁰ Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров // ТИЭ АН СССР. М., 1959. С. 153. (Н.С.; Т. 51).
- ⁸¹ Алтынсарин И. Очерк обычаев при похоронах и поминках киргизов Оренбургского ведомства // ЗООРГО. Казань, 1870. Вып. 1. С. 120; Диваев А. Древнекиргизские похоронные обычаи // ИОАИЭ. 1897. Вып. 1. С. 4–7.
- ⁸² Спасский Г.И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // Сиб. вестн. 1820. Ч. 10. С. 162–163.
- ⁸³ Обычай киргизов Семипалатинской области. С. 53–54.
- ⁸⁴ Полевые записи автора, 1982 г. – Джамбулская обл.; 1984 г. – Оренбургская обл.
- ⁸⁵ Снесарева Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 117–118.

Обряды и верования каракалпаков, относящиеся к юрте

Юрта у каракалпаков, как и ряда других народов, до недавнего времени служила не только традиционным жилищем новобрачных, но и местом проведения традиционной обрядности, развлечений, праздников и т.п. Состоятельные каракалпаки до 1920-х годов ставили новую юрту (*отау*) при женитьбе сына или выдаче дочери замуж. В большинстве случаев деревянные части юрты изготовлялись в доме жениха, а тканые изделия в качестве приданого невеста приносила с собой. Иногда, в случае бедности жениха, основную заботу об обеспечении молодой семьи жильем брали на себя родители невесты. Однако по мере возможности ответственность за установку юрты для новобрачных брали на себя родители жениха. Они давали сырье – шерсть – и другие необходимые материалы для подготовки убранства юрты: ковров, войлока и постельных принадлежностей (*калын-мал*). К ним отец невесты добавлял материалов не меньше, чем отец жениха.

В прошлом с юртой был связан целый ряд обычаев и обрядов. Многие из них встречаются во время ее установки, а также при изготовлении деревянных и иных частей. В низовьях Амударьи живут потомственные мастера – каракалпаки, занимающиеся производством деревянных частей уже на протяжении девяти поколений¹. Мастерство передавалось через ученичество (*шэкирт*), которое длилось в течение 3–4 лет, затем с разрешения мастера начиналась самостоятельная работа. По окончании срока обучения иногда мастер, а в большинстве случаев ученик устраивал односельчанам, в основном взрослым мужчинам, коллективное угощение. Гости после еды давали наставления, благословения и благопожелания. Мастер обязательно должен был подарить ученику один из своих инструментов. По сообщениям информаторов, покровителем мастеров по изготовлению юрты был Ибрахим Халил (Али). Прежде чем приступить к изготовке деревянных частей юрты, мастер должен был ознакомиться с *рисоля* (устав с тюркским текстом, написанным арабской графикой). В уставе имелись правила о честности, чистоте рабочего места, признании единого божества, пророков и покровителя мастеров Ибрахим Халила (Али), о нормах жертвоприношения для них из дохода каждого мастера. Прежде чем приступить к изготовлению остова юрты (*кереге*), мастер (*уйши*) совершал омовение, произносил молитву; жена его жарила в масле *бауырсак* (печенье в форме ромбиков), которое называлось *ийис шыгарыу* (вознесение запаха); печенье раздавали соседям, после чего мастер, согласно ритуалу, просил разрешения у своего покровителя Ибрахим Халила начать работу. Юрта сооружалась из тонкого, гибкого, крепкого ивня-

ка (*жаневит*). Каракалпаки не использовали березу (*кайын*), мотивируя это тем, что береза принесет несчастье². По традиционным представлениям каракалпаков мастер и его мастерская (*киели*) священны. Поэтому в мастерскую совершали паломничество бездетные женщины, психические больные, принося жертвоприношения. Больные мужчины заходили в мастерскую, а женщины-паломницы лишь обходили вокруг мастерской.

Изготовление юрты сопровождалось некоторыми приметами. Так, мастер, который делал каркас юрты, никогда не изготовлял к ней дверь (*ергенек*), ибо считалось, что он умрет, если сделает сам и юрту, и дверь к ней. Здесь интересна ситуация распространения “порчи” не на тех, кто будет жить в юрте, а на мастера. Удачными днями для установки юрты считались среда и четверг. Установка юрты была делом женщин.

По укоренившемуся правилу жерди решетки между собой соединялись ремешками (*кок*) из сыромятной кожи (*хам*) крупного рогатого скота или верблюда. Если они отсутствовали, то использовалась кожа любого другого употребляемого в пищу животного (*халал*). Нарушение этой традиции по представлениям каракалпаков приводило к тому, что дым очага не выходил через верхнее отверстие юрты (*шангырак*).

Для благополучия жителей сооружаемой юрты с участием взрослого мужчины определяли чистое место, где нет “злого духа”. О времени установки юрты накануне не сообщали родственникам, свойственникам, соседям.

Таков же обычай и некоторых групп туркмен. В частности, у текинцев по случаю установки новой юрты бытовала одна из игр – “доставание платка” или “прыгать в юрту”; сарыки возводили деревянный каркас юрты без передних коротких купольных жердей и без двери, вместо которой ставили только две боковые стойки. К купольному кругу в юрте подвешивали красивые платки и куски ткани. Юноши, принимавшие участие в состязании, по очереди подпрыгнув с разбегу, старались достать платок или кусок ткани, который и получали в качестве приза³.

Для участников праздника резали скот и готовили угощение. Каждый приглашенный приносил подарки (*сауга*): скот, деньги, отрезки ткани – и говорил: “*Кутлы коныс болсын!*” (“Пусть будет благополучным место”). Приглашенные, уходя, также брали из этого дома подарки. Если в юрте хозяева много болели, умирали или женщина не рожала и были всякие другие неудачи, тогда считали, что выбранное для юрты место не благополучно (*коныс*). Видимо, здесь прослеживаются реликты верований древних тюрок о счастье (*кут*), связанном с удачей⁴. Когда место имеет *кут*, то в семье много детей, все здоровы, семья процветает в благополучии⁵.

По верованиям каракалпаков *кут* не имел определенной формы, облика, места обитания, так как он мог быть в человеке, в озере и в домашнем скоте. Когда продавали домашний скот, хозяин брал немного его шерсти, иначе с проданной скотиной могло уйти счастье. Отсутствие детей у супругов каракалпаки объясняли наличием злого духа или березы возле юрты; необходимо было переселиться или срубить березу, так как в этой местности не было для них *кут*. Аналогичные верования и обычай переселения были у якутов⁶, а также алтайцев, у которых *кут* представлялся душой ребенка. У алтайцев еще не так давно, в 20-е годы, молодая пара перебиралась на другое место, а прежнее жилище разрушалось, если у них долго не появлялись дети⁷.

Верования и обряды, связанные с местностью, где устанавливали юрту (*журт*),

свидетельствуют об этнокультурных связях каракалпаков с другими тюркоязычными народами с древнейших времен. По мнению Н.А. Баскакова, “этимология слова *qut*, общего и для монгольских, и для тунгусо-маньчжурских языков, может быть связана с общеалтайским его происхождением”⁸.

Раньше состоятельные люди и во время установки новой юрты (*шанарак коте-риу*) устраивали празднество с угощением, жарили ритуальное печенье *бауырсак*, приглашали опытную женщину и ее помощниц, которые, прежде чем начать установку юрты, молились своей покровительнице Биби Фатиме. Сооружение юрты начиналось с двери – всегда двухстворчатой; она устанавливалась в дверной раме, состоящей из порога (*босага*), верхней притолоки (*манглайша*) и двух боковых стоек (*тул агаш*, *жан агаш*), привязанных к решеткам *кереге*. На створках дверей, составленных из двух-трех филенок, обычно имелась орнаментальная резьба, ею украшали также притолоку. Двери открывались внутрь. Юрта устанавливалась всегда входом на юг.

К культу предков уходят древние религиозные верования и обряды, связанные с порогом юрты. Культ порога юрты прослеживается в погребально-поминальных ритуалах, в свадебной церемонии, а также в процедурах, связанных с рождением и воспитанием детей. Например, когда при установке новой юрты (*отау*) устраивали празднество, то резали жертвенный скот (*жан садака*) на том месте, где у юрты должен был быть порог. Чтобы не сократить жизнь человека и чтобы дети не остались сиротами, не полагалось наступать, а тем более садиться на порог. Проклятием считалось бить руками по порогу. Если человек, входя в юрту, спотыкался, это считалось хорошим предзнаменованием – его угощали сладостями, маслом. Культ порога прослеживается также у некоторых тюркоязычных народов Сибири. Например, хакасы-сагайцы не разрешали детям садиться на порог, иначе они будут расти медленно⁹.

Невеста, впервые вступающая в дом будущего мужа, и женщина после рождения каждого ребенка должны были поклониться порогу и прикоснуться лбом к нему, а затем переступить через него правой ногой. За проход через порог женщины приносили отцу и матери мужа подарки (*илеу*): халат, платье, тубетейки.

Перед выносом покойного соблюдался обряд трехкратного прикосновения его головой к порогу, так как верили, что в этом случае он забудет вход и не вернется в дом, где жил. Порог считался великим (*уллы*), священным (*киели*). Иногда порог называли золотым, желая этим его возвеличить. Запрещалось здороваться через порог, потому что в таком случае считалось, что у человека одна нога в юрте, а другая в могиле¹⁰.

Истоки обычая, когда невеста перед входом в юрту будущего мужа дает выкуп за проход через порог и три раза притрагивается рукой, затем лбом к порогу, видимо, связаны с тем, что она просит предков жениха принять ее в состав своих потомков и приобщить к новой семье. Этот обряд соблюдался и во время паломничества к святым местам (*мазар*), если просили у них помощи в избавлении от бездетности, болезни, всяких неудач.

Одной из форм проявления культа предков является закапывание последа ребенка под порогом юрты, чем стремились сберечь жизнь последующих детей. При этом необходимо отметить, при рождении сына послед закапывали под порогом вместе с костью для игры асык (*астрагал*, *альчик*). Если рождалась дочь, то с последом закапывали просо. В обоих случаях послед закапывался отцом новорожденного слева от входа. Этот ритуал, видимо, был вызван представлением о тесной свя-

зи последа и новорожденного, и поэтому осуществлялся ряд мер по охране последа. А что касается закапывания его именно слева от входа, т.е. на месте, где человек рождается, где сидит невеста, вошедшая первый раз в дом, где помещают покойника до его выноса, то это подчеркивает особое значение, придававшееся охране последа. Обычай закапывания последа с костью для игры и просом, видимо, был связан с полукочевым типом хозяйства: асык символизировал скотоводство, а просо — земледелие.

Аналогичные обычаи закапывания последа и связанные с этим обряды и верования были и у других народов Средней Азии и Казахстана. По данным Г.П. Снесарева, в Хорезме узбеки всюду послед зарывали в доме, у порога его дверей. Вместе с ним помещали *альчик*, если желали, чтобы следующим ребенком был мальчик¹¹. Узбеки других районов и таджики при рождении сына также послед закапывали под порогом с *асыком*. А.Л. Троицкая, описывая обряды оседлого населения бывшего Ташкентского и Чимкентского уездов, отмечает, что послед закапывают с ошибкой (*альчик*), если родился мальчик, с куклой, если — девочка, в той же комнате, в углу, или у порога, выбирая место, где меньше ступают¹².

Истоки этого обряда связаны с древними традициями народов Средней Азии. Об этом свидетельствуют археологические данные. Например, при раскопках на городище Топрак-кала, памятника античности и раннего средневековья IV–V вв., среди предметов найдены *альчики*¹³. Археологами Каракалпакии на городище Курганча Тахтакупырского района обнаружены *альчики* под порогам в слоях VII–VIII вв. В 1959 г. участниками Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции АН СССР в северо-восточном углу крепости Маштак-ата, близ одноименного кладбища, расположенного на территории Кунградского района, обнаружен небольшой *хум*, заполненный *альчиками*. Городище датируется XII–XIII вв.¹⁴ Видимо, *альчики* хранились как культовые предметы. Память об их сакральном значении сохранялась у местного населения до недавнего времени. Не случайно старые каракалпаки говорят: «Пусть всегда твой *альчик* примет стойку “*алиы*”», что равноценно доброму пожеланию счастья на все времена.

Когда заканчивали установку остова юрты, поднимали купольный круг (*шангарак*) *баканом* (длинный шест из крепкого дерева с короткой развилкой на вершине). В это же время в середине юрты по обычаю помещали мешок с пшеницей, камни и другие тяжелые грузы, чтобы юрта стояла прочно и в ней жили счастливые. Приглашенные, особенно родственники (племянники, зятья) и соседи, привязывали к *шангараку* отрезки ткани, фрукты, деньги, женские украшения, халаты и др. Все это называлось *шангарак кэде* — обычай (выкупа) *шангарака*. Хозяйка дома бросала через *шангарак* джиду, урюк, бауырсаки, монеты и т.д.

Обычай размещения мешка с пшеницей на середине юрты рассматривался как пожелание многодетности, богатства, возможности раздавать приглашенным вещи, сласти. После установки юрты все эти вещи раздавались присутствующим, а из пшеницы и мяса зарезанного животного готовили еду и коллективно съедали, затем молились, чтобы в этой юрте была счастливая жизнь. Полученные вещи и угощение в этом случае считались сакральными.

Перед тем как покрывать новую юрту кошмами, к *шангараку* привешивали качели, на которых качалась молодежь. Необходимость качелей при установке юрты объясняется тем, что при этом происходил важный рабочий момент: *шангарак* плотно садился на *уики*, которые под тяжестью сами находили наиболее рацио-

нальное сопряжение с головками *кереге*. В результате весь каркас приобретал более правильный и устойчивый характер. При этом существовало несколько обязательных предписаний: качаются на качелях только парами – мальчик и девочка. Они должны это делать стоя, чтобы одна нога мальчика находилась между ногами девочки. Движение качелей обязательно должно осуществляться от входа к задней стене юрты, т.е. по оси север–юг.

Известно, что качели были широко распространены у народов Средней Азии как один из видов развлечений на народных праздниках, свадьбах, гуляньях. Общеизвестна также связь обычая катания на качелях с реликтами культа плодородия. Например, у таджиков зафиксирован обычай катания на качелях гостей, пришедших в дом на смотрины новорожденного, в весенних и свадебных обрядовых циклах, связанных с благопожеланиями плодovitости, жизненной силы младенцу и семье. Хорошо известно, что у разных народов обычай катания на качелях рассматривается как имитативно-сексуальный прием магии, объясняемый стремлением вызвать плодородие¹⁵.

Культ плодородия связан с пшеницей – символом обильного потомства. Камень – пожелание прочности установки юрты. В свадебной церемонии и в обрядах, связанных с жилищем, наблюдаются такие же представления у многих народов мира. Например, на о. Целебес при вступлении в брак невеста брахмана наступает на камень, считая, что брак будет твердым, как камень. Жители о. Мадагаскар молились камням, чтобы дом был прочным. Вместе с тем некоторые народы, в частности перуанские индейцы, использовали одни виды камней для увеличения урожая земледелия, другие – для умножения скота¹⁶.

Истоки обряда *шашиу* (выбрасывание через дымовое отверстие юрты сладостей, джиды и других фруктов) также восходят к древнему периоду истории человечества. Подобные участники обряда сласти и фрукты считались талисманами (*теберик*). Подобный ритуал встречается также в свадебном обряде, в момент прибытия невесты в дом мужа и в праздник положения ребенка в колыбель. При выносе тела умершего из дома его обсыпали мелкими монетами (*тенге шашиу*), фруктами (урюк, джида), печеньем (*бауырсак*). Эти вещи считались талисманами, и присутствующие дети и женщины подбирали их, надеясь излечиться от некоторых болезней (женщины от бесплодия, дети от заикания и т.д.). Аналогичный обряд был у таджиков и узбеков¹⁷. Очень древним считалось представление, что в предметы, которыми осыпают умершего и которые затем собирают присутствующие, переходит какая-то частица благодати покойного, особенно если это был старик, доживший до преклонных лет и имеющий обильное потомство.

Внутри юрта делилась на определенные участки, где совершались обряды, располагались гости, домашние вещи, утварь и т.д. Так, налево от входа находилась правая сторона (*он жак, жапсар*). Она считалась мужской половиной юрты. Там на *кереге* развешивали мужскую одежду, уздечки, клали седла. По традиции здесь же располагалась невеста со своими подругами за занавесью (*шамылдык*), тут же была и роженица; в этой части за занавесью помещали и тело покойника. Таким образом, человек в момент рождения, вступления в брак, смерти находился на правой стороне юрты. Для лечения от бездетности и в случае, когда дети часто умирали, переносили вещи с левой стороны на правую, сохраняя это правило до тех пор, пока дети не спрашивали, почему в их юрте вещи расположены не так, как в других юртах.

У текинцев Мургабской долины так же, как и у иомутов и човдуrows, бывали

случаи, когда женщина нарушала традиционный порядок расположения мужской и женской половин в юрте и меняла их местами. Этот “ырым” (“рым”) применяли тогда, когда на семью обрушивались неудачи или случались какие-то болезни, несчастия с детьми или скотом¹⁸.

Справа от входа находилась женская половина (*шеп жак, казан аяк*), здесь располагались все предметы, связанные с приготовлением пищи, и устанавливали очаг с котлом, домашнее имущество, которым распоряжались женщины. На решетчатую стену в этой части юрты вешали ковровый мешок для посуды (*керги*), кожаные мешки (*шанаиш*) с мукой, рисом, просом, тыквенные сосуды с маслом и другими продуктами. Раньше на этой половине у входа в юрту помещали ручной жернов (*дигирман*). Таким образом, в женской половине юрты были расположены основные хозяйственные предметы и все домашнее имущество, которым распоряжались женщины.

Аналогичное деление юрты было и у других тюркоязычных народов, например у казахов, ногайцев, узбеков Каракалпакии¹⁹. Об узбеках Кунградского района К.Л. Задыхина писала: “Внутри помещение юрты разделяется следующим образом: *чап-аяк* или *сол-бет* – левая сторона; *он-аяк, он-бет* или *казан-бет* – правая; *тор* – почетное место и место хозяина у задней стены юрты”²⁰. Видимо, истоки обычая сходного деления внутри юрты у этих и других народов едины и относятся, по предположению некоторых ученых, к бронзовому и раннему железному веку. Анализируя один из петроглифов Кызылкума, А.В. Оськин пишет: “На материалах одного памятника мы попытались расшифровать структурные закономерности в петроглифах эпохи бронзы и раннего железного века. Выявлен принцип построения некоторых иконографических структур. В основе его лежит разнополая двои́чная система, ориентированная по странам света: женские (восток), мужские (запад). При горизонтальном размещении парных разнополюх фигур за фигурами женского пола закреплена левая сторона композиции, за мужскими – правая”²¹. По мнению А.В. Оськина, отношения боковых сторон композиций (правая–левая) устойчиво связаны с представлениями восток–запад, т.е. с культом солнца. Культ солярных явлений был широко распространен среди древних и средневековых предков каракалпаков.

Одной из принадлежностей юрты, расположенных в правой части юрты, было приспособление в виде длинного шеста (2,5–3 м) с короткой развилкой на вершине – *бакан*, который в представлении народа связан с культом плодородия. Этот шест используется при установке различных деталей верха юрты: им поднимают верхний круг юрты, используют ежедневно при открытии *тундик* (кошма, закрывающая *шангарак*). Сохранились обряды и верования, связанные с *баканом*, который считался священным: запрещалось перепрыгивать через него, в противном случае он якобы повредит здоровым людям. В свадебном обряде во время церемонии выкупа *баканом* (*кэде*) преграждали путь сватам жениха и невесты, через него нельзя было перепрыгнуть, и только после уплаты выкупа его убирали и разрешалось продолжать путь²².

До недавнего времени у каракалпаков среди обязательных предметов в помещении во время родов имелись *бакан* и уздечка. С момента начала схваток *бакан* устанавливали с левой стороны от двери в вертикальном положении, к нему прикрепляли в горизонтальном положении другой, упирающийся в *кереге* на такой высоте, чтобы роженица, стоя на коленях, могла опираться на него грудью во время родов. При этом она руками держалась за уздечку (*жуен*), привязанную к горизон-

тальному *бакану*. В каракалпакском эпосе “Сказание о Шарьяре” очень ярко описан этот ритуал, причем, со всеми этнографическими деталями:

А как только полночь пришла,
Звезды высыпав без числа.
Наступил долгожданный час –
Гульшара рожать начала.
Застонала она в ночи,
С ложа встала она в ночи
И схватилась что было сил
За высокий шесть из арчи.
Этот крепкий шест для нее
Был заранее в землю врыт,
Был упруг этот длинный шест
И красивой резьбой покрыт.
И привязана крепко к нему
Золотая узда была,
Чтоб, держась за эту узду,
Поскорей она родила²³.
(Подчеркнуто нами. – *Авт.*)

Аналогичные моменты, связанные с родами, приводятся в поэме классика до-революционной каракалпакской литературы Бердаха “Акмак патша”²⁴.

В случае задержки последа раньше на *бакан* вывешивали вату (*пахта*) и в очаг лили сливочное масло.

Немало обрядов и верований было связано с очагами. В центре юрты устанавливался квадратный очаг с невысокими бортами (*аташтан, алакшын*), который использовали для освещения и отопления: делалось небольшое углубление (15–20 см), хорошо смазанное глиной. По краю земля плотно утрамбовывалась, иногда устраивался и деревянный бордюр (*алакшын*). На правой от входа стороне строили круглый очаг из обломков кирпичей на глиняном растворе, хорошо оштукатуренный со всех сторон. В этот очаг лили еще до употребления в пищу несколько капель первого молока коровы, отделяли немного и от нового урожая, а также еду, принесенную ночью от соседей. Иногда некоторых больных людей, а также невесту обводили вокруг центрального очага. Запрещалось прыгать, плевать, лить воду на него. Золу нельзя было топтать и выбрасывать куда попало, ее повсеместно применяли в качестве магического средства против детских и других заболеваний (коклюша, ангины и т.д.). Стремилась, чтобы в очаге постоянно поддерживался огонь. Выражение во время ссоры: “Чтоб ваш огонь погас” – означало пожелание гибели всех членов семьи.

По мнению археологов и этнографов, размещение очага в центре является древней устойчивой традицией кочевого жилища. Видимо, каракалпаки, как и ногайцы, эту традицию сохраняли вплоть до перехода к оседлой жизни. Кроме практического значения, домашний очаг издревле “у всех языческих народов мира был объектом поклонения, духом-покровителем”²⁵.

Истоки конструкции очага, особенно очага с невысокими бортами, и отношение каракалпаков к золе ведут к древнему периоду истории местного населения. Аналогичный очаг встречается в жилищах населения низовьев Амударьи, относящихся к VII–VIII вв. В раскопках в Чимбайском тумане городища Куюк-кала VII–VIII вв. обнаружены различные помещения, в одном из которых в центре нахо-

дится очаг открытого типа в виде прямоугольной глиняной площадки (150 × 90 см), окруженной по периметру низким валикообразным бортиком. В центре его круглое углубление. Весь очаг засыпан чистой золой, а центральная часть обожжена до красноты. У юго-восточного угла глубокая круглая яма, забитая золой, которую, вероятно, сюда периодически сгребали с очага²⁶.

Многие детали устройства юрты и ее убранства носили ритуальный характер. Лицевая сторона дверей юрты орнаментировалась резьбой с узорами, изображающими элементы растительного и животного мира (рога и т.д.). На верхнем бруске ее – притолоке (*манлайша*) встречалось изображение, напоминающее серебряное нагрудное украшение девушек (*хайкел*)²⁷. У народов Восточной Европы и Средней Азии это украшение имеет значение оберега, амулета. Поэтому можно предположить, что оно на двери юрты каракалпаков возникло сначала как амулет, а затем стало декоративным элементом двери.

Кроме деревянных дверей (*ергенек*), обычно вход в юрту завешивается циновкой (*есик*), обшитой снизу (*суу агар*) и с боковых сторон ковровыми лентами (*иши кою*), которые орнаментированы рогообразными изображениями. В центральной части с внешней стороны на циновку привешивается вершиной вниз треугольник, выполненный из множества мелких разноцветных треугольных лоскутков материи. В этой аппликации чаще всего используются два цвета – белый и черный. Иногда он делается из ковровой ткани. На каждом углу его прикрепляются короткие шнуры с кистями. По форме треугольник напоминает амулет (*тумар*) и своими корнями связан с традиционными доисламскими верованиями. Его мотив распространен необычайно широко в самых разнообразных сферах прикладного искусства. Треугольник считается оберегом жилища: амулетик (*даушык*) или маленькая луна (*айшык*). По словам стариков, раньше в *айшык* вкладывался лист бумаги с молитвой²⁸. *Айшык* из серебра встречается среди женских и детских амулетов, украшений. Слово *ай* (луна) как составная часть широко распространено среди традиционных женских имен каракалпаков: Айхан, Айзада, Айымхан. Здесь прослеживаются реликты древних верований, относящихся к связи рождения ребенка с влиянием луны, которые находят широкое отражение в каракалпакском фольклоре (эпосы “Шарьяр”, “Коблан”, “Кырк кыз”).

До недавнего времени *айшык* бытовал и как предмет оберега детей, а нашитый на *есик* юрты, он, несомненно, относится к числу амулетов (см. рис. 8, с. 34 наст. сборника).

Много обрядов и верований было связано с остовом юрты и ее ткаными предметами убранства. Мазали сливочным маслом жерди, вешали на *кереге* перец, лук, соль, адраспан; все это делалось, по сообщению информаторов, для защиты от злых сил, сглаза. В *шанарак* юрты над *тором* (местом против входа) каракалпаки, как и узбеки аралы, закладывали вату, “чтобы юрта стояла до тех пор, пока у ее хозяев волосы станут белыми, как вата, и чтобы хозяева благополучно прожили в ней до старости”²⁹. Для охраны юрты от влияния злых духов или избавления женщины от бездетности вешали на *кереге* юрты чучело степного орла (*каракус*)³⁰. После установки юрты справляли обряд *тутин шыгар* (выход дыма через верхнее отверстие юрты): раздавали сласти, отрезки ткани детям, пожилым людям.

Немало было обрядов и древних представлений, связанных с изготовлением ткацкого убранства юрты. Прежде чем приступить к изготовлению ковровой тесьмы (*ак баскур*, *кур* и т.д.), состоятельные люди резали скот, жарили *бауырсаки*, устраивали коллективную трапезу, после чего молили покровительницу Биби Фатиму

о разрешении девушкам начать работу. Для того чтобы работа шла быстро и правильно, начало нитки отрезали и бросали в огонь. Мастерница по ковровым изделиям считалась святым человеком, она никому не давала своих инструментов. Когда девушки заправляли пряжу для станка (*ормек*), никто не должен был перепрыгивать через него и натянутые нити³¹.

Почти каждое ковровое изделие имело характерный орнамент и определенное место в юрте. Над *тором*, между остовом и куполом юрты, закрепляли 5 безворсовых лент (*кур*), образующих перекрестье. Это называется сетка, решетка (*кошки, шатраш*). 5 *кур* состоят из 5 пар ковровых лент (длина 3–4 м, ширина 14 см), 4 пары – *кызыл кур*; одна пара – *туркмен кур*. Этноним “туркмен” встречается среди этнографической группы каракалпаков *арыс конграт*. *Туркмен кур* делают редко. Считают, что изготовление его опасно и вредно для мастерицы, так как он священный. Кроме того, 5 *кур* считалось местом обитания духа двери. При вступлении на *тор* невеста должна была дать выкуп: умиловить духа, который связан с культом плодородия, с культом предков. На некоторых музейных экземплярах ковровых лент встречаются изображения людей, а иногда и животных.

Итак, мы остановились лишь на отдельных элементах конструкции и убранства юрты, в которых прослеживаются реликты древних обрядов и представлений каракалпаков. Изучение обычаев и верований дает конкретные материалы для выводов этнографического, этноисторического и этнокультурного характера.

¹ Полевые материалы автора, 1967 г., № 30.

² Интересно, что казахи предпочитали березу, используя ее для изготовления верхнего круга, так как считали ее крепким деревом (см. статью М.С. Муканова в данном сборнике).

³ Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Мургабского оазиса // ПИИЭ. 1979. М., 1983. С. 148.

⁴ Матов С.Е. Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. М.; Л., 1952. С. 40.

⁵ Полевые материалы от Д. Исмаиловой, 1985 г., № 2, 4, 11–12.

⁶ Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. С. 144.

⁷ Каруновская Л.Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. МАЭ. Л., 1927. Т. VI. С. 20.

⁸ Баскаков Н.А. Душа в древних верованиях тюрков Алтая // СЭ. 1937. № 5. С. 109–113.

⁹ Алексеев Н.А. Ранние формы религии... С. 52.

¹⁰ Полевые материалы от Д. Исмаиловой, 1985 г., № 2.

¹¹ Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 91, 301.

¹² Троицкая А.Л. Первые сорок дней ребенка (*чилля*) среди оседлого населения Ташкента и Чимкентского уезда // В.В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 352.

¹³ Городище Топрак-кала. (раскопки 1965–1975 гг.) // ТХАЭЭ. М., 1981. Т. 12. С. 106, рис. 51, 6–7. С. 111.

¹⁴ Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // МХАЭ. М., 1963. Вып. 6. С. 27.

¹⁵ Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 466.

¹⁶ Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 43, 44.

¹⁷ Культура и быт таджикского колхозного крестьянства // ТИЭ. М.; Л., 1954. Т. XXIV. С. 191; Чуврь Л.А. Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 129.

¹⁸ Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен... С. 148–149.

¹⁹ Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // ЭО. М., 1896. Кн. 28. С. 32; Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX–начале XX в. М., 1976. С. 56–57.

²⁰ Задыхина К.Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи // ТХАЭЭ. М., 1952. Т. 1. С. 356.

²¹ Оськин А.В. Петроглифы центральных Кызылкумов как исторический источник для изучения архаических культов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 4, 11.

²² Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975. С. 130.

²³ Сказание о Шарьяре. Нукус, 1970. С. 66.

²⁴ Бердах (Бердимурат Каргабаев) Избр. собр. соч. Нукус, 1977. С. 238–239.

²⁵ Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 58.

²⁶ Археология Приаралья. Ташкент, 1984. Вып. II. С. 60.

²⁷ Этнография каракалпаков, XIX – начало XX в.: Материалы и исследования. Ташкент, 1980. С. 98, рис. 27.

²⁸ Морозова А.С. Культура домашнего быта у каракалпаков начала XX в. Ташкент, 1954. Рукопись.

²⁹ Задыхина К.Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. С. 359.

³⁰ Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование... С. 116.

³¹ Полевые материалы от У. Калжанова, 1969 г., № 19, 27.

Словарь местных терминов*

Аблайча (каз. аблайша)	— см. Кос
Агаш уй (каз. эгаш уй)	см. Кииз уй
Аззар (туркмен. диалект. аззар)	— разновидность дуба, идущая на изготовление деревянных частей юрты
Ак ой, ак бавулы ой (туркмен. ак Өй, ак бавулы Өй)	— см. Отау
Ак тагыр (каз. ақ тағыр)	— тип малой юрты
Ак уй (узб.); ак ой (туркм.)	— см. Отау
Алачик (узб. олачик); алочик (тадж. ало-чик); капа (узб.); лочиг (узб. лочиг); коза (тадж. коза)	— один из видов шалаша
Алд узук (узб. олд узук)	— войлок, покрывающий переднюю часть купола юрты
Алдынгы узук (узб. олдинги узук)	— см. Алд узук
Алочик (тадж.)	— см. Алачик
Алын ук (туркмен. алын ук); етимук (узб. диалект. етим ук); манглай ук (туркмен. манлай ук); эшик уук (кирг. эшик уук)	— укороченные жерди купола юрты
Арганак кузанақ (узб. эрганак кўзанақ)	— решетка с крупными ячейками
Арт узук (узб. орт узук; туркмен. арт. үзүк)	— войлок, покрывающий заднюю часть купола юрты
Артмақ (туркмен. артмақ)	— см. Гермеч
Артынгы узук (узб. ортинги узук)	— см. Арт узук
Атагы ишик (туркмен. атагы ишик)	— см. Мангдайша
Ашагы ишик (туркмен. ашагы ишик)	— см. Табалдырык
Ашкана уй (кирг. ашкана үй)	— юрта для приготовления пищи и хранения продуктов
Багдади (узб. бағдоди), багдад гапы (туркмен. бағдат гапы)	— двустворчатая филенчатая дверь на штырях

* Местные термины, имеющие несколько значений, даны только в тех значениях, в которых они встречаются в тексте настоящего издания. Составители Б.Х. Кармышева и С.В. Чешко.

Багыш (узб. богиш)	— лента, опоясывающая решетку юрты в верхней части
Баджги (узб. бажги)	— "парус" в осто́ве полусферического шалаша
Бакан (каз. бақан, каракалп. бақан, кирг. бакан, узб. боқон), сойыл (каз.); дирек, серпик ағач, сырык (туркмен. дирег, серпик ағач, сырык)	шест с развилкой, применяемый при установке юрты для поднятия обода и купольных войлоков
Балачик (каракалп., туркмен. балачык, узб.)	— укороченные боковые палки каждого звена решетки
Баргазак (узб.)	— добавочные жерди осто́ва полусферического шалаша
Бастирма (узб. бостирма)	— 1) брус, поддерживающий потолок шалаша и снизу подпираемый жердями 2) войлок для покрытия верха хозяйственной части полусферического шалаша
Басылдырык (узб.)	— колья юрты для привязывания арканов войлочного покрытия
Баш (каз. бас, каракалп. бас; кирг. баш; туркмен. баш; узб. бош)	— верхняя развилка жердей решетки
Баш бау (узб. бош боу, узб. диалект. бош. боу), узук бау (узб. узук боу, узб. диалект. узук боу)	— ленты для прикрепления войлочного покрытия купола к осто́ву юрты
Баш босога (каз. Бас босаҒа)	— см. Мангдайша
Баштерим, шатерим, сакна (туркмен. баш тәрим, ша тәрим, сакна)	— выступающие у двери концы жердей решетки юрты
Бельдау (узб. белдав)	— аркан, опоясывающий решетку поверх боковых войлоков
Бельдеу уй (каз.) джалган кстау (каз. жалҒан қстау)	— стационарное жилище на весенних и летних пастбищах
Биль йуп (туркмен. бил йуп)	— см. Иккинчи багыш
Богенек	— см. Кульдреуш
Богуртак	— см. Ён кигиз
Боз уй (каз. боз үй)	— см. Кииз уй
Босага; босага таяк (узб. бўсага таёқ), джан босага (узб. жон бўсага), сое (туркмен. сое; тапаныш (каз.))	— 1) боковые стойки дверной рамы юрты (каз.); 2) дверная рама (узб.); 3) см. Мангдайша; 4) см. Табалдырык
Босага чаргыч (узб. диалект. — бўсоҒа чорҒич)	— тесьма для обвязывания дверной рамы и скрепления ее с решеткой
Буй (узб.)	— основные жерди решетки
Буйра (узб. бўйра)	— камышовая плетеная циновка
Гаворчайла (тадж.)	— тип летнего шалашеобразного жилища
Гамыш (туркмен. гамыш)	покрытие стен юрты из камышовых циновок
Ганат (туркмен. ганат)	— см. Канат
Гапы, гапыса (туркмен. гапы, гапыса)	— см. Есик
Гара օй (туркмен. гара Өй)	— см. Кииз уй

Гермеч, артмак (туркмен. гермеч, артмак)	— палка, к которой крепится решетчатая дверь юрты (см. Иткермес)
Гозенек (туркмен. гөзенек), кузанақ (узб. кўзанақ)	— отверстия решетки юрты
Гөвенек гамыш, гот гамыш (туркмен. гөзенек гамыш, гөт гамыш)	— небольшая камышовая циновка, закрывающая юрту сзади
Гонши дурлук (туркм.)	— см. Етим дурлук
Гот гамыш (туркм.)	— см. Гозенек гамыш
Готтикме (туркм.)	— см. Орача
Гэр, гер (монг.)	— см. Кииз уй
Дарваза (тадж. дарвоза)	— см. Есик
Дархан (узб. дархон)	— пропущенный (не скрепленный ремешками) ряд в решетке
Делбир (кирг.)	— см. Узюк
Джалган кстау (каз.)	— см. Бельдеу уй
Джан босага (узб.)	— см. Босага
Джапсар (узб. жопсор)	— место стыка соседних звеньев решетки
Джапсар чаргыч (узб. диалект. жопсор чорҒич)	— тесьма для обвязывания мест стыка звеньев решетки
Джарканат (узб. жор қанот)	— одноярусная решетка
Джертула (кирг.)	— см. Заминкан
Джолум уй (кирг.)	— см. Узюксиз уй
Дирек (туркмен.)	— см. Бакан
Дукен (каз. дуken)	— бревенчатая Шошала
Дузи (туркмен. дузи, дүзйүп)	— узкая узорная лента, скрепляющая уки в местах их сгиба
Дурлук кака (зап.-туркмен. дурлук кака)	— см. Иккинчи багыш
Дурбон (тадж.)	— см. Чайласуфа
Дурлук (туркмен.)	— см. Туурлык
Екары ишик (туркмен.)	— см. Мангдайша
Ерге (кирг.)	— свадебная юрта
Ергенек (каз., каракалп. ергенек); эргенек (туркм. ергенек); эрганақ (узб. эрганақ); ерганақ (узб. диалект. ерганақ); иткермес (каз.)	— дверь в виде одной-двух приставных лесенок, закрывающих нижнюю половину входа в юрту
Ертула (узб.)	— см. Заминкан
Есик (каз. есік, каракалп. есик), ишик, сыдыр; тарп япар; гапы, гапыса (туркмен. ишик, сыдыр, тарп япар, гапы, гапыса); эшик (кирг., узб. эшик), ешик (узб. диалект. ешик) каалга (кирг. каалга; сыкырлауык каз.)	— 1) войлочный полог на чиевой подкладке для закрывания входа в юрту снаружи; 2) деревянная двухстворчатая дверь юрты
Етим дурлук, гонши дурлук (туркмен. етим дурлук, гонши дурлук)	— войлок, закрывающий сзади щель между дурлуками
Етим-ук (узб.)	— см. Алын-ук
Ешик (узб.)	— см. Есик

Ён кигиз (узб. ён кигиз), богуртак	– 1) войлочное покрытие стен полусферического шалаша; 2) см. Туурлык
Жайлоо уйу (каз.)	– см. Узюксиз уй
Жел коз (каз. жел көз)	– см. Кереге
Жербосага (каз. жербосага)	– см. Табалдырек
Жолым уй, жолма уй (каз.)	– см. Кос
Заминкан (тадж.); ертула (узб. ертўла), джертула (кирг. жертүлө)	– стационарное жилище земляночного типа
Иккинчи багыш (узб. иккинчи боғиш)	– лента, опоясывающая решетку юрты посредине
Иткермес (каз.); ергенек (туркмен. эргенек), табалдырек эргилчак, эргилчек (кирг. эргилчек)	– решетчатая дверь юрты
Ишик (туркмен.)	– см. Есик
Йылгын (туркмен. йылгын)	– гребенщик, тамариск (растение)
Каалга (кирг.)	– см. Есик
Кабырга сүйеги (каз.)	– см. Кереге
Кайын (каз. қайың, кирг. кайың)	– береза
Камар (тадж., узб. камар), Чешил (тадж.)	– сезонное жилище в виде скального навеса
Калмак уй (каз. калмак үй)	– см. Торгоут уй
Канат (каз., кирг. канат; каракалп. қанат; узб. қанот), ганат (туркмен. ганат)	– звено, секция решетки юрты
Капа (каз. қапа); кепе (кирг. кепе), ойил (тадж. ойил)	– 1) тип стационарного зимнего жилища (каз.); 2) тип переносного плетневого жилища (кирг.) 3) см. Алачик I
Каппа (тадж. каппа)	– тип стационарного сезонного жилища с айваном
Каравот (тадж. каравот)	– см. Чайласуфа
Кара уй (каз. қара үй)	– см. Кииз уй
Кат (тадж. кат)	– см. Чайласуфа
Кепе (кирг.)	– см. Капа 2
Керага (узб.)	– см. Кереге
Кереге (каз. кереге, кирг., каракалп. кереге), керага (узб. керага), кабырга сүйеги (каз. қабырга сүйегі) тэрим (туркмен. тэрим), терме, терим (калм., ногайск.)	– 1) решетчатая стенка юрты; 2) см. Кииз уй
Кииз есик (каз. киіз есік)	– войлочный полог, закрывающий дверь юрты
Кииз уй (каз. киіз үй, аҒаш үй, аҒашүй), кара уй (каз. қара үй, узб. қора үй),	– юрта

кереге, узюк уй (каз. үзік үй), боз уй (кирг. боз үй); ой, гара ой (туркмен. Өй, гара Өй), терим., терме (башк.); гэр, гер (монг.); (тадж. хергах)	
Килим, ишик килим (туркмен.)	— см. Энси
Кичкина багыш (узб.)	— см. Иккинчи багыш
Киштоб (тадж.)	— см. Штоб
Коза (тадж.)	— см. 1) Кулба; 2) Чайла
Кок (каз. кӨк; узб. кўк; туркмен. кок, кирг. кек; каракалп. кӨк)	— сыромятные ремешки для скрепления планок решетки юрты
Колъяла (тадж.)	— см. Хавли
Кос (каз. кос, аблайша, жолым үй, жолма үй; кош (кирг. кош))	— тип малой юрты
Кош (кирг.)	— см. Кос
Котерме туырлык (каз.)	— см. Туурлык
Которе туурдук (кирг.)	— см. Туурлык
Котук готтикме (туркмен.)	— см. Орача
Кочок (кирг.)	— навесная камышовая дверь юрты
Кстау (каз. қстау)	— стационарное зимнее жилище
Кузанақ (узб.)	— см. Гозенек
Кулба (тадж.), коза (тадж.)	— тип хижины пастухов
Кульдреуш (каз. кулдіреуіш); богенек (каракалп); чагарак, чагарык, чармык (туркмен.); чамбарок, чамгарак (кирг., узб.); чаммак (узб.)	— перекладины верхнего обода купола юрты
Курке (каз. күрке)	— тип шалашеобразного жилища
Кушканат (узб. қўш қанот)	— двухрядное кереге
Кыяк (каз. қыяқ)	— крыша капы I из камышовых циновок
Лочиг (узб.)	— см. Алачиг
Манглай чуп (узб.)	—
Мангдайша (каз. маңдайша); баш босога (кирг.); баш босого (каз. бас босаҒа); екары ишик (туркмен. ёкары ишик), устунги босага (узб. устунги бўсоҒа)	— см. Босага
Манглай-ук (туркмен. маңлай үк)	— притолока двери юрты
Майман уйу (кирг. мейман үйү)	— см. Алын-ук
Мирс (туркмен.)	— юрта для гостей, устанавливаемая по случаю праздника или обрядовой церемонии
Мушт кузанақ (узб. мушт кўзанақ)	— см. Аззар
Ой, гара ой (туркмен.)	— кереге с мелкими ячеями
Ойил (тадж.)	—
Ой уста (туркмен.)	— см. Кииз уй
Олочиг (узб.)	— см. Капа
Олочиг боги (узб. олачик, боҒи)	— см. Уйши
	— см. Алачик
	— шнуры для перевязывания жердей шалаша в местах скрещения

Орача, готтикме (туркмен. орача, гот тикме)	— тип переносного жилища
Отау (каз. отау, каракалп. отаў), ак ой, ак бавулы ой (туркмен. ак Өй, ак бавулы Өй), уй, утав, утау (узб. уй, отав, ўтав)	— юрта для молодоженов
Пас босага (узб.)	— см. Табалдырык
Равот (тадж.)	— 1) см. Хавли; 2) см. Хонаи хайит
Сакна (туркмен. диалект)	— см. Баштерим
Серпер боо (кирг.); серпик баг (туркмен. серпик баг), тундук жабуунун боосу (кирг. тундук жабуунун боосу)	— веревка для открывания и закрывания тундука
Серпик (туркмен.)	— см. Тундик
Серпик ағач (туркмен.)	— см. Соил
Серпик баг (туркмен.)	— см. Серпек боо
Совот (тадж., совет)	— тип стационарного сезонного жилища с айваном
Совут (туркмен.)	— см. Тал
Сортароба (тадж. сортароба)	— плетеный кузов арбы
Сое (туркмен.)	— см. Босага
Сойыл (каз.)	— см. Бакан
Соябон (тадж. соябон)	— зонтикообразный навес, используемый во время жатвы
Соябот (тадж. соябот)	— кузов арбы без задней стенки
Сури (тадж. сури)	— см. Чайласуфа
Сурфа (тадж.)	— см. Суфа
Суфа (тадж.); сурфа (тадж.)	— глинобитное или кирпичное возвышение во дворе или саду
Сыдырга (узб. сидирҒо)	— см. Есик
Сыкырлау/ы/к (каз. сықырлауық); ергенек (туркмен.)	— 1) см. Есик; 2) створки двери юрты
Сырык (каз. сырық)	— см. Бакан
Табалдырек (кирг.)	— см. Иткермес
Табалдырык (каз. табалдырық); босага, ашағы ишик (туркмен. босага, ашағы ишик); джер босага (кирг. жер босого); (каз. жер босаҒа); пас босага (узб. пас бўсоҒа)	— порог двери юрты
Тагапчи (узб. диалект.)	— ленты, свешивающиеся с нижнего края войлочного покрова купола юрты
Там (узб. том)	— глинобитный дом с плоской кровлей
Тапаныш (каз.)	— см. Босага
Тева кигиз (узб. тева кигиз)	— войлочное покрытие верха полусферического шалаша
Тегчайла (тадж.)	— тип летнего шалашеобразного жилища
Терим (туркмен. тэрим)	— см. 1) Кереге; 2) Кииз уй

Терме (калм., ногайск.)	— см. Кереге
Тон (монг.)	— см. Тонг
Тонг (каз.); тон (монг.); хара (калм.); хара- рачи (монг.)	— верхний обод купола юрты
Топчу (узб. диалект.)	— узел ремешка кок
Тор коз (каз. тор коз, кирг.)	— тип Кереге
Торгоут уй (каз. торгоут үй); калмак уй (каз. калмак үй)	— юрта монгольского типа
Тувалик (узб. тувалик)	— см. Туурлык
Туйма (узб.)	— см. Топчу
Туйнук (туркмен.)	— см. 1) Тундик; 2) Шанырак
Туйнук бау (узб. туйнук боF)	— четыре аркана войлочного покрытия обода
Тундик, тундук (каз. тундік); туйнук (узб. туйнук); туйнук, серпик (туркм. түй- нүк), серпик); тундук джабуу (кирг. тундук жабуу)	— войлочное покрытие верхнего обода купола юрты
Тундук (кирг.)	— 1) см. Тундик; 2) см. Шанырак
Тундук джабуунун боосу (кирг.)	— см. Серпер боо
Тундук джабуу (кирг.)	— см. Тундик
Тутум (узб.)	— см. Туурлык
Туурдук (узб.)	— см. Туурлык
Туурлык (каз. туырлык, узб.) дурлук (туркмен, дурлук); ён кигиз, тувалик, тутум (узб. ён кигиз, тувалик, тутум); тутуу, туурдук, которе-туурдук (кирг. тутуу, туурдук, кѳтѳре-туурдук), ту- ырлык (каз.); которме туырлык (каз. кѳтерме туырлык)	— 1) войлочное покрытие стен юрты; 2) особый вид войлочного покрытия стен юрты, не доходящего до земли
Туырлык уй (указ. туырлык, үй)	— см. Узиксиз уй
Тэрим (туркмен.)	— см. Кереге
Узиксиз уй, узиксиз ый (каз.)	— см. Узюксиз уй
Узук (узб.)	— см. Узюк
Узук бау (узб.)	— см. Баш бау
Узюк (каз. узік); делбир (кирг. делбир); узук (туркм., кирг. үзүк; узб. узук)	— войлочное покрытие купола юрты
Узюксиз уй (каз. узіксіз үй, жолум үй, туырлык, үй); джайлоо-уйу (кирг. жай- лоо үйү)	— юрта без войлочного покрытия узюк
Уй (узб. уй)	— 1) жилище вообще; 2) юрта
Уй казык (узб. уй қозик)	— высокий кол снаружи юрты для укреп- ления косяков и мест стыка звеньев кереге
Уй канкасы (каз. үй қаңқасы); уйдин суяги (каз. үйдін, сүйегі; узб. уйнинг суяги)	— деревянный каркас юрты
Уйдин суяги (каз., узб.)	— см. Уй канкасы
Уйчи (узб.)	— см. Уйши
Уйчу (кирг.)	— см. Уйши

Уйши (каз. үйши); ой уста (туркмен. Өй уста); уйчи (узб. уйчи); уйчу (кирг. үйчу)	– мастер по изготовлению деревянных частей юрты
Ук (туркмен.)	– см. Уык
Унг джапсар (узб. унг жопсор)	– правая часть интерьера юрты
Ур, ура (тадж. ўр, ўра)	– тип сезонного жилища
Устум (узб.)	– см. Устун
Устун, устум (узб. устум)	– жердь-подпорка для поддержания купола полусферического шалаша
Устунги босага (узб.)	– см. Мангдайша
Утав, утов (узб.)	– см. Отау
Уук (кирг., узб.)	– см. Уык
Уук бау (узб. ук, боҒ, узб. диалект. ууқ боу)	– шнур, которым уук привязывается к кереге
Уык (каз. уык); ук (туркмен. ук; узб. ук); уук (кирг. уук)	– жерди купола юрты
Хавли (тадж.)	– постоянное летнее жилище-усадьба
Хара (калм.)	– см. Тонг
Харачи (монг.)	– см. Тонг
Хергах (тадж.-перс.)	– см. Кииз уй
Хиргох (тадж.-перс.)	– см. Кииз уй
Хонаи хайит (тадж.)	– тип летнего стационарного жилища
Хурманди (туркмен.)	– фишашковое дерево
Чагарак, чагарык (туркмен.)	– см. Кульдреуш
Чайла (тадж.); алочик, коза (тадж.)	– летнее шалашеобразное жилище
Чайласуфа (тадж.); дурбон (тадж.); кат, каравот, сури (тадж.)	– возвышение из бревен и досок для отдыха в саду
Чамбарак (узб., кирг.)	– см. Кульдреуш
Чамгарак (узб., кирг.)	– см. Кульдреуш
Чаммак (узб.)	– см. Кульдреуш
Чангарак (туркмен.)	– см. Шанырак
Чангарактын кулагы (узб. чанҒароқтинг кулоҒи)	– деревянные клинья, скрепляющие концы двух дуг, образующих обруч чангарака
Чангарактын тахтасы (узб. чанҒароқтинг тахтаси)	– деревянный обруч чангарака
Чап джапсар (узб. чоп жопсор)	– левая часть интерьера юрты
Чармык (туркмен.)	– см. Кульдреуш
Чатма (турк.)	– тип шалашеобразного жилища
Чешил (тадж.)	– см. Камар
Чий (туркмен. чий, узб. чай)	– см. Ший
Чодар (тадж.)	– тип временного шалашеобразного жилища
Чойлоб (тадж.); чолийоб (тадж. чолийоб)	– двухэтажное шалашеобразное жилище
Чойлоб (тадж.)	– см. Чойлоб
Чубтора (узб.)	– глинобитный дом с двухскатной кровлей
Чыпта	– см. Есик

Шангарак, шангырак (каракалп.)	– см. Шанырак
Шанрак (каз.)	– см. Шанырак
Шанырак (каз. шаңырак; каракалп. шан- гарак, шангырак); (шан.рак, каз.); туй- нук (туркмен. туйнук), тундук (кирг. түндүк); чангарак (узб. чанҒарок); туркмен. диалект. чангарак	– верхний обод купола юрты
Шарбак уй (каз. шарбақ, үй)	– плетневая шошала
Шатерим (туркмен.)	– см. Баштерим
Ший (каз. ши); чий (туркмен., узб.)	– чиевая циновка
Шошала (каз. шошала)	1) наземное стационарное жилище; 2) сезонное жилище на зимовьях типа полуземлянки
Штоб (тадж.), киштоб (тадж.)	– тип глинобитного сезонного жилища
Ыспа (каз.)	– горный камыш
Эльбау (узб. диалект. элбоу, элбоҒ)	– аркан (тесъма), протянутый от центра чангарака к колу в центре юрты для укрепления ее в ветреную погоду
Энси (туркмен. энси)	– ковровый полог двери юрты
Эрганак (узб.)	– см. Иткермес
Эрганак бау (узб. диалект. эрганак боу, эрганак боҒ)	– веревочные петли решетчатой двери юрты
Эргилчак, эргилчек (кирг.)	– см. Иткермес
Эшик-уук (кирг.)	– см. Алын-ук

Список литературы по переносному жилищу

- Абрамзон С.М. Киргизы и их этнографические и историко-культурные связи. Л., 1971.
- Абрамзон С.М. Этнографический альбом художника П.М. Кошарова (1857 г.) // Сб. МАЭ. Л., 1953. Т. XIV.
- Агаджанов С.Г. Огузские племена Средней Азии IX–XIII вв.: Ист.-этногр. очерк // Страны и народы Востока: Центральная и Средняя Азия. М., 1971. Вып. X.
- Айтбаев М.Т. Историко-культурные связи киргизского и русского народов. Фрунзе, 1957.
- Алымбаева Б. Поселения и жилища кетмень-тюбинских киргизов // Культура и быт кетмень-тюбинских киргизов: По материалам этногр. экспедиции 1973 г. Фрунзе, 1979.
- Ананьев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни // СМОМПК. Тифлис, 1894. Вып. XX.
- Антипина К.И. Особенности материальной культуры южных киргизов. Фрунзе, 1963.
- Аргынбаев Х. Казак халкынын колонери. Алматы, 1987.
- Аргынбаев Х., Захарова И.В. 1958 жылы Онтустік Казахстан обласында ұйымдастырылған этнографиялық экспедиция жумысыны қорытындысы // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1961. Т. 12.
- Барц Э.Р. Орошение в долине р. Мургаб и Мургабское государево имение. СПб., 1910.
- Баскаков Н.А. Жилища приилийских казахов // СЭ. 1971. № 4.
- Бентковский И. Жилище и пища калмыков Большедербентского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губ. Ставрополь, 1968. Вып. 1.
- Бонч-Осмоловский Г.А. Свадебные жилища турецких народностей // Материалы по этнографии России. Л., 1926. Т. III, вып. 1.
- Борозна Н.Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966.
- Букейхан А.Н. Казаки Адаевского уезда // Казаки: Антропол. очерки С.Ф. Баронова, А.Н. Букейхана, С.И. Руденко / МОКИСАР. Сер. казакстан. Л., 1927. Вып. 3.
- Бурковский А.Ф. Из истории техники обработки дерева у киргизов // Учен. зап. ист. фак-та Кирг. гос. ун-та. Фрунзе, 1954.
- Вайништейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4.
- Вайништейн С.И. Происхождение и историческая этнография тувинского народа: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1969.
- Вайништейн С.И. Этнографические исследования в горном Алтае и Туве // ПИИЭ, 1978. М., 1980.
- Ванчиков Б. Войлочная юрта огинских бурят // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1927. Вып. III–IV.
- Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Мургабского оазиса // ПИИЭ, 1979. М., 1983.
- Васильева Г.П. Материалы по жилищу туркмен Ташаузской и Чарджоуской областей // ПИИЭ, 1980–1981. М., 1984.
- Васильева Г.П. Преобразование быта и этнические процессы в северном Туркменистане. М., 1969.

- Васильева Г.П., Махова Е.И. Программа сбора материала по жилищи сельского населения Средней Азии и Казахстана для историко-этнографического атласа // ТИЭ. М.; Л., 1961. Т. 48.
- Винников Я.Р. К вопросу о развитии сельских поселений и типов жилища в приамударьинских районах // Исслед. по этнографии туркмен. Ашхабад, 1965.
- Винников Я.Р. Социалистическое переустройство быта дайхан Марийской области // Среднеазиатский этнографический сборник I. ТИЭ. М., 1954. (Н.С.; Т. XXI).
- Востров В.В. Итоги этнографической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР за 1955 г. // Изв. АН КазССР. Сер. истории, экономики, философии и права. Алма-Ата, 1957. Вып. 2(15).
- Востров В.В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т. 3.
- Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. М., 1976.
- Гаджиева С.Ш., Гольштейн А.Ф. Из истории жилища дагестанских ногайцев XIX–XX вв. // Учен. зап. Кавказ. ДФ. Махачкала, 1970. Вып. XX.
- Гифферберг Э.Г. Хазарейская юрта “ханаи хырга”: К вопросу об истории кочевого жилища // Сб. МАЭ М.; Л., 1953. Т. XIV.
- Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1930. Т. III.
- Даажав Б. Юрта – основа монгольского зодчества // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.
- Джикиев А. Поселение и жилище туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря в XIX–XX в. // СЭ. 1957. № 1.
- Джикиев А. Этнографический очерк населения юго-восточного Туркменистана (конец IXI – начало XX вв.) // Ашхабад, 1972.
- Душан У. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // ЭС. Элиста. 1976. Вып. 1.
- Еремеев Д.Е. Изменение типов жилищ и поселений юрюков при оседании // КСИЭ. 1963. Вып. XXVIII.
- Жданко Т.А. Каракалпаки Хорезмского оазиса // ТХАЭЭ. М., 1952. Т. 1.
- Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи // ТХАЭЭ. М., 1952. Т. 1.
- Захарова И.В. Материальная культура казахов-колхозников юго-восточного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т. 3.
- Захарова И.В. Об итогах этнографических экспедиций 1955 и 1956 гг. // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1959. Т. 6.
- Ибрагимов О.И. Жилища кочевого и полуседлого населения степных районов южного Узбекистана в конце XIX – начале XX в. // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд, 1981.
- Иванов П. Туркменская кибитка: По материалам отряда Туркменкульта в этнолого-лингвист. экспедиции АН СССР // Туркменоведение. 1930. № 8/9.
- Иванов П. Основные типы жилища туркмен в переходный период: По материалам отряда Туркменкульта в этнолого-лингвистической экспедиции АН СССР // Туркменоведение, 1930. № 11.
- Каралькин П.И. Жилище в Западной Туве // Тр. Тувин. комплекс. археол.-этногр. экспедиции 1957–1958 гг. М.; Л., 1960.
- Кармышева Б.Х. Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана // Изв. Отд-ния обществ. наук. Сталинабад, 1956. № 10/11.
- Кармышева Б.Х. Традиционные формы бытового уклада в конце XIX – начале XX в. // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969.
- Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана // ТИИАЭ АН ТаджССР. Сталинабад, 1954. Вып. XXVIII.
- Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910.
- Кобычев В.П. Жилище народов восточного Закавказья в XIX веке // СЭ. 1957. № 3.
- Кочекаев Б.Б. Ногайская юрта и ее убранство // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Ставрополь. 1975. Вып. 1.

- Кулиева М.В. Кибитка на яйлагах полукочевых тюрок Казахского уезда // ИООИА. Баку. 1928. № 5; Культура и быт казахского аула. Алма-Ата, 1967.
- Майдар Д. Архитектура и градостроительство в Монголии. М., 1971.
- Майдар Д., Дарьсурэн Л. Гэр (орон сууцны туухэн тойм). Улаан-баатар, 1976. Вып. IV. Ил. 19 (на монг. яз.)
- Маковецкий П. Юрта – летнее жилище киргизов // ЗЗСО. Омск, 1893. Вып. XV.
- Маргулан А.Х. Казахская юрта и ее убранство. М., 1964.
- Материальная культура // Народы Восточной Азии. Сер. “Народы мира”. Этногр. очерки; “Народы МНР”. М.; Л., 1965.
- Махова Е.И. Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза // ТКАЭЭ. Фрунзе, 1959. Т. III.
- Нечаева Л.Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1957.
- Ниязклычев К. Туркмены-човдур // АИЭиА. 1968. С. 125–129. Рукопись.
- Овезбердыев С. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса // ТИИАЭ АН ТССР. Ашхабад, 1962. Т. VI.
- Огородников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб., 1878.
- Оразов А. Поселения и жилище прибалханских туркмен в конце XIX – начале XX в. // ТИИАЭ АН ТССР. Сер. этногр. М., 1963. Т. VII.
- Писарчик А.К., Кармышева Б.Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области // Изв. АН ТаджССР. 1953. Вып. III.
- Погорельский П.Б. Быстрореченская волость (Фрунзенского района Киргизской АССР) // Современный кишлак (аул) Средней Азии: Социал.-экон. очерк. Ташкент, 1927.
- Рона-Таш А. По следам кочевников: Монголия глазами этнографа. М.; 1964.
- Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Киргизский край. СПб., 1903. Т. XVIII.
- Руденко С.И. Башкиры: Ист.-этногр. очерки. М.; Л., 1955.
- Руденко С.И. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза // Казаки: МОКИСАР. Сер. казахстан. Л., 1927. Вып. 3. С. 13–17.
- Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казаков // Казаки: Сб. АОКЭ. МКЭИ. Сер. казахстан. Л., 1930. Вып. 15. С. 30–33.
- Самойлович А.Н. Казаки Кошагачского аймака Ойратской автономной области // Казаки: Сб. АОКЭ. МКЭИ. Сер. казахстан. Л., 1930. Вып. 15.
- Симуков А. Пища и жилище монголов // Соврем. Монголия. Улан-Батор, 1933. № 2.
- Трофимук Н.А. Санитарный очерк обследования водоснабжения, питания, жилища и одежды жителей Казахстана: Отчет обследования Семипалатинской губернии // Казаки: Сб. АОКЭ. МКЭИ. Сер. казахстан. Л., 1930. Вып. 15.
- Тугуров И.Е. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958.
- Туркмены иомутского племени // ВСБ. СПб., 1872. Т. 83, отд. 1.
- Усубалиева Б. Белая юрта – символ мечты // Декор. искусство СССР. 1983. № 8.
- Фиельструп Ф.А. Свадебные жилища турецких народностей // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. II, вып. 1.
- Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // ЭО. М., 1896. № 1–2.
- Шалекенов У.Х. Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района // ТХАЭЭ. М., 1958. Т. III.
- Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи: К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII–XIX вв. Ташкент, 1966.
- Шалекенов У.Х. О материалах Кунградского этнографического отряда 1960 г. // ВКФ. 1962. № 2(8).
- Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа: Ист.-этногр. исслед. на материалах кипчак. компонента. Ташкент, 1974.
- Шаниязов К. Узбеки-карлуки: Ист.-этногр. очерк. Ташкент, 1964.

- Шаниязов К.Ш., Исмаилов Х.И. Этнографические очерки материальной культуры узбеков конца XIX – начала XX в. Ташкент, 1981.
- Шибеева Ю.А. Материалы по жилищу мургабских киргизов / Сообщ. Тадж. РИКМ, Сталинабад, 1955. Вып. II.
- Эрдниева У.Э. Калмыки (конец XIX – начало XX в.): Ист.-этногр. очерки. Элиста, 1970.
- Этнография каракалпаков XIX – начала XX в.: Материалы и исслед. Ташкент, 1980.
- Andrews P.A. The white House of Khurasan: the felt Tente of the Iranian Yomut and Goklen // Journal of Persian Studies. Iran, 1973. XI.
- Centlivres-Demont Micheline: Deux exemples d'habitation mobile. La yourte d'Asie centrale. Le tipi d'Amerique du Nord. Commission d'Information du Département d'architecture de L'Ecole polytechnique federale de Lausanne, 1977.
- Von Gabain (Anger) Annemarie. Truhe Zeigen der Scherengitter yurte. Studia Turcica. Budapest, 1971.
- Ferdinand K. Review Articles: Ethnographical Notes of Chahar aimag, Hazara and Moghol. Acta Orientalia. XXVIII. 1964. 1/2.
- Ferdinand K. Some Considerations on the Yurt with reference to Afganistan and Mongolia // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974.

Список сокращений

АИЭиА	– Научный архив Института этнологии и антропологии
Сб.АОКЭ. МКЭИ	– Сборник статей антропологического отряда Казакстанской экспедиции АН СССР. Материалы комиссии экспедиционных исследований
ВАДИЭ	– Вопросы археологии, древней истории и этнографии
ВВ	– Волжский вестник
ВКФ	– Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР
ВСб	– Военный сборник
ГАОО	– Государственный архив Омской области
ГМИРК	– Государственный музей искусств Республики Казахстан
ГМО	– Государственный музей Омской области
РЭМ	– Российский этнографический музей
ГО	– Географическое общество России
ДАН ТаджСССР	– Доклады АН Таджикской ССР
ДТС	– Древнетюркский словарь
ЖМГИ	– Журнал Министерства государственных имуществ
ЗВОРАО	– Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗЗСО	– Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества
ЗИРГО	– Записки императорского Русского географического общества
ЗООРГО	– Записки Оренбургского отдела Русского географического общества
ИВГО	– Известия Всероссийского географического общества
Изв. АН КазССР	– Известия АН Казахской ССР
Изв. АН ТаджССР	– Известия АН Таджикской ССР
Изв. ООН АН ТаджССР	– Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР
ИИЯЛ ДФ	– Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
ИОАиЭ	– Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИООИА	– Известия Общества обследования и изучения Азербайджана
ИТО РГО	– Известия Туркестанского отдела Русского географического общества
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР

КСИЭ АН СССР	- Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАЭ	- Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МКАЭН	- Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МКЗ	- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей
МОКИСАР	- Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик при Академии наук СССР
МОХЗКСО	- Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргизов Семипалатинской области
МХАЭ	- Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
НКВФ	- Научный кружок при Восточном факультете Среднеазиатского государственного университета
ПИИЭ	- Полевые исследования Института этнографии АН СССР
РВ	- Русский вестник
РГО	- Русское географическое общество
РПГОНО	- Россия. Полное географическое описание нашего Отечества
РТ	- Русский Туркестан
СВ	- Сибирский вестник
СМКЗ	- Свод материалов по киргизскому землепользованию, собранных и разработанных экспедицией по исследованию степных областей
СМОМПК	- Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
С6РТ	- Сборник "Русский Туркестан", издаваемый по поводу Политехнической выставки
СЭ	- Советская этнография
Сообщ. Тадж РИКМ	- Сообщения Таджикского республиканского историко-краеведческого музея
Тр. АН ТаджССР	- Труды АН Таджикской ССР
ТВ	- Туркестанские ведомости
ТЗС	- Труды по знаковым системам
ТИИАЭ АН КазССР	- Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ТИИАЭ АН ТаджССР	- Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР
ТИИАЭ АН ТССР	- Труды института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР
ТИЭ	- Труды Института этнографии АН СССР
ТКАЭЭ	- Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
ТРИКМ	- Таджикский республиканский историко-краеведческий музей
ТС	- Тюркологический сборник
ТТГО	- Труды Туркменского географического общества
ТХАЭЭ	- Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТЮТАКЭ	- Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

УЗИФ КГУ	– Ученые записки исторического факультета Киргизского государственного университета
ЦГА РК	– Центральный государственный архив Республик Казахстан
ЦГМК	– Центральный государственный музей Казахстана
ЭО	– Этнографическое обозрение
ЭС	– Этнографический сборник

Содержание

Предисловие	3
М.В. КРЮКОВ, В.П. КУРЫЛЕВ	
К ранней истории юрты (по китайским источникам III в. до н.э. – XIII в. н.э.)	10
Г.П. ВАСИЛЬЕВА	
Юрта – переносное жилище народов Средней Азии и Казахстана (опыт сравнительной характеристики конструктивных особенностей)	20
Б.Х. КАРМЫШЕВА	
Основные виды переносного жилища узбеков.....	50
М.С. МУКАНОВ	
Виды переносного жилища казахов	79
Б. АЛЫМБАЕВА	
Юрта киргизов в прошлом и настоящем	92
Г.П. ВАСИЛЬЕВА	
Типы переносного жилища туркмен	107
О.Б. НАУМОВА	
Развитие жилища у казахов северо-восточного Казахстана в процессе их перехода к оседлости (конец XIX – начало XX века)	123
У. ДЖАХОНОВ	
Сезонные жилища таджиков долины Сох в конце XIX – начале XX века	146
А. ОРАЗОВ, Д. ЧАРЫЕВ	
Некоторые верования и обряды туркмен, связанные с юртой (XIX – начало XX века).....	154
А. ТОЛЕУБАЕВ	
Юрта в представлениях, верованиях и обрядах казахов	165
Х. ЕСБЕРГЕНОВ	
Обряды и верования каракалпаков, относящиеся к юрте	179

Словарь местных терминов	189
Список литературы по переносному жилищу	198
Список сокращений	202